

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЪНИЕ.

Издание Этнографического Отдѣла
Императорского Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1898, № 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. ЯнчукА.

МОСКВА.

Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Комиссионеръ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. 22.

1898.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

I. „Медвѣжья присяга“ и тотемическая основы культа медвѣда у остяковъ и ногуловъ. Гл. I. П. Харузина.	1
II. Очерки быта южно-русскихъ болгаръ. I. Родственные и свадебные обычай. Н. Державина.	37
III. Технические приемы творчества въ великорусской народной лирической поэзіи въ связи съ поэтическими мотивами. Вл. Карпова	68
IV. О погребальныхъ обрядахъ:	
I. Остатки изычества въ погребальныхъ обрядахъ Малороссіи. Хр. Яшуржинская.	93
II. Малоруссіе обряды, повѣрья и заплашки при похоронахъ. А. Н. Малинки.	96
III. Новогреческія похоронныя причтания и представлія о загробной жизни. Ею-ж.	107
V. О народныхъ средствахъ врачеванія въ связи съ повѣрьями. Гр. Верещагина.	113
VI. Смѣсь:	
„Женитьба комика“ и „женитьба свѣчки“. (Изъ записокъ собирателя). П. В. Шейна.	152
Къ исторіи народнаго театра. IV. „Царь Максимилианъ“. (Вариантъ 2-й). А. Е. Грузинская.	161
Духовные стихи, записанные въ Минской губ. А. Е. Грузинская, въ Тульской губ.—Д. И. Успенская, въ Московской губ.—С. И. Лапшинская, въ Вологодской—П. А. Диакторская.	168

VII. Критика и библіографія.	Стр.
1 Книги и ученые издания.	187—199
A. Vierkandt. Die Entstehungsgründe neuer Sitten. H. X. (187).—Великорусъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Материалы, собранные и приведенные въ порядке П. В. Шейномъ. Т. I, вып. 1.	
A. Соболевская и Вл. Б. (189). Простонародные загадки. Собраны въ Витебской губ. Н. Я. Никифоровской. Евр. Ляцкайо (196).—L'Année sociologique, publiée sous la direction d'E mile Durekheim. I. 1896—1897. H. X. (197).	
2. Обзоръ газетъ и журналовъ 1897—1898 гг. . .	200—202
3. Новости этнографической литературы	203—205
VIII. Вопросы и отвѣты. (Собирание пословицъ, загадокъ, заговоровъ, снотолкованій и пр.).	206
IX. Извѣстія и замѣтки. (Научные командировки отъ Этнографического Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Ф.—Этнографическое бюро кн. В. Н. Тенишева).	207
Объ изданіи „Эминского Этнографического Сборника“.	208

„МЕДВѢЖЬЯ ПРИСЯГА“

и

тотемические основы культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

1.

Фактъ существованія у остяковъ и вогуловъ такъ называемой „медвѣжьей присяги“ пользуется широкою извѣстностью: къ ней часто прибегаетъ обвиняемый для доказательства своей невинности. Очистительная клятва медвѣдемъ считается одной изъ наиболѣе сильныхъ, и лицо, согласившееся воспользоваться этимъ видомъ судебнаго доказательства, освобождается отъ подозрѣнія въ совершенніи проступка или преступленія. Неудивительно, что значеніе, которое придаютъ остыки и вогулы „медвѣжьей присягѣ“, равно и оригинальность ея обратили на себя вниманіе какъ ученыхъ изслѣдователей, такъ и администраторовъ: первые многоократно отмѣчали фактъ ея существованія, въ качествѣ интересной подробности, иллюстрирующей вѣрованія описываемыхъ ими народностей, вторые воспользовались мѣстнымъ обычаемъ и дали „медвѣжьей присягѣ“ право гражданства при судебныхъ разбирательствахъ, когда отвѣтчиками являлись некрещеные инородцы, или когда послѣднихъ приводили къ присягѣ въ подданствѣ. Способы принесенія присяги были различны.

Приводимъ свидѣтельства нѣкоторыхъ изслѣдователей, описывающихъ приемы принесенія „медвѣжьей присяги“.

О присягѣ остыковъ на медвѣжьей шкурѣ упоминаетъ еще Григорій Новицкій. Онъ же сообщаетъ способъ принесенія присяги въ подданствѣ: на кожу медвѣдя они кладутъ топоръ, присягающимъ подаютъ ножъ, снятый съ кожи медвѣдя; на концѣ ножа кусокъ хлѣба. Толмачъ говорить при этомъ слѣдующую формулу: „Аще лестію сю клятву утворяете и неправедно служить и радѣть въ отда-

нін ясаку будете, звѣрь сей отмщеніе вамъ да будетъ, и отъ него смертю да постраждете. Хлѣбъ сей и ножъ да погубить тя, аще не правою (и?) вѣрностю, ею-же обѣщаешися, творыти хощеши" ¹⁾.

Палласъ почти буквально повторяетъ свѣдѣнія Новицкаго: „Когда присягать новому государю, то собираютъ ихъ (остяковъ) вмѣстѣ въ кучу, кладутъ топоръ, которымъ прежде рубили медвѣдя или медвѣжину, даютъ каждому изъ присутствующихъ съ ножа кусокъ хлѣба и заставляютъ присягающаго произнести слѣдующую формулу: „если я моему государю до конца моей жизни вѣренъ не буду, своевольно отпаду, должнаго ясака не заплачу и изъ моей земли отъиду, или другія невѣрности окажутъ чтоъ меня медвѣдь изорвалъ, кускомъ симъ, который ємъ, чтобы мнѣ подавиться, топоромъ симъ да отрубятъ мнѣ голову, а ножомъ симъ, чтобы мнѣ заколоться" ²⁾).

Этотъ видъ присяги является наиболѣе сложнымъ, такъ какъ къ клятвѣ медвѣдемъ присоединена еще клятва хлѣбомъ, ножомъ и топоромъ: очевидно, что важность событія, служащая причиной приведенія остатковъ къ описанной присягѣ, побуждала администраторовъ не ограничиваться одной клятвой медвѣдемъ, но усиливать ее соединеніемъ нѣсколькихъ видовъ клятвъ въ одну. Иногда, съ этими же цѣлями и при этомъ же поводѣ, остатковъ заставляли произносить клятву на медвѣжьей шкурѣ и съѣдать медвѣжье мясо. „Если ихъ поставятъ на колѣни на медвѣжьей кожѣ, пишетъ Палласъ, то, по совершенніи присяги, каждый изъ нихъ долженъ откусить медвѣжины, при чмъ многіе для оказанія ревности, зубами вытеребливаютъ шерсть" ³⁾.

Другой способъ принесенія клятвы на медвѣдѣ описанъ Кастреномъ. Остякъ, подозрѣвающій кого-нибудь въ совершенніи преступленія, можетъ требовать отъ него очистительной присяги надъ медвѣжьей головою. Обвиняемый разрѣзываетъ ножомъ медвѣжій носъ и произносить: „если моя клятва ложна, да сожретъ меня медвѣдь" ⁴⁾). Вѣра въ дѣйствительность клятвы настолько силь-

¹⁾ Краткое описание о народѣ остатковъ, соч. Гр. Новицкимъ, 1715 г., стр. 53, 54.

²⁾ Палласъ: Путешествіе, III, полов. 1 ая, стр. 74.

³⁾ Этнографическая замѣчанія и наблюденія,—въ Этнограф. Сборникѣ, 1858. IV, стр. 311—312.

на, что, по словамъ Кастреца, обвиняемый, если онъ дѣйствительно виновенъ, предпочтеть сознаться въ преступлѣніи, во не рѣшится на ложную клятву. Поэтому лицо, очистившее себя присягой, „навсегда уже считается совершенно чистымъ и безупречнымъ. Потонетъ ли же кто, или сгорить, или кого сѣсть медвѣдь, про того говорить, что онъ при жизни своей далъ ложную присягу“.

П. Третьяковъ въ статьѣ „Туруханскій край“ (Запис. И. Р. Г. О. по отд. Геогр. 1869, 2) сообщаетъ слѣдующее описание очистительной присяги у остыаковъ: „Даютъ виновному медвѣжій зубъ, который онъ и долженъ грызть, или медвѣжье ухо, которое онъ обязанъ рубить топоромъ и цѣловать. Если обвиняемый все это исполнить и не сознается, а между тѣмъ подозрѣніе на него сильно, тогда приносятъ еще шкуру горностая и заставляютъ цѣловать ножку убитаго животнаго“ ¹⁾.

Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей быта остыаковъ и vogulovъ, Н. Л. Гондатти, сообщаешь также о существованіи „медвѣжьей присяги“ у инородцевъ сѣверо-западной Сибири. Клятва произносится надъ лапой или мордой медвѣдя; дающій клятву грызетъ лапу или три раза замахивается топоромъ надъ висящимъ на деревѣ черепомъ медвѣдя, „говоря, пусть его медвѣдь также загрызть и загубить, какъ это онъ дѣлаетъ теперь съ головой и ногой“ ²⁾.

Альквистъ ³⁾ упоминаетъ объ интересномъ обычаяѣ vogulовъ, заключать союзъ, скрѣпляя послѣдній „медвѣжьей присягой“: русские и vogулы, отправляясь совмѣстно на охоту, иногда клянутся другъ другу въ вѣрности, причемъ или дѣлаютъ ножомъ надрѣзъ въ головѣ медвѣдя или кусаютъ ее. Нарушающій вѣрность при охотѣ будетъ, по убѣжденію vogulовъ, раздѣляемому и русскими, съдѣнъ медвѣдемъ.

Въ собраніи обычаяевъ инородцевъ Тобольской губ.—vogulовъ, остыаковъ и самоѣдовъ, изданномъ Д. Я. Самоквасовымъ, мы снова встрѣчаемъ свѣдѣнія о способѣ принесенія „медвѣжьей присяги“ при судебныхъ разбирательствахъ, когда уликъ окажется недоста-

¹⁾ Е. И. Якушкинъ: Обычное право, II, стр. 382.

²⁾ Н. Л. Гондатти: Культъ медвѣдя у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири,—въ Трудахъ Этнографического Отд. И. О. Л. Е. А и Э., т. VIII, стр. 78.

³⁾ Ahlquist: Unter Wogulen und Ostjaken, стр. 172.

точно для установленія виновности отвѣтчика: призывающій присягу долженъ, стоя на колѣнахъ, поцѣловать медвѣжью голову, или укусить медвѣжій зубъ или кожу ¹⁾.

Еще Палласъ, описывая присягу медвѣдемъ, отмѣчаетъ, что клятва медвѣдемъ не оказывается исключительной особенностью оstsаковъ. „Подобныи присягой обязательства, пишетъ онъ, ²⁾ гдѣ медвѣжина за главнѣйшую штуку ходить, въ большей части ино-вѣрческихъ въ Сибири народовъ въ употреблениі“. Дѣйствительно медвѣдь пользуется поклоненіемъ у многихъ изъ нашихъ сѣверныхъ инородцевъ; неудивительно поэтому, что и присяга на медвѣдѣ встрѣчается у нѣкоторыхъ изъ нихъ. Сами способы принесенія присяги мало представляютъ отличій отъ пріемовъ, употребляемыхъ у вогуловъ и оstsаковъ. Такъ, напр., относительно самоѣдовъ Кастренъ сообщаетъ въ числѣ описываемыхъ имъ нѣсколькихъ видовъ присяги между прочимъ и клятву на медвѣдѣ. Вѣруя, что послѣдній—могучее божество, самоѣдъ при клятвѣ разрубаетъ медвѣжью голову. Клятва медвѣдемъ признается, по словамъ Кастрена, самой сильной, потому что самоѣды считаются медвѣдями могущественнѣе даже своего фетиша (хай), которымъ также клянутся при судебныхъ разбирательствахъ. Некрещенными самоѣдами разрѣшалось въ русскихъ судахъ приносить присягу по ихъ обрядамъ. ³⁾ Вышеприведенные правила о присягѣ медвѣдемъ, сообщаемыя въ „Сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ“, относятся не только къ вогурамъ и оstsакамъ, но и въ самоѣдамъ: присяга медвѣдемъ служила очистительной присягой: Въ изложениі Кастрена, однако, есть данные, позволяющія думать, что къ медвѣжьей присягѣ прибѣгалъ не обвиняемый, а истецъ: этотъ послѣдній, по словамъ изслѣдователя, разбивалъ фетиша, сдѣланаго изъ снѣга, дерева или земли, убивалъ собаку и, обращаясь къ подозрѣваемому, говорилъ: „если ты украдъ, то падешь, какъ эта собака“. Вместо фетиша употреблялась иногда медвѣжья голова, которая, повидимому, разрубалась не отвѣтчикомъ, а истцомъ ⁴⁾.

¹⁾ Д. Я. Самоквасовъ: Сборникъ обычн. права сибирскихъ инородцевъ, стр. 16. Ср. Ahlquist Unter Wogulen und Ostjaken, стр. 298.

²⁾ Палласъ, I. с., стр. 74.

³⁾ Этнографический Сборникъ. 1858. IV, стр. 295.

⁴⁾ Ibid. стр. 295.

У юраковъ, по словамъ П. Третьякова, обвиняемый цѣлуетъ медвѣжью шкуру, послѣ чего оданъ изъ стариковъ брѣть топоръ и со словами: „чтобъ медвѣдь изорвалъ виновнаго“—дѣлаетъ видъ, что онъ хочетъ разсѣчь шкуру животнаго.

Среди различныхъ видовъ очистительной клятвы, принимаемой у якутовъ въ качествѣ судебнаго доказательства, встрѣчается также „медвѣжья присяга“. Въ случаяхъ подозрѣнія лица въ совершении кражи, „сперва увѣщиваются обвиняемаго, писать напр. г. Щукинъ, обнадѣживаются его прощеніемъ, лишь бы заплатить, что стоить украденное; но когда видѣть, что слова безполезны, приносить въ юрту медвѣжью голову и кладутъ на полъ подъ огнь; въ то же время ставить на огонь въ горшкѣ масло. Обвиняемаго ставить на колѣни и велать произнести слѣдующія слова: „если я говорю неправду, пусть масло вто пройдетъ мнѣ сквозь животъ, чтобъ мнѣ не принимать никакой пищи, и чтобъ медвѣдь такъ меня изѣлъ, какъ я теперь буду кусать его“. Тутъ велать ему выпить немного масла и три раза угрывать медвѣжью голову, а на свою голову насыпать пеплу. „Клятва эта столь важна, добавляетъ цитируемый авторъ, что рѣдкій якутъ рѣшился на нее; скорѣе онъ скажетъ: хотя я я не виноватъ, но обязуюсь платить, лишь бы миновать присяги“¹⁾).

Дальше, пишетъ г. Третьяковъ, практикуютъ слѣдующій способъ „медвѣжьей присяги“: собираются всѣ окрестные жители и, образовавъ кругъ около пылающаго костра, бросаютъ въ огонь медвѣжью лапу выѣстъ съ когтями. Пока лапа горитъ, присутствующіе держать руки надъ костромъ. Чрезъ это виноватый долженъ свести руки. О присягѣ „на цѣльной шкурѣ медвѣжьей головы“ у китайскихъ тюрковъ упоминаетъ и П. И. Небольсинъ²⁾.

Не увеличивая числа аналогій къ „медвѣжьей присягѣ“ у остыаковъ и вогуловъ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что она существуетъ одновременно и весьма часто соединяется съ другими видами очистительной клятвы, преимущественно съ тѣми, видами, которые основаны на фетишизмѣ. Остыаки также, какъ и самоѣды, изувѣчивали идола-фетиша, вызывая божество изувѣчить ихъ такъ же, какъ

1) Н. С. Щукинъ: Якуты,—въ Журн. Мин. Внтр. Дѣлъ, 1854, ч. VII, стр. 19.

2) Замѣтки по пути изъ Петербурга въ Барнаулъ. Отечеств. Зап. 1849, LXV, стр. 190.

они изувѣчили идола: этому послѣднему нерѣдко отрѣзали носъ или уродовали другимъ образомъ¹⁾. Что же касается до клятвы пожомъ, хлѣбомъ, топоромъ у остыаковъ, соединенія клятвы медвѣдемъ съ клятвой на маслѣ у якутовъ, то эти виды слѣдуетъ отнести къ широко распространеннымъ пріемамъ присяги, въ основѣ которыхъ лежитъ анимистически-фетишистское представлѣніе о неодушевленныхъ предметахъ.

Извѣстно, что дикари на примитивной ступени развитія не знаютъ дѣленія предметовъ видимаго міра на одушевленные и неодушевленные: каждый неодушевленный предметъ имѣеть свою душу, свое второе я, дающее ему жизнь. Персонифицируя весь видимый міръ, перенося на него свои, человѣческія ощущенія, дикарь на-дѣляетъ жизнью и способностью къ разумной дѣятельности не только камни, деревья и пр., но и свои орудія, оружіе, предметы обихода, пищу и пр. Въ этой чертѣ психологіи первобытнаго человѣка слѣдуетъ искать источникъ возникновенія присяги, приносимой на неодушевленныхъ предметахъ, имѣющей столь широкое распространеніе среди нѣкоторыхъ инородцевъ Россіи и находящей себѣ многочисленныя аналогіи среди способовъ присяги у некультурныхъ племенъ разныхъ материковъ. Развитіе религіозныхъ представлений не замѣняетъ пріемовъ этого рода клятвы: оно отражается лишь на внутреннемъ смыслѣ, который ей придается. Если на низкихъ стадіяхъ культуры присягающій видѣтъ, что данный предметъ, не имѣющій религіознаго значенія (ножъ, топоръ, ружье, копье и пр.), самъ по себѣ можетъ покарать принимающаго ложную присягу, то съ поднятіемъ религіознаго уровня эта вѣра замѣняется убѣжденіемъ, что то или другое сверхъестественное существо изберетъ оружиемъ своей мести предметъ, на которомъ произносить присягу.

Психологическое основаніе „медвѣжьей присяги“ совершенно ясное: присягающій вызываетъ существо, признаваемое сверхъестественнымъ, покарать его за ложь, и употребляемые для этого пріемы лишь символически подчеркиваютъ этотъ вызовъ.

Очевидно, что въ указанныхъ способахъ очистительной присяги у инородцевъ сказывается убѣжденіе, что виновный въ лжеприсягѣ будетъ въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени нака-

1) Палласъ. Путешествіе III, том. 1-ая, стр. 73-74.

занъ медвѣдемъ. Отличіе подобной присяги, принимаемой при разбирательствѣ въ качествѣ судебнаго доказательства, отъ „божьяго суда“ ордалій заключается главнымъ образомъ въ вѣрованіи, что кара со стороны сверхъестественного существа наступаетъ не немедленно, какъ это имѣть мѣсто при примѣненіи ордалій, а по истеченіи извѣстнаго, большею частью неопределеннаго срока. Въ данномъ случаѣ медвѣдь долженъ покарать присягающаго ложно. Почитаніе медвѣдя настолько широко распространено среди осяковъ, вогуловъ, равно и у другихъ нашихъ сѣверныхъ инородцевъ, что существованіе „медвѣжьей присяги“, т. е. клятвы животнымъ, признаваемымъ за одаренное сверхъестественными силами и способностями, оказывается вполнѣ естественнымъ.

Свѣдѣнія о почитаніи медвѣдя у осяковъ, вогуловъ и другихъ финскихъ народностей, далѣе у самоѣдовъ, бурятъ, якутовъ, гольдовъ, гиляковъ и т. д. чрезвычайно многочисленны въ нашей этнографической литературѣ. Извѣстнымъ оказывается и фактъ широкаго распространенія культа медвѣдя у айновъ, въ разныхъ мѣстностяхъ Америки и въ Австралии. Въ настоящее время даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, где среди русскихъ инородцевъ мы встрѣчаемъ наиболѣе яркое выраженіе культа медвѣдя, едва ли есть основаніе видѣть въ этомъ культе что нибудь большее, чѣмъ проявленіе зоолатріи. Поклоненіе животнымъ, которое, какъ извѣстно, можно встрѣтить у цѣлой массы стоящихъ на разныхъ ступеняхъ культуры народностей, не представляетъ однако характера неподвижности: оно какъ, и всякое проявленіе религіознаго чувства, подвержено измѣненіямъ въ зависимости отъ религіозно-нравственнаго и умственнаго роста племени, отъ измѣненія самихъ представлений о сверхъестественныхъ существахъ.

Являя цѣлый рядъ сходныхъ чертъ, зоолатрія у разныхъ народовъ, въ разнообразныхъ своихъ проявленіяхъ, можетъ имѣть и различные источники происхожденія. Дѣйствительно, общимъ источникомъ ея оказываются всегда анимистическая вѣрованія дикарей, но на этой анимистической основе поклоненіе животнымъ можетъ появиться какъ результатъ или страха дикаря предъ наиболѣе крупными представителями фауны, или поклоненія полезнымъ животнымъ, или наконецъ какъ слѣдствіе тотемизма или фетишизма. Какой изъ этихъ источниковъ лежитъ въ основѣ почитанія инородцами медвѣдя? Отъ решенія этого вопроса зависить

и опредѣленіе источника происхожденія употребительной остыаки-
ми медвѣжьей присяги.

Почитаніе медвѣдя не можетъ быть поставлено въ связь съ фетишизмомъ. Культъ, вытекающій изъ послѣдняго, имѣть всегда объектомъ опредѣленный, индивидуальный предметъ, а не видъ, какъ это имѣть мѣсто въ культѣ медвѣдя, гдѣ всѣ медвѣди считаются одинаково священными, всѣ имѣютъ право требовать въ отношеніи къ себѣ опредѣленныхъ формъ почитанія. Въ слу-
чаяхъ, когда весь видъ животныхъ, растеній, предметовъ и пр. считаются надѣленными сверхъестественными способностями, не мо-
жетъ быть рѣчи о фетишизмѣ. Поэтому, хотя въ вѣрованіяхъ остыаковъ и многихъ другихъ русскихъ сѣверныхъ инородцевъ фетишизмъ, въ своемъ подчарье крайне примитивномъ и грубомъ видѣ, занимаетъ немаловажное мѣсто и во всякомъ случаѣ пред-
ставляетъ еще вполнѣ жизненное явленіе, въ немъ иѣть возмож-
ности искать источника появленія культа медвѣдя. Остается, слѣ-
довательно, искать основу его происхожденіи или въ тотемизмѣ или въ чувствѣ страха, которое внушаетъ первобытному охотни-
ку животное, борьба съ которымъ представляетъ особенная опас-
ности или желаніе снискать благосклонность полезнаго животна-
го. Изъ этихъ источниковъ мнѣ кажется болѣе основательнымъ остановиться на тотемизмѣ.

Тотемомъ, слѣдя опредѣленію Фрэзера ¹⁾, считается *классъ* предметовъ, на которые дикарь смотрить съ суевѣрнымъ страхомъ, вѣруя, что между нимъ и *каждымъ членомъ этого класса* суще-
ствуетъ тѣсная и совсѣмъ особенная связь. Изученіе тотемизма, какъ извѣстно, доказало, что тотемы могутъ быть личными и групповыми. Послѣдніе въ свою очередь могутъ быть семейными, ро-
довыми, племенными и т. д. Далѣе извѣстно, что весьма характер-
ной, хотя и не непремѣнной чертой тотемизма, является уѣжденіе, что между группой и ея тотемомъ существуетъ генетическая связь, т. е. что тотемъ—животное, растеніе и т. д.—оказывается пред-
комъ членовъ данной группы. На почвѣ этихъ вѣрованій возни-
каетъ рядъ обычаевъ и обрядовъ, которыми отличается тотемизмъ. Тотемическія представленія развиваются и видоизмѣняются соот-
вѣтственно съ культурнымъ ростомъ племени и приводить посте-

¹⁾ Frazer: Totemism, 1.

пенно къ поклоненію животному, какъ таковому: въ этомъ фазисѣ своего развитія зоолатрія, возникшая изъ тотемизма, настолько по вѣшнимъ признакамъ походить на зоолатрію, развивающуюся изъ чувства страха дикаря предъ опаснымъ звѣремъ, что отыскать тотеми ескія основы не всегда оказывается легкой задачей. Намъ предстоитъ такимъ образомъ разсмотрѣть типичныя черты культа медвѣдя у нашихъ инородцевъ и отмѣтить тѣ стороны его, которыя могутъ быть объяснены исключительно изъ древнихъ тотемическихъ представлений.

Культъ медвѣдя въ настоящее время не носить ни у остыаковъ, ни у другихъ народовъ, гдѣ мы его встрѣчаемъ, опредѣленныхъ чертъ тотемизма. Тотемический вѣрованія остыаковъ, предполагая, что они когда-нибудь существовали, уступили въ настоящее время другимъ, болѣе высокимъ религіознымъ представлѣніямъ, спиритуалистическому взгляду на высшія существа; какъ наглядный остатокъ древнѣйшихъ вѣрованій и культа, сохраняется однакошироко практикуемый фетишизмъ. Медвѣдь пользуется почитаніемъ, но уже не въ качествѣ тотема. Намъ не извѣстно преданій, повѣствующихъ о происхожденіи остыаковъ отъ медвѣдя; самъ культь не носить характера родового или семейнаго, что оказывается чрезвычайно типичнымъ для тотемического культа; наконецъ, тотема обыкновенно берегутъ, не употребляютъ въ пищу,— медвѣдь остыаки считаютъ лакомымъ блюдомъ. Если почитаніе медвѣдя и носить черты, которыя мы находимъ и въ тотемическомъ культь, то многія изъ нихъ находять себѣ аналогіи и въ зоолатрическомъ культь, возникшемъ изъ страха или стремленія къ почитанію полезнаго животнаго; а тѣ черты, которыя имѣютъ связь съ тотемизмомъ, исполняются уже безсознательно, сохранившись въ качествѣ наслѣдія сѣй старины. Однимъ словомъ, культь медвѣдя у остыаковъ въ настоящее время не можетъ быть признанъ тотемическимъ, потому что остыаки не признаютъ никакой связи между собой и медвѣдями, а также оттого, что, по справедливому замѣчанію Марилье¹), если извѣстный ритуалъ оказывается дѣйствительно тотемическимъ, то обоготворяемое существо не можетъ быть священнымъ существомъ всего племени и тѣмъ

¹⁾ Marillier: La place du totémisme dans l'évolution religieuse. Revue de l'hist. d. rel. XXXVI, 2, стр. 231.

менѣе всей народности; если же мы имѣемъ дѣло съ существомъ, признаваемымъ священнымъ цѣлымъ народомъ, то ритуальные обычаи хотя и являются подчасъ аналогичными тотемическими, хотя они и преисполнены иногда тѣ же цѣли, но они уже не могутъ быть признаваемы за тотемическіе.

Но, съ другой стороны, отрицать существование тотемического характера зоолатріи въ *современныхъ вѣрованіяхъ* народности еще не значить отрицать *возможность происхожденія* ея изъ забытыхъ въ настоящее время тотемическихъ вѣрованій.

Фрэзеръ, подвергшій обстоятельному разбору обычай и обряды, связанные съ культомъ медвѣдя¹⁾, склоненъ производить его и аналогичные культуры изъ чувства страха, внушенаго дикарю животныхъ, опасеніемъ, что убитое животное, если его не почтить, будетъ мстить охотнику и пр; однимъ словомъ, пользуясь выражениемъ Фрэзера, если при тотемизѣ не употребляютъ животное въ пищу, потому что его чутъ, то здѣсь наоборотъ животное чутъ, потому что его употребляютъ въ пищу. Оба представления могутъ свободно уживаться въ міровоззрѣніи дикаря: тотема, какъ общее правило, не употребляютъ въ пищу, и если употребляютъ, то рѣдко и лишь въ торжественныхъ случаяхъ. Другихъ крупныхъ представителей фауны употребляютъ въ пищу, но ихъ стараются умилостивить различными способами. Къ этому же объясненію происхожденія культа медвѣдя, въ частности и у остыаковъ, склоняется Алквистъ и Марилье:²⁾ остатки, коряки или краснокожіе сѣв. Америки, вынужденные убить медвѣдя, стараются путемъ очистительныхъ дѣйствій успокоить духъ убитаго и при помощи различныхъ средствъ отнести вину совершенного убийства на другихъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, что эти черты оказываются преобладающими при исполненіи обрядовъ культа медвѣдя у остыаковъ и вогуловъ.

Остаки, равно и вогулы вѣрють въ сверхъестественную силу медвѣдя; онъ звѣрь, особенно и преимущественно почитаемый. Его остатки и вогулы, какъ и многие другие инородцы Россіи, равно и русскіе крестьяне многихъ мѣстностей, опасаются на-

1) Frazer: *The golden Bough*, II, стр. 99—135.

2) Marillier: *La place du totémisme etc.*, I. c., стр. 217. Ahlquist: *Unter Wogulen u. Ostjaken*, стр. 297.

зывать по имени или говорить о немъ дурно. Ни одинъ осякъ, замѣчаетъ по этому поводу г. Паткановъ¹⁾, не рѣшился по убіенію медвѣдя сказать: „мы свяли съ него шкуру“ или „убили медвѣдя“; онъ скажетъ вмѣсто этого: „мы сняли съ «него» его священную малицу“, или: „священный звѣрь скончался“. Само название медвѣдя нельзя безъ особой крайности употреблять въ разговорѣ; о медвѣдѣ говорить, называя его или просто „онъ“, или „отцомъ“, „священнымъ звѣремъ“, „добрымъ звѣремъ“ и т. п. Наконецъ, само название медвѣдя не болѣе, какъ эпитеты, означающіе въ переводе, напр., „покрытый шубой старикъ“, „старикъ съ когтями“ и пр. ²⁾ Въ этомъ опасеніи упомянуть о медвѣдѣ мы имѣемъ случай проявленія лишь широко распространенного у множества некультурныхъ народностей взгляда, что существо сверхъестественное или правильнѣе духъ этого послѣдняго имѣетъ способность слышать, что о немъ говорятъ, можетъ случайно невидимо присутствовать при разговорѣ и за дурные отзывы такъ или иначе наказать говорящаго. Вѣра въ возможность обмануть духа, называя его не во имени, а говоря о немъ иносказательно, совершенно свободно уживается съ вышеприведеннымъ убѣжденіемъ въ способности духа услышать разговоръ, вслѣдствіе того, что осяки, какъ и другие некультурные народы, надѣляя души своихъ сверхъестественныхъ существъ чудесными способностями, напр. быстро переноситься съ мѣста на мѣсто, быть невидимыми и т. д.—не лишаютъ ихъ тѣхъ человѣческихъ качествъ, которыми обладаетъ самъ дикарь. Это опасеніе говорить о медвѣдѣ у осяковъ возникаетъ на общей почвѣ анимистическихъ представлений, совершенно такъ-же, какъ жители Суматры избѣгаютъ говорить о тигрѣ, называя его описательно „предкомъ“, Камчадалы неохотно произносили имена китовъ, волковъ и медвѣдей. Множество народностей изъ этого же чувства страха не произносить имени умершаго,—обычай, который, какъ извѣстно, существуетъ, напр., и у осяковъ и самоѣдовъ. Если наименование тигра предкомъ у населенія Суматры стонть, какъ на это указываютъ нѣкоторыя свѣдѣнія, иногда въ связи съ тотемизмомъ, съ представлениемъ, что тигръ есть дѣйстви-

¹⁾ Patkanow: Die Jrtysch-Ostjaken, стр. 127.

²⁾ Ср. Потанинъ: Оч. свѣ.-зап. Монголіи, IV, стр. 755.

тельно родоначальникъ извѣстной родственной группы, то во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія производить обычай называть опаснаго звѣря „отцомъ“, какъ это имѣетъ мѣсто у остиаковъ въ отношеніи къ медвѣду, непремѣнно изъ тотемизма: „отецъ“, въ данномъ случаѣ можетъ быть простымъ ласкатель-вымъ эпитетомъ или словомъ, позволяющимъ остатку говорить о медвѣдѣ дурно, не возбуждая въ немъ, если его духъ под-слушиваетъ разговоръ, подозрѣній, что рѣчь шла о немъ.

Далѣе, характерная черта въ отношеніяхъ остиака къ медвѣду заключается въ томъ, что охотникъ извиняется предъ убитымъ за совершенный поступокъ и старается сложить вину съ себя, обвиняя въ убийствѣ ностороннихъ лицъ. Остиакъ спѣшить заявить убитому звѣрю, что онъ застрѣлилъ его нечаянно, что онъ не виноватъ, такъ какъ русскіе изготавли ружье ¹⁾.

Каждый инородецъ, убившій медвѣда, сообщаетъ г. Гондат-ти, бѣется изо всѣхъ силъ, чтобы только доказать, какъ онъ любить и уважаетъ медвѣда, разсчитывая, что всѣ знаки проявленія этихъ чувствъ вознаградятся ему сторицей; онъ из-виняется, что убилъ медвѣда: „ты прости меня, говорить онъ, и не суди строго; вѣдь убилъ тебя не я, а русскій: отъ него я получилъ ружье, порохъ, свинецъ; я же всегда тебя любилъ и уважалъ и въ доказательство этого устрою празднество въ твою честь“. Иногда извиневшія приносятся передъ убийствомъ: охотникъ при встрѣчѣ съ медвѣдемъ заявляетъ послѣднему: „извини меня, что я намѣреваюсь убить тебя: ты самъ набрелъ на меня, бѣдняжка, такъ не сердись, добрый старичекъ“ ²⁾.

Въ обычай остиаковъ извиняться предъ убитымъ звѣремъ нѣть ничего оригинального: остиакъ вѣритъ, что опасно оскорбить чѣмъ-нибудь тѣни убитаго звѣря: духъ медвѣда все видить и слышать; за оскорблѣніе тѣни медвѣда „плохо придется бѣдному охотнику: обрушится на него рядъ несчастій, да и въ дру-гой разъ не сдѣлать ему, а погибнуть подъ зубами и когтями раздраженнаго звѣря“ ³⁾. Совершенно то же чувство страха предъ тѣнью убитаго крупнаго представителя фауны заставляетъ коря-

¹⁾ Patk a n o w, l. c. 127.

²⁾ Н. М. Ядринцевъ: О кульѣ медвѣда. Этнogr. Обозр. IV, стр. 101.

³⁾ Н. Л. Гондатти. Кульѣ медвѣда,—въ Тр. Этн. отд. И. О. Л. Е.. А. и Э. VIII, стр. 74, 79.

ковъ, по снятіи шкуры съ застрѣленного волка или медвѣдя, наряжать одного изъ домашнихъ въ эту шкуру, плясать и пѣть вокругъ него, причемъ въ пѣснѣ утвержаютъ, что не они убили звѣря, а другіе, и особенно охотно приписываютъ вину русскому¹⁾. Шефферъ сообщаетъ объ обычая лопарей послѣ удачной охоты на медвѣдя пѣть предъ тѣломъ убитаго звѣря особую пѣснѣ, въ которой выражаютъ свою радость по поводу прихода медвѣдя и благодарить его за то, что онъ имъ не сдѣлалъ никакого вреда, не сломалъ имъ копья и палки, которыми они его убили. Далѣе подмѣченный въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лапландіи обычай, прежде чѣмъ стрѣлять въ медвѣдя, увѣщевать его, чтобы онъ не напалъ первый на охотника, встрѣчается еще и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ пунктахъ у русскихъ лопарей и находить себѣ аналогіи въ обычаяхъ кафровъ при охотѣ на слона²⁾.

О культи медвѣдя въ прежнее время среди западныхъ финновъ сохранились прекрасныя свѣдѣнія въ Калевалѣ. Вейненейненъ, убивъ медвѣдя, считаетъ необходимымъ принести ему извиненія. Хотя эти послѣднія и носятъ нѣсколько иронической оттенокъ, но дальнѣйшее описание пиршства и пѣсенъ его сопровождающихъ свидѣтельствуетъ, что и у зап. финновъ культь медвѣдя, повидимому, не представляетъ рѣзкихъ отличій сравнительно съ остяками и вогулами³⁾.

Значительное количество аналогичныхъ примѣровъ принесенія извиненій охотникомъ передъ или послѣ убийства опаснаго звѣря приведены Фрэзеромъ⁴⁾. Среди краснокожихъ Америки охота на медвѣдя считалась крупнымъ событиемъ, къ которому охотники готовились долгимъ постомъ, предъ охотой совершалось искупи-

¹⁾ Basti a n. *Der Mensch in der Geschichte.* III, стр. 26.

²⁾ Н. Харузинъ: *Русские лопари*, стр. 200, 204. Frazer: *The golden Bough*, II, 114.

³⁾ Калевала, р. 46, перев. Бѣльского: Вейненейненъ убѣждаетъ медвѣдя, что не овъ виноватъ въ смерти звѣря:

„Мой возлюбленный ты Отко (медвѣдь),
Красота съ медовой лапой!
Не сердися ты напрасно;
Я не бѣль тебя, мой милый,
Соскользнула ты съ гладкой вѣтки,
Самъ съ покатости свалился,
Разорвала златое платье,
Изъ вѣтей твою одежду:
Сколько осеню бываетъ,
Дни осенне туманные“ (стр. 539).

⁴⁾ Frazer: *The golden Bough*, II, 113 и слѣд.

тельное жертвоприношение духамъ медвѣдей, убитыхъ въ предшествующихъ охотахъ, причемъ обращались съ мольбой къ этимъ духамъ быть благопріятными охотникамъ. Кафры привносятъ извиненія убитому слону, увѣряя, что смерть его произошла отъ случайности. Въ нѣкоторыхъ частяхъ восточной Африки выказываются особые знаки почитанія тѣлу убитаго льва. Въ западной Америкѣ охотника, убившаго леопарда, крѣпко связываютъ и ведутъ къ вождю, обвиняя охотника въ убийствѣ ихъ начальника. Охотникъ въ свою защиту говоритъ, что леопардъ начальникъ лѣса и слѣдовательно чужой, послѣ чего его отпускаютъ на свободу. Туземцы Гвіаны принимаютъ также цѣлый рядъ предосторожностей, чтобы обезопасить себя отъ мести убитаго ими талира. Населеніе Камбоджи просить извиненія у животнаго послѣ убийства послѣдняго, чтобы его духъ не приходилъ и не мучилъ ихъ: они приносятъ жертвы убитому, но эти жертвоприношенія всегда пропорціональны величинѣ и силѣ животнаго. Поэтому убийство слона сопровождалось весьма торжественными обрядами.

Первобытный дикарь, надѣляя животныхъ тѣми же чувствами и способностями, какъ и людей, признавая у животныхъ такую же душу, какъ и у человѣка, переживающую тѣло послѣ смерти, естественно стремится гарантировать себя отъ мести духа убитаго звѣря. Вслѣдствіе этого нерѣдко встрѣчается, что дикарь избѣгаетъ вообще убивать опасное животное: даяки Борнео или населеніе Мадагаскара избѣгаютъ убивать крокодила, нѣкоторыя племена сѣв. Америки—гримучую змѣю, жители Суматры—тигра и т. д. Такимъ образомъ опасный звѣрь, не будучи тотемомъ, тѣмъ не менѣе оберегается населеніемъ изъ соображеній, что духъ его, столь же опасный послѣ смерти, не достаточно умилостивленный, можетъ принести больше вреда, чѣмъ живой звѣрь. Страхъ предъ духомъ убитаго звѣря приводитъ не только къ извиненію, который дикарь приносить предъ тѣломъ своей добычи, но и къ празднеству, составляющему характерную черту и культа медвѣдя у остыковъ и вогуловъ.

Совершенно такъ же, какъ празднество устраивается послѣ удачной охоты на слона, льва и др. крупныхъ представителей фауны, остыки, вогулы и нѣкоторые другие инородцы Россіи, равно и населеніе сѣв. Америки послѣ убийства медвѣдя, приступаютъ къ

торжественному пиршеству. Характеръ этого послѣдняго не позволяетъ предполагать, чтобы оно возникло изъ обычныхъ пиршствъ, которыми можетъ сопровождаться обыкновенная удачная охота дикарей, благодаря обилию пищевыхъ продуктовъ. Всюду это пиршество носить ритуальный характеръ; всѣ дѣйствія исполняются по строго опредѣленному обычаю; наконецъ они имѣютъ характеръ почитанія звѣра. Въ основѣ большинства обрядовъ, сопровождающихъ празднество, лежитъ мысль умилостивленія духа убитаго звѣра и затѣмъ принятие мѣръ предосторожности отъ могущей послѣдовать съ его стороны мести за убийство.

Остяки, пишетъ Палласъ¹⁾, „содранную кожу (медвѣдя) вѣшаютъ на высокомъ деревѣ, показываютъ ей всякое почтеніе, извиняются наинчувствительнѣйше, что убили, думая, что они чрезъ то предупредить тотъ вредъ, какой душа медвѣдя имъ сдѣлать можетъ“²⁾. Не останавливаясь на подробностяхъ, сопровождающихъ правдникъ по убиеніи медвѣдя у остяковъ и вогуловъ, мы ограничимся указаніями только на слѣдующія черты его³⁾:

1) Шкуру съ убитаго медвѣдя снимаютъ съ особой предосторожностью, дѣлая видъ, будто снимаютъ съ него его шубу. Опасаются оставлять въ лѣсу, на мѣстѣ охоты, частицы тѣла медвѣдя. Въ случаѣ, если не нуждаются въ мясе медвѣдя, необходимо его предать землѣ, какъ дѣлаютъ съ покойникомъ. Несоблюденіе же этихъ обрядовъ повлечетъ за собой дурныя послѣдствія.

2) Послѣ убиенія медвѣдя, равно и по принесеніи медвѣдя въ юрту, остяки зимой бросаютъ другъ въ друга снѣгомъ, а лѣтомъ или опрыскиваютъ другъ друга водой, или бросаютъ другъ въ друга землей. Вѣроятнѣе всего, что этотъ обычай стоитъ въ связи съ сознаніемъ необходимости очистить себя послѣ совершенного убийства медвѣдя. Очищеніе приняло символическую форму.

3) Торжественное перенесеніе медвѣдя въ селеніе носить одновременно характеръ почитанія и предосторожности. Первое ясно сказывается въ бережности, съ которой шкура медвѣдя переносится: охотникъ кладетъ ее себѣ на грудь, лапы складыва-

1) Палласъ: Путешествіе. III, пол. 1, стр. 85.

2) Patkапоw, I. c.; Н. Л. Гондатти, I. c.; Н. Ядринцевъ: О пульте медвѣдя.

ются, голова, съ которой, какъ и съ лапъ, не снимаются шкуры, покоятся на плечѣ охотника. Сопровождающие поютъ пѣсни въ честь медвѣдя, стрѣляютъ определенное количество разъ изъ ружей и пр., женщины приступаютъ къ изготавленію въ переднемъ углу, въ наиболѣе почетномъ мѣстѣ, помѣщенія для шкуры, куда она и кладется въ определенномъ положеніи. Предосторожность выражается прежде всего въ томъ, что шкуру никогда не вносить чрезъ дверь, а подаютъ ее или чрезъ окно, или другое отверстіе. Обычай этотъ соблюдался и у лопарей въ прежнее время. Онъ очевидно стоять въ связи съ обычаемъ не выносить покойника чрезъ двери, а черезъ какое-нибудь другое отверстіе, который отмѣченъ между прочимъ и у остыковъ и вогуловъ. Вообще обыкновеніе выносить умершаго не чрезъ дверь, а чрезъ другое отверстіе, для чего нерѣдко дѣлается проломъ въ жилищѣ, известно у цѣлаго ряда народностей: оно отмѣчено у многихъ инородцевъ Россіи, гдѣ кромѣ остыковъ и вогуловъ¹⁾ его соблюдали самоѣды, тунгусы, далѣе онъ встрѣченъ у эскимосовъ, тлинкитовъ, альгонкиновъ, оджибвеевъ Сѣв. Америки, у нѣкоторыхъ народностей Африки, въ Меланезіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи, въ Тибетѣ, Китаѣ, Сіамѣ и т. д. Онъ былъ извѣстенъ и въ Скандинавіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, Италии, Голландіи и въ древней Россіи²⁾. Этотъ обычай стоять въ связи съ цѣлымъ рядомъ мѣръ предосторожности, которые принимаются дикарями въ отношеніи къ своимъ умершимъ, и развивается на почвѣ первобытнаго воззрѣнія о тѣсной связи, существующей между душой и тѣломъ: все, что совершается въ отношеніи къ тѣлу, отражается и на душѣ. Вынося покойника не черезъ двери, а черезъ особое отверстіе, дикарь надѣется оградить себя отъ прихода духа умершаго; если онъ и вернулся бы, онъ не нашелъ бы дверей, такъ какъ слѣды привели бы его къ глухой стѣнѣ. Подобное предположеніе о возможности обмануть указаннымъ путемъ духа не должно казаться слишкомъ наивнымъ для мысли некультурнаго человѣка: хотя душа по вѣрованіямъ дикаря и представляетъ существо, обладающее сверхъестественной силой, способностью къ превращеніямъ и пр.,

1) Н. Л. Гондатти: Слѣзы языческихъ вѣрованій Маньзовыхъ, стр. 66.

2) Д. Н. Анучинъ: Саки, ладьи и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда Си. также Robinson: Die Psychologie der Naturvölker, стр. 45.

во это еще не звачить, чтобы онъ смотрѣль на свою душу и душа животныхъ и предметовъ, какъ на субстанцію духовную въ нашемъ смыслѣ этого слова. Душа прежде всего материальна и обладаетъ тѣми же качествами, какъ и живой человѣкъ: она, напр., можетъ заблудиться по дорогѣ отъ могилы въ селеніе; поѣтому туземцы Юкатани, у которыхъ культь умершихъ уже развитъ, отмѣчаютъ на ломѣ дорогу, ведущую отъ могилы къ жилымъ строеніямъ: слѣдя этимъ указаніямъ, душа не можетъ потерять дороги. Населеніе Никоборскихъ о-въ, раздѣляя вѣру въ способность душъ посѣщать живыхъ, желаетъ однако оградить себя отъ подобныхъ посѣщеній; жители убѣждены, что вполнѣ достигаютъ своей цѣли тѣмъ, что ставятъ передъ жилищами нѣчто въ родѣ ширмъ или экрановъ изъ дреѣбесной коры; души умершихъ не увидятъ жилищъ и будутъ принуждены возвратиться¹⁾). Совершенно та же цѣль достигается путемъ вынесенія покойника и черезъ дверь—онъ не найдетъ обратной дороги. Въ отношеніи къ медвѣдю очевидно соблюдается та же мѣра предосторожности: его вносятъ въ особое помѣщеніе, чрезъ особое отверстіе, и если бы душа медвѣдя пожелала послѣ посѣтить юрту, гдѣ лежала его шкура, она не найдетъ по слѣдамъ входныхъ дверей. Аналогичную мѣру предосторожности слѣдуетъ видѣть и въ обычаяѣ класть на глаза убитаго медвѣдя, послѣ того какъ его шкура будетъ расположена въ почетномъ углу, серебряные монеты, и кромѣ того еще надѣвать берестяной намордникъ. Закрытіе глазъ покойника монетами или платкомъ, закрытіе ему рта, покрываніе его головы или всего тѣла и т. п. обряды находятъ себѣ обильныя аналогіи въ обычаяхъ разныхъ народовъ²⁾). Сохраняясь долгое время въ качествѣ переживанія, эти обряды имѣютъ своимъ источникомъ желаніе помѣшать умершему смотрѣть на окружающихъ и узнавать ихъ. Что дѣлается въ отношеніи къ умершему человѣку, духа которого дикарь всегда боится, примѣняется и къ медвѣдю, духъ которого является не менѣе страшнымъ остыку или вогулу. Объясненіе въ настоящее время этого обычая инародами, которое мы встрѣчаемъ у Н. Л. Гондатти³⁾), что женщины

¹⁾ Spengel: *Principes*. II, стр. 244.

²⁾ Robinson: *Psychologie d. Naturvölker*, стр. 44.

³⁾ Н. Л. Гондатти, I. с. стр. 75.

не достойны смотрѣть медвѣдю въ глаза и цѣловать его въ губы, какъ это дѣлаютъ мужчины, впервые входящіе въ юрту, гдѣ лежить медвѣдь, кажется намъ лишь позднѣйшимъ объясненіемъ обряда, ставшаго непонятнымъ для самихъ совершающихъ. Очевидно, что въ отношеніи къ медвѣдю, принесенному въ юрту, примѣняются тѣ же мѣры, какъ и къ покойнику во время нахожденія послѣдняго въ жиломъ помѣщеніи; даже топоръ спѣшать положить подъ порогъ, какъ и посмѣ смерти одного изъ жившихъ въ юртѣ; медвѣдю закрываютъ глаза оттого, что ихъ закрывали и у покойника. Слѣдовательно, и источникъ этого обычая, все равно, примѣнялся ли онъ къ человѣку или медвѣдю, долженъ быть одинаковымъ. Надѣваніе же намордника вѣроятнѣе всего имѣло цѣлью помѣшать мертвому медвѣдю причинить вредъ лицамъ, которыя его цѣловали.

4) Само празднество при соблюденіи мѣръ предосторожности носить характеръ чествованія медвѣдя и находить себѣ много аналогій среди народностей, у которыхъ мы встрѣчаемъ культь убитаго крупнаго звѣря. Медвѣдю приносятъ символическая жертвы: предъ головой медвѣдя ставится нѣсколько изображеній, оленей, сдѣланныхъ изъ хлѣба или бересты; лапы убитой медвѣдицы украшаются кольцами. На празднество сходятся не только односельчане, но и гости, которые, услыхавъ о результатахъ охоты, прѣѣзжаютъ издалека. Духъ медвѣдя веселятъ пѣснями и плясками, носящими обрядовый характеръ. „Сюжеты пѣсень, замѣчаетъ г. Гондатти, различны: поютъ про медвѣдя, какъ онъ гулялъ по лѣсу, какъ нашелъ себѣ подругу, какъ сдѣлалъ берлогу; поютъ про его прежнюю жизнь на небѣ и на землѣ; поютъ про богатырей и прежнее славное время, когда не было пришельцевъ и всего было вдоволь—и звѣря, и птицы, и рыбы; поютъ про боговъ, про ихъ любовь и ненависть другъ къ другу и про ихъ отношенія къ людямъ“.

Въ числѣ пѣсень г. Ядринцевъ упоминаетъ еще о „пѣснѣ медвѣдя“, которую „не всякий можетъ пѣть“ и которую „знаютъ только старики;“ эта пѣснь была создана медвѣдемъ тогда, когда онъ былъ еще по преданію человѣкомъ¹⁾.

¹⁾ Н. М. Ядринцевъ. О культе медвѣди, стр. 103.

Во время плясокъ, исполняемыхъ между пѣснями, стараются приоровиться пляской къ содержанию пѣсень; если пѣли про медвѣда, то стараются въ плясѣ подражать ему. Наконецъ, въ честь убитаго медвѣда устраиваютъ иѣчто вродѣ драматическихъ представлений, во время которыхъ участники въ представлениіи надѣваютъ берестяныя или деревянныя маски и измѣняютъ свой костюмъ. Назначеніе масокъ, по словамъ г. Гондатти,—между прочимъ скрывать лица играющихъ отъ медвѣда и отъ зрителей: медвѣдь любить увеселенія, но плясать и въ то-же время смотрѣть ему въ глаза нельзя. Въ драматическихъ сценахъ весьма часто играетъ роль медвѣдь, эпизоды охоты на него и т. п. Значительное количество подобныхъ драматическихъ сценъ приведено г. Гондатти въ его интересной работѣ¹⁾). При началѣ и окончаніи каждой пѣсни, пляски или представлениія, низко кланяются медвѣдю. Весьма характерно, что празднества происходятъ всегда ночью, такъ какъ „боги преимущественно въ это время посѣщаются землю и такимъ образомъ они могутъ видѣть, какъ почитается тѣнь убитаго звѣри; всѣ почести, воздаваемыя шкурѣ, имѣютъ своимъ назначениемъ медвѣжью тѣнь“. Празднества делятся иногда на сколько ночей. Въ теченіе пиршества мясо варится и съѣдается.

5) Празднество заключается обрядовымъ ъденіемъ иѣкоторыхъ частей медвѣдя. Въ послѣднюю ночь празднества, на разсвѣтѣ, иктуру медвѣдя выносятъ въ поле; мужчины при этомъ борются и бросаютъ другъ въ друга снѣгомъ, а женщины, которыхъ въ поле не выходятъ, при выносѣ шкуры бросаются снѣгомъ и обливается водой. Въ полѣ мужчины готовятъ себѣ голову, лапы и сердце медвѣдя. Женщины варятъ себѣ медвѣжій задъ, который предоставляется въ ихъ распоряженіе. Черепъ медвѣдя вѣшаютъ на дерево. Тщательно собираются остатки отъ трапезы и сожигаются, чтобы къ нимъ не прикасались собаки или птицы; послѣ вкушения священнаго мяса, во время послѣдней трапезы тщательно вытираютъ себѣ губы и руки подержанными въ дыму стружками; стружки затѣмъ бросаютъ въ огонь. Этимъ собственно и кончается празднество. Чрезвычайно интересную подроб-

¹⁾ Н. Л. Гондатти, 1. с; см. также Ahlquist: Unter Wogulen u. Osliaken стр. 256—258 (Acta Societ. scientiarum Fennicae XIV).

ность сообщает Филимоновъ объ осякахъ Томской губ. ³⁾: они стремятся обмануть медвѣдя и увѣрить его, что не люди съѣли его мясо. Въ пиршествѣ принимаютъ участіе всѣ, кроме дѣтей. Когда мясо съѣдено, старуха приближается къ котлу, открываетъ глаза медвѣдя и спрашиваетъ его, кто его убилъ, кто съѣлъ его мясо. Затѣмъ вводятъ дѣтей, къ которымъ старуха обращается съ вопросомъ, не знаютъ ли они, кто съѣлъ мясо медвѣдя. Дѣти отвѣчаютъ, что они видѣли, какъ налетѣли птицы и расклевали тѣло медвѣдя; старуха бранить птицъ, спрашиваетъ, куда онѣ улетѣли, на что получаетъ отъ дѣтей отвѣтъ, что они не знаютъ этого, но что, вѣроятно, онѣ улетѣли далеко. Въ этомъ интересномъ обрядѣ опять сказывается лишь предосторожность со стороны употребившихъ въ пищу мясо медвѣдя, съ цѣлью обмануть послѣдняго и такимъ образомъ отвести отъ себя гнѣвъ его. Глаза медвѣдя закрыты, они, следовательно, закрыты и у его духа, такъ какъ общераспространенное у нецивилизованныхъ расъ представление заставляетъ вѣрить, что душа испытываетъ на себѣ все то, что испытываетъ тѣло. Медвѣдь, или точнѣе его духъ, не можетъ видѣть, кто съѣлъ его мясо, и притворное удивленіе старухи, ея гнѣвъ на птицъ кажутся осяку достаточными, чтобы обмануть медвѣдя и заставить вѣрить въ невинность людей.

Въ приведенныхъ чертахъ, характерныхъ для культа медвѣдя у осяковъ и вогуловъ, мы не встрѣтимъ ничего, что позволяло бы опредѣлить первоисточникъ почитанія медвѣдя. Эти черты въ основномъ повторяются при пиршствахъ, устраиваемыхъ въ честь медвѣдя у другихъ народностей, равно и при употреблении въ пищу или убийствѣ слоновъ, тигровъ и пр., гдѣ они оказываются наиболѣе выдающимися или опасными представителями мѣстной фауны. Аналогичные обряды можно встрѣтить какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ они, очевидно, развились изъ тотемизма, равно и тамъ, гдѣ этотъ видъ зоолатріи нѣть возможности поставить, въ настоящее время по крайней мѣрѣ, въ связь съ тотемизмомъ.

Прежде чѣмъ коснуться тѣхъ чертъ культа медвѣдя у осяковъ и вогуловъ, которыхъ на нашъ взглядъ прямо или косвенно свидѣтельствуютъ о происхожденіи его изъ тотемизма, намъ пред-

³⁾ Patkanow: Die Irtysch-Ostjaken, стр. 127—128 примѣч.

стоить устраниТЬ одно изъ возраженій, которое дѣлаетъ Фрэзеръ противъ тотемической основы этого культа. Дѣло въ томъ, что характернымъ для тотемизма является стремленіе дикаря охранить своего тотема, вслѣдствіе чего дикарь считаетъ обыкновенно грѣховнымъ употреблять его въ пищу. Психологія дикаря заставляетъ иногда выработать ритуальное жертвоприношеніе тотема. Убитаго тотемического звѣря приносятъ въ опредѣленное время въ жертву, иногда съѣдаютъ его мясо, но въ этихъ случаяхъ само пиршество носить уже совершенно иной характеръ. Тотема нельзя убивать постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ, какъ это дѣлаютъ остыки и вогулы, даже вмѣняющіе себѣ въ честь удачную охоту на медвѣдя. То-же отношеніе къ охотѣ на медвѣдя можно встрѣтить и у нѣкоторыхъ, даже большинства народностей, у которыхъ отмѣченъ этотъ культъ. Между тѣмъ это кажущееся противорѣчіе легко устраивается. Прежде всего, не смотря на уваженіе къ тотему, случаи, когда дикарь убиваетъ его не для ритуальныхъ цѣлей, известны въ этнографической литературѣ: убийство тотема имѣть мѣсто или подъ вліяніемъ необходимости (напр. голода), или если тотемомъ оказывается опасный и вредный звѣрь.

Среди обрядовъ, сопровождающихъ убийство медвѣдя, Фрэзеръ приводить фактъ убіенія медвѣдя въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній оказывается тотемомъ, именно у краснокожаго племени Ottawa, подраздѣленія которого основываются на тотемизмѣ. У этого племени отдельные рода имѣютъ названія животныхъ: заяцъ, сазанъ, чайка, медвѣдь. Если лицо, принадлежащее къ роду медвѣдя, убьетъ медвѣдя, оно устраиваетъ празднество и извиняется предъ нимъ за совершенное убийство; охотникъ увѣряетъ медвѣдя, что ихъ, охотниковъ, дѣти голодны, что дѣти любятъ медвѣдя и желаютъ воспринять медвѣдя въ свои тѣла ¹⁾.

Австралійцы, у которыхъ тотемизмъ можно наблюдать въ его, пожалуй, наиболѣе чистомъ видѣ, тщательно избѣгаютъ убивать и употреблять въ пищу животное, имя которого носить группа, къ которой они принадлежать. Если же голодъ вынудить австралійца воспользоваться тотемическимъ животнымъ въ качествѣ пищи, то онъ старается выразить свое горе, что былъ вынужденъ

¹⁾ Frazer: The golden Bough. II, стр. 113.

съѣсть своего друга, свое собственное тѣло: онъ хватается за грудь, указывая на узы близкаго родства, соединяющаго его съ тотемомъ, выражая этимъ, что онъ съѣдаетъ какъ-бы часть собственного тѣла ¹⁾. Бассуто Африки раздѣлены на тотемические группы, изъ которыхъ каждая обыкновенно носить имя своего тотема—животнаго или растенія. Никто не рѣнится юстировать мясо или носить шкуру животнаго, имя котораго носить его тотемический союзъ. Но если тотемомъ оказывается опасный звѣрь, напр. левъ, его убиваютъ, предварительно принеся ему извиненіе, и затѣмъ подвергаютъ себя очистительнымъ обрядамъ ²⁾. Эти и аналогичные указаннымъ факты даютъ, какъ намъ кажется, ключъ къ устраниенію вышеприведенного возраженія противъ возможности возникновенія культа медвѣдя послѣ убийства его изъ тотемическихъ основъ: убийство медвѣдя и употребленіе въ пищу его мяса могло встрѣчаться и въ случаѣ, если медвѣдь былъ когда-нибудь тотемомъ у остыаковъ и вогуловъ. Онъ является наиболѣе крупнымъ, наиболѣе опаснымъ звѣремъ; необходимость, потребность въ пищѣ или желаніе избавиться отъ непріятнаго сосѣдства могли приводить остыака или вогула къ убийству медвѣдя, даже если онъ считался тотемомъ совершенно такъ же, какъ эти-же соображенія заставляютъ представителя племени Ottawa, хотя бы онъ принадлежалъ къ тотемическому роду медвѣдя, убивать послѣдняго, или австралійца съѣдать подъ вліяніемъ голода своего тотема. Въ самомъ фактѣ употребленія въ пищу медвѣдя и существованія обычая убивать его, нѣть основанія такимъ образомъ видѣть возраженіе противъ возможности происходженія культа медвѣдя изъ тотемизма.

Предположеніе о тотемической основе культа, на которое наводить характеръ обрядовыхъ плясокъ, сопровождающихъ пѣсни, которыя поются во время ночного пиршества въ честь медвѣдя, требуетъ нѣкотораго поясненія. Въ этихъ пѣсняхъ видное мѣсто занимаетъ повѣствованіе изъ жизни медвѣдя, и иляшущіе стараются тѣлодвиженіями изображать воспѣваемаго звѣрия. Пляски, изображающія въ лицахъ воспѣваемое животное или событіе изъ

1) Lang: Muthes, cultes et religion, стр. 60.

2) Lang. I. c. стр. 67.

жизни населенія, были, повидимому, широко распространены среди остяковъ. На нихъ обратилъ особенное вниманіе и Палласъ¹⁾. Въ этихъ пляскахъ, требовавшихъ отъ исполнителей много искусства, ловкости и труда, изображались „отчасти ихъ поступки на промыслахъ разныхъ звѣрей, птицъ и рыбъ, отчасти склонность и разныя особливѣйшихъ звѣрей и птицъ положенія, побѣги, отчасти насыпки надъ своими сосѣдями, и все въ такту по музикѣ... Такъ, напр., видѣлъ я соболиной промысель, обычай и поступки журавлину, лосью, полетъ и поискъ мышей мышелова, птицъ... Труднѣе всего мнѣ кажется, продолжаетъ Палласъ, когда пляшутъ журавля: гдѣ пляшутъ скорчившись, закрывшишь шубою, а сквозь рукавъ продѣваютъ палку, у которой на концѣ надѣвается изъ дерева сдѣланная журавлина голова, и такимъ образомъ или присѣвъ, или совсѣмъ скорчась пляшетъ, дѣлан палкой всѣ движенія, какія настоящій журавль головой производить. Въ плясѣ лося музыкантъ долженъ равнымъ образомъ выражать различный его побѣгъ, рысью или вскачъ, или такъ ходить просто, также и малые отдыхи, какъ лось на побѣгѣ дѣлаетъ для осмотрѣнія, откуда за нимъ гоняется“. Пляски очевидно исполнялись съ большимъ искусствомъ, съ сохраненіемъ типичныхъ особенностей изображаемаго животнаго или лица, такъ какъ Палласъ въ заключеніе добавляетъ: „Надѣяться-бъ кажется нельзя отъ столь дикаго народа, столь искусственныхъ и изрѣдно выдуманныхъ представлений“. Мимическія пляски, какъ известно, весьма широко распространены среди некультурныхъ народностей; способность и стремленіе къ подражанію могутъ быть признаны характерной чертой первобытнаго человѣка. Если въ пляскахъ дикарь особенно часто любить изображать представителей окружающей его фауны, то это конечно объясняется главнымъ образомъ вліяніемъ охотничьяго быта на его воображеніе: однако одновременно съ плясками, въ которыхъ фигурируютъ животныя, дикарь знаетъ и любить пляски, мимически представляющія войну, особенности своихъ сосѣдей и пр. Остяки напр., по словамъ Палласа, изображали и русскихъ женщинъ, идущихъ мыть платы на рѣку, и другія сцены изъ своей жизни. Некультурные народы,

¹⁾ Палласъ: Путешествіе. III, пол. 1-ая, стр. 85, 86.

однимъ словомъ, широко пользуются присущей имъ способностью къ подражанію.

Бушмены и австралійцы, не менѣе чѣмъ остики, приводили въ удивленіе изслѣдователей своимъ умѣніемъ до мельчайшихъ подробностей воспроизводить движения отдельныхъ лицъ и извѣстныхъ породъ животныхъ¹⁾). Существованіе мимическихъ плясокъ естественно объясняется именно развитіемъ подражательной способности у дикарей. Штейненъ описываетъ подробно пляски у туземцевъ центральной Бразилии, при чѣмъ плящущіе весьма часто изображали животныхъ, птицъ, рыбъ и т. д., надѣвали при этомъ шкуру изображаемаго животнаго, украшали себя перьями представляемой птицы и надѣвали, кроме того, на себя еще маски, представляющія головы животныхъ, птицъ, рыбъ²⁾). Мимические пляски, изображающія животныхъ или птицъ, широко распространены среди эскимосовъ, у краснокожаго населенія въ Америкѣ и въ Австраліи. У жителей послѣдней мы встрѣчаемъ пляски, изображающія эму, динго, кенгуру, лягушку, бабочку и пр. Одновременно съ подражаніями животнымъ, австралійцы въ пляскахъ изображали сцены изъ жизни, напр., путешествіе въ лодкѣ, войну и т. п.³⁾.

Особенное удивленіе своему искусству изображать животныхъ австралійцы вызывали въ пляскахъ, изображающихъ кенгуру, эму и динго, состоявшихъ въ подражаніи названнымъ животнымъ. „Ничего не можетъ быть болѣе смѣшнымъ ни болѣе правдоподобнымъ подражаніемъ“, замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей⁴⁾). Пляска является прежде всего вѣнчимъ выраженіемъ извѣстнаго психического состоянія дикаря; если она часто принимаетъ мимический характеръ, то это находитъ себѣ объясненіе въ присущей некультурному человѣку подражательной способности; наконецъ, частое подражаніе представителямъ иѣстной фауны объясняется общимъ строемъ охотничьяго быта, при которомъ именно животныя и птицы обращаются на себя преимущественное вниманіе первобытнаго охотника. Искать источника пляски вообще и въ частности

¹⁾ Grosse: *Die Anfänge der Kunst*, стр. 214.

²⁾ K. v. Steinens: *Unter d. Naturvölkern Brasiliens*, стр. 296 и слѣд. См. также Ehrenreich: *Beiträge z. Völkerkunde Brasiliens*, 30, 34, 51, 70.

³⁾ Grosse. *Die Anfänge der Kunst*, 208 и слѣд.

⁴⁾ Brough Smyth: *The aborigines of Victoria*. I, 173.

мимической непременно въ религиозной міровоззрѣнія дикаря, какъ это дѣлаетъ, напр., Герландъ ¹⁾), вѣтъ никакого основанія, но религиозные мотивы весьма нерѣдко заставляютъ дикаря прибѣгать къ пляскѣ. Ритуальной пляской сопровождаются празднества у многихъ некультурныхъ народовъ, причемъ въ пляскѣ часто стараются изобразить события изъ жизни сверхъестественного существа, въ честь которого устраивается празднество. Въ этихъ случаяхъ мимическая пляска имѣть уже ритуальное значеніе. Религиозные пляски, встрѣченныя въ большомъ количествѣ среди австралійцевъ ²⁾), отмѣчены въ значительномъ числѣ пунктовъ Сѣв. Америки, на о-вахъ Тихаго океана, гдѣ мѣстами употребительны и маски ³⁾; Эренрейхъ упоминаетъ о религиозныхъ пляскахъ у туземцевъ Бразилии ⁴⁾). Въ мѣстностяхъ, гдѣ тотемизмъ играетъ выдающуюся роль въ религиозныхъ представлѣніяхъ, ритуальная пляски нерѣдко изображаютъ события изъ сообщаемой миѳами жизни животнагоtotема; пляски этого рода мимическая. Такого рода мимическая пляски, имѣющія цѣлью изобразить эпизодъ изъ жизни totема, или вообще пляски, гдѣ участники подражаютъ totemu въ своихъ движеніяхъ и нарядѣ, известны въ разныхъ мѣстностяхъ земного шара. Тотемический характеръ, напр., имѣютъ пляски идѣйцевъ племени нутки и мандановъ, у которыхъ существуютъ специальная пляска волка и медведя ⁵⁾, или пляска черепахи у паумари Бразилии, которые исполняютъ эту ритуальную пляску во время празднества, устраиваемаго при первомъ вкушении ребенкомъ мяса ⁶⁾). Естественно, что при господствѣ тотемизма, каждый тотемический союзъ можетъ имѣть свою особую пляску, въ которой мимически изображается тотемъ-животное; при обособленности родовыхъ тотемическихъ группъ, приводящей къ тому, что каждый родъ нерѣдко даже имѣть свою татуировку, часто представляющую рисунокъ тотемического животнаго, нерѣдко и свою, одному ему

¹⁾ Waitz und. Gerland: *Antropologie*, VI, стр. 755.

²⁾ Cp. Grosse: *Die Anfnge der Kunst*, стр. 209 и слѣд.; также Waitz VI. стр. 755.

³⁾ Finsch: *Ethnol. Erfahrungen aus d. Sdsee*, 122 (30).

⁴⁾ Ehrenreich: *Beitr z. Vlkerk. Brasiliens*. О пляскахъ вытекающихъ изъ тотемизма см. Frazer: *Totemism*, стр. 39 и слѣд.

⁵⁾ Lang: *Modern Mythology*, стр. 142.

⁶⁾ Ehrenreich: *Beitr z. Vlkerk. Brasiliens*, стр. 51.

присущую, прическу, воспроизводящую какія-нибудь особенности тотема ¹⁾), мы должны предположить широкое распространение обычая—членамъ тотемического союза имѣть свою обрядовую мимическую пляску, въ искусство которой не посвящены представители другихъ родовъ того-же племени. Насколько знаніе подобнаго рода плясокъ можетъ быть тѣсно связаннымъ съ принадлежностью лица къ тому или другому тотемическому союзу, выясняется на примѣрѣ кафрскаго племени бегуановъ, дѣленіе которыхъ на тотемические рода еще вполнѣ жизненно: чтобы обозначить ихъ обычай называть себя по именамъ животныхъ (напр., люди-крокодилы, люди-рыбы, люди-буйволы и т. д.), они употребляютъ слово *bina*—плясать; поэтому, чтобы узнать, къ какому племени принадлежитъ данное лицо, необходимо спросить его, какую онъ пляску пляшетъ. У бушменовъ миѳологія и культь еще настолько тѣсно связаны съ ритуальной пляской, что если бушменъ не знаетъ какого-нибудь миѳа, онъ отвѣтить спрашивающему: я не пляшу этой пляски; этимъ онъ выражаетъ, что онъ не принадлежитъ къ корпораціи, которая сохраняетъ данное предавіе ²⁾). Возникнувъ на почвѣ тотемизма, подобныя обрядовыя пляски продолжаютъ долго сохраняться въ культь даже тогда, когда тотемическія представленія успѣли уступить другимъ, болѣе высокимъ, когда духъ-покровитель превратился въ племенное или видовое божество, утратившее совершенно свой первоначальный теріоморфическій характеръ. Прекрасный примѣръ этой живучести обрядовыхъ мимическихъ плясокъ, возникшихъ на почвѣ тотемизма, можно видѣть въ „пляскѣ медвѣдя“, исполнявшейся въ честь Артемиды, тотемическій и зооморфный характеръ которой обнаружены Лангомъ ³⁾.

Пляски, мимически изображающія медвѣдя, употребляемыя осятками и вогулами во время пиршества въ честь медвѣдя, носять, очевидно, религіозный и обрядовый характеръ: онъ сопровождаются пѣсни, въ которыхъ разсказываются легенды о медвѣдѣ и, какъ таковыя, близко подходятъ къ ритуальнымъ тотемическимъ пляскамъ дикарей. Въ виду того, что мимическія пляски, изображающія животныхъ, могутъ имѣть два источника происхо-

¹⁾ Frazer: *Totemism*, стр. 27-30.

²⁾ Lang: *Mythes, cultes et religion*, стр. 67-68.

³⁾ Lang: *Modern Mythology*, стр. 137-147; см. также его *Mythes ect.*, стр. 512—524.

жденія — тотемизмъ и простое подражаніе — только тогда можно съ полной увѣренностью говорить, что пляска вытекаетъ изъ тотемическихъ основъ, когда группа, исполняющая ее, признаетъ своимъ тотемомъ то животное, которое она изображаетъ въ плясѣ. Относительно остыковъ и вогуловъ поэтому нѣть возможности выставить это положеніе вполнѣ опредѣленно: медвѣдь, равно и другія чтимыя ими животныя, утратили тотемический характеръ, предполагая, что они его когда-нибудь имѣли; слѣдовательно, о происхожденіи мимическихъ плясокъ у названныхъ народностей можно дѣлать двоякое предположеніе: 1) что эти пляски исключительно подражательныя, вызванныя къ жизни господствомъ охотничьяго быта; 2) что они нѣкогда носили тотемический характеръ, что каждый родъ остыковъ имѣть и свою пляску, изображающую его животное-покровителя, тотема, и что лишь впослѣдствіи, съ упадкомъ и забвениемъ тотемизма, съ прекращеніемъ обособленности религіозныхъ представлений въ отдѣльныхъ родовыхъ союзахъ, эти пляски сдѣлались общимъ достояніемъ всего народа. Не касаясь рѣшенія этого вопроса относительно всѣхъ мимическихъ плясокъ, подражавшихъ животнымъ у остыковъ, намъ кажется, что основательнѣе видѣть въ пляскахъ, представляющихъ медвѣдя и исполняемыхъ во время ритуального празднованія, гдѣ всѣ подробности вытекаютъ изъ религіозныхъ представлений остыковъ и вогуловъ, религіозную основу. Эта послѣдняя, очень вѣроятно, можетъ быть тотемической. За это говорить прежде всего сходство самого обычая съ тотемическими обрядами; но она можетъ быть, пожалуй, и случайной. Для насъ пока важность представляеть цѣль, предслѣдуемая при этихъ пляскахъ и пѣсняхъ: онъ имѣть задачей не только веселить духъ убитаго медвѣдя, но и почтить и прославить его; въ нихъ находить себѣ наглядное выраженіе культу, а при этомъ условіи едва ли возможно предполагать, чтобы сама пляска, служащая какъ бы иллюстраціей священной пѣсни, могла возникнуть изъ простого подражанія звѣрю: это послѣднее служить обыкновенно увеселеніемъ, какъ, напр., у лопарей игра-пляска въ олени, когда парни, приложивъ къ уху олены рога, изображаютъ ирвасовъ (самцовъ), а дѣвушки важенокъ (оленей-самокъ); олени рѣзвятся, затѣмъ появляются охотники, вооруженные самострѣлами или луками, и игра представляетъ изображеніе охоты на оленей¹⁾. Къ этой же кате-

¹⁾ Русские Лопари, стр. 340.

горіи игръ-плясокъ слѣдуетъ, очевидно, отнести и игры-пляски остяковъ, изображающія, напр., сцены изъ охотничьей жизни. Такого рода пляски могли исполняться во всякое время; священные пѣсни и пляски въ честь медвѣдя, изображающія послѣдняго, имѣютъ и до настоящаго времени религіозный, ритуальный характеръ. Слѣдовательно, мы имѣемъ полное право отнести ихъ къ разряду религіозныхъ, мимическихъ плясокъ и должны решительно отвергнуть предположеніе, что они должны быть соединены съ категоріей плясокъ чисто подражательныхъ. Вытекаютъ ли они изъ тотемизма или изъ зоолатріи, возникшой на почвѣ страха дикаря предъ сильнымъ звѣремъ, этотъ вопросъ не можетъ быть решенъ опредѣленно, до решения самого вопроса о происхожденіи культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

Одновременное исполненіе не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ медвѣду плясокъ, сопровождающихъ пѣсни о божахъ, объясняется тѣмъ, что остыки и вогулы вѣруютъ, что боги посѣщаются по ночамъ землю и могутъ видѣть устраиваемое людьми торжество въ честь медвѣдя; что при этихъ условіяхъ проявленія культа распространяются не только на медвѣдя, но и на другихъ духовъ, это вполнѣ естественно. Соединеніе этихъ плясокъ, пѣсень и ритуальныхъ драматическихъ представлений съ представленіями, не имѣющими священнаго характера, даже иногда шуточныхъ, не противорѣчить религіозному значенію остальныхъ: культь медвѣдя у современныхъ остяковъ и вогуловъ находится уже на пути къ упадку; далеко не всѣ знаютъ ритуалы празднества, что заставляетъ инородцевъ западной Сибири иногда даже выписывать „какого-нибудь старика, за двѣ—три сотни верстъ, разъ онъ знаетъ всѣ пѣсни и представлія, безъ которыхъ праздникъ не въ праздникъ“¹). При констатированномъ упадкѣ культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ смышеніе ритуальныхъ пѣсень и плясокъ съ неритуальными оказывается вполнѣ естественнымъ.

Весьма характерной чертой культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ оказывается, между прочимъ, мѣры, которыя принимаются населеніемъ для того, чтобы дать медвѣду возможность продолжать свое загробное существованіе; лишивъ медвѣдя путемъ убійства возможности продолжать свою земную жизнь, инородецъ стремится

¹⁾ Н. Л. Гондатти: Культь у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири, стр. 75.

обеспечить ему возможность воскресенія или, по крайней мѣрѣ, спокойнаго существованія въ качествѣ духа. Это отношеніе къ убитому стоитъ въ совершенномъ противорѣчіи съ взглядами не-культурнаго человѣка на сверхъестественныя существа, которыхъ онъ только боится: опасаясь ихъ при ихъ жизни, первобытный дикарь стремится ихъ уничтожить послѣ смерти, чтобы одновременно съ уничтоженіемъ тѣла уничтожить и его духъ. Отсутствіе этихъ мѣръ предосторожности, принимаемыхъ дикарями при зоолатріи въ отношеніи не къ полезному, а къ опасному, вредному звѣрю, тщательныя заботы дать духу возможность инкарнироваться—все это служитъ весьма вѣскимъ доказательствомъ въ пользу происхожденія зоолатрическаго культа изъ основъ тотемизма, когда опасный, вредный звѣрь считался тѣмъ не менѣе духомъ-покровителемъ извѣстной родственной или территориальной группы и, какъ таковой, охранялся отъ окончательного уничтоженія.

Тотема своего дикарь обыкновенно оберегаетъ и въ случаѣ смерти его принимаетъ мѣры къ обезпеченію ему загробнаго существованія: въ отношеніи къ умершему тотемическому животному примѣняются нерѣдко тѣ же обряды, которые употребительны при погребеніи близкихъ родственниковъ. Духъ-покровитель, находящійся во всѣхъ животныхъ опредѣленной породы, не умираетъ при смерти животнаго: онъ только покидаетъ данную плотскую оболочку. Это вѣрованіе, характерное для тотемизма, находитъ себѣ прекрасную иллюстрацію, напр., въ обычаяхъ населенія Самоа. Слѣды тотемизма весьма живы еще среди самоанцевъ, и почитаніе духа-покровителя селенія выражается, между прочимъ, и въ погребальныхъ обрядахъ тотемическаго животнаго. Если кто-нибудь изъ селенія, духомъ-покровителемъ котораго считается, напр., сова, найдетъ мертвую сову, онъ долженъ плакать надъ ней и бить себя камнемъ въ лобъ до крови. Затѣмъ онъ долженъ приступить къ погребенію мертвой птицы съ соблюденіемъ многихъ обрядовъ, какъ и при погребеніи человѣка. Смерть совы, однако, не означала смерть божества: оно считалось живымъ и воплощеннымъ во всѣхъ существующихъ совъ.¹⁾ Первобытный дикарь торжественно хоронить своего тотема и принимаетъ мѣры къ обезпеченію его загробной жизни оттого, что тотемъ ему оказывается полезнымъ. Утилитар-

1) G. Tugnug: Samoa a hundred years ago and long before, стр. 21.

ныя соображенія заставляютъ его прибѣгать къ тѣмъ же пріемамъ и въ отношеніи къ звѣрямъ, охота на которыхъ служитъ ему виднымъ источникомъ пропитанія. Нѣкоторыя племена Сѣв. Америки, напр., вслѣдствіе этого устраиваютъ особыя празднества въ честь рыбъ, если рыболовство играетъ выдающуюся роль въ ихъ экономическомъ бытѣ. Они избѣгаютъ сжигать кости рыбъ, и это потому, что они вѣруютъ, что пока кости съѣденной рыбы цѣлы, духъ ея снова можетъ воплотиться въ рыбу¹⁾. Уничтоженіе костей должно повести и смерть духа. Слѣдовательно, въ интересахъ охотниковъ сохранять кости животныхъ, которая служить въ качествѣ пищи, такъ какъ уничтоженіе костей должно повести за собой и уменьшеніе дичи²⁾. Вѣра, что духъ животнаго или человѣка можетъ инкарнироваться вновь, если его кости сохранены, весьма распространена среди некультурныхъ народовъ: различій между душой животнаго и душой человѣка первобытный дикарь не знаетъ. Камчадалы, напр., вѣровали, что даже мухи воскреснутъ послѣ смерти и будутъ жить въ загробномъ мірѣ.

Лопари³⁾ раздѣляли это вѣрованіе въ загробное существованіе представителей фауны. Вслѣдствіе этого кости жертвенныхъ животныхъ тщательно собирались и погребались, чтобы дать возможность воскреснуть жертвѣ. Это воззрѣніе о необходимости сохранять кости въ цѣлости стоитъ, въ свою очередь, въ зависимости отъ весьма распространенного вѣрованія, что душа находится въ тѣснѣйшей связи съ своей тѣлесной оболочкой. Поврежденія послѣдней отражаются на душѣ. Краснокожіе Америки вѣрятъ, что духъ человѣка переходитъ въ загробный міръ въ томъ видѣ, въ какой лицо имѣло при жизни: если оно не имѣло при жизни ноги, и духъ его явится одногонимъ: если оно было слѣпымъ, будеть и его духъ⁴⁾ и т. д.

Австраліецъ изъ этихъ же соображеній отрѣзаетъ у убитаго врага большой палецъ правой руки, чтобы духъ убитаго не могъ въ него бросить копья: этимъ онъ дѣластъ враждебно относящагося къ нему духа безвреднымъ⁵⁾. Слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, ког-

1) *Frazer: The golden Bough.* II, стр. 119.

2) *ibid* стр. 123.

3) *Русскіе Лопари*, стр. 180.

4) *Dodges: Our wild Indians*, стр. 180.

5) *Robinson: Die Psychologie d. Naturvölker*, стр. 95.

да дикарь стремится дать возможность духу воскреснуть или появиться не въ изувѣченномъ видѣ въ загробномъ мірѣ, онъ всегда заботится о сохраненіи костей и вообще останковъ умершаго.

Вполнѣ естественно, что такое заботливое отношеніе проявляется къ полезнымъ животнымъ, какъ, напр., у населенія Америки къ рыбамъ; но тамъ, гдѣ оно направлено къ звѣрю опасному и вредному, внушающему только страхъ, оно не можетъ имѣть другого основанія, кромѣ вѣрованія, что убитый звѣрь является инициаціей духа-покровителя.

Фрэзеръ¹⁾ указываетъ, что и медвѣдь, какъ крупная дичь, дающій въ изобиліи пищу населенію, снабжающій охотника шкурой, долженъ считаться полезнымъ.

У айновъ, на которыхъ онъ ссылается, это дѣйствительно такъ, но у остяковъ и вогуловъ мы видимъ другое отношеніе. Мясо медвѣдя дѣйствительно съѣдается, но шкура его обыкновенно, до послѣдняго времени по крайней мѣрѣ, не шла въ пользованіе убившихъ: она жертвуется богамъ. Дѣйствительно, въ настоящее время случаи продажи шкуры встрѣчаются изрѣдка, въ особенностіи у болѣе обруслыхъ прииртышскихъ остяковъ, что объясняется фактомъ упадка культа²⁾). Доказательствомъ, что въ болѣе отдаленное время убивавшій не пользовался шкурой, служитъ, кромѣ частыхъ случаевъ принесенія, въ болѣе глухихъ мѣстахъ, шкуры въ даръ богамъ, и до настоящаго времени еще то уваженіе вообще къ медвѣжьей шкурѣ, которое застали у остяковъ прежніе изслѣдователи. Такъ Бѣлявскій³⁾, напр., сообщаетъ о сувѣрномъ уваженіи, которымъ окружали остыки между Березовымъ и Обдорскомъ бывшую на немъ медвѣжью шкуру. „Остыки, имѣть онъ, никогда не допускали меня положить ее на мѣсто, но держали въ рукахъ нараспашку до тѣхъ поръ, пока я опять надѣвалъ ее... Я... не безъ удивленія наблюдалъ, съ какимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ разсматривали они смертную оболочку своего божества, и, похаживая около моей шубы, напечтывали вѣроятно молитвы.

Только когти и клыки убитаго медвѣдя вырываются и сохра-

¹⁾ Frazer. The golden Bough II, стр. 132.

²⁾ Н. Л. Гондатти I. с. стр. 77; Patkanow, т. с. стр. 130.

³⁾ Повѣдка къ Ледовитому морю. 1833 г. стр. 92.

няются въ качествѣ предметовъ, имѣющихъ религіозное значеніе. Такимъ образомъ медвѣдя едва ли возможно причислить къ числу животныхъ, полезныхъ осякамъ и вогуламъ. Если къ этому прибавить, что устройство празднества стдитъ всегда большихъ расходовъ, что когда не достаетъ припасовъ у лица, устраивающаго праздникъ, сосѣди спѣшать ему на помощь и приносять припасы, не требуя впослѣдствіи отдачи, далѣе, что мотивомъ современныхъ осяковъ при продажѣ шкуры является желаніе возмѣстить расходы ¹⁾), — едва ли возможно говорить, что охота на медвѣдя оказывается виднымъ источникомъ для существованія осяка или вогула. Пищей осякъ и вогулъ сравнительно обеспеченъ, а прежде до уменьшенія дичи, замѣчаемаго въ настоящее время, очевидно, былъ обеспеченъ въ большей степени: слѣдовательно, голодъ едва ли можетъ считаться импульсомъ къ охотѣ на медвѣдя; шкурой инородецъ не пользуется, празднество вовлекаетъ его въ расходы, и весь результатъ охотничьяго подвига сводится къ полученню клыковъ и когтей. Если же мы предположимъ, что осякъ убивалъ медвѣдя, какъ опаснаго сосѣда, намъ останется непонятнымъ священное значеніе, придаваемое медвѣдю, и тѣ мѣры, которыхъ принимаются для обезищенія инкарнаціи медвѣдя или сохраненія его духа путемъ сохраненія костей: „при сдираніи шкуры, при варкѣ мяса—кости никогда не раздробляются, а всегда разъединяются по суставамъ“, замѣчаетъ Н. Л. Гондатти. Подобное же отношеніе къ костямъ убитаго медвѣдя мы встрѣчаемъ и у другой финской народности—лопарей: въ прежнее время, когда культь медвѣдя у нихъ былъ еще въ силѣ, кости не переламывались, какъ это обыкновенно дѣжалось съ костями другихъ животныхъ для высыпыванія мозга, и тщательно собирались и затѣмъ закапывались ²⁾). Доказательствомъ, что въ основѣ обычая осяковъ и вогуловъ сохранять въ цѣлости кости медвѣдя лежало, какъ и у прочихъ народностей, у которыхъ мы встрѣчаемъ аналогичные обряды, желаніе сохранить духъ медвѣдя, служитъ слѣдующее обстоятельство: въ тѣхъ случаяхъ, когда медвѣдь оказывается врагомъ населенія, вогулъ иститъ звѣрю, убиваетъ его и не только не оказываетъ ему зна-

1) Ratkanow: Die Irtysch-Ostjaken, стр. 130. Н. Л. Гондатти: Культь медвѣдя, стр. 75.

2) Русские Лопари, стр. 201.

ковъ уваженія, но даже старается окончательно уничтожить его, т. е. вмѣстѣ съ тѣломъ убить его духъ. „Если при охотѣ медвѣдь задергть кого нибудь изъ охотниковъ, то братъ или вообще близкій родственникъ убитаго обязательно найти этого медвѣдя и или убить его или погибнуть“ ¹⁾.

Остакъ и вогуль переносятъ такимъ образомъ институтъ кровной мести на звѣра. Если родственнику удастся отомстить виновному медвѣдю, „тѣло медвѣда вмѣстѣ со шкурой и костями сжигають на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ зарѣзанъ человѣка, и послѣ этого такой охотникъ можетъ, въ случаѣ еще удачной охоты, уже не соблюдать никакихъ обрядовъ и даже можетъ разрубить кости медвѣдя“. Въ обычаяхъ примѣняютъ кровную месть въ отношеніи къ животнымъ остаткамъ и вогулы не стоятъ изолированно: совершенно аналогичное отношеніе встрѣчается, напр., у населенія Мадагаскара, которое никогда не убиваетъ крокодиловъ, за исключеніемъ когда кто-нибудь изъ жителей будетъ умерщвленъ крокодиломъ; въ этихъ случаяхъ къ послѣднимъ примѣняется *lex talionis*, какъ и у нашихъ инородцевъ къ медвѣдю. Населеніе, живущее около оз. Итази на Мадагаскарѣ, ежегодно даже обращается къ крокодиламъ съ заявлѣніемъ, что оно будетъ убивать столько крокодиловъ, сколько эти погубятъ людей; при этомъ предупреждаютъ расположенныхъ благопріятно къ людямъ крокодиловъ, чтобы они держались въ сторонѣ, такъ какъ люди находятся въ ссорѣ не съ ними, а лишь съ тѣми, которые причиняютъ вредъ кому нибудь изъ ихъ близкихъ ²⁾.

Въ заговорѣ при отпускѣ скота, помѣщенному въ Калевалѣ, особенное вниманіе обращается на медвѣдя: съ нимъ заключается договоръ.

„Отсо (широколобый, эпитетъ медвѣдя), яблочко лѣсное,

Ты медовую гнѣшь лапу!
Мы съ тобою сговоримся,
Заключимъ мы миръ съ тобою
На все время нашей жизни,
На тѣ дни, что проживемъ мы.

¹⁾ Н. Л. Гондатти: Культъ медвѣдя, стр. 78.

²⁾ Frazer: The golden Bough. II, стр. 109-110; см. Леббокъ: Начало цивилизаций, стр. 193.

Медвѣдь не долженъ нападать на скотъ лѣтомъ; онъ долженъ держаться въ сторонѣ отъ стада. Медвѣдю предлагается, если онъ захочетъ битвы съ человѣкомъ, отложить послѣднюю до зимы. Его предупреждаютъ, что если онъ не исполнитъ уговора, на него нападутъ и убьютъ ¹⁾.

Сжигая кости виновнаго въ смерти человѣка медвѣдя, инородецъ уничтожаетъ послѣднаго окончательно: онъ умерщвляетъ его духъ. И въ этомъ отношеніи мы видимъ у остяковъ и вогуловъ лишь примѣненіе широко распространеннаго возврѣнія у многихъ некультурныхъ народовъ, что душа не является бессмертной: она можетъ быть убита, если окончательно уничтожить тѣло.

Мысль дикаря настолько связываетъ духъ съ тѣломъ, что заставляетъ придумывать рядъ средствъ, между прочимъ и для того, чтобы оградить живущихъ отъ посѣщенія ихъ душами умершихъ. Утаптыванье могильной земли, положеніе камней на могилу, связыванье, иногда изувѣчиванье покойника и т. п. ²⁾ многочисленные приемы, въ столь большомъ количествѣ отмѣченныя у некультурныхъ народовъ въ разныхъ частяхъ земного шара, наглядно свидѣтельствуютъ, что нерѣдко культу мертвыхъ предшествовала эпоха, когда дикарь спѣшилъ въ отношеніи къ умершему принять рядъ мѣръ, чтобы помѣшать его духу покидать могилу и тревожить живыхъ. Къ числу такихъ мѣръ относятся, какъ извѣстно, и бросаніе покойника на съѣденіе звѣрямъ, сожженіе и т. п. въ ихъ первоначальномъ значеніи, когда развитіе этическихъ и религіозныхъ началъ еще не вынудило дикаря пріискать благочестивые мотивы для объясненія этихъ и другихъ подобныхъ похоронныхъ обрядовъ. Негритянки въ Матамбѣ бросали трупы своихъ му-

1) Если-жъ ты сюда вернешься,
Подойдешь ты къ этимъ рощамъ,
На тебя мы устремимся.
Много женщинъ есть искусныхъ,
Да при домѣ есть хозяйка,
Что тебѣ пути испортить,
Дасть несчастье на дорогѣ,
Чтобы ты вреда не дѣлалъ,
Не принесъ стадамъ погибель"...

(Калевала, р. 32. Пер. Бѣльского, стр. 413—416).

2) Ср. писат.: *Principes*, II, стр. 217, *Robinson: Psychologie*, стр. 44, 95.

жей въ море, чтобы утопить вмѣстѣ съ тѣлами и души покойниковъ. Населеніе Чили сжигало своихъ шамановъ-колдуновъ со всѣмъ имуществомъ, чтобы не оставалось ничего послѣ покойника, что могло бы принести несчастіе и т. д. ¹⁾). Пріемы уничтоженія душъ покойниковъ, которые по смерти внушаютъ страхъ, сохраняются透过千百年的文化传统 въ обычаяхъ хотя бы сожигать колдуновъ: нѣть ничего удивительного, что мстящій за смерть родственника остыкъ не ограничивается убійствомъ медвѣдя, но, опасаясь преслѣдованія со стороны его духа, стремится, хотя бы и безсознательно, уничтожить послѣдняго, прибѣгая для этого къ старому, сохранившемуся отъ далекой старины, пріему уничтожать огнемъ тѣло, чтобы этимъ уничтожить и духъ могущаго быть враждебнымъ по смерти существа.

Инородцы западной Сибири такимъ образомъ знаютъ средство оградить себя отъ мести со стороны духа убитаго медвѣдя: они примѣняютъ его всякий разъ, когда желаютъ отомстить звѣрю за смерть близкаго. Если они не пользуются этимъ же средствомъ въ отношеніи къ другимъ убиваемымъ имъ медвѣдямъ, если они предпочитаютъ умилостивлять духъ медвѣдя жертвоприношеніями и дорогого стоящими празднествами, обезпечивающими имъ возможность спокойнаго существованія въ качествѣ духа, то происходитъ это оттого, что они дорожатъ медвѣдемъ и не желаютъ его окончательного уничтоженія. Такъ какъ утилитарныя соображенія, заставляющія джарей прибѣгать къ аналогичнымъ пріемамъ въ отношеніи къ представителямъ фауны, охота на которыхъ играетъ видную роль въ экономическомъ бытѣ населенія, не имѣютъ мѣста въ отношеніи охоты на медвѣдя у остыковъ и вогуловъ, остается признать, что медвѣдь являлся въ первобытныхъ представленіяхъ не опаснымъ животнымъ, а скорѣе наоборотъ покровителемъ населенія, вслѣдствіе чего послѣднее и было озабочено, въ случаѣ необходимости убивать медвѣдя, чествовать его и гарантировать его духу, посредствомъ сохраненія его костей, спокойную жизнь въ загробномъ мірѣ. Приведенные соображенія заставляютъ сомнѣваться, что источникомъ культа медвѣдя у остыковъ и вогуловъ было чувство страха, внушаемое наиболѣе крупнымъ представителемъ мѣстной фауны: если-бы это было такъ, мы могли бы

¹⁾ Robinson: Psychologie, стр. 43—44.

объяснить еще обоготвореніе медвѣдя, иѣкоторыя черты культа, извиненія за совершенное убійство, но едва ли подыскали бы объясненіе, почему инородцы западной Сибири, имѣя въ рукахъ счи-таемое ими дѣйствительнымъ средство избавиться отъ мести духа убитаго звѣря, не только не пользуются имъ, но наоборотъ съ та-кой заботливостью сохраняютъ кости медвѣдя, позволяя его духу или воплотиться вновь или неповрежденнымъ прійти въ царство тѣней. Но если поклоненіе медвѣдю у вогуловъ и остяковъ пови-димому не имѣть своимъ источникомъ чувство страха, если оно слѣдовательно должно быть отнесено къ той категоріи проявленія зоолатріи, которая имѣть своимъ источникомъ тотемизмъ, вѣру, что почитаемое животное оказывается и покровителемъ группы, то спрашивается, можетъ ли подобное предположеніе найти себѣ под-твержденіе въ характерѣ представлений инородцевъ о медвѣдѣ, какъ сверхъестественномъ, божественномъ существѣ?

Н. Харузинъ.

(Окончаніе следуетъ).

ОЧЕРКИ БЫТА ЮЖНО-РУССКИХЪ БОЛГАРЪ.

I. Родинные и свадебные обычаи.

Вместо вступления.

Вся южная, восточная и съверо-восточная часть Бердянского уѣзда Таврической губерніи усеяна болгарскими селеніями, обыкновенно хорошо обставленными, съ большими каменными домами, салями, конюшнями и т. п. Во всемъ виденъ достатокъ и обеспеченность. Конечно, среди этихъ селеній есть также и селенія, не отличающіяся особенною обстановкою; но такихъ очень мало и во всякомъ случаѣ и въ этихъ сравнительно бѣдныхъ поселкахъ нѣть той забитости и приниженнности, которымъ обыкновенно являются неразрывными спутниками материальной необеспеченности. Эти болгарскія поселенія сложились въ Бердянскомъ уѣзда въ 61 и 62 годахъ, когда болгары въ числѣ 60 тысячъ душъ обоего пола переселились сюда изъ Бессарабской губ., получивъ по 50 десятинъ цѣльной казенной земли на номеръ. Переселеніе было сопряжено для народа съ большими трудностями и лишеніями.

Новая мѣстность, богато одаренная природою, недружелюбно встрѣтила своихъ будущихъ питомцевъ, которые должны были поселиться на первое время въ полуразрушенныхъ татарскихъ аулахъ и начать снова обзаводиться хозяйствомъ.

Эта работа многимъ показалась тяжелою да и не интересною, тѣмъ болѣе, что въ Бессарабіи у нихъ остались хотя и не особенно хорошия, но уже устроенные хозяйства. Ничего другого не оставалось, какъ возвратиться къ старымъ пенатамъ въ Бессарабію, что нѣкоторые изъ крестьянъ и сдѣлали. Но, къ сожалѣнію, мать-родина оказалась на этотъ разъ для нихъ злой мачехой. Если въ Таврической губерніи родственники переселен-

цевъ, ушедшихъ обратно въ Бессарабію, могли на время расположиться въ татарскихъ аулахъ, покинутыхъ своими прежними обитателями, то возвратившіеся въ Бессарабію принуждены были довольствоваться только открытымъ небомъ да широкимъ степнымъ просторомъ, потому что старыя жилища представляли теперь изъ себя груду развалинъ. Оставаться въ такомъ положеніи долгіе, вдали отъ своего стада, не было никакой возможности, и вотъ начинается обратное движение переселенцевъ въ Таврическую губернію къ своимъ родичамъ, которые къ этому времени уже успѣли немного обставитья, поустроиться, такъ что вновь прибывшіе переселенцы изъ Бессарабіи, какъ лица, заявившія протестъ противъ переселенія, остались теперь въ сторонѣ отъ своихъ обществъ, а дѣти ихъ и по настоящее время влачать жалкое существованіе въ роли приживальщиковъ то у того, то у другого изъ зажиточныхъ крестьянъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ исторія заселенія Бердянскаго уѣзда болгарскими колонистами. Занимаясь изученіемъ русской народно-устной поэзіи и въ тоже время присматриваясь къ быту болгаръ, въ средѣ которыхъ мнѣ приходилось бывать каждыя лѣтнія каникулы, я не могъ не замѣтить того богатства поэзіи, которую дышетъ каждый шагъ духовной жизни этого народа. При всей своей виѣшней непривлекательности, при недовѣрчивомъ отношеніи ко всѣмъ проявленіямъ культурнаго прогресса и часто даже враждебномъ отношеніи къ просвѣщенію, народъ этотъ привлекателенъ поэтической простотою своей духовной жизни. Недовѣрчивое, къ сожалѣнію, отношеніе народа къ просвѣщепію, а потому и сравнительно низкая ступень его развитія глубокими слѣдами отразилась на всей жизни болгарина, сумѣвшаго сохранить въ своихъ обычаяхъ и пѣсняхъ такія черты общеславянскаго быта, какія уже давно утрачены другими вѣтвями этого громаднаго дерева славянской народности.

Въ обычаяхъ болгаръ, какъ и вообще въ обычаяхъ всякаго простого народа, большую роль играетъ суетѣріе. Смѣло можно сказать, что половина обычаяевъ болгарина выросла на почвѣ суетѣрія, другая же половина этихъ обычаяевъ отчасти выросла на почвѣ чисто исторической, отчасти явилась результатомъ требований климата и мѣста.

Первоначально-массовая привычка, обычай постепенно принялъ

въ глазахъ народа характеръ закона; народъ возвелъ привычку на степень закона, исполненіе котораго составляетъ нравственную обязанность человѣка и необходимое требование его общественной жизни.

„Кво жъ излѣзи уть ѿнува куту сѣкій зѣми да прѣви тъй какъ ту штѣ“¹⁾), говоритьъ болгаринъ, и нравственный упадокъ, замѣчаемый въ послѣднее время въ своей средѣ, объясняется ничѣмъ другимъ, какъ именно несоблюденіемъ извѣстныхъ обычаевъ.

Миѣ хотѣлось бы прослѣдить, по возможности не упустивъ никакой подробности, всю жизнь болгарины, начиная со дня его рожденія и кончая смертью. Насколько успѣю въ выполненіи своей цѣли—указать дальнѣйшее, сейчасъ же я пока ограничусь родинными и свадебными обычаями.

Въ заключеніе своего „вмѣсто вступленія“ я позволю себѣ выразить искреннюю благодарность гг. народнымъ учителямъ Асанасію Васильевичу Варбанскому и Василію Ивановичу Гогунскому за то содѣйствіе, которое они оказали мнѣ при собирашеніи материала.

А. Родинные обычай.

Такое важное явленіе въ жизни семьи, какъ появленіе на свѣтѣ новаго человѣка, сопровождается у болгаръ очень многими обычаями.

Уже задолго до рожденія ребенка, съ нетерпѣніемъ ожидаемаго матерью, въ домѣ идутъ дѣятельныя приготовленія къ принятію его въ лоно семьи. Появленіе на свѣтѣ ребенка сопровождается особымъ пиромъ, называемымъ „малка пита“²⁾.

Одна изъ молодыхъ хозяекъ дома, гдѣ родился ребенокъ, спѣшить наскоро испечь прѣсный хлѣбъ, называемый „пита“, и сварить какую нибудь незатѣйливую єду. Когда кушанье готово, она же или другая въ этомъ возрастѣ женщина, взявъ въ руку небольшую палочку—символъ рожденія мальчика, или камышинку—символъ рожденія дѣвочки, отправляется созывать самыхъ близкихъ родныхъ родильницы—только женщинъ—навѣстить ро-

1) Т. е.: „что выйтѣть изъ того, если каждый станетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію?“ Въ правописаніи сохранены оттѣнки мѣстнаго говора. (з кур. сив.=юсь).

2) Небольшая, предварительная „пита“.

дильницу и посмотреть на новорожденного. Обыкновенно на это угощенье собирается не больше 6 или 7 женщинъ. Время проводится въ ъдѣ, питьѣ и разговорѣ о совершившемся событиї. Мать родильницы приносить ей угощенье и какой нибудь подарокъ новорожденному: одѣяло, кусокъ матеріи или что-нибудь въ этомъ родѣ. Подарки эти вѣшаются надъ колыбелью новорожденного, чтобы ихъ могли видѣть всѣ присутствующіе. Родственницы дарятъ новорожденному пятаки со словами: „да си купи кърпа“¹⁾, ¹⁾ если новорожденный—дѣвочка, или: „да си купи свѣрка“²⁾, ²⁾ если новорожденный—мальчикъ. На этомъ угощениі, какъ уже было указано и выше, имѣютъ право присутствовать только женщины, а если туда случайно попадетъ мужчина, то женщины всячески стараются удалить его, пуская въ ходъ колкія остроты, насмѣшки и т. п. Это предварительное, такъ сказать, угощенье продолжается очень не долго. Гости расходятся по домамъ и скоро разносятъ всѣмъ роднымъ и знакомымъ извѣстіе о родинахъ у такой-то особы, и уже на другой день или на третій, смотря по состоянію здоровья родильницы, затѣвается такъ называемая „гуляма пита“³⁾ т. е. пиръ на весь міръ, на который приглашаются уже всѣ родственницы (опять только женщины). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ иногда устраивается еще третій разъ угощенье, называемое „понуда“, но эта „понуда“ устраивается не всегда и не вездѣ. Новорожденный же въ это время находится подъ наблюденіемъ повивальной бабки, которая въ домѣ новорожденного дѣлается теперь полной хозяйствкой, и всѣ относятся къ ней, какъ къ хозяйствѣ, съ особымъ почтеніемъ; слово ея свято, и прекословить ей не имѣеть права никто. Не мало бѣдъ творять эти бабки въ домѣ родильницы, но эти бѣды проходятъ имъ безнаказанно. Больные всего безобразій творять онѣ надъ родильницей и новорожденнымъ младенцемъ. Если родильница послѣ родовъ бываетъ больна, то бабка съ своими шептаніями и заговорами является въ домѣ врачамъ, попеченіямъ которого вѣряется больная. Въ продолженіе нѣсколькихъ первыхъ дней эта же самая бабка купаетъ новорожденного, причемъ

¹⁾ Т. е. пусть купить себѣ платокъ.

²⁾ Пусть купить себѣ дудку.

³⁾ Большая „пита“.

купанья свои сопровождаеть всевозможного рода манипуляциями надъ ребёнкомъ, обращаясь съ нимъ очень часто совсѣмъ неделикатно. Напримѣръ, при первомъ купаніи она съ какимъ-то многозначительнымъ, конечно, для нея и тѣмъ болѣе для простого народа, причмокиваніемъ ломаеть младенцу руки, и затѣмъ запускаеть ему въ ротъ палецъ и, уширая имъ въ нѣбо рта ребенка, встряхиваеть его нѣсколько разъ и такимъ образомъ вынимаетъ изъ ванны. На слѣдующій день передъ вечеромъ та же бабка, искупавъ младенца, основательно посыпаетъ его солью особенно на изгибахъ суставовъ, считая это необходимымъ для предотвращенія въ будущемъ потѣнія тѣла.¹⁾ На третій день послѣ рожденія ребенка, вечеромъ съ заходомъ солнца всѣ въ домѣ стараются поужинать какъ можно скорѣе. Новорожденного поверхъ пеленокъ одѣваютъ въ отцовскую новую рубаху, у изголовья кладутъ цѣлый хлѣбъ съ кускомъ соли и серебряною монетою, зажигаютъ тусклый огонекъ и всѣ въ семье въ этотъ вечеръ остаются бодрствовать какъ можно долѣе, до полуночи, въ ожиданіи посыщенія новорожденного какими-то невидимыми духами, именуемыми въ народѣ, „урисницы“, которые по повѣрью народа въ этотъ вечеръ назначаютъ судьбу новорожденному. „Урисницы“ эти говорятъ вслухъ, и ихъ будто бы можно слышать, а въ виду этого всѣ въ домѣ въ этотъ третій день хранять глубочайшее молчаніе. Только уже послѣ всего вышеизложенного родители новорожденного начинаютъ подумывать о крещеніи ребенка. Но если ребенокъ рождается слабымъ, то обрядъ крещенія совершается надъ нимъ прежде всего, а затѣмъ уже все вышеизложенное. Во всякомъ случаѣ крестить ребенка

1) Нѣкоторые, напр. г. Водовозова въ своемъ сочиненіи „Жизнь европейскихъ народовъ“, указывая этотъ обычай, говорятъ, что совершается онъ съ тою цѣлью, чтобы съ самого дѣтства пріучить человека переносить въ будущемъ всевозможного рода невзгоды. Не будетъ ли болѣе рациональнымъ объяснить этотъ обычай результатомъ гигиеническихъ требованій? Въ жаркомъ климатѣ при недостаткѣ воды, напр., во время полевыхъ работъ въ степи, соль могла играть роль средства, предотвращающаго всякаго рода разложенія. Вызванный первоначально необходимостью прибѣгать къ посредству соли, народъ впослѣдствіи свыкся съ этой необходимостью, возвѣвъ ее на степень обычая, и въ настоящее время обычай этотъ живетъ въ народѣ къ большому неудовольствію двухдневныхъ малютокъ, традиціонно переходя изъ рода въ родъ.

въ болгарской семье очень торопятся, потому что по народному повѣрю оставаться новорожденному ребенку некрещеннымъ одному, безъ присутствія съ нимъ кого-бы то ни было, нельзя, да къ тому же и мать въ крестьянской семье не можетъ долго оставаться безъ дѣла, и очень часто, не успѣвъ оправиться отъ родовъ, она принуждена бываетъ подыматься съ постели на работу. Если мать отлучается на время отъ новорожденнаго, то около него она оставляетъ ножницы, или метлу. Отецъ новорожденнаго долженъ позаботиться о приглашеніи ко дню крещенія кума ¹⁾, который, нужно сказать, передается въ болгарской семье изъ рода въ родъ, т. е., если, положить, онъ воспринимаетъ дѣтей у меня, то онъ же воспринимаетъ ихъ и у моихъ дѣтей, а затѣмъ и у моихъ внуковъ и т. д. Отецъ является къ куму не иначе, какъ съ какою либо выпивкой и угощеніемъ, состоящимъ изъ орѣховъ и изюма, что называется „мизѣ“, и извѣшаетъ кума о цѣли своего посѣщенія; это дѣлается обыкновенно за вѣсолько дней до крещенія, потому что и кумъ съ своей стороны долженъ приготовиться къ этимъ крестинамъ; а приготовленія его состоять въ слѣдующемъ: онъ покупаетъ для новорожденнаго одѣяло, при чѣмъ здѣсь соблюдается иѣкоторый, такъ сказать, рангъ, т. е., если воспринимаемый ребенокъ является первымъ въ практикѣ кума, то онъ преподносить ему одѣяло подороже, а если воспринимаемый ребенокъ является уже не первымъ, то тогда преподносится одѣяло попроще; кромѣ одѣяла кумъ привозаетъ вѣсолько аршинъ полотна для пеленокъ и все это приносить съ собою въ церковь, куда онъ является въ назначенный день, вѣстя съ кумомъ, которую обыкновенно самъ же выбираеть изъ своей семьи. Послѣ обряда крещенія кумъ и кума въ сопровожденіи повивальной бабки съ ребенкомъ возвращаются къ его родителямъ; при этомъ мать вовокрещенного ребенка встрѣчаетъ кума у первыхъ дверей дома, и если новорожденный—мальчикъ, то его передаетъ матери кума, а если дѣвочка, то передаетъ его кумъ, произнося всякий разъ при этомъ трижды: „ты мнѣ дала его евреемъ, а возвращаю его тебѣ христіаниномъ“ („Дади ми гу евреемъ, а въ ти гу ристенче, т. е. христіанче“). Въ домѣ въ это время зажигаются свѣчи, которые принесли съ со-

¹⁾ Т. е. крестнаго отца.

бою изъ церкви кумъ и кума, а мать, принявъ ребенка, и передавъ его кому-либо изъ домашнихъ, сливаетъ на руки куму и кумъ и предлагаетъ имъ подарки и небольшое угощеніе, послѣ чего отецъ новорожденного отвозитъ ихъ домой. Но немнogo отдохнувъ, кумъ и кума снова отправляются къ родителямъ ново-крещенаго, гдѣ ихъ уже ожидаютъ всѣ приглашенные родственники новорожденаго. Куму и кумъ предназначается, конечно, первое мѣсто за столомъ; при этомъ они опять получаютъ по-дарки: кумъ обыкновенно рубаху, а кумѣ—платокъ, и въ свою очередь дарятъ какіе-либо подарки матери.

Б. Свадебные обычай.

„Уро“, „сборы“ и „сполянки“.

Пѣсня—единственный выразитель горя и радости русского народа, входить также и въ сферу духовной жизни болгарина. И радость, и горе, и трудъ, и веселье—все сопровождается у болгарина пѣвіемъ. Но относительно пѣнія болгаръ нужно сказать, что носителями пѣсенной поэзіи являются у нихъ исключительно женщины; голоса мужчины почти не слышно, потому что его пѣніе напоминаетъ скорѣе какое-то бурчаніе подъ носъ, а не пѣсню, ту пѣсню, какую можно услышать въ русскомъ народѣ, пѣсню, то какъ бы рвущуюся на волю изъ груди народа, то занывающую гдѣ-то въ глубинѣ души его. Впрочемъ и мужчина болгаринъ имѣетъ иногда случай разойтись, такъ сказать, въ пѣсняхъ и показать слушателямъ всю силу своей поэтической натуры; такой случай представляетъ ему, напримѣръ, свадьба, причемъ пѣсенный репертуаръ мужчины сравнительно съ пѣсеннымъ репертуаромъ женщины отличается гораздо большею содержательностью. Пѣсня болгарки—это заунывный, протяжный и однообразный мотивъ, чуждый сложной инструментировки, а потому и не гармоничный. Вы не найдете здѣсь ни секундъ, ни терцій; мотивъ поютъ всѣ участвующіе въ хорѣ, при отсутствіи какого бы то ни было аккомпанимента.

Въ каждый праздникъ расфранченные дѣвушки и парни выходятъ на сельскія площади и улицы, поютъ пѣсни, хоочутъ, а когда мало по малу соберется достаточное количество публики—начинаютъ водить хороводы, которые заканчиваются вѣ-

сельмы национальнымъ танцемъ, напоминающимъ отчасти русскій казачекъ. Танцуютъ этотъ танецъ всѣ дѣвушки и парни, участвующіе въ хороводѣ, при этомъ дѣвушки держатся за пояса, а парни другъ друга за руки, не разрывая кольца хоровода. Хороводы начинаютъ водить съ ранней весны и заканчиваютъ ихъ позднею осенью. Официальное открытие хороводовъ начинается такъ называемымъ „сборомъ“, когда и молодежь и старики нѣсколькихъ сель съѣзжаются къ заранѣе назначенному дню въ одно какое-нибудь село и устраиваютъ здѣсь общее „хоро“, сопровождаемое национальными танцами и борьбой.

Послѣ каждого хоровода, который болгары называютъ „уро“ или „хжокъ“, когда день уже склоняется къ вечеру, вся компания направляется къ какому-либо колодцу, гдѣ продолжаются тѣ же шутки и хохотъ.

Послѣ окончанія полевыхъ работъ одновременно съ хороводами идутъ такъ называемыя „сѣдянки“. По всѣмъ улицамъ раскладываютъ костры, вокругъ которыхъ садятся дѣвушки съ какимъ-либо рукодѣльемъ, поютъ пѣсни, разговариваютъ, шутятъ, и смѣхъ ихъ бываетъ слышенъ до глубокой ночи. Здѣсь же присутствуютъ и парни, на обязанности которыхъ лежитъ развлеченіе занимающихся дѣломъ дѣвушекъ.

Иногда на эти „сѣдянки“ являются и замужнія женщины; съ появлениемъ такой, всѣ дѣвушки молча, почтительно приподымаются съ своихъ мѣстъ, предлагаютъ прибывшей мѣсто и затѣмъ по ея приглашенію садятся на свои мѣста и опять продолжаютъ свои работы и пѣсни. Съ наступленіемъ холодныхъ осеннихъ ночей „сѣдянки“ переносятся со двора въ комнаты; хороводы уже прекращаются, но „сѣдянки“ продолжаются до самой весны, когда снова возобновляются хороводы и гулянья на свѣжемъ воздухѣ.

Сватанье.

Много было случаевъ молодому парню присмотрѣться къ дѣвушкамъ и намѣтить себѣ подругу жизни. Мы и не замѣтили какъ онъ подѣхалъ къ одной хорошенѣйкой ¹⁾ дѣвушкѣ и ужъ

¹⁾ Общий типъ болгарской дѣвушки отличается особенною симпатичностью. Къ сожалѣнію, дѣвушки-болгарки ужасно любятъ кокетство и,

давно увиається за нею на „уро“ и у колодцевъ; взявъ ее за руку и отведя въ сторону, причемъ та притворно отбивается, оноъ бесѣдуетъ съ ней на подходящія темы и здѣсь же, послѣ долгихъ, конечно, подобнаго рода собесѣдований и уловокъ, просить ея руки, заявивъ предварительно о своемъ рѣшеніи родителямъ. Вмѣстѣ съ согласиемъ дѣвушка даетъ молодому человѣку въ залогъ что-либо изъ своихъ вещей для фактическаго доказательства и подтверждения согласія своего на бракъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ, согласія, которое, какъ мы увидимъ ниже, играетъ очень важную роль въ дѣлѣ сватанья. Здѣсь же молодой человѣкъ условливается съ дѣвушкой, когда ему можно будетъ отправить къ ея родителямъ сватовъ или свахъ. Эти „сватове“ или „сваи“ „заходятъ“ въ субботу или въ праздникъ. Если сваты вполнѣ разсчитываютъ на выигрышъ дѣла, то приносятъ вмѣстѣ съ собою полотенце, васильки, зерна пшеницы и деньги; все это вмѣстѣ называется „лишанъ“, что значитъ—знакъ, залогъ, и есть не что иное, какъ извѣстнаго рода переживаніе въ народѣ, остатокъ той глубокой старины, когда не невѣста приносила съ собою приданое, а его долженъ былъ заплатить родителямъ невѣсты женихъ.

„Питати ли за гости?“ спрашиваютъ сваты;—„питами, питами“, „добрѣ душлѣ“, или же „не питами“—отвѣчаютъ родители невѣсты; по оказанному приему сваты заключаютъ, съ какой энергией имъ дѣйствовать дальше. Начинаются переговоры, уговоренія; здѣсь же условливаются и о приданомъ. Нужно замѣтить, что приданое у болгаръ вовсе не связано съ понятіемъ невѣсты; очень часто даетъ женихъ. Въ первомъ случаѣ такое приданое называется „приданіе“, а во второмъ „бабаѣкъ“. Переговоры ведутся безъ жениха и невѣсты.

Женихъ съ замираниемъ сердца подслушиваетъ у окна, а невѣста находится въ это время въ другой комнатѣ, и только послѣ окончанія переговоровъ на предложеніе родителей невѣсты

простой народъ, не отличающійся особенною культурностью, почти весь, по крайней мѣрѣ 99% ихъ, для большей очаровательности прибѣгаютъ къ посредству всевозможнаго рода косметическихъ снадобьевъ, которыя, какъ ядовитыя вещества, просто губятъ красоту дѣвушекъ; къ этому присоединяется еще вообще недолговѣчность свѣжести юной женщины, такъ что 30-ти мѣсяцъ она выглядываетъ уже совершенной старухой.

опросить её: „какъ ту рѣче мума?“ т. е., какъ скажетъ дѣвушка,—мать или сестра выводятъ ее изъ сосѣдней комнаты. Иногда къ этому времени приглашаютъ со двора и жениха, но его присутствіе всегда бываетъ излишнимъ. Не смѣя поднять головы, является невѣста въ комнату и на вопросъ сватовъ: „искашь ли гу?“, т. е. желаешь ли его, отвѣчаетъ: „жа гу зѣма“ или же „нѣшта гу“, т. е. возьму его или нѣтъ. При всей своей зависимости, доходящей до того, что мужчина считается для себя низкимъ подать руку женщинѣ, или женщина не имѣеть права перейти дорогу мужчинѣ, въ нѣкоторыхъ вопросахъ жизни женщина у болгарь становится на высоту своего положенія какъ человѣка, женщины и хозяйки дома; ея мнѣніе и голосъ тогда имѣютъ рѣшающее значеніе. То же бываетъ и въ данномъ случаѣ: отъ рѣшенія невѣсты зависитъ—состояться или нѣтъ свадьбы.

Если невѣста извѣшила свое согласіе, то она подходитъ къ „лишану“, который въ это время уже лежитъ сверхъ хлѣба, поднесенного домашними, и беретъ хлѣбъ вмѣстѣ съ „лишаномъ“. Съ этого момента молодые люди становятся женихомъ и невѣстой. Послѣ этого идутъ поздравленія сватовъ и родителей.

— „Да ти є честита“—съ такимъ пожеланіемъ поздравляютъ жениха, и „да ти є честитъ“—невѣсту. Основательной попойкой заканчиваются труды сватовъ у родителей невѣсты. Получивъ отъ невѣсты въ подарокъ по полотенцу и перевязавъ ихъ черезъ плечо, размахивая платками по воздуху и привязавъ такие же къ уздечкамъ лошадей, съ криками „и-ху-ху“ и „э-ге-ге-па“ и выстрѣлами выѣзжаютъ сваты со двора невѣсты и ёдуть къ родителямъ жениха.

Не успѣли еще сваты явиться въ домъ родителей жениха, а ужъ родители жениха узнали о результатахъ переговоровъ и заключеніи торговой сдѣлки. Эту радостную вѣсть принесла имъ цѣлая ватага дѣтей и молодыхъ парней, которые подслушивали у оконъ невѣсты и, какъ только узнали результаты переговоровъ, сейчасъ же вперегонку пустились въ домъ родителей жениха, вперегонку—потому, что первые изъ принесшихъ эту вѣсть получать хорошіе подарки. Но вотъ подоспѣли и сваты. Родители жениха еще на порогѣ дома встрѣтили ихъ, ввели въ комнату, и тутъ пошли опять поздравленія и попойка. Мать жениха

при этомъ дарить сватовъ полотенцами. Этимъ и заканчивается обрядъ сватанья, называемаго въ болгарскомъ языке— „годѣвавіе“.

Послѣ этого о женихѣ и невѣстѣ говорить, что они уже „гудѣхуса“, т. е. что они уже помолвлены.

„Гудѣжъ“.

Выбравъ удобное для себя время, родители жениха єдутъ къ родителямъ невѣсты и сговариваются, когда дѣлать имъ „гудѣжъ“, а потомъ и свадьбу. „Гудѣжъ“ устраивается или въ субботу ночью или же въ воскресеніе утромъ. „Гудѣжъ“—это уже почти свадьба. Родители жениха приглашаютъ всѣхъ своихъ родственниковъ, то же самое дѣлаютъ и родители невѣсты ¹⁾). На этотъ вечеръ приглашается музыкантъ, который у болгаръ называется „кеменджи-джія“ (отъ слова „кеменчѣ—инструментъ, похожій на скрипку), или же „цигуляріанъ“ (отъ слова „цигулка“—особаго рода музыкальный инструментъ). Всѣ гости собираются въ домъ невѣсты; туда же пріѣзжаютъ и женихъ. Ихъ усаживаютъ за столъ, установленный всевозможными яствами и питіями; но къ этимъ яствамъ никто изъ нихъ не прикасается до тѣхъ поръ, пока не будутъ совершены извѣстныя церемоніи, которая состоять въ слѣдующемъ: мать жениха преподносить невѣстѣ хорошо испеченный хлѣбъ, имѣющій плоскую форму, въ одинъ или полтора вершка вышины и приблизительно аршинъ въ діаметрѣ; вмѣстѣ съ этимъ невѣстѣ дается платье, кольца, браслетъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, иногда червонцы, называемые у болгаръ „лѣове“ ²⁾). Все это вмѣстѣ съ хлѣбомъ преподносить невѣстѣ женихъ; невѣсту къ этому времени выводятъ изъсосѣдней комнаты, и она въ присутствіи всѣхъ гостей принимаетъ эти подарки и съ своей стороны дарить жениху поясъ ³⁾). Всѣдѣ за этимъ женихъ и невѣста переламываютъ хлѣбъ, поднесенный невѣстѣ женихомъ и называемый „пи-

¹⁾ Вообще нужно замѣтить, что лицами, приглашенными въ качествѣ гостей на свадьбу, у болгаръ являются почти исключительно родственники обѣихъ сторонъ.

²⁾ Молодыя женщины и девушки носятъ эти „лѣове“, какъ украшеніе, въ видѣ бусъ, у себя на груди.

³⁾ Эти пояса болгарки ткуть сами изъ красныхъ шерстяныхъ нитокъ. Поясъ имѣеть приблизительно полторы сажени длины и четверть аршина ширины.

тою⁴, на части и раздают ихъ гостямъ, изъ которыхъ каждый обязанъ попробовать этотъ хлѣбъ. ¹⁾

Послѣ этого начинается музыка, гуляніе и попойка. Дѣвушки устраиваютъ въ комнатѣ или во дворѣ, смотря по состоянію погоды, „джокъ“ или „уро“², пляшутъ, поютъ пѣсни, а музыкантъ поперемѣнно играетъ то для гостей, то для молодежи. На другой день всѣ родственники невѣсты, за исключеніемъ родителей, отдаютъ отвѣтный визитъ жениху. Являются они къ жениху съ такою точно „пitoю“, разламываютъ ее тамъ на части и раздаютъ родственникамъ жениха; а родители жениха дарять всѣмъ явившимся родственникамъ невѣсты платки. На этомъ и заканчивается такъ называемый „гудежъ“, на которомъ окончательно рѣшается день вѣнчанія и устанавливается размѣръ приданаго, которое обязательно долженъ уплатить отецъ жениха отцу невѣсты, и этою второю пitoю уже какъ бы окончательно закрѣпляется договоръ между женихомъ и невѣстою; разрывъ еще можетъ быть, но бываетъ очень рѣдко. Съ этого момента обѣ стороны серьезно начинаютъ готовиться ко дню свадьбы: приглашаютъ приданое, закупаютъ провизію, обстановку для молодыхъ и т. под.

„Засѣвки“.

Въ четвергъ обыкновенно ко всѣмъ родственникамъ и знакомымъ отправляется такъ называемый „калесникъ“ или „калѣска“ ³⁾—молодой человѣкъ или дѣвушка, съ баклагой вина или водки, съ привязаннымъ для украшенія къ баклагѣ платкомъ, съ приглашеніями на „засѣвки“ въ пятницу и на свадьбу въ воскресенье. „Калесникъ“ заходитъ во дворъ и при этомъ, если онъ приходится племянникомъ родителямъ жениха, то онъ, подавая баклагу, говорить: „мл҃огу ви здрави отъ чицо (дядя) и чицна (тетка) да дойдете на свѣтъба въ недѣля“. Приглашаемые принимаютъ баклагу со словами: „да си живъ и здравъ“, отпиваютъ изъ нея

1) При разламываніи хлѣба женихомъ и невѣстой обращается вниманіе, на чьей сторонѣ окажется большая половина хлѣба. На основаніи этого, дѣлается заключеніе о томъ, кто изъ молодыхъ въ жизни будетъ играть преобладающую роль.

2) Слово съ греч. словомъ καλέω—вову.

содержимаго въ снова возвращаютъ ея „калѣснику“. Послѣ этого уже вся молодежь въ селѣ оповѣщена о днѣ „засѣвокъ“ и свадьбы. Засѣвки устраиваются въ пятницу у жениха. Къ засѣвкамъ приготавляются два каравая, которые называются „медениками“; при этомъ ихъ стараются подогнать такъ, чтобы они ко времени „засѣвокъ“ были теплы; сверху они смазываются медомъ. Пока „меденики“ пекутся, вся молодежь уже въ сборѣ, ожидая выноса „меденика“. Въ комнатѣ въ это время идетъ работа: среди комнаты ставится корыто, сито и мука. Мальчикъ и дѣвочка, связанные между собою поясомъ, просѣиваютъ черезъ сито муку, которую сгѣшать замѣсить и изъ тѣста испечь калачъ, смазанный медомъ и украшенный чернымъ изюмомъ. Калачъ этотъ привязывается къ баклагѣ „деверя“, который играетъ роль главнаго шафера и самаго приближенаго лица къ жениху и невѣстѣ.

Въ это время во дворѣ идутъ танцы, у дверей комнаты начинается приготовленіе „пряпорицы“ (знамени). „Деверь“ становится на подушку, а женщины, родственницы жениха, съ пѣснями нанизываютъ сначала на шесть, который держитъ въ руки „деверь“, яблоко, которое обматываютъ красными и бѣлыми нитками, и сверхъ нихъ въ меридиональномъ направлѣніи наматываютъ нити изъ зеренъ чернаго изюма и испеченной кукурузы; затѣмъ къ самому древку привязываютъ бѣлое, украшенное кружевами, полотенце, называемое „пидкирь“. Вотъ одна изъ пѣсень, которая поются въ это время:

„Війся, війся, пряпорица,
Че жда идемъ въ друго сѣло,
Да ни видяты другоселки

Тік не гѣдатъ пряпорица,
Я наі гѣдатъ деверчіто“.

Матеріалъ для „пряпорицы“ держится въ ситѣ, куда деверь послѣ окончавія работы бросаетъ деньги и, упирая древко знамени себѣ въ поясъ, выходитъ во дворъ къ публикѣ и вмѣстѣ съ золовкой („зѣльва“, которая играетъ во время свадьбы такую роль, какъ и „деверь“) принимаетъ участіе въ круговой плясѣ „джокѣ“. Во все дальнѣйшее продолженіе свадьбы эта „пряпорица“ съ баклагою и привязанными къ ней платкомъ и калачомъ составляютъ непремѣнныя атрибуты „деверя“.

Танцы во дворѣ продолжаются... Наконецъ, среди хоровода показывается давно ожидаемый „меденикъ“—это два, другъ на друга положенные, каравая, а сверхъ нихъ заблаговременно испе-

чепная медовая лепешка, васильки и чашка иеда. Для выноса „меденика“ выбирается обыкновенно самый рослый и плотный мужчина. Вынося меденика, онъ ставить его среди круга, образованного танцующими, на такъ называемую „суфра“— невысокий, круглый столикъ. Сдѣлавъ еще нѣсколько оборотовъ вокругъ „меденика“, танцы прекращаются, а „меденикъ“ дѣлится между всеми присутствующими. Медовая же лепешка, васильки и медь предназначаются для невѣсты въ качествѣ подарка отъ жениха.

„Раздачею „меденика заканчиваются „засѣвки“ у жениха, и сей-часъ же послѣ этого вся компания вмѣстѣ съ музыкантами, деверемъ и золоткой отправляются отъ жениха на „засѣвки“ къ невѣстѣ и уносятъ съ собою лепешку, васильки и медь. Женихъ въ это время почти не показывается и остается дома.

Шестаie къ невѣстѣ сопровождается музыкой и танцами. У невѣсты „засѣвки“ идутъ въ томъ же порядкѣ, какъ и у жениха, съ тою лишь разницей, что „засѣвки“ у невѣсты не сопровождаются приготовленіемъ „пряпорицы“. Если невѣста находится въ другомъ селѣ, то „засѣвки“ идутъ одновременно, отдельно у жениха и невѣсты.

„Кишкекъ“.

Всльдъ за „засѣвками“, какъ у жениха, такъ и у невѣсты идутъ приготовленія свадебнаго кушанья, называемаго „кишкекъ“. Вечеромъ молодежь обоего пола собирается къ жениху и невѣстѣ; здѣсь опять идутъ танцы, пѣніе, во время которыхъ нѣсколькими выбранными парнями вручаются „кутѣль“—большая деревянная ступа—и чересло. Вмѣстѣ съ этимъ они получаютъ очищенную пшеницу, которую и толкнуть въ этихъ ступахъ до тѣхъ поръ, пока пшеничные зерна совершенно не очищаются отъ шелухи; такая очищенная пшеница и называется „кишкекъ“.

Между молодыми людьми—участниками въ этой работѣ, идетъ бойкая конкуренція, потому что тотъ, кто скорѣе и лучше истолчть пшеницу, получаетъ обыкновенно въ подарокъ лучшій платокъ. Всѣ эти работы идутъ въ специальнѣ назначеннѣ для этой цѣли комнатѣ подъ наблюденіемъ особой женщины, которая называется „кишкеджійка“; она же варить истолченные зерна въ котлѣ, прибавляя туда для большаго вкуса масла, а иногда просто бараньяго сала. Когда „кишкекъ“ совершенно го-

тovъ, молодежь заканчиваетъ свои пляски и пѣніе и расходится по домамъ. Женихъ же и невѣста въ это время или, вѣрнѣе говоря, родители того и другого начинаютъ готовиться къ принятію гостей, которые явятся къ нимъ въ этотъ же вечеръ съ „приносомъ“.

И дѣйствительно, не успѣло солнце еще спрятаться за горизонтъ, какъ уже на дворъ къ жениху со всѣхъ сторонъ потянулись ближайшіе его родственники съ поздравленіями, неся съ собою по два каравай, какое нибудь яство въ сыромъ (гусь, курица и т. п.) или вареномъ видѣ, всевозможнаго рода лакомства и, непремѣнно, вино или водку. При входѣ въ сѣни гостей встречаютъ родители жениха; приносъ за исключеніемъ напитковъ, подается хозяикъ дома, которая уносить все это въ свою кладовую, перекладываетъ въ свою посуду, посуду гостей наполняетъ только что приготовленнымъ „кишкекомъ“ и возвращается ее гостямъ при обратномъ уходѣ ихъ домой, гдѣ „кишкекъ“ раздается всѣмъ домочадцамъ. На этомъ вечерѣ всѣ угощаютъ другъ друга и первымъ долгомъ, конечно, хозяевъ своимъ виномъ, затѣмъ усаживаются за столы, уставленные яствами, закусками и напитками; музыкантъ въ это время играетъ и поетъ, а угощеніе гостей и вообще всѣ свадебныя хлопоты возлагаются на нѣсколькихъ молодыхъ людей—родственниковъ, которые называются „изметчиіи“. На обязанности этихъ же „изметчиевъ“ лежитъ и развлеченіе гостей; они должны быть всегда готовы по первой же просьбѣ гостей танцевать или услаждать ихъ вслухъ своимъ пѣніемъ. Гости въ этотъ вечеръ обыкновенно не засиживаются у родителей жениха.

Часть, много два продолжается эта пирушка, и всѣ расходятся по домамъ. Въ этотъ же вечеръ къ родителямъ жениха является и кумъ, который, какъ духовный отецъ молодого человѣка, вступающаго въ бракъ, во все продолженіе свадьбы играетъ болѣе важную роль, чѣмъ сами родители жениха и невѣсты. Кумъ первый садится за столъ, ему уступаютъ почетное мѣсто, ему же предназначается первая чарка и первый кусокъ; на него обращены взоры хозяевъ и „изметчиевъ“, предупреждающихъ малѣйшее его желаніе; для его же веселья предназначаются и музыка, и пѣніе, и пляска. „Вѣсель бѣди куме!“—обращается къ нему каждый разъ музыкантъ съ низкимъ поклономъ послѣ того, какъ пропоетъ или сыграетъ. О днѣ свадьбы куна извѣщаетъ

особый „калесникъ“ и извѣщаетъ задолго до свадьбы, потому что ему предстоитъ большія првготовленія: онъ долженъ купить посуду для новобрачныхъ (покупается обыкновенно мѣдное ведро), онъ же долженъ приготовить и закуски для свадьбы, а жена его—купить для невѣсты платье. И „приносъ“ кума отличается обыкновенно отъ „приноса“ прочихъ своимъ богатствомъ и состоять изъ жаренаго поросенка, индюка, множества всевозможнаго рода гостинцевъ, которые называются общимъ именемъ „мизѣ“, живого, годовалаго ягненка („шиле“), теленка и т. п. Если кумъ живеть въ другомъ селѣ, то онъ является въ село жениха въ субботу пораньше и выбираетъ себѣ „кунакъ“, гдѣ и останавливается. Въездъ кума въ село сопровождается большою торжественностью. Еще за селомъ его встрѣчаютъ деверь и „изметчи“ съ музыкой и криками. Поздоровавшись съ кумомъ и угостивъ другъ друга виномъ, всѣ быстройѣзой и съ крикомъ вѣзжаютъ въ село, на дворъ къ „кунаку“. Затѣмъ кумъ отправляется къ родителямъ жениха, гдѣ его съ музыкой встрѣчаютъ у воротъ. Но кумъ долго не остается у родителей своего крестника. Онъ спѣшитъ къ себѣ „на кунакъ“, гдѣ долженъ приготовить кое что къ принятію вечеромъ гостей. Вечеромъ къ нему собираются гости, и начинается такъ называемая „кумова вечеръ“, продолжающаяся вплоть до самаго утра. Отъ жениха идутъ къ куму съ угощеніями и попойкой „изметчи“ и несутъ къ нему обизательно „печево“—печеное мясо. Вообще же все угощеніе называется „кибабъ“. Дальнѣйшая выпивка идетъ на счетъ жениха и продолжается до тѣхъ поръ, пока куму не заблагоразсудится распустить гостей по домамъ.

Въ это время у невѣсты молодыя девушки, преимущественно подростки, плетутъ изъ васильковъ вѣнки, перевязывая ихъ красными нитками. Вѣнки, предназначаемые для кума и кумы, дѣлаются немного поизящнѣе, для другихъ гостей попроще, а въ вѣнокъ, предназначаемый музыканту, который играетъ на свадьбѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и роль шута, для комизма вплетаются стручки перца, головки луковицы и т. п. Кумъ въ субботу передъ вечеромъ, взявъ съ собою вина, жаренную курицу и платокъ, отправляется къ священнику съ просьбой повѣнчать молодыхъ и условливается здѣсь же съ нимъ относительво гонорара затруды. Въ это время надъ женихомъ совершаются обрядъ бритья,

сопровождаемый плачомъ и причитаньями матери, причеиъ бритье совершаются и въ томъ случаѣ, если бы у жениха на подбородкѣ не было даже и признаковъ растительности.

Вѣнчаніе и увозъ невѣсты.

Въ воскресенье утромъ родственницы жениха—дѣвушки и молодая невѣстки-отправляются въ домъ къ невѣстѣ и, одѣвъ ее въ подвѣнчное платье, ведутъ въ церковь, гдѣ ее уже ждеть женихъ. Передъ вѣнчаніемъ „дѣверя“ подводятъ къ молодой, и онъ неремѣляетъ ей обувь. Во время вѣнчанія молодые стоятъ на разостланномъ специально для этой цѣли платкѣ. Вѣнцы держать крестные отецъ и мать или же кто либо изъ ихъ ближайшихъ родственниковъ; сзади кума и кумы становятся „дѣверь“ и золовка, держась другъ за друга. Во время вѣнчанія кумъ дарить невѣстѣ покрываютъ и платье, и эти подарки невѣста въ продолженіе вѣнчанія держитъ на лѣвой рукѣ.

Обрядъ вѣнчанія оконченъ, брачные узы скрѣплены, однако женихъ не имѣть еще права оставаться вмѣстѣ со своей женой, поэтому сейчасъ же послѣ выхода изъ церкви „дѣверь“ демонстративно разводить ихъ въ разныя стороны. Попрощавшись съ кумомъ¹⁾, женихъ и невѣста расходятся по домамъ.

„Изметчи“ жениха, позавтракавъ часкою дома, отправляются съ обѣдомъ къ куму, но остаются тамъ недолго и возвращаются опять къ жениху, откуда готовятся ити къ невѣстѣ. Сигналъ къ приготовленіямъ даетъ музыкантъ особою плясовую музыкой; на этотъ сигналъ выходитъ мать жениха съ подарками, помѣщенными въ сите. Во дворѣ передъ дверьми стоять въ это время женихъ, обнаживъ голову и держа въ рукахъ баклагу съ виномъ, деверь съ „пряпорицемъ“ и калачемъ и золовка; здѣсь же присутствуютъ „изметчи“ и ближайшіе родственники.

Первый подарокъ вручается золовкѣ, а затѣмъ всѣмъ присутствующимъ. Послѣ этого съ выстрѣлами всѣ выходятъ со двора и направляются къ куму. Шествіе сопровождается пѣснями и танцами, одинъ женихъ хранить полнѣйшее молчаніе. Кумъ уже готовъ; выстрѣлами ему даютъ знать о прибытии процессіи, къ которой онъ и присоединяется, а женщины—„кумы“ ёдуть

¹⁾ При этомъ невѣста цѣлуется у кума ружу, затѣмъ прикладывается къ лѣвой лобъ и еще разъ цѣлуется ладонь руки.

на особой подводѣ; другая же подвода предназначается для припасовъ кума, съ которыми онъ отправляется къ невѣстѣ. Вся процессія группируется около кума, и у всѣхъ ея участниковъ обязательно въ рукахъ имѣется фляга съ виномъ. Кумъ идетъ, озираясь по сторонамъ, и если встрѣчаетъ на пути родственника или хорошаго знакомаго, то останавливается; вмѣстѣ съ нимъ останавливается и вся процессія, и начинается угощеніе виномъ съ пожеланіями всѣхъ благъ и благополучій.

Въ это время родители жениха обыкновенно остаются дома.

Процессія, наконецъ, послѣ неоднократныхъ остановокъ добравшася до своей цѣли. У воротъ двора невѣсты эту процессію встрѣчаютъ отецъ невѣсты и всѣ ближайшіе родственники. Гостей усаживаютъ во дворѣ за столы, роль которыхъ играютъ обыкновенные доски, положенные на какія-либо визенъкія подставки. Кумъ, конечно, за трапезой занимаетъ первое мѣсто, и опять взоры всѣхъ, какъ родителей невѣсты, такъ и родственниковъ жениха, обращены на кума для того, чтобы быть готовыми предупредить малѣйшее его желаніе и оказать ему знаки особеннаго вниманія и почтенія. Специально для него поются пѣсни и здѣсь же передъ трапезой устраиваются танцы, называемые „раченицы“.

Послѣ нѣкотораго промежутка времени, женихъ съ деверемъ и приближенными изметчіями, которые со всему процессію явились во дворъ невѣсты, направляется къ дверямъ ея дома, но попытки ихъ пробраться въ домъ къ невѣстѣ оканчиваются неудачею; для того чтобы получить право доступа къ невѣстѣ, они должны прежде заплатить откупъ за полотенце, пѣтуха и самую невѣсту; полотенце откупаетъ деверь и привязываетъ его здѣсь же къ „пряпорицѣ“, пѣтуха откупаетъ одинъ изъ „изметчій“, который по этому случаю получаетъ особый титулъ „пѣтеджія“, а невѣсту откупаетъ женихъ. Роль „пѣтеджія“ выполняетъ обыкновенно одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ жениха. Пѣтухъ, котораго откупаетъ „пѣтеджій“, имѣть у себя на шей мѣшечекъ съ пшеничными зернами и ожерелье изъ чернаго изюма и печеної кукурузы. Подъ крыльями у него подвязанъ платокъ. Выкупъ пѣтуха сопровождается цевозможнаго рода остротами въ родѣ того, что пѣтухъ хорошаго завода, а потому надо ожидать отъ него и хорошаго приплода и т. под. Въ виду подобныхъ качествъ пѣтуха одна сторона вабиваетъ

на него цѣну, другая не соглашается дать требуемую сумму, но дѣло, наконецъ, улаживается, „пѣтеджій“ получаетъ пѣтуха и, поднявъ его надъ головою, пляшетъ съ нимъ, причемъ плиска его сопровождается всеобщимъ хохотомъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ имѣютъ очень часто пополненіе украдь у него этого пѣтуха, что имъ иногда, дѣйствительно, и удается, а „пѣтеджію“ это причиняетъ большія непріятности, потому что онъ во что бы то ни стало долженъ разыскать пѣтуха, иначе ни его, ни жениха не впустятъ въ домъ.

Когда пѣтухъ уже въ рукахъ „пѣтеджія“, женихъ съ „изметчіями“, „деверемъ“ и компанией молодежи входятъ въ комнату, гдѣ ихъ уже ожидаетъ невѣста, окруженнная подружками-родственницами, которая и встречаютъ жениха особо установленными для этого случая пѣснями. Невѣста въ пѣви не принимаетъ участія и стоитъ молча. Въ этой же комнатѣ, гдѣ находится невѣста, стоятъ приготовленными въ сундукахъ и все ея приданое, готовое къ выѣзду въ домъ жениха. Войдя въ комнату и сдѣлавъ новый откупъ невѣсты у ея „дружекъ“, женихъ подходитъ къ своей женѣ и становится съ правой стороны ея. Имъ подносятъ въ это время каравай съ сладкимъ сверху пирогомъ, который женихъ разрѣзываетъ на части и раздаетъ всѣмъ присутствующимъ. Послѣ этого всѣ присутствующіе родственники жениха усаживаются за столы и начинается закуска. Въ серединѣ обѣда, который идетъ во дворѣ, торжественно выносятъ такъ называемую „кониску“. Состоитъ она изъ двухъ караваевъ, положенныхъ другъ на друга, а между ними—сковорода съ „печевомъ“. Верхній каравай украшается букетомъ цветовъ, ёлкою или же просто сдѣланнымъ изъ дерева трехконечникомъ; украшеніе это называется „елѣ“ (ёлка).

Все это несетъ одинъ изъ „изметчіевъ“, а другое съ криками и подпрыгиваніемъ сопровождаютъ его. „Изметчій“ подносятъ „кониску“ къ куму и предлагаютъ ему принять одинъ изъ караваевъ; кумъ беретъ верхній каравай, сковороду съ мясомъ принимаетъ одинъ изъ „изметчіевъ“, а другой каравай принимаетъ „бабалькъ“. Взявъ каравай, кумъ и „бабалькъ“, а вмѣстѣ съ ними и всѣ присутствующіе подымаются со своихъ мѣстъ; кумъ крестится и, съ молитвою о ниспосланіи всякаго благополучія, прѣлуетъ каравай и передаетъ его своему сосѣду, который пере-

даєть его дальше; то же самое дѣлаетъ и „бабалъкъ“, который передаетъ каравай въ свою сторону (сидѣть онъ рядомъ съ кумомъ). Обойдя всѣхъ присутствующихъ, каравай, наконецъ, доходитъ до женъ кума и бабалъка, которыхъ сидѣть противъ своихъ мужей; у нихъ каравай остаются до конца обѣда, во время которого вниманіе всѣхъ родственниковъ невѣсты опять обращено на кума; всѣ заботятся о томъ, чтобы куму было какъ можно веселѣе, потому что достаточно малѣйшаго невниманія къ нему для того, чтобы заставить его подняться изъ-за стола и уйти, а этимъ самимъ разстроить весь свадебный пиръ. Для увеселенія кума и съ его, конечно, согласія иногда приглашаются во дворъ изъ комнаты жениха и невѣсту и устраиваются передъ столомъ небольшое „хоро“. Въ это время со всѣхъ сторонъ сыплются комплименты по адресу невѣсты съ цѣлью пощекотать самолюбіе кума.

Покрутившись немного, молодые возвращаются въ комнату, а во дворѣ за столомъ устраивается въ ихъ пользу сборъ. Передъ кумомъ ставится блюдечко, которое обходить всѣхъ присутствующихъ; кумъ береть собранныя девыги и уносить ихъ съ собою въ комнату, гдѣ находятся молодые и гдѣ также идетъ угощеніе, но угощеніе на счетъ самихъ гостей, которымъ предоставляется право самимъ позаботиться обѣ угощеній; въ виду этого они призахватываются его еще изъ дома; отъ хозяевъ предлагается имъ только „мизѣ“ и на прощанье „кишкекъ“.

Войдя въ комнату, кума подходитъ къ жениху и невѣстѣ и прикрываетъ лицо невѣсты платкомъ алаго цвѣта, называемымъ „було“. Во время „забулеванія“ поется особо установленная на этотъ случай пѣсня, а передъ „забулеваніемъ“ всѣмъ родственникамъ и родственницамъ жениха возвлажаются на головы вѣнки, за которые родственники уплачиваютъ нѣкоторую пошлину въ пользу тѣхъ дѣвушекъ, которыхъ плели ихъ.

Братъ невѣсты береть за руку молодыхъ и выводить ихъ во дворъ къ порогу, во время чего поются послѣднія прощальныя пѣсни. Къ молодымъ подходятъ родители и родственники невѣсты, и начинается прощаніе съ невѣстой. Цѣлую другъ другу руки, всѣ дарятъ другъ друга подарками, при этомъ женихъ, цѣлую также всѣмъ руки, потчуетъ ихъ виномъ.

Пока идутъ эти прощанья, во дворѣ выкупается имущество невѣсты и укладывается на подводы. Но прежде чѣмъ выѣхать

со двора невѣсты, „изметчіи“ жениха стараются стянуть что-нибудь со двора невѣсты, что и удается имъ, несмотря на строгій надзоръ со стороны „изметчіевъ“ невѣсты. У воротъ процессію встрѣчаетъ молодежь и требуетъ откупа. Если у невѣсты есть меньшій братъ, то ему женихъ преподносить въ подарокъ „чез-мій“, т. е. сапоги, а если есть сестра, то ей—„огледало“, т. е. зеркало; такія же зеркала дарятся и всѣмъ близкимъ подругамъ невѣсты. Заплативъ откупъ и храня полнѣйшее молчаніе, процессія выѣзжаетъ со двора невѣсты; но не успѣла она еще выѣхать на улицу, какъ „изметчіи“ жениха, сидя на подводахъ сверхъ сундуковъ съ приданымъ невѣсты, подымаютъ страшный крикъ и гамъ. Дѣло въ томъ, что, несмотря на строгій надзоръ „изметчіевъ“ невѣсты, „изметчіи“ жениха тѣмъ не менѣе стащили со двора невѣсты, кто старое ведро, кто разбитый тазъ или горшокъ, и теперь колотятъ въ нихъ палками, подымаю на всю улицу шумъ. Всльдѣ за подводами тихимъ шагомъ съ восклицаніями: „гайди, дубъръ пѣть!“ начинаютъ двигаться со двора невѣсты и сами молодые въ сопровожденіи кума и близкихъ родственниковъ жениха.

У воротъ двора родителей жениха процессію эту встрѣчаетъ отецъ жениха; отдавъ куму почтеніе, онъ отправляеть его домой въ сопровожденіи одного или двухъ „изметчіевъ“. У дверей дома жениха молодыхъ встрѣчаетъ свекровь съ зажженными свѣчами, вставленными въ тарелку съ мукою, а отецъ подноситъ имъ хлѣбъ съ солью, который принимаетъ сынъ, молодой же въ руки вручается ведро съ водой. Послѣ этого мать танцуетъ вокругъ молодой танецъ „раченицы“, а отецъ, накинувъ на молодыхъ поясъ, вводить ихъ такимъ образомъ въ домъ. Однако молодые не сразу входятъ въ домъ: они оказываются нѣкоторое сопротивленіе и уступаютъ по мѣрѣ того, какъ отецъ, мать и ближайшіе родственники пообѣщаютъ имъ какіе либо подарки; на каждое такое обѣщаніе молодые отвѣчаютъ однимъ шагомъ впередъ, а изметчіи въ это время въ комнатѣ записываютъ на стѣнахъ число подарковъ, стараясь при этомъ какъ можно больше поцарапать штукатурки. Войдя въ комнату, невѣста привѣтствуетъ всѣхъ родственниковъ жениха медомъ, который она преподносить пальцемъ къ губамъ каждого. Послѣ этого молодую уводятъ въ брачную спальню.

Женихъ въ сопровожденіи изметчіевъ отправляется къ куму, гдѣ

ему на время приходится сыграть роль мишени для колкостей и остротъ, направленныхъ по его адресу со стороны „изметчевъ“. Явившись къ куму, онъ однако не показывается ему сейчас же, а остается некоторое время гдѣ либо въ углу, въ простынкѣ или за спиной одного изъ „изметчевъ“. На вопросъ „изметчевъ“, не желаетъ ли кумъ увидѣть очень интереснаго человѣка, кумъ отвѣтываетъ утвердительно; тогда ему предлагаютъ проптанцевать, что онъ и дѣлаетъ; въ это время женихъ выходитъ изъ своей засады и присоединяется къ куму. Танецъ долго не продолжается и сейчас же послѣ его окончанія кумъ садится на заранѣе приготовленное для него мѣсто, а женихъ начинаетъ раздѣвать его, что сопровождается безпощадными колкостями и остротами со стороны „изметчевъ“; однако раздѣваніе до конца не доводится, въ комнату является кума; женихъ цѣлуетъ руку у кума и кумы и выходитъ изъ комнаты, при чмъ онъ не имѣетъ права повернуться къ куму спиной, а долженъ стараться выйти изъ комнаты, оставаясь лицомъ къ куму, что ему удается сдѣлать не иначе, какъ выходя задомъ къ выходу. Весь этотъ процессъ называется „взятіемъ у кума прошки“, т. е. взятіемъ у кума разрѣшенія на брачное ложе. Съ однимъ изъ „изметчевъ“ женихъ отправляется домой, гдѣ его въ брачной спальнѣ уже ждетъ молодая. Во время дороги его провожатый преподаетъ ему уроки первыхъ шаговъ семейной жизни на брачномъ ложѣ.

Домъ отца женихъ застаетъ въ полнѣйшемъ безмолвіи и проходитъ прямо къ невѣстѣ. „Изметчіи“, какъ вѣрная стража молодыхъ, занимаютъ въ это время всѣ входы у дверей и оконъ, охраняя ихъ отъ любопытныхъ. Въ комнатѣ молодыхъ на это время зажигаются брачныя свѣчи, которыхъ вмѣсто подсвѣчниковъ вставляются въ сапоги супруга... Рубаха невѣсты показывается родственникамъ. Выстрѣлами изъ ружья оповѣщаются о томъ, что девушка оказалась честною. Немедленно послѣ этого отправляются специальные послы къ родителямъ невѣсты, а также и къ куму, гдѣ выстрѣлами изъ ружья даютъ знать о благополучномъ ходѣ дѣла. Войдя въ домъ, послы поздравляютъ всѣхъ установленной для этого формулой и преподносятъ каждому по чаркѣ водки, прислащенной сахаромъ, которая называется „мѣдяна ракія“, т. е. „медовая водка“. Кумъ и родители невѣсты уже отъ себя разсылаютъ такихъ же пословъ

и съ такою же сладкою водкой къ своимъ родственникамъ. Какъ въ домѣ жениха, такъ и въ домѣ невѣсты идеть теперь веселье, сопровождаемое пѣснями, пляской и выпивкой.

Но Боже сохрани, если оказалось, что молодая въ этотъ вечеръ вкусила уже не первый плодъ любви—тогда конецъ всей свадьбы и самый ужасный позоръ родителямъ невѣсты, не сумѣвшимъ воспитать своей дочери. Музыкантъ, который обыкновенно первый осматриваетъ постель и который на это время перестаетъ быть шутомъ и увеселителемъ компаний, а становится должностнымъ лицомъ, отъ которого зависить весь дальнѣйшій ходъ свадьбы, немилосердно разстраиваетъ скрипку; со всѣхъ сторонъ подымается ропотъ негодованія. Послы, отправленные къ родителямъ невѣсты, преподносятъ имъ водку въ дырявомъ стаканѣ и этимъ даютъ понять родителямъ, въ чемъ дѣло и какой позоръ ожидаетъ ихъ теперь впереди.

Послѣбрачные заключительные обычаи.

Послѣ благополучной брачной постели молодая приготовляется къ омовенію свекра и свекрови. Умывъ имъ ноги и лицо, она преподносить имъ отъ себя какіе либо подарки и угощаетъ сладкою водкой. Иногда послѣ этого молодыхъ запрягаютъ въ небольшую повозку, куда садятся свекоръ и свекровь, а „изметчи“ въ это время валѣзаютъ на крыши домовъ и подымаютъ шумъ, крики и хохотъ. Около этого же времени молодая въ сопровождении золовки и молодыхъ женщинъ идутъ къ куму, гдѣ невѣста совершаеть то же омовеніе, что и въ домѣ родителей жениха, и при этомъ угощаетъ ихъ сладкою водкой и подарками.

Послѣ омовенія кума и кумы молодежь женскаго пола, въ сопровождении „деверя“ и золовки, ведутъ молодую къ колодцу, гдѣ она должна налить ведра водою. Ведра обыкновенно несеть одна изъ подружекъ молодой; такъ же точно и наливаетъ ихъ не невѣста, а та же подружка, хотя нужно замѣтить, что дѣлается это просто изъ любезности къ молодой и изъ желанія освободить ее отъ излишняго труда. Когда ведра налиты водою, молодая бросаетъ въ воду нѣсколько монетъ, которыхъ предназначаются въ пользу той, которая наливала воду, но обыкновенно ей не достаются, потому что ее предупреждастъ цѣлая толпа мальчишекъ, сопровождающихъ процессію къ колодцу. Послѣ

этого молодая такимъ же порядкомъ возвращается домой, а ведра несеть опять та же самая дѣвушка, которая и наливала ихъ; у воротъ дома ведра съ водою поредаются молодой, и она вносить ихъ въ комнату. Во время шествія къ колодцу и обратно молодая имѣеть въ рукахъ небольшое ведерко съ сладкой водкой, которую она потчуетъ каждое встрѣтившееся съ процессіею лицо. „Дай Боже, да си жива и здрава“, произносить каждый встрѣтившійся, отпивая немного водки изъ ведерка и вручая молодой за это какую нибудь монету; принимая монету, молодая цѣлуетъ, подавши ему руку, и передаетъ монету золовкѣ, которая играетъ роль казначея молодой. Все вышеизложенное хождѣніе молодой къ колодцу называется „извожданіе млада-та на ге-раня“, т. е. выводъ молодой къ колодцу.

Одновременно съ этимъ „извожданіемъ“ „изметчіи“ отправляются къ куму въ сопровождѣніи музыканта и несутъ съ собою сладкую водку и цѣлую сковороду сладкаго пирога, называемаго по-болгарски „млинъ“. Они остаются у кума до вечера и забавляютъ его пѣніемъ, игрой и пласкими.

Невѣста же въ теченіе дня занята работою по хозяйству и приготовленіями къ принятію гостей на вечернюю „трапезу“. Если въ теченіе этого дня кто-либо изъ ближайшихъ родственниковъ случайно зайдетъ въ домъ, гдѣ идутъ приготовленія, то молодая виѣтъ съ золовкой встрѣчаютъ его во дворѣ съ ведерочкомъ сладкой водки и угождаютъ его, за что получаютъ мелкую монету и уходятъ опять къ своей работе, предоставивъ дальнѣйшее угожденіе гостя свекру и свекрови.

Наступаетъ, наконецъ, вечеръ. Уже заранѣе ко всѣмъ родственникамъ разсыпается „калесникъ“; такой же специальный „калесникъ“ посыпается и къ куму съ приглашеніемъ на вечеръ къ молодымъ. Кумъ отправляется на этотъ вечеръ въ сопровождѣніи музыканта и цѣлой компаніи мужчинъ, причемъ мужчины одѣваютъ женскіе костюмы, а женщины мужскіе и въ такомъ видѣ направляются къ дому жениха. Участіе въ переряженѣй иногда принимаютъ и родители невѣсты. Входя въ домъ, кумъ и гости поздравляютъ хозяевъ, потчужа ихъ выпивкой изъ своей бутылки; хозяева отвѣчаютъ гостямъ тѣмъ же. Угощеніе на этомъ вечерѣ идетъ отчасти на счетъ родителей жениха, отчасти на счетъ самихъ гостей, которые по обыкновенію не забыли захва-

тить съ собою съѣстныхъ припасовъ изъ дома. Вечеръ сопровождается музыкой, танцами и пѣніемъ. Этю музыкально-танцевальною частью вечера завѣдуетъ музыкантъ, который въ этотъ вечеръ развертываетъ предъ слушателями свои музыкальныя способности и часто, дѣйствительно, поразительное знаніе богатства пѣсень и стиховъ. Помимо музыканта, участіе въ пѣніи, по желанію кума, можетъ принимать каждый изъ участниковъ вечера. Въ танцахъ иногда принимаетъ участіе и подпившій уже къ этому времени кумъ, но, нужно замѣтить, если онъ не тактиченъ, если онъ не умѣеть сдѣлать этого остроумно, то очень легко, слизойдя съ высоты своего величія, можетъ этимъ самымъ уронить въ глазахъ публики свое достоинство и подорвать всякий авторитетъ. Во время ужина куму на столъ подается блюдечко и каравай; кумъ цѣлуетъ каравай, а въ блюдце кладеть деньги, которыхъ идуть въ пользу молодыхъ. По примѣру кума, то же самое продѣлываютъ и всѣ присутствующіе. Кладя въ блюдце деньги, кумъ обыкновенно приговариваетъ: „отъ мене малку, отъ Бога млбгу“ (отъ меня немного, отъ Бога много). Въ вачалѣ стола присутствуютъ и молодые, стоя съ зажженными свѣчами недалеко отъ „трапезы“. Въ серединѣ вечера родители жениха дарятъ присутствующимъ подарки; затѣмъ опять идуть пѣсни, танцы и музыка. Въ пользу музыканта за его труды дѣлается также сборъ. Кумъ береть кусокъ хлѣба и втыкаетъ въ него монету; его примѣру слѣдуютъ и всѣ присутствующіе. Обойдя столъ, кусокъ хлѣба съ монетами опять доходитъ до кума, который, уловивъ моментъ, когда музыкантъ окончилъ пѣсню и произнесъ съ наклоненіемъ головы свое обычное „вѣсель бѣди, куме“, подаетъ этотъ хлѣбъ музыканту и благодарить его за удовольствіе, которое онъ доставилъ гостямъ своимъ пѣніемъ и игрой. Этимъ заканчивается вечеръ, и гости расходятся по домамъ, при чемъ хозяева провожаютъ ихъ до порога дома, а кума съ музыкой провожаютъ до самыхъ воротъ двора.

На слѣдующій день, т. е., значить, уже во вторникъ утромъ, кумъ уѣзжаетъ домой (это въ томъ случаѣ, если онъ изъ другого села). Къ нему являются „изметчіи“ жениха съ музыкой и выпивкой, чтобы проводить его домой („да испраштать кума“).

Кумъ уѣзжаетъ, а молодая въ сопровожденіи золовки, и деверя“ отправляется куда-либо въ садъ, гдѣ „деверь“ торжественно

ломаеть древко „пряпорицы“ пополамъ и при помощи этихъ концовъ древка приподымаеть „було“ невѣсты (до сихъ порь она не имѣла права открыть своего лица); при этомъ „було“ онъ забрасывается на дерево, а облоики древка „пряпорицы“ въ противоположный стороны. Яблоко, которое было насыжено на древко, „деверь“ дѣлить на части и раздаеть всѣмъ присутствующимъ; то же самое дѣлается съ изюмомъ и кукурузой. Этотъ процессъ называется „отбулеваніе булка-та“, чѣмъ и заканчивается формально свадьба. Что касается до „було“, то его обыкновенно кто-либо изъ молодежи, которая сопровождаетъ молодую въ садъ, стаскиваетъ съ дерева и возвращаетъ невѣстѣ только послѣ того, какъ она заплатить за него выкупъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого молодые съ родителями отправляются къ родителямъ невѣсты, что называется „поворатки“, т. е. какъ бы „возвращеніе“ молодой въ домъ родителей послѣ заключенія между обѣими сторонами перемирія. Въ скорости и кумъ приглядываетъ къ себѣ молодыхъ, „да прости кумица-та“, какъ говоритъ народъ, и даетъ молодымъ въ подарокъ мѣдное ведро, наполненное пшеницею, а сверхъ ведра—каравай; все это преподносится невѣстѣ, которая только съ этого момента получаетъ право говорить съ кумомъ и въ его присутствіи, потому что досихъ порь молодая должна была закрыть ротъ и не издать ни одного звука; почти такъ же долженъ быть вести себя и женихъ, и чѣмъ лучше оба они умѣли провести свою роль, тѣмъ больше похвалъ и одобрений заслуживаютъ теперь.

Вышеописанное прощеніе кумомъ своей крестницы иногда затягивается, особенно въ томъ случаѣ, если кумъ происходитъ изъ другого села; но если кумъ живеть въ томъ же селѣ, гдѣ и молодые, то онъ самъ, не желая стѣснять молодой, старается дать такое разрѣшеніе гораздо раньше. Такимъ же точно образомъ прощаются молодую и другіе родственники.

Ноконецъ, послѣ всѣхъ церемоній, молодая устраиваетъ угощеніе исключительно для „изметчіевъ“ въ благодарность имъ за тѣ труды, которые они положили для молодыхъ во время свадьбы. Этимъ заканчивается свадьба, и жизнь молодыхъ вступаетъ въ обычную колею жизни простого народа.

Технические приемы творчества въ великорусской народной лирической поэзіи, въ связи съ поэтическими мотивами.

Великорусская народная поэзія, какъ и поэзія всякаго народа, отражаетъ въ себѣ известную сумму народныхъ понятій о видимой природѣ и взаимныхъ отношеніяхъ человѣка,—понятій, изъ которыхъ, быть можетъ, очень и очень многія восходятъ къ отдаленной порѣ жизни народа и представляютъ собою такимъ образомъ то міеологическіе, то этнографическіе факты. Но было бы ошибочно всю народную поэзію цѣликомъ сводить къ этимъ фактамъ: значительная доля въ ней принадлежитъ творчеству поэтовъ-слагателей. Эту долю мы можемъ опредѣлить только путемъ сравнительного изученія образцовъ народной поэзіи, изъ котораго выясняется намъ технические приемы этого творчества; послѣдніе же облегчатъ намъ разбираться въ материалѣ пѣсень—отличать чисто техническую сторону отъ элементовъ міеологического и этнографического. Разобрать художественный материалъ, опредѣлить технические приемы творчества и составлять задачу нашей работы въ примѣненіи къ отдельу лирической поэзіи великоруссовъ. Такъ какъ технические приемы творчества, естественно, тѣсно связаны съ содержаніемъ пѣсень, то намъ придется касаться и мотивовъ лирической поэзіи.

Обращаясь къ материалу, съ которымъ намъ придется имѣть дѣло, необходимо прежде всего отмѣтить ту условность и произвольность, какая существуетъ въ распределеніи пѣсень въ нашихъ сборникахъ. Напр., и Шейнъ и Якушкинъ различаютъ группы: „обрядная“ и „лирическая“, тогда какъ часто пѣсня, помѣщенная въ отдѣлѣ „обрядныхъ“, настолько, повидимому, оторвалась отъ связанного съ нею когда-то обряда, что собственно обрядового въ ней очень немного, и, наоборотъ, она представляеть собою такое развитіе лиризма, что можетъ поспорить съ любой пѣснею изъ отдѣла „лирическихъ“ Г. Лопатинъ въ предисловіи къ своему (въ сотрудничествѣ съ г. Прокувинымъ) сборнику лирическихъ пѣсень съ напѣвами отмѣчаетъ случаи, когда какая-нибудь хороводная пѣсня перестаетъ быть таковой, иногда вмѣстѣ

съ измѣненіемъ напѣва. Въ пѣсняхъ, собранныхъ г. Кокосовымъ (Зап. Геогр. Общ., 2), есть одна пѣсня, поющааяся при окончаніи игры въ „сосѣди“; вотъ запѣвъ ея:

Ты заря ли моя, заренъка,
Ты заря лъ моя вечерня,
Высоко заря восходиша.
Выше лѣсу, выше темнова,

Выше садичка зеленова,
Выше гнѣзда соловьевова,
Соловьевова, павинова

Мотивъ, очень распространенный, не заключающій въ себѣ ничего обряднаго, и пѣсня, быть можетъ, совершенно случайно прикрѣпилась къ названной игрѣ. Такихъ примѣровъ можно по-дышкать не мало. Даже плясовыя пѣсни не гарантированы отъ того, чтобы въ нихъ не вошелъ какой-нибудь лирическій мотивъ. Возьмемъ для примѣра одну пѣсню, помѣщенную у Шейна въ отдѣлѣ „плясовыхъ“ подъ № 29 и у Сахарова подъ № 24 въ томъ же отдѣлѣ „плясовыхъ“. Вотъ эта пѣсня по варианту Шейна:

- a) Ночка лъ, ноченька,
Ночка темная, 2.
Осенняя, долгая.
Молодка, молодка,
Молоденькая
Головка твоя побѣдненькая,
Грусть-тоска береть;
b) Далеко милый живеть,
Далече, далече, не близко мнѣ,
На той сторонѣ;
Перѣди, сударушка,
На мою сторонушку!
Я бы рада перешла,
Переходу не нашла,

Жердочка тонка;
Тонка, тонка гвѣтается,
Боюсь, переломится,—
Знать-то мой милой
Съ иной водится;
Жердочка тонка,
Рѣчка глубока.
c) Въ этой во рѣчкѣ.
Купался боберь,
Не выкупался,
На гору взошелъ—
Весь вымарался,
Подъ горку сошелъ—
Отряхивался:
Лисица добра
Будила бобра и пр.

Почти одинаковые въ началѣ варианты Сахарова и Шейна однако отличаются по своимъ окончаніямъ: вариантъ первого короче, у Шейна идеть еще очевидно механически прикрѣпившаяся пѣсня о купаніи бобра; мы привели только начало ея. Что пѣсня о бобрѣ раньше была самостоятельной, показываетъ еще то, что вообще пѣсни о звѣряхъ и насѣкомыхъ, шуточнаго характера, составляютъ вообще видъ пѣсень, б. м., выродившихся изъ сказокъ. Есть много пѣсень, аналогичныхъ пѣснѣ о бобрѣ, которые являются совершенно самостоятельными. Можно думать, что названная выше пѣсня состоять изъ трехъ самостоятельныхъ: 1) изъ указанной пѣсни о бобрѣ; 2) изъ варианта самостоятельной пѣсни, гдѣ девушка обращается къ ночкѣ,—часто съ эпитетомъ „осенняя“, — и грустить о томъ, что у нея нѣть милаго, съ кѣмъ бы „коротать“ ей „долгія ночи“, или что милый „проториль дорожку—проложилъ худую славу“, а любить пересталъ;

3) пѣсни, гдѣ фигурируютъ „тонкая жердочка“ и сродные ей символы въ безконечныхъ варіаціяхъ; подобная пѣсни также можно отмѣтить, какъ самостоятельный (съ мотивомъ: любви дѣвушки и парня препятствуютъ родители...) и какъ входящія въ другія пѣсни.

Насколько свободно поэты-слагатели пользуются этимъ символомъ, т. е., „тонка жердочка“, различно комбинируя мысли, подчиняемыя послѣднему символу, будетъ видно, если мы сравнимъ выше приведенную пѣсню съ пѣснею № 132 изъ Собр. соч. Якушкина (1884 г.). Въ первой послѣ стиховъ:

Жердочка тонка,

Тонка, тонка гнется,—

идетъ стихъ, опредѣляющій извѣстнымъ образомъ дальнѣйшій мотивъ пѣсни:

Боюсь, переломится,

откуда является такая ассоціація:

Знать-то мой милой

Съ иной водится.

Во второмъ варіантѣ (№ 132 Як.) послѣ тѣхъ же стиховъ, только нѣсколько видоизмѣненныхъ:

Тонка жердочка гнется,

следуетъ другой стихъ, который, какъ мы можемъ догадаться, зная первую пѣсню, даетъ, такъ сказать, другое направленіе мотиву:

Хорошо съ милымъ водиться —

Да не стонится.

Очевидно, что въ пору сложенія этихъ пѣсень, сложенія, конечно, можетъ быть, уже вторичнаго, данный символъ уже не представляеть собою чего-либо устойчиваго, органически связаннаго съ содержаніемъ пѣсни, онъ уже пересталъ быть тою первоначальною формулой-запѣвомъ, точно опредѣлявшей развитіе мотива, сходя по-немногу на степень „общаго мѣста“ и въ лучшемъ случаѣ являясь лирически-свободнымъ пріемомъ, въ худшемъ—тѣмъ „общимъ мѣстомъ“, конечно уже избитымъ, которое часто вносятъ полнѣйшую безсмыслицу въ пѣсню.

Эти примѣры, взятые наудачу, достаточно показываютъ невозможность держаться общепринятаго въ сборникахъ распорядка пѣсень. Въ виду этого мы примемъ терминъ „лирическій“ пѣсни — условно, подразумѣвая подъ ними всѣ пѣсни, не принадлежащи къ эпическимъ (былинамъ) и историческимъ, къ которымъ вмѣстѣ съ Якушкинымъ отнесемъ и солдатскія. Дѣло въ томъ, что между эпическими и историческими пѣснями съ одной стороны и лирическими — съ другой, не можетъ быть такихъ переплетеній, чтобы нельзя было различить мотивы. Правда, лирическая пѣсня

можетъ оказатьъ свое вліяніе на эпическую или историческую, внеся несвойственную имъ свободу лирическаго чувства, какъ наоборотъ, по образцу эпической или исторической можетъ возникнуть лирическая пѣсня, т. е. на послѣдней остаются известныя черты эпического склада, но именно этимъ отраженіемъ эпического склада большую частью и ограничивается вліяніе эпической пѣсни. Варіанты пѣсень о томъ, какъ „молодецъ пошелъ въ Литву гулять и жилъ тамъ съ королевицей“, пока не узано было объ этой связи, и пѣсни о Ванькѣ-ключникѣ, варіанты, занимающіе въ сборникѣ Соболевскаго около ста страницъ, довольно убѣдительно представляются намъ исторіей одной пѣсни. Одна черта первой пѣсни, именно бѣгство въ Литву, кажется, даетъ право сказать, что это—пѣсня историческая, возникшая въ то время, когда такой уходъ въ Литву былъ обычъ по различнымъ причинамъ. Слишкомъ яркій и очевидный эпический складъ этой пѣсни указываетъ на то, что она создалась по образцу эпической и, очевидно, еще довольно крѣпко держалась своего образца. Только позднѣйшіе варіанты еще могутъ говорить о начавшемся стремленіи—внести въ пѣсню лирическій элементъ: такъ, напр., варіантъ сбор. Собол. № 15 свидѣтельствуетъ объ этомъ своимъ запѣвомъ:

Ужъ ты, крапива ли, крапивушка жигучая!
У тебя сѣмечка, крапивушка, стрекучія.

Это уже запѣвъ лирической пѣсни: обращеніе къ крапивѣ, полыни—обычные запѣвы въ грустныхъ пѣсняхъ, заранѣе опредѣляющіе ненеселый характеръ пѣсни; эпической пѣснѣ такой пріемъ совершенно не свойственъ. Возьмемъ еще варіантъ № 24, *ibid.*; запѣвъ его таковъ:

Ой неволя, неволя—боярскій дворъ!
Во боярскомъ дворѣ жить не хочется;
Во крестьянство пойти—много надобно.

Запѣвъ этотъ интересенъ въ трехъ отношеніяхъ: 1., какъ и варіантъ № 15-го, онъ опять опредѣляетъ заранѣе тонъ пѣсни; 2., второй и третій стихи его очень напоминаютъ пѣсни, гдѣ дѣвушка или сама взвѣшиваетъ, за кого ей лучше итти замужъ, или отвѣчаетъ на предложенія матери, критикуя въ выраженіяхъ, подобныхъ выше названнымъ стихамъ, жениха изъ бояръ, крестьянъ, купцовъ и проч.; 3., первый стихъ указываетъ на то, что, въ силу какихъ-то благопріятныхъ условій, пѣсня готова перейти въ другую обстановку—боярскій дворъ временъ крѣпостнаго права. Общая схема пѣсни о Ванькѣ-ключникѣ, въ ея варіантахъ, вполнѣ убѣдительно свидѣтельствуетъ о происхожденіи этой пѣсни изъ пѣсни о молодцѣ, гулявшемъ въ Литвѣ, и именно о происхожденіи, а не сложеніи по образцу: для этого она

слишкомъ близко держится плана первой. Толчокъ происхождению этой пѣсни, болѣе вѣроятно, данъ былъ дѣйствительностью, т.-е. пѣсня эта была сначала, исторической, иначе трудно себѣ объяснить, почему имя кн. Волконскаго получило такое распространеніе и долго и упорно держится въ пѣсняхъ. Въ настоящей стадіи своего развитія пѣсня еще крѣпко держится эпическаго склада: даже въ варіантахъ, сравнительно позднѣйшихъ, какъ напр., № 26 собр. Собол., былинное вліяніе неоспоримо: какое-нибудь мѣсто, въ родѣ:

Пріѣзжалъ ли ключникъ на широкій Ни къ столбу-то его не привязывалъ-
дворъ, Ни къ кольцу-то ни къ зачево-
Никому-то коня взять не приказывалъ; му,—

прямо выхвачено изъ былины. Но вотъ по-немногу пѣсня о Ванькѣ-ключникеъ входитъ въ новый фазисъ своего развитія: стягивается эпической размѣръ; имя кн. Волконскаго исчезаетъ, замѣняясь матерью дѣвунки; о мѣстѣ дѣйствія уже нѣтъ рѣчи; являются свободные лирическіе запѣвы въ родѣ запѣва варіанта № 46 сб. Собол.:

Ягодка лѣсная подъ закрышою цвѣла;
Молода каягиня съ кназемъ въ теремѣ жила.

Наконецъ, происходитъ полная перемѣна дѣйствующихъ въ старой пѣсѣ лицъ: Ванька-ключникъ обращается въ камерь-лакея; каягиню смыняетъ дворянская дочка, иногда называемая по имени; въ роль кназя, открывающаго связь своей жены съ Ванькой, окончательно входитъ боярыня, дочь которой живетъ съ лакеемъ; мѣстомъ дѣйствія становится „боярскія палаты“; въ дочереніе всего — на пѣсню кладется отпечатокъ пикантности. Конечно, эта самая пикантность могла бы хорошо объяснить распространенность этой пѣсни, но есть основанія думать, что и другія условія содѣствовали популярности этой пѣсни: помѣщичья жизнь дoreформенной Россіи была готовой почвой, чтобы на ней укрѣпилась данная пѣсня. Дѣйствительно, сознаніе глубокой пропасти между соціальнымъ положеніемъ барина и хотопа съ одной стороны, и обычныхъ исторійки и интрижки, разыгрывавшіяся гдѣ-нибудь на заднемъ крыльцѣ, съ другой, — вполнѣ могли заставить смотрѣть на пришлую пѣсню, какъ на близкую къ своей жизни. На послѣднія соображенія настѣнѣ одинъ фактъ: разговаривая съ одной старой нянѣйкой, еще заставшей крѣпостное право, про старые годы, мы замѣтили, что занимающую настѣнѣ пѣсню, безыменную, она какъ-бы относить къ иллюстраціи своего разсказа. Эта пѣсня была приведена ею послѣ безчисленныхъ рассказовъ о любовныхъ похожденіяхъ „господъ“, о „кристохвостикѣ“ (такъ называются въ Тульской губерніи иногда чорта), который, бѣжавъ разъ съ „барскаго двора“, попалъ въ угольную

яму, гдѣ ему показалось такъ нехорошо, что онъ воскрикуль: „вотъ, бѣжалъ съ барскаго двора, да никакъ опять попаль туда“; наконецъ, послѣ ряда пѣсень, о которыхъ она прямо говорила, что онѣ были сложены про „господъ“, что ихъ пѣть было даже запрещено. Собственно же объ этой пѣснѣ она говорила, что въ ея время она только появилась у нихъ на селѣ и была въ большой модѣ. Кажется, что на основаніи этого послѣдняго, а также па основаніи вышеизложенныхъ общихъ соображеній, мы могли хоть отчасти сблизить пѣсню о Ванѣкѣ-ключникѣ съ старо-помѣщичіемъ бытомъ и думать, что ту или другую роль быть этой могъ сыграть въ исторіи нашей пѣсни.

Какъ-бы то ни было, эпическая пѣсня имѣеть свою опредѣленную физіономію. Самое крупное, прежде всего бросающееся въ глаза отличіе эпической пѣсни это — медлительность, неторопливость ея разсказа. Миклошичъ въ своей статьѣ: „Изобразительныя средства славянскаго эпоса“ отмѣчаетъ типичнѣйшій примѣръ такой предусмотрѣнной неторопливости:... „разставлялъ шатерь—полы бѣлыя; разставя шатерь, сталь огонь сѣчи; высѣча огонь, сталь раскладывать: разложа огонь, сталь кашу варить; сваря кашу, сталь расхлебывать; расхлебавъ кашу, сталь почивъ держать“... (Кирѣев. I, 3). Въ этомъ мѣстѣ эпическая пѣсня достигаетъ прямо пластичности: невольно хочется сказать о разсказѣ, что онъ *льется*. Этотъ пріемъ весьма обыченъ въ сказкѣ и почти не встрѣчается совсѣмъ въ лирической пѣснѣ, если не считать пѣсень о дуракѣ, въ которыхъ ясно отражается складъ сказки.

Остановимся еще на другомъ обычномъ пріемѣ эпической пѣсни, такъ характерно опредѣляющемъ ея вѣшній обликъ; опъ очень близокъ къ указанному и заключается въ томъ, напр., что лицо, которому поручается что-либо, *дословно повторяетъ порученіе*, или въ словесномъ *тожествѣ* просьбы и соласія на нее, напр.:

...Дай ты же, амѣй, сроку на три днѧ, На три часа, на три минуточки,
На три днѧ и на три часа, И даетъ онъ ему сроку на три днѧ,
и т. д.

(Русскія былины старой и новой записіи № 21).

Совершенно наоборотъ — въ лирической пѣснѣ. Здѣсь разсказъ идетъ ускореннымъ темпомъ. Оно и понятно — какъ для пѣсни чисто лирической, въ которой часто интенсивность чувства достигаетъ драматизма, такъ и для пѣсни хороводной и другой обрядовой. Послѣдняя, будучи заключена въ діалогическую форму и всегда сопровождаемая извѣстнымъ дѣйствіемъ, сосредоточиваетъ весь свой интересъ на развязкѣ и потому чужда эпическихъ отступлений, эпической задержки. Типичнымъ примѣромъ обрядной пѣсни въ діалогической форме можетъ служить, напр., извѣстная хороводная: „А мы просо сѣяли“... и въ не-діалогиче-

ской—не менѣе извѣстная, до сихъ поръ поющааяся въ каждой деревнѣ средней пролыѣ Россіи, хороводная-же: „Какъ по морю”...

Достаточно одного бѣглого знакомства съ поэзіей лирической и эпической, чтобы бросилось въ глаза различіе въ приемахъ поэтическаго творчества въ той и другой—разнообразіе послѣднихъ въ поэзіи лирической и однообразіе—въ эпической. Если мы разберемъ былины *новой* записи (изъ Сборн. рус. был. стар. и нов. зап.) относительно встрѣченныхъ въ нихъ техническихъ приемовъ, то сумма послѣднихъ будетъ очень незначительна, а группировка ихъ можетъ быть сведена къ десятку типовъ, и это будетъ еще мелкая, подробная группировка. Мы не безъ цѣли взяли былины именно *новой* записи: въ связи съ этимъ возникаетъ интереснѣйший вопросъ, на который такъ трудно отвѣтить—чѣмъ объяснить устойчивость эпической пѣсни и разнообразіе художественныхъ приемовъ въ лирической пѣснѣ, тогда какъ и та, и другая, такъ сказать, современники по ихъ записямъ? Болѣе древней традиціей эпической пѣсни, кажется, вопросъ не можетъ быть рѣшенъ: былины продолжали слагаться вплоть до Петровскаго времени,—жила и пѣсня; на послѣднее, между прочимъ, можетъ указывать то обстоятельство, что и Михаилъ Феодоровичъ (указы Филарета Никитича), и Алексѣй Михайловичъ принуждены были бороться съ „бѣсовскими пѣснями и игрищами”. Настойчивость и раздраженіе, которыми проникнуты были эти указы, свидѣтельствуютъ, что обычай были еще въ силѣ, обряды сохраняли еще полную вѣру къ себѣ. Даже, если предположить, что въ это время сложеніе новыхъ не эпическихъ пѣсень уже и прекратилось, то все же вѣра и непосредственное чувство не были еще утрачены, и если они утрачены тепоръ, то опять-таки эта утрата наступила не скоро. Теперь, если мы не имѣемъ права установить фактъ болѣе древней традиціи въ эпической пѣснѣ, и, следовательно, минимая древность традиціи безсильна рѣшить нашъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, то видѣть въ богатомъ разнообразіи художественныхъ образовъ лирической пѣсни дѣло позднѣйшвхъ пѣвцовъ-виртуозовъ, свободно обращавшихся съ традиціонными образами, мы также не имѣемъ достаточнаго основанія. Конечно, бывали такія дѣла виртуозовъ по отдельные случаи еще не даютъ намъ права возводить ихъ въ общее лвленіе. Слѣдовательно, вопросъ опять остается не рѣшеннымъ: что такъ прочно и крѣпко опредѣлило характеры эпической и лирической пѣсень? Гораздо вѣроятнѣе допустить, что уже искони въ лирической и эпической пѣсняхъ различались два рода словесности, и если, напр., эпическая пѣсня имѣла своихъ особыхъ поблонниковъ, своихъ пѣвцовъ, то такъ естественно, что она имѣла и своихъ слагателей,—иначе, что она сознавалась, какъ самостоятельный родъ словесности.

Предлюбленнымъ техническимъ пріемомъ въ эпической пѣснѣ является *отрицательное сравненіе*. Образы, какіе даются этими сравненіями, всѣ очень ясны, ассоціаціи идей въ нихъ вполнѣ понятны. Ясно, что какое-нибудь сравненіе, въ родѣ:

Не сильна погода подымалася,
Не зелена дубрава расшумѣлася,
Не бумажные листочки разстилаются,

Не сырьевкой дубочель къ землѣ клонится,—
Тутъ кланяется Ильюша отцу съ матерью, (под № 2),—

есть только техническій пріемъ. Здѣсь не можетъ быть рѣчи не только о миѳологіи, но и о символизмѣ въ томъ смыслѣ, какой установленился за ивмъ въ современной новзѣ или музыкѣ. Этого нельзя сказать о сравненіяхъ лирической пѣсни. Позволимъ себѣ привести пѣскомъ одну изъ Собр. соч. Якушкина:

Не во саду ли я, бѣдна, обсидѣлася,
Не на садѣ ли я, бѣдна, оглядѣлася,
Не на травку-муравку зеленую,
Не изъ всякихъ цвѣточковъ лазуревые!
Не вода ли подо мной разливается,
Не огонь ли подо мной разгорается?
Сама-то я знаю, бѣдна, да вѣдаю,
Что пе въ садѣ-то я обсидѣлася,

Не на садѣ-то я, бѣдна, оглядѣлася,
Не на травку-муравку зеленую,
Не на всякихъ цвѣточковъ лазуревые;
Не вода подо мной разливается,
Не огонь подо мной разгорается,—
Разгорается мое вѣбло сердце ретивсѣ.
Разливаются мои горькія слезы горячія
По блеклому лицу, не румяному.

Здѣсь уже не легко ускользнуть тѣ ассоціаціи мыслей, какими вызвано это сложное отрицательное сравненіе. Относительно иѣ-которыхъ сравненій, казалось, могло бы возникнуть сомнѣніе: только ли они сравненія? Напр.:

Что пе туча идетъ передъ дождичкомъ. Очи его, какъ у яснаго сокола;
Не громъ гремитъ передъ молоньей,— И румянецъ въ лицѣ какъ у алаю;
Идетъ удалый добрый молодецъ; У коня изъ ушей и ноздрей искры
Подъ имъ былъ конь, какъ лютый звѣрь; сыпаются;
Самъ на конѣ сидѣть, какъ упавъ въ И идеть онъ мимо эти бѣлы шатры
добрѣ; И самъ говорить таково слово....

(Был. стар. и нов. зап. № 14, ст. 5-14.)

Потебня (Объясн. малор. и сродн. народ. пѣс.) указываетъ на то, что это—величальный мотивъ, такъ какъ представление не-вѣсты и жениха въ образѣ тучи очень обычно въ величальныхъ пѣсняхъ. А сколько было, гдѣ подобное сравненіе такъ далеко отъ величанья! Что же представляетъ собой такое сравненіе въ нихъ? Размѣнявшійся на мелкую, ходячую монету когда-то цѣльный миѳологический образъ? Если даже и такъ, то примѣняется ли онъ во всѣхъ этихъ былинахъ въ связи съ миѳологической традиціей или вѣнѣ ея? Намъ думается, что его примѣненіе говоритъ за то, что вѣнѣ. А для настѣ важно именно *примѣненіе*, т. е. искать *основанія* для очень многихъ сравненій въ далекомъ прошломъ значило бы то же, что искать основанія для всѣхъ нашихъ обыденныхъ словъ, которыя *теперь* для настѣ простые

значки, безъ всякой связи между ихъ значеніями и ихъ звуковыми комплексами, но *когда-то* были гораздо больше того. Какъ-бы то ни было, но фактъ тотъ, что эти сравненія,—подходящія или нѣтъ, это другой вопросъ,—остаются здѣсь только сравненіями, перенесены ли они въ эпическую пѣсню изъ величальныхъ пѣсень, или это—самостоятельные приемы. Но тѣмъ не менѣе, повторимъ, отрицательная сравненія эпической пѣсни отличаются простотой и понятны относительно тѣхъ ассоціацій мыслей, которыми они вызваны. Наоборотъ, въ лирической пѣснѣ часто приходится встрѣтить въ отрицательныхъ сравненіяхъ, если не миѳологическую основу, то довольно сложную символику. Мы не хотимъ этимъ утверждать, что лирическая пѣсня представляетъ болѣе древнюю традицію, а желаемъ лишь сказать, что лирическая пѣсня еще можетъ оспаривать у эпической древность своей традиціи и не по чому другому, какъ по тѣмъ обломкамъ далекаго прошлаго, которые еще, м. б., кроются подъ формами, созданными и пересозданными техникою творчества.

Простѣйшимъ, но зато весьма употребительнымъ въ лирической пѣснѣ приемомъ творчества является опредѣленіе, точнѣе сказать, *указаніе места дѣйствія* разсказа пѣсни. Но это мѣсто дѣйствія не заключаетъ въ себѣ не только никакого художественаго образа, объясняющаго мотивъ пѣсни, но и простой картины, живописующей обстановку; это въ полномъ смыслѣ только простѣйший, легчайший технический приемъ. Непосредственному, не привыкшему къ отвлеченному языку, человѣку трудно начать писать прямо съ общаго,—онъ чувствуетъ потребность индивидуализировать это „общее“ и повседневное явленіе своей жизни, будь оно бытовое или психологическое, сводить его къ к.-н. определенному, часто якобы имъ самимъ видѣнному или испытанному слушаю. До сихъ поръ это видно на разсказѣ любого простолюдина; начиная разсказывать вамъ о чѣмъ-нибудь, онъ уже непремѣнно начнетъ откуда-нибудь издалека, выражевіями въ родѣ: „вотъ сижу это я тамъ-то“, или „позавчера сиверка подула“, „хотя, м. б., мѣсто, гдѣ онъ сидѣлъ, не имѣть никакого значенія въ разсказѣ, а то, что „сиверка подула“, является и вовсе ненужной подробностью. Вотъ отчего эти приемы, не претендуя еще на художественность, такъ часто являются для насъ чѣмъ-то лишнимъ, вносящимъ беспорядочность. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія непосредственного человѣка, эти приемы представляютъ собой логически обоснованный моментъ творчества, и разъ созданное поэтомъ-слагателемъ „указаніе мѣста“ приобрѣтаетъ въ пѣсенномъ преданіи такую прочность и устойчивость, что цѣлые десятки варіантовъ пѣсни бережно хранятъ его, несмотря на то, что, рядомъ съ этимъ, мотивы этихъ варіантовъ частѣ представляютъ собой значительно видоизмененные пересказы оригинала. Какой-нибудь „ракитовый кустъ“ въ многочисленнѣйшихъ варіантахъ пѣсни о смерти молод-

ца на чужой сторонѣ является почти постояннымъ и непремѣннымъ свидѣтелемъ этой смерти. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ этой пѣсни однако „ракитовый кустъ“ значить, повидимому, болѣе, чѣмъ простое указаніе мѣста. Въ сборникѣ Соболевскаго (т. I) приведено болѣе 50 варіантовъ данной пѣсни. Такой богатый сравнительно материалъ даетъ намъ возможность видѣть, какъ прочно мотивъ и техническій пріемъ (форма) сливаются въ одно цѣлое, и какъ они взаимно мѣняются. Въ первыхъ варіантахъ дѣло обстоитъ такъ: мѣстомъ дѣйствія разсказа является дуброва, поле; курится огонекъ, темнѣется дымокъ изъ-подъ камешка; возлѣ разостланъ войлочекъ; на немъ лежитъ убитый или раненый молодецъ; пріѣзжаютъ за нимъ его товарищи, зовутъ на св. Русь; на этотъ зовъ молодецъ отвѣчаетъ имъ просьбою: отвести отцу-матери члобитыше, роду-племени—поклонъ, молодой женѣ—волю на всѣ четыре стороны. Кромѣ того, что касается творческой техники, въ варіантѣ № 350 пѣснѣ предпосланъ классической запѣвъ: „Ахъ, паль туманъ на сине море...!“

Наконецъ, обстановкой мѣста смерти молодца является упомянутый уже „часть ракитовъ кустъ“. При этомъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ обстановка нѣсколько усложняется: напр., въ вар. №№ 356 и 359, *ibid.* Зачины этихъ двухъ варіантовъ показываютъ, что съ представленіемъ „ракитова куста“ у пѣвца ассоциировались какія-то мысли и, видимо, не веселыя. Эти мысли въ свой чередъ могутъ давать образы—и осложнить зачинъ, какъ это мы видимъ, напр., въ пѣснѣ № 366, *ibid.* Но трудно сказать, дана ли эта ассоціація традиціей, или явилась слѣдствіемъ такого процесса: ракитовый кустъ, составляя во многихъ пѣсняхъ обычную обстановку смерти молодца, вызвалъ въ послѣдствіи съ своимъ именемъ не веселыя мысли, которыя и стали зачиномъ пѣснѣ на данную тему? Даѣтъ, въ нѣкоторыхъ варіантахъ на ракитовомъ кустѣ сидитъ „младъ сизый орель“, держитъ „въ когтяхъ черна ворона“, „точить кровь на сырь землю“—вар. №№ 359, 360. Повидимому, это образъ умирающаго молодца. Интересны послѣдующіе варіанты, которые заставляютъ „сизаго орла“ не „точить кровь“ ворона „на сырь землю“, а выспрашивать его, „гдѣ онъ былъ-побывалъ“ и что видѣлъ; на этотъ вопросъ воронъ разсказываетъ ему о молодцѣ, умирающемъ подъ ракитовымъ кустомъ. Можно думать, что это позднѣйшая раціонализація: пѣвцу образъ сталъ непонятенъ, и онъ дѣлаетъ изъ „сизаго орла“ повѣстователя смерти молодца. Это тѣмъ болѣе возможно, что обращеніе къ птицамъ съ вопросомъ, что онѣ видѣли, оченьично въ нашихъ пѣсняхъ.

Мы между прочимъ подошли къ новому виду техническихъ пріемовъ творчества; замѣтимъ, что онъ очень употребителенъ въ пѣсняхъ о чѣмъ-нибудь выходящемъ изъ ряда обыкновенного, о чудесномъ, какъ это прямо указывается самимъ пріемомъ; равнымъ

образовъ онъ очень распространенъ въ пѣсняхъ съ величальными мотивами. Кажется, что по отношению къ величальнымъ пѣснямъ поэтомъ руководила въ выборѣ указанного выше приема такая ассоциація мыслей: птица летаетъ высоко—она видитъ много чудеснаго. Въ одной сербской пѣснѣ это почти прямо указывается. У настъ нѣтъ ея подъ руками въ подлинникѣ, но вотъ ея близкое переложеніе:

„Ой орлы, орлы! вы летаете высоко, вы видите на большое пространство: видите ли вы сватовъ, ведутъ ли намъ невѣсту, тонка ли она, высока, бѣла ли, румяна?“.

Въ этомъ случаѣ настоящій техническій приемъ уже можно назвать наимѣнѣемъ, простѣйшимъ развѣ только въ смыслѣ его легкости. Овъ такъ же легокъ, какъ, напр., другой—*сновидѣніе*: № 99 сборн. Собол. I. Это приемъ, подобный, напр., эпистолярной формѣ романа или формѣ дневника—простымъ и легкимъ формамъ. Замѣтимъ еще по поводу того, что образъ, умирающаго молодца легко могъ являться въ мысляхъ при видѣ ворона, клюющаго сокола: воронъ, какъ хищная птица, клюетъ сокола, т. е. молодца; это—предѣстіе смерти послѣднему. Вспомнимъ, какое вообще пророческое значеніе приписывается народъ ворону. Насколько пѣвцы-слагатели свободно распоряжаются данными техническими приемами, варьируя ихъ, осложняя или сокращая, видно изъ отдельныхъ варіантовъ этой пѣсни, напр. № 369 сбор. Собол. и № 372, тамъ же.

Обратимся теперь къ сюжету данной пѣсни и варіаціямъ его. Если принять во вниманіе то обстоятельство, что большинство варіантовъ, прямо или косвенно, сосредоточиваются интересъ на одиночествѣ умирающаго молодца, тогда будетъ понятна популярность пѣсни: сюжетъ драматическій. Варіанты этого вида заставляютъ потому умирать молодца на чужбинѣ, вдали отъ родныхъ и близкихъ. Но, очевидно, разнообразные трагические случаи въ жизни легко могли прикрепиться къ печальной пѣснѣ о кончинѣ молодца, что мы, дѣйствительно, увидимъ, если разсмотримъ причины смерти молодца. Одна серія варіантовъ, какъ напр., №№ 349, 350, 351, 352, 354, 355, 372, 385, 390, 408 и мн. др., вообще большинство въ сбор. Соболевскаго, переносятъ дѣйствіе на ратное поле и мотивируютъ смерть молодца смертельной раной па войнѣ; при этомъ дѣлаются намеки на лагерную обстановку, въ родѣ раззоренныхъ палатокъ (№ 352—„коши“), упоминаются „боевые ранушки“; умирающій молодецъ называется прямо солдатомъ (офицеромъ, казакомъ и проч.); умирающій просить сказать на родинѣ:

...Женился я на другой женѣ—гробовой Обвѣнчала меня пушка свинцовая,
Доскѣ, Положило снать ядро чугунное (ibd.
Засватала меня сабля востряя турецкая, № 385)

Въ другой серіи варіантовъ смерть молодца приключается отъ „зелена вина“, оттого, что онъ водился съ бурлаками (№ 356 сбор. Собол.) Третья серія варіантовъ мотивируетъ смерть молодца условиями драмы, разыгравшейся на любовной почвѣ. Мать причитается надъ тѣломъ убитаго сына:

Я давно, синъ, тебѣ говорила:
Не ходить было по чужимъ дворамъ,

По чужимъ дворамъ, да къ чужимъ женамъ (ibd № 357).

Подъ № 358 мы имѣемъ варіантъ, въ которомъ, повидимому, молодецъ становится жертвою разбойниковъ. Этотъ варіантъ очень простой, но очень поэтический. Наковель, два варіанта приводятъ смерть молодца въ связь съ его удальствомъ, съ гуляніемъ его по „полю чистому“, на конѣ, съ лукомъ (ibd №№ 353 и 404). Эта два варіанта въ своихъ запѣвахъ представляютъ интересный технический приемъ. Въ запѣвѣ № 404 дается, повидимому, такой образъ: стрѣла водить молодца, т. е. молодецъ свободно „гуляетъ“ по „чистому полю“ самъ третій съ конемъ и лукомъ. Но въ запѣвѣ вар. № 353 мы встрѣчаемся съ интересной манерой народной поэзіи вообще (великорусской) — съ *передержкой* въ разсказѣ, если можно такъ выразиться. Приведемъ этотъ запѣвъ:

1. Погудай-ка, добрый молодецъ,	10. Есть каменая стрѣла.
2. Покудь вола есть тебѣ!	11. Калеву вту стрѣлочку
3.—Ужъ я радъ бы погуляти,—	12. Въ чисто поле отпуши.
4. Товарища со мной нѣть!	13. Полетай-ка, моя стрѣлочка,
5. Ужъ бажъ есть одинъ товарищъ—	14. Въ чисто поле далеко,
6. Вороненекъ добрый конь;	15. Въ чисто поле, моя стрѣлочка,
7. А второй-то мой товарищъ—	16. Въ бѣль-цолотнинъ шатерь.
8. Зелененекъ тугой лукъ;	17. Какъ въ этомъ-то во шатрочки
9. Кабы третій мой товарищъ—	18. Сарый потничекъ лежить, и т. д.

Обратимъ внимание на три послѣдніе стиха; выходитъ, что молодецъ самъ погибаетъ отъ своей собственной стрѣлы, какимъ-то чудомъ перелетѣвъ въ этотъ традиціонный шатерь. Можно подумать, что варіантъ искаженъ. Конечно, настаивать, что нѣть, мы не можемъ, но что возможно объясненіе кажущейся безсмыслицы не искаженіемъ только, это—безспорно. Всякій, кто самъ слышалъ и знакомъ съ народною рѣчью, хотя бы по произведеніямъ нашихъ извѣстныхъ беллетристовъ-народниковъ, знаетъ, что народъ любить разсказывать съ „передержками“, такъ что непривыкшему къ народной рѣчи человѣку трудно слѣдить за этой беспорядочній смѣшной лиць (если передается діалогъ), за пропускомъ легко подразумѣваемыхъ промежуточныхъ мыслей. Съ однимъ ихъ видомъ такой „передержки“ мы и сталкиваемся въ стихахъ 16 — 18 приведенного выше запѣва.

Какъ доходитъ на родину вѣсть о смерти молодца? Рядъ варіантовъ представляютъ дѣло материальнымъ, прозаическимъ

образомъ: молодецъ просить своихъ товарищай отвезти „батюшкѣ—челобитыце“ и т. д.

Но вотъ молодецъ умираеть въ одиночествѣ, и другой рядъ варіантовъ перекладываетъ порученіе съ товарищай на коня. Понимать ли этотъ образъ нѣсколько рабіонально, т. е.—прибѣжитъ домой конь одинъ—догадаются о случившейся бѣдѣ родные (вар. № 402 дастъ на это нѣкоторое право), или понимать образъ коня, несущаго скорбную вѣсть, широко: рано или поздно дойдетъ печальная вѣсть до дома. Пожалуй, въ обоихъ случаяхъ образъ будетъ понять правильно. Третій рядъ варіантовъ прибѣгаетъ уже къ совершенію искусственному приему, не заключающему въ себѣ никакого художественнаго образа. Возьмемъ образчикъ:

Вылетаетъ тутъ младъ сизой орель
На когтяхъ несетъ бѣлую рученьку,
Бѣлую рученьку, молодецкую,

Молодецкую, солдатскую.
На бѣлой то руки золотъ перстень,
На печатѣ было написано:
—Моему батюшкѣ—челобитыце... и т. д.

Запѣвъ этотъ еще тѣмъ интересенъ, что на немъ видно, какъ далеко иногда идетъ техника творчества.

Выше мы сказали, что большинство варіантовъ пѣсни о смерти молодца сосредоточиваютъ интересъ на одинокой смерти молодца; но есть варіанты, которые, оставляя въ сторонѣ смерть молодца, останавливаютъ главное вниманіе на томъ, какъ встрѣчаютъ смерть эту мать, сестра и жена молодца? Одни варіанты говорятъ только о скорби матери и то лишь стороною: видно, что эта скорбь еще не сдѣлалась самостоятельнымъ сюжетомъ. Такъ это, напр., въ вар. Собол. № 356. Другіе варіанты вводятъ въ содержаніе пѣсни горе сестры и молодой жены, и, естественно, возникаетъ мысль—построить главный мотивъ на сравненіи глубины и прочности чувства горя матери, сестры и молодой жены: является самостоятельная пѣсня на мотивѣ Некрасовскаго: „Внимая ужасамъ войны“... Таковы, напр., Собол. вар. №№ 360, 361, 362, 363 и мн. др., среди которыхъ просится быть отмѣченнымъ, по художественному исполненію, вар. 358. Выдвигая на видъ ту, а не другую сторону мотива, пѣсня сообразно этому варируетъ и техническій приемъ. Варіаціи того и другого могутъ быть настолько оригинальны, что о нихъ можно говорить, какъ о самостоятельныхъ поэтическихъ переработкахъ.

Отъ техническаго приема, состоящаго въ указаніи обстановки, естественно перейти къ тому случаю, когда эта обстановка незамѣтно переходить въ запѣвъ, имѣющій внутреннюю связь съ мотивомъ. Въ частности такой случай обращенія обстановки въ запѣвъ заключается въ томъ, что а) та или другая черта обстановки составляетъ логическій переходъ къ мотиву, напр.:

Во лузахъ, во лузахъ зеленыхъ, во лу- — Ужъ къ той травой выкорымъ коня;
захъ Выкорымъ, выглажу его;
Выростала травка шелковая, Поведу ионкъ къ батюшкъ...
Расцвѣтали цветы лазоревые. (Якушк. № 101).

Далѣе идетъ просьба не отдавать за немилаго.

б) Такой переходъ можетъ заключать въ себѣ сравненіе или символъ, напр.:

1. Ай па горѣ дубъ, дубъ,
Что бѣла береза;
Промежъ дуба и березы
Рѣчка протекала,

2. Рѣка, рѣчка не глубокая,
Водица студеная;
Нельзя, нельзя воды пить,
Нельзя почерпнуги...

У старого мужа молодая жена, —рассказываетъ дальше пѣсня: —нельзя жену побить, поучить: билъ я жену чашь, —плакалъ недѣлью, „сушилъ, крушилъ ясны очи по четыре ночи“.

Очень часто такого рода пріемы ясно раскальваются на двѣ части, фактъ и здѣсь.

с) Иногда переходъ представляютъ собою картинку съ на-
турой:

1. У душечки, красной дѣвицы,
Зеленъ огородецъ,
Новый, зовыій огородецъ,
Частый частоколецъ.
2. Подъ тотъ ли огородецъ,
Подъ тотъ ли частоколецъ
Ручеекъ течеть.
3. Покатился частоколецъ
Повалился частоколецъ,
Къ земль прикаопился.

Отъ того частокольца
Сбито три тыночки;
Отъ того отъ тыночки
Лежить три слѣдочки
4. Ужъ три три слѣдочки
Свѣжкомъ призапали...
5. (Три дружочки распустили про дѣву-
шку худую славу...)

(Сах. II, хоровод. № 27).

Здѣсь цѣлая исторія романтическаго характера въ четырехъ картинахъ. Въ этомъ варіантѣ образъ — „лежать три слѣдочки“ представляется еще дѣйствительностью, и въ такомъ случаѣ, по-жалуй, еще не можетъ быть названъ образомъ: „три слѣдочки“ представляются простымъ воспріятіемъ дѣйствительности. Но вотъ, формула „лежать три слѣдочки“ отъ воспріятія дѣйстви-
тельности переходитъ къ ходячему образу, даже символу: „про-
ложить, проторить дорожку“ —часто значить „ославить“.

Какъ одна думушка съ ума ийдеть, Проложилъ то милой худу славушку,
Метъ съ ума вѣдеть со разума: Худу славушку онъ про дѣвушку...
Проториъ милый дороженьку,
Шуть дороженьку широкую,

(Шейнъ, голосов. № 42).

„Миль дорожку проториъ — худу славу проложиъ“ становится готовымъ образомъ, способнымъ варьироваться въ своемъ значе-
ніи; въ этомъ случаѣ, м. б., уже дѣйствуетъ дедукція: „прото-
рить дорожку“ =ославить; ославить=бросить дѣвушку, забыть,
изгнать и т. д. Есть варіанты, гдѣ „проторить дорожку“=лю-
бить, какъ, напр., № 51 Якушк.

д) Среди многочисленныхъ видовъ „указавія обстановки“, какъ техническаго приема творчества, нельзя не отыскать того случая, когда эта обстановка имѣть особое значеніе въ пѣснѣ. Въ этомъ смыслѣ указаніе обстановки не можетъ называться элементарнымъ техническимъ приемомъ, и образчикомъ его могутъ служить, и въ большомъ количествѣ, напр., пѣсни, имѣющія свою задачею величанье молодой, молодого или другихъ участниковъ свадебнаго торжества. Величанье требуетъ идеальной обстановки. Однимъ изъ предметовъ такой идеальной обстановки очень часто является какой-нибудь „шелковый коверъ“:

Во горницѣ, во скамьѣ,
На дубовомъ на столѣ,
На шелковомъ коврѣ,

Люли, люли
На коврѣ, на коврѣ.

(Сл. III, с. 36).

Конечно, этотъ „шелковый коверъ“, никогда не видавшій крестьянской избы, не болѣе, какъ вышеописанный техническій приемъ, имѣющій свою опредѣленную цѣль, свое оправдание въ пѣснѣ. Его распространенность свела его однако въ очень многихъ пѣсняхъ на степень „общаго мѣста“, каковымъ онъ является, напр., въ пѣсняхъ „о смерти молодца“, гдѣ, конечно, умѣстнѣе „войлочекъ“ или „потничекъ“, и гдѣ онъ не имѣть себѣ оправданія, какъ въ пѣсняхъ величальныхъ. Этимъ приемомъ поэты-слагатели пользуются, очевидно, очень свободно, и необузданная фантазія даетъ подчасъ крайне причудливую идеализацию обстановки: щедрое, но дикое смѣшевіе самыхъ разнообразныхъ качествъ приближаетъ подобную идеализацию къ продуктамъ наивной дѣтской фантазіи. Но сколько есть предметовъ, передъ которыми непосредственный человѣкъ едва-ли далеко ушелъ отъ дѣтской наивности! Ребенку различеніе качественныхъ отношений между вещами труднѣе количественныхъ, и онъ невольно переходитъ отъ первыхъ къ послѣднимъ. Закона о несмѣшении чувственныхъ впечатлѣній различного порядка онъ тоже не хочетъ признавать, откуда приложимость ихъ свойствъ, какъ качествъ, для него является неограниченна. Что же дастъ подобная наивность фантазіи? Невольное забвеніе качественного за количественнымъ и самое грубое смѣшеніе несовмѣстимыхъ качествъ. Вотъ образчикъ подобной идеализации:

Ты по сахару, рѣка, текла,
По патокѣ разливалась;
У тебя ли, у рѣченьки,

Берега были хрустальные.
А песка были жемчужные...
(Сл. III, с. 24).

Перейдемъ теперь къ слѣдующему крупному виду техническихъ приемовъ творчества—художественному образу, пока простѣйшему. Уже изъ повседневнаго народнаго языка видно происхожденіе „художественного образа“. Его основаніе—сравненіе.

Языкъ, рѣчъ простого народа по преимуществу конкретны; это— сравненія, олицетворенія и прочія поэтическія фигуры.

Всякій знаетъ и самъ встрѣчать, конечно, такихъ простолюдиновъ, въ языкѣ которыхъ невольно поражаешься тѣмъ огромнымъ количествомъ готовыхъ сравненій, летучихъ образовъ, пріказокъ и проч., которымъ такъ изобилуетъ ихъ рѣчъ. Но всѣ эти короткія, летучія сравненія, образы и проч. еще не представляютъ собой техническихъ пріемовъ, это скорѣе—повседневный разговорный языкъ, такъ что техническій пріемъ творчества, лучше сказать, сводится къ комбинированію всего этого готоваго матеріала изъ повседневнаго языка. Какое-нибудь „во-вѣки“ выражится чрезъ „до гробовой доски“, или даже пѣвымъ рядомъ образныхъ выраженій:

Я въ тѣ поры жила друга забуду.
Когда поднимутся мои скоры ноги,
Когда опустятся мои бѣлы руки,

Засыплются глаза мои песками,
Закроются бѣлы груди досками...
(Сах. IV, семейн. 25),

т. е. только смерть, въ силу необходимости, заставить по-забыть любимаго человѣка; отрицательное понятіе „никогда“ выразится черезъ условное утвержденіе завѣдомо невозможнаго, „не бывать этому“:

Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой по снѣгу.

Для отрицанія факта въ будущемъ отрицается не прямо онъ самъ, а напр., одинъ изъ составляющихъ его признаковъ или сопровождающихъ обстоятельствъ:

Не жилица и на бѣломъ сѣтѣ
Весь тебя, моя надеженька!
Нѣть у горлицы двухъ голубчиковъ,

У лебедушки двухъ лебедиковъ,
У меня не быть двумъ милымъ друж-
камъ.... (Сах., ч. IV, 29),

т. е., не бывать моей свадьбы послѣ твоей смерти. Простѣй-
шій образъ явится уподобленіе, напр., пары любящихъ
двумъ голубкамъ или дѣвушки—голубкѣ, что, кажется, предста-
вляется уже производнымъ. Встаетъ вопросъ: есть ли голубь
мионический символъ любви, или только художественный образъ,
возникновеніе котораго имѣть лишь психологическую основу?
Въ пользу первого привести можно любовные заговоры, гдѣ человѣку, котораго желаютъ приворожить, даютъ особыя лепешки
на голубиномъ салѣ, конечно, при извѣстной формулѣ. При
этомъ говорятъ, что въ данномъ обрядномъ заговорѣ выражена
мысль о возможности механическаго перехода любви. Конечно,
такое пониманіе возможно у народа въ связи съ его предста-
вленіемъ себѣ психического чѣмъ-то матеріальнымъ, вслѣдствіе
обычной и понятной тенденціи—все объяснять конкретно; но
это не устрашаетъ возможности думать, что въ свою очередь
этому матеріальному представлению дано психологическое осно-

ваніе. Кромѣ того, опираясь на заговоры, намъ пришлось бы положить, что всякое сравненіе въ пѣснѣ имѣть миоическое основаніе, миенческій смыслъ, что по меньшей мѣрѣ было бы странно. Гораздо проще и естественнѣе думать, что голубю и голубкѣ, какъ символу любви, дано психологическое основаніе: это—уподобленіе, явившееся результатомъ близкаго наблюденія окружающей жизни и природы. По крайней мѣрѣ, относительно пѣсень символомъ любви является далеко не одни голубь и голубка, а очень многія птицы: лебедь, утка, перепелка, кукушка (рѣже) и др., исключая, конечно, хищныхъ, изъ которыхъ одинъ соколъ имѣть эту привилегію. Послѣднее обстоятельство, при всей своей кажущейся маловажности, на нашъ взглядъ, значительно подкрѣпляетъ положеніе, принятое нами, что голубь и голубка стали символомъ любви на почвѣ психологической. Конечно, трудно подмѣтить всѣ оттѣнки, которые способенъ принять тотъ или другой образъ, тѣмъ болѣе, что они такъ легко портятся, искажаются въ устномъ обращеніи пѣсень, но что образъ отрывается отъ своего основанія, что случаи его приложенія умножаются черезъ то, что онъ перестаетъ быть образомъ, какъ скоро теряется психологическая связь и онъ становится простымъ значкомъ какимъ-то,—это можно видѣть на вариаціяхъ любого такого образа. Такимъ путемъ создается масса ходячихъ образовъ, и чѣмъ они обще, тѣмъ больше этой мелкой монеты въ обращеніи въ пѣсенномъ репертуарѣ. Вотъ образчикъ ряда простыхъ образовъ, соединенныхъ въ одной пѣснѣ:

Какъ на дубчикѣ два голубчика
Цѣловались, миловались,
Сизыми крыльями обнимались.
Откою ии взялся младъ ясень соколь,
Овъ убиль, убиль сизова голубя,
Сизова голубя, мохновогова:
Овъ кровь пустилъ по сырому дубу.
Овъ кидаль первы по чисту полю,
Овъ пухъ пускалъ по подлебесью.
Какъ растужится, разворкуется
Сизая голубушка по голубѣ,
О голубчикѣ мохновогелькомъ.

Какъ ваговорить младъ ясень-соколь:
Ты не плачь, не плачь, сиза голубушка,
Сиза голубушка по своемъ голубчикѣ,
Полечу я на сине море.
Пригоню тебѣ голубей стадо,—
Выбирай себѣ сизова голубя,
Сизова голубя мохновогова.
Какъ ваговорить сиза голубушка:
Не лети, соколь, ва сипе море,
Не гови ко мнѣ голубей стадо:
Вѣдь то мнѣ будеть ужъ другой вѣнецъ,
Милымъ голубушкамъ не родной отель.

(Сах. ч. IV, семейп. 46).

Какимъ путемъ „образъ“ все дальше и дальше отходить отъ своего основанія — сравненія?

Сравненіе любящихъ съ парою голубковъ сдѣлалось настолько обычнымъ, что для его приложенія нѣтъ нужды въ формальномъ сравненіи, параллелизмѣ и проч., напр., у Сах. III, говорн. 69.

Въ слѣдующей пѣснѣ, напримѣръ (Сах. III, говорн. 48):

У насть вынѣ рапо на зарѣ
Шекъ-тала ласточка на дворѣ,
Плавала лебедушка по водѣ.
Сидѣла свѣтъ-Машенька на камнѣ,

Сидѣла Ивановна на бѣломъ;
На бѣломъ камушкѣ сидючи,
Свои бѣлы рученьки хватаючи.
На крутой берегъ глядиючи, и проч.—

„Плавала лебедушка“ и „сидѣла свѣтъ Машенька“— не сравнение. Нельзя сказать, чтобы это было порчею стиха: такъ пришлось бы признать, что неиспорченной нѣть ни одной пѣсни. Это, именно, указанный выше процессъ: и ласточка, и лебедушка—образы дѣвушки, взятые безъ отношенія къ тому, что дѣлаетъ дѣвушка; при этомъ ласточка и лебедушка взяты слагателемъ пѣвцомъ таковыми, какими онъ ихъ знаетъ и привыкъ видѣть: ласточка—щекочущей, лебедушка—плавающей.

Мы уже указывали выше, что „образъ“, когда-то, можетъ быть, находившій себѣ приложеніе въ пѣснѣ, лишенный такого, становится „запѣвомъ“, опредѣляющимъ общий тонъ пѣсни, почти всегда минорный. Какая судьба такихъ запѣвовъ? Очень часто самая превратная: они кристаллизуются, совершенно случайно фиксируются и приближаются къ „пропѣвамъ“ въ шуточныхъ пѣсняхъ; напр.:

На улицѣ то дождь, то снѣгъ,
То дождь, то снѣгъ то вѣлица,
То вѣлица, то метелица;

Крутить, мутить въ глаза несеть,
Меня иладу свекоръ зоветь.

„Для свекрушки сама съ мѣста не тронуся“—продолжаетъ пѣсня. Далѣе опять запѣвъ и та же исторія съ свекровью. Опять толькъ же запѣвъ, но зоветъ уже „милъ другъ“, тогда

Иду иду, скорешенько,

Скорешенько, торопешенько

(Сах. IV, 24).

Въ первыхъ двухъ случаяхъ (зоветъ свекоръ, свекровь) можно, конечно, понять запѣвъ въ томъ смыслѣ, что сравнивается зимняя непогода или, точнѣе сказать, производимое ею впечатлѣніе съ впечатлѣніемъ отъ зова свокра, свекрови; но запѣвъ этотъ теряетъ всякий смыслъ въ третьемъ случаѣ: зоветъ „милъ другъ“. Закрѣпленію такихъ запѣвовъ въ пѣсняхъ, видимо, очень способствуетъ риѳма; здѣсь очень удобно риѳмуются: „несеть“ и „зоветь“. Вообще, въ народной пѣснѣ риѳма идетъ впереди содержанія, такъ сказать, ведетъ его за собой, напр.:

Какъ хотѣла меня мать
За Филиппу отдать:

У Филипа въ саду липа—
Завсегда я буду бита.

(Шейнъ, пляс. № 15).

О логичности такой риѳмовки не спрашивается. Вообще въ народной пѣснѣ риѳма сравнительно рѣдка, но въ короткихъ плясовыхъ—очень обычна. Почему такое исключеніе для плясовыхъ? При отсутствіи музыки отъ плясовой пѣсни требовался извѣстный „ладъ“, который и достигался отчасти риѳмой, повтореніемъ одного и того же слова и даже части его, отъ чего получалась нѣкоторая аллитерация, напр., въ какомъ-нибудь безъ смысленномъ наборѣ словъ, распѣваемомъ на мотивъ плясовой:

Приходи, кума, за лёдомъ—
Леду дамъ, леду дамъ.

Или: Рукавицы, -вицы-вицы
Позабыть!

До чего может истрачаться „припѣвъ“, видно изъ судьбы, постигнувшей извѣстный припѣвъ: „Ахъ, Дунай...“ Въ г. Тулѣ, извѣстномъ своими гармониками, мѣстными гармонистами, которыми оказываются большинство мастеровыхъ, выработался особый терминъ для игры на „гармошкѣ“—„Дунай разводить“.

Слѣдующимъ за „образомъ“ высшимъ техническимъ приемомъ творчества является *символъ*. Беремъ этотъ терминъ въ смыслѣ „образа“, не сразу понятнаго по вызвавшимъ его ассоціаціямъ мыслей. Какъ и выше, начнемъ съ простѣйшихъ типовъ „символа“. М. б., эти простѣйшіе символы и дѣйствительно показутся простѣйшими, понятными, т. е. явится вопросъ: почему же мы отдѣляемъ ихъ отъ разобранныхъ выше „образовъ“? Правда, эта группа символовъ не удалилась далеко отъ общей всѣмъ „образамъ“ (въ широкомъ смыслѣ слова) основы—сравненія, настолько, чтобы быть совсѣмъ непонятной; но то обстоятельство, что въ этой группѣ находятся уже зачатки будущихъ отдѣльныхъ символовъ, что мы найдемъ здѣсь объясненіе возникновенію такихъ отдѣльныхъ летучихъ символовъ,—кажется, даетъ намъ основаніе допустить такое раздѣленіе. Пояснимъ свою мысль на пѣсняхъ:

Что цветли-то, цветли—цвѣли въ по-
цвѣтики
Цвѣли да поблекли, 2.

Что любилъ-то любилъ—любилъ парень
дѣвицу,
Любилъ да покинулъ; 2....

(Якушк. № 14).

Ясно—сравнение; дальше:

На вти на цвѣти
Падъ меленький дождь.
Не дали со миленъкии
Подольше гулять, 2
Рѣчей поговорить,
Личному любезному
Въ очи напечатъ:
Что долго не женишься, и пр.

(Як. 121).

Понятно, конечно, что и это сравнение, именно сравнение судьбъ, которая встрѣчаетъ любовь, съ судьбами въ жизни растеній: какъ жизнь растенія во власти погоды, такъ любовь—во власти обстоятельствъ и счастья; но съ формальной стороны образъ этотъ, видимо, уже отходитъ отъ сравненія. Вотъ онъ отходить еще дальше:

Ты трава ль моя,
Ты шелковая,
1. Ты весной роса.

2. Лѣтомъ выросла,
3. Подъ осень травка
Засыхать стала. —

Про милаго дружка
Забызать стала;
Милъ сушиль,-крушиль,

Сердце высушиль,
Онъ и свезъ меня
Съ ума разумъ

(Шейнъ, голосов. № 5).

А образъ между тѣмъ такъ простъ, такъ понятенъ: 1, полюбиль; 2, окрѣпла любовь — сулила счастье; но 3, пришла пора — разлюбиль, — совершенно такъ же въ природѣ!

Въ слѣдующей пѣснѣ примѣненія образа не видно совершенно, и въ этомъ-то смыслѣ „образъ“ представляетъ собою новый видъ — „символъ“ понятія.

1. Ты рябинушка, ты кудрявая,	7. Подъ тобою ли, подъ рябинушкою,
2. Ты когда взошла, когда выросла?	8. Что не жакъ цвѣтеть, не трава ра-
3. Ты рябинушка, ты кудрявая,	стеть,
4. Ты когда цвѣла, когда вызрѣла? —	9. Не трава растетъ, не оговь горить
5. Я весной взошла, лѣтомъ выросла,	10. Не огонь горитъ — ретиво сердце,
6. Я весной цвѣла, лѣтомъ вызрѣла.	11. Ретиво сердце, молодеческое.

(Горить сердце по красной дѣвушкѣ: на зарѣ оставила она жизнь..., Сах. IV, № 8). Мы видѣли, что такой образъ, какой заключенъ въ первыхъ шести стихахъ пѣсни, символизуетъ собой любовь въ извѣстныхъ мѣняющихся обстоятельствахъ. Уже седьмой стихъ, раціонализуя образъ, заключенный въ первыхъ шести, указываетъ на то, что въ данномъ образѣ „сравненіе“ совершенно не сознавалось.

Что символизуетъ дерево съ подмытыми корнями въ какой-нибудь пѣснѣ, въ родѣ:

Съ молодцомъ дѣвка застоялася,
На рябинушку дѣвка заглядѣлася,
На кудрявую она засмотрѣлася.
—Ты рябина моя, рябинушка,
Ты рябина моя, кудреватая,

Кудреватая рябина, щеглеватая!
Не стой, рябина, близко къ берегу,—
Что придетъ-то придетъ весна красная
Что подмоетъ твои сучки-вѣточки,
Сучки-вѣточки, всѣ отросточки.

(Шейнъ, голосов. № 6).

Корни или вѣточки, сучечки, отросточки — это все одно. Говорятъ, что настоящій символъ данъ миоологической традиціей, а что уже въ юдѣствіи онъ сталъ поэтическимъ образомъ — горя, несчастія съ любви и т. п., здѣсь — грядущаго несчастія. Врядъ ли возможно объясненіе, что сперва „береза“, „рябина“, „сосна“, „верба“ съ подмытыми кореньями были символами миоологического происхожденія, а что уже время сдѣлало изъ нихъ поэтический образъ, взятый изъ природы. Странно было бы думать, что природа сама по себѣ не могла наводить пѣвца или слагателя на сравненіе жизни человѣка съ жизнью окружающей его природы и вызывать въ умѣ ихъ художественные образы для своихъ созданій, а что для этого потребовался сперва толчекъ со стороны миоическихъ березы, рябины, сосны и проч., —толчекъ, напр., въ формѣ раціонализациіи переставшаго быть понят-

нымъ образа. Несомнѣнно, конечно, что была береза, сосна... вообще дерево и миѳологического происхождѣнія: есть пѣсни, гдѣ то или другое дерево является въ такомъ фантастическомъ, сказочномъ нарядѣ, что пѣсни непонятны виѣ миѳологической традиціи, но такое миѳологическое дерево могло дать свой рядъ преемственныхъ символовъ, какъ дерево поэтическое—свой (символъ лица, понятія, мысли).

Интересенъ символъ „калина“. Данъ ли онъ какимъ-либо по-вѣріемъ въ родѣ того, что калиновый цветъ утоляетъ сердечную скорбь (Потебня, указ. соч. т. I, стр. 7, по Костомарову обѣ ист. зн. р. п.), или имѣть болѣе простое основаніе? Потебня отмѣчаетъ, что символъ „калина“ примѣняется къ солнцу, солнце же часто является символомъ дѣвушки; представлѣніе же дѣвушки въ образѣ солнца, конечно, миѳологического происхождѣнія. Потебня же, на 57-ой страницѣ II т. указ. соч., указываетъ еще на одно обстоятельство, чуждое чего-либо миѳологического, но давшее основаніе тому же символу—калины. „Такъ и калина“,—говорить онъ,—надъ которой поетъ соловей, бѣлыми цветами, потомъ пучками красныхъ ягодъ какъ-бы освѣщаетъ темный фонъ береговой поросли. Эта обычна по нашимъ рѣчкамъ картина объясняетъ пѣсенные сравненія: калина—дочь, дѣвушка; лугъ—взростившій и хранящій ее отецъ; калина—молодость, красота, радость; „темный лугъ“—печаль. Что касается великорусской пѣсни, то мы не нашли сочетанія „калина“ и „лугъ“, поэтому трудно сказать, данъ ли символъ „калина“ та-кою же ассоціаціей мыслей, какъ и въ малорусской пѣснѣ. Намъ думается, что онъ данъ и не миѳологическимъ преданіемъ, а также возникъ изъ сравненія съ природой. По отношенію къ „калине“ у насъ нѣтъ примѣра, но есть косвенное указаніе: „калина“ очень часто употребляется въ раздѣльномъ или слитномъ сочетаніи съ „малиной“, что даетъ одинъ символъ—„калина-малина“; соединеніе синонимовъ очень обычно въ народномъ языѣ—травка-муравка, груша-яблонь и мн. др.

Не правиша малина!
Сказыvalа, будто цвети не будешь,
Зеледаго листка не пустишь,
Алаго цветтика не выцвѣтишь;

Какъ пришла-то пора,
Малинушка расцвѣла,
Зеленые листики пустыла,
Алые цветтики расцвѣтила.

(Неправиша Машенька: говорила—замужъ не пойду, Ивана не люблю; пришла пора—замужъ пошла. Сах. III, говорн. 79. Или: ihd. 42; Сах. II, хоров. 44).

Рано калинушка, рано въ полѣ расцвѣла. Не собравшись съ умомъ-разумомъ, въ чужіе люди отдала.
На ту пору матушка мевя родила. (Шейнъ, голосов. 68).

Нельзя сказать, чтобы здѣсь было кажущееся по формѣ обращеніе символа лица въ указаніе времени событія. Это скорѣе—

самостоятельный символъ: калина цвѣтеть—любовь, счастье дѣвушки; калина рано расцвѣла—несчастье, горе...

Но вотъ символъ „калина“ приведенъ въ связь съ другимъ — „разливомъ воды“:

„Калину съ маливой вода понила,
На ту пору матушка меня родила,

(Выдала, не подумавши, на чужую сторону).

Понимать ли данные два стиха пѣсни такъ, что второй есть рационализація, а, следовательно, первый—дѣвушку постигло несчастье, отдача на чужую сторону, или—второй понимать буквально, а первый тогда въ смыслѣ пророческаго символа (т. е., во времиѣ рожденія дѣвушки полая вода затопила калину; это сїи предсказывасть черезъ ея символъ несчастье),—все равно: символъ „калина“ будетъ далекъ отъ чего бы то ни было миѳическаго. Замѣтимъ между прочимъ, что калина не есть исключительный символъ дѣвушки, дѣвства: онъ примѣняется и къ замужнѣй женщины (срв., напр., Шейнъ, бѣсѣдн. 11). Кромѣ того, есть пѣсни, гдѣ отдача дѣвушки замужъ на чужбину (горе для матери) символизуется тѣмъ, что полая вода уноситъ прямо самое дѣвушку, а символъ калина отсутствуетъ:

Разливалась, раздѣлялась
По лугамъ вода вешняя;

Унесло, умѣляло
Чадо милое, дочь отъ матери въ пр.
(Сах. III, на дѣвичн. 132).

Мы думаемъ, что настоящая пѣсня подтверждаетъ то, что „калина“ есть отдельный отъ сравненія символъ.

Какъ и многое другое, не избѣгъ кристаллизаціи и символъ „калина“; но гдѣ онъ кристаллизовался окончательно, такъ это въ припѣвахъ. Сколько пѣсень съ припѣвомъ: „калина-малина!“; быть можетъ, созвучныя окончанія—калина-малина—сдѣлали ихъ такими излюбленными припѣвами. Если вѣтшняя природа, черезъ сравненіе съ нею различныхъ случаевъ человѣческой жизни, давала народному поэту художественные образы; если цѣлые обраѣ выдѣлили изъ себя отдельные символы, то, кажется, были случаи и обратнаго процесса возникновенія символа. Приписывая неодушевленному предмету чувства человѣка, слагатель-пѣвецъ закрѣплялъ за этимъ предметомъ приписанныя ему, хотя бы на основаніи слабаго, огдаленаго сходства, чувства и свойства: создавался символъ. Таково происхожденіе символа—„свиваться“, символа любви.

Не свивайся, не свивайся трава съ па. Хорошо было сывкаться—тошно разставаться.

Не сывайся, не сывайся молодецъ съ дѣвичей.

(Якуши., 124).

Точно также „наклонение одного дерева къ другому“ символизует свободную любовь, склонность:

Руби, руби, молодецъ,
Куда древо клонится,

Отдай, отдай, батюшка,
Куда замужъ хочется....

(Шейвъ, хоров. 34).

Разберемъ параллельные символы—„съять“ („сажать“) и „топтать“. Есть очень много пѣсень, гдѣ съять именно дѣвушки. Въ силу известного поэтическаго приема, то, что съется, становится символомъ лица съющаго, такъ что, если съять ленъ, то „лень“—дѣвушка. Даже если принять во вниманіе пѣсни, гдѣ сажаетъ (или поливаетъ, вообще „ходитъ за“) не дѣвушка, а молодецъ (напр. Сах. III, говорн. 60), и одну, гдѣ даже съеть молодецъ (Сах. IV, 14), то все-таки многочисленныя пѣсни, гдѣ съять именно дѣвушки, а не молодцы, достаточноочноочно закрѣпили и опредѣлили символъ „посѣянаго“.

Вспомнимъ наши свадебныя пѣсни, гдѣ пріѣздъ жениха со сватами представляется какимъ-то разбойническимъ набѣгомъ: они подломили сѣни, раздавили чару, выпугнули соловья; и несъ-то ихъ не хороший, лютый вѣтеръ—сѣверный, и пусть такое представлѣніе возникло съ точки зрењія дѣвушки, склонной, передъ разлукой съ домомъ, воображать себѣ „чужбину“ чѣмъ-то ужаснымъ и враждебнымъ ей,—для настѣ важенъ фактъ существованія такого представлѣнія, независимо отъ вызвавшихъ ого причинъ. Конечно, въ такой пѣснѣ, какъ:

У воротъ трава росла,
У воротъ шелковая;

Кто ту траву потопталъ,
Кто ту потопталъ шелковую?

(молодецъ—отвѣчаетъ пѣсня.... Сах., говорн. 33),—символъ „топтать“ могъ пойти и отъ реальности; но въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ символъ „топтать“ стоить вмѣстѣ съ „съять“, тамъ происхожденіе первого, несомнѣнно, иное. Принявъ во вниманіе сказанное сейчасъ, мы можемъ думать, что символъ „топтать“ находится въ той или другой связи съ представлѣніемъ себѣ дѣвушкой сватовства чѣмъ-то враждебнымъ, посягающимъ на ея дѣвическую вольность, на „нѣгу матушкину“. Что касается того, что топчеть молодецъ конемъ или конь такого-то, то этослинкомъ понятно: „конь“—обычный символъ молодца, также какъ съемое есть символъ съющей. Кроме того, въ пѣсняхъ (хороводныхъ), какъ: „А мы просо съяли“..., символы „съять“ и „топтать“ могли быть даны и другими ассоціаціями мыслей, правда, очень близкими. Въ этихъ пѣсняхъ дѣвушки и молодцы представляютъся врагами другъ другу, но эта вражда, конечно, только—„милый задоръ“, вызванный деревенскимъ кокетствомъ дѣвушекъ и своеобразными приемами ухаживанія парней. Такая quasi-вражда могла образовать символы „съять“ и „топтать“. Подобное пони-

маніе данныхъ символовъ вовсе не говоритъ противъ того, что въ пѣснѣ— „А мы просо сѣяли“ нѣтъ никакихъ древнихъ чертъ; она могла быть сопровожденіемъ очень древней игры, даже съ мио-ческими чертами; но этотъ древній слой, если ужъ онъ есть, не можетъ свидѣтельствовать о томъ, что символы „сѣять“ и „топтать“ не произошли подъ вліяніемъ ассоціацій мыслей, понятныхъ и возможныхъ и въ наше время въ крестьянской средѣ. Вѣдь, при такомъ взглѣдѣ, пришлось бы положить, что въ „сѣдую древ-ность“ пѣсня была однимъ голымъ наборомъ миоологическихъ представлений.

Мы привели сейчасть два ряда ассоціацій мыслей, которыя могли дать символы „сѣять“ и „топтать“. На этомъ уже видно, какъ разнообразны могутъ быть основанія тѣхъ или другихъ символовъ, а отсюда— какъ могутъ варьироваться послѣдніе. Въ сборнику Сахарова есть пѣсня (IV, 14), гдѣ „сѣять цвѣты“ молодецъ. Этотъ символъ означаетъ любовь молодца, которую требуется раздѣлить, что выражается символомъ „поливать цвѣты.“ Такъ иногда можетъ показаться тотъ или иной символъ причудливымъ или испорченнымъ, тогда какъ онъ есть одна изъ многихъ вариацій основного, простого символа. Проф. Потебня приводить для этого даже особое методологическое правило: „... распредѣлять символы не только по образамъ, на и по представлѣніямъ въ ихъ связи, т. е. по параллельнымъ рядамъ представлений“ (указ. сочин., т. I, стр. 42). Вооружившись такимъ, дѣйствительно, плодотворнымъ методомъ, можно установить безконечные ряды символовъ.

Теперь обратимся къ тому, какъ оперируетъ пѣвецъ-слагатель надъ символами, завѣщанными миоологическою традиціей. Возьмемъ нѣсколько самыхъ типичныхъ и посмотримъ, какъ и насколько отразилась художественная техника на примѣненіи традиціонныхъ символовъ къ мотиву. Возможное выраженіе на то, что отражающаяся художественная техника есть дѣло позднѣго шага времени, не будетъ выражениемъ по существу: характеризовать пѣсни, со стороны ли отразившихся въ ней миоологическихъ воззрѣній человѣка, или со стороны техническихъ приемовъ творчества мы можемъ только на основаніи материала, который даютъ пѣсни сами, а не на основаніи несуществующихъ, но могшихъ существовать пѣсенъ.

Вотъ, напр., изображеніе чудеснаго дерева, просыпающееся быть отнесеннымъ къ миоологическому преданію:

Какъ у города, у Архангельского,—
Благодать красно-зеленое (припѣль).
У тово же пристанища Карабельнова,
Тутъ стояла береза кудреватая,
У этой березы коренье булатное,
У этой березы кора позолочена,
У этой березы прутья серебряны,

На этихъ же прутьяхъ листья камчат-
ные,
У этой же березы высокъ теремъ;
Тутъ сидѣла же душа красна дѣвица,
Она шила вышивала шириночку,
Шила вышивала чистымъ серебромъ,
Она строчила краснымъ золотомъ

А тутъ заерзълъ засмотрѣлъ добрый молодецъ: Я пойду да добрый молодецъ въ кузницу, Искую три пилы, три булатныя, Потилю же я березу кудреватую Уроню же я съ березы высокъ теремъ!

А тутъ услышала душа краснадѣвица. И не ходи же, доброй молодецъ, въ кузницу, Не куй три пилы, три булатныя, — Ну и будетъ время—сама сойду, (Сама сойду), за тебя пойду. (Потебия II т., 394 стр.).

Нарядъ, дѣйствительно, чудесный! Но въ дальнѣйшемъ примѣненіи символа этого „чудеснаго“ дерева обнаруживается уже техника творчества; именно, связующій символъ „подпилить“ (рубить дерево, яблоню, грушу и т. д.), уже встрѣчавшійся намъ, довольно обычень въ пѣсняхъ. Возьмемъ другое „чудесное“ дерево.

Стояли комоны, пошибши головы, Смышили комоны дальниюю дорожку,

Повозку тяжелую съ душой красной дѣвицей.

(Женихъ говорить):

„Потихоньку, бояры, съ горы спускайтесь, Не поломайтѣ, бояры, кипарисна дерева! Въ кипарисовомъ деревѣ было три угодіца:

Третіе угодіце—душа краснадѣвица. Съ душой красной дѣвицей мнѣ вѣкъ вѣковать, Съ душой красной дѣвицей мнѣ тошну ночь коротать“.

Первое угодье—три пчолы ярыя, Другое угодіце—звончатыя гусельцы.

(Шайль Р. н. н. № 33).

Какъ-бы то ни было, а пока дерево—„чудесное“, хотя какой-нибудь эпитетъ „кипарисное“ здѣсь, очень можетъ быть, играетъ ту же роль, что и всегда готовый къ услугамъ пѣвца-слагателя эпитетъ „калиновый“. Во всякомъ случаѣ, кристаллизація эпитета „кипарисный“ подтверждается многими примѣрами. Далѣе, запѣвъ пѣсни очень не рѣдкій въ свадебныхъ пѣсняхъ.

Съ ранней утренней зори Стояли кони на дворѣ; Никто про тѣхъ коней не знаетъ,

Никто про тѣхъ че вѣдѣтъ; Одна знала-спознала Машенька...

(Сах. Ш., говорн. 15).

Конечно, это—не болѣе и не менѣе, какъ кони сватовъ или жениха, готовые увезти дѣвушку изъ родительского дома, отсюда ставшіе символомъ близкаго выхода замужъ, сватовства, то желанного, какъ въ послѣдней пѣснѣ (дѣвушка засыпаетъ конямъ сахару и иоитъ ихъ сытою), то нежеланного, откуда и кони представляются какими-то грозными исполнителями судьбы: „не сама-то я къ вамъ заѣхала, —завезли меня кони N.“

Итакъ, остается непонятнымъ само „дерево“, да „три угодіца“. Но вотъ, пѣсня, гдѣ, кажется, проясняются эти непонятныя „трои пчолы ярыя“, будучи видоизмѣнены:

Ужъ вѣтры мои, вѣтерочки, Ваши тонки голосочки!

Вы не дуйте, вѣтры, на лѣсочки, Не шатайте, вѣтры, во бору сосну!

Стоять тошно сосенкѣ, невозможно;

Не водой ли сосенку подмываетъ,

Горностайка къ сосенкѣ подѣваетъ;

Посередь то сосенки пчелы вѣются,

Пчелы вѣются, пчелушки не привѣются.

Какъ у Ванюшки кудри вьются — не Тыскажи-ка, Любушка, о чѣмъ плачешь?
зазываются,
Какъ у Любушки слезы дыются, лют- Ужъ есть у меня печаль-горе,
ся — не уймутся. Отдають дружка въ солдаты!

(Варевцовъ. Сбры. пѣс. Самар. края, солдатскія № 6).

Второе угодье въ первой пѣснѣ также понятно: гусли — дѣвица: игра на гусяхъ — любовь молодца. Впрочемъ, надо замѣтить, послѣдній символъ не всегда примѣняется послѣдовательно: бываетъ, что на гусяхъ приходится играть не молодцу, а дѣвушкѣ (напр., Сах., III, 90). Такія метаморфозы, замѣтимъ, очень часто встречаются, при нагроможденіи символовъ, какъ здѣсь: „рубить яблонь“ и „тесать“, „дѣлать гусли“ и „играть“ на нихъ — синонимические символы. Поэтому-слагателю очевидно, трудно бываетъ справиться съ обилиемъ однозначащихъ или сродныхъ символовъ. Разберемъ только что приведенную пѣсню (изъ сбор. Варенцова). Мы постепенно подойдемъ къ тому, какъ въ ней проясняются непонятныя въ выше приведенной (Шейнъ № 34) „трои пчолы ярыя“.

„Вѣтеръ шатаеть въ бору сосну“, „водой сосенку подмываетъ“. „Горностайка къ сосенкѣ подбѣгаеть“ — врагъ сосны (говорить Потебня). Сопоставлениемъ: „пчелы вьются“ — „слезы льются“ и „кудри вьются — не завьются“, — вводится мотивъ пѣсни. Что же касается „пчелы вьются“ — „слезы льются“, то оно „основано (говорить Потебня, II т., стр. 219) на представлениіи пчель разлетающимися и разливанья — разсыпанья (разлетанья) образомъ горя“. „Сосенка“ здѣсь, конечно, въ роли дерева („чудеснаго“) есть пѣсни, гдѣ и сосна является въ такомъ же чудесномъ нарядѣ.

Пусть „садъ“—символъ, идущій изъ глубокой древности, но напр. въ великорусской пѣснѣ:

Ахъ ты садъ ли, ты мой садочекъ,
Садъ да зеленое виноградье!
Къ чему ты, садъ, рано расцвѣтаешь,
Расцвѣтаешь, садъ, засыхаешь,
Землю листьемъ, садъ, устыхаешь?
Не пришло еще поры-времени;
Я сама тебя, садъ, садила,
Я сама тебя поливала.

Жъвотъ, сердце надрываля,
А не для ново инова,
Для своего ли друга милова;
Что въ тебъ ли, да во садочкѣ,
Соловей пѣсни воспѣваетъ,
Что и тотъ ли вонь вылетаетъ,
А тебя сажицъ пустъ оставлять.—

(Девушка спрашивает молодца, отчего перестал ходить к ней... долго ждала она его вчера... Сах. IV семейн. 42), — въ этой пѣснѣ, что осталось отъ сѣйдѣй старинѣ? — Садъ — виноградье? Но это — припѣвъ, который, извѣстно, гораздо консервативнѣе. И можетъ жить долго послѣ того, какъ сама пѣсня, ея мотивъ разорвать всякую связь съ древностью. Кромѣ того, это „виноградье“, несомнѣнное заимствованіе: откуда пѣвецъ-слагатель,

никогда не видѣвшій виноградниковъ, могъ взять этотъ образъ? „Расцвѣтъ сада“, „опаденіе листвы“ это — начало и конецъ любви („садъ садила“). „Садъ садила“—любовь, которую лелеяла дѣвушка; „соловей, пѣвшій въ саду, но улетѣвшій потомъ“, — символъ молодца, любившаго когда-то, но любви котораго теперь положена програда. Стбить ли и есть ли основаніе возводить рядъ этихъ символовъ къ древности!

Извѣстенъ солнечный миѳъ. „По эмпирически выведенному правилу, атрибутъ миѳической личности изображаетъ то же явленіе, что и она сама. Такъ какъ золотое яблочко, золотое яичко, золотой перстень—образы солнца, то и дитя (дѣвица), которое играетъ ими, есть солнце“ (Потебня, указ. соч. II т., 58 стр.). Такъ, что что дало основаніе обратному символу — солнце=дѣвушка? Есть, пѣсни, гдѣ яснѣеть этотъ миѳъ, но какъ объяснить такія пѣсни, какъ:

Перекатно красно солнышко,
Ты звѣзда перекатная,
За облакъ звѣзда закатилася

Прочь отъ свѣтлого мѣсяца
Перешла наша дѣвица
Изъ горницы въ горницу, и пр.

(Сах. III, 117)

Катилось солнышко къ западу
Катилось красное ко терему,
Ко терему боярскому, князенецкому;
Восходилъ свѣтель мѣсяцъ ко востоку,

Онъ свѣтить ясно и не меркнетъ,
А кидаетъ лучи ясные
Къ Машенькѣ во высокъ теремъ.

(Пріѣзжали князя-бояры, входили въ свѣтлицу, звали М....
Сах. III, 133).

Шло солнышко по залѣсу,

Шло ово, остановилось.

(Шла красная дѣвица ко терему, шла и остановилась: „возьмите отъ меня ключи, батюшка, матушка, — больше я у васъ ни „влюпница“, ни „ларенница“, Сахар., 152).

Что это, какъ не величаніе только? Въ слѣдующей же пѣснѣ такимъ мнимымъ символомъ дѣвушки является не только солнце, но и мѣсяцъ:

Играло солнце красное,
Играло, да затмилося;

Свѣтиль свѣтель мѣсяцъ,
Свѣтиль, да померкнуль.

(Веселилась Машенька да пріуныла: никто не пожалѣть ее...
Сах. III, 155).

Что опять, какъ не величанье же дѣвушки черезъ величанье отца, матери, братьевъ и свахъ, заключается въ слѣдующей пѣснѣ?

Что не батюшка выдаваетъ,
Что не матушка снаряжаетъ,
Что не братцы въ поѣздѣ,
Не сестрицы въ овашенькахъ:
Выдаетъ свѣтель мѣсяцъ,

Снаряжаетъ красное солнце,
Частыя звѣзды въ поѣздѣ,
Вечернія заря у свашенькахъ, и проч.

(Шейнъ № 524).

Это—своего рода апофеоза, но еще вопросъ, насколько въ ней непосредственной вѣры и насколько техники творчества?

Возьмемъ еще нѣсколько символовъ, завѣщанныхъ миѳологической традиціей. Посмотримъ, что внесено въ нихъ, точнѣе—въ ихъ примѣненіе, творческою техникою?

„Разсыпанье жемчуга“ и „собиранье жемчуга“. Золото, жемчугъ, бисеръ и проч.—одинъ и тотъ же символъ. Это—аттрибуты солнца. Дѣло представляется, слѣдовательно, такъ: дѣвица, съюзная золото, была символомъ солнца; этотъ образъ впослѣдствіи переносенъ былъ на дѣвушку-невѣсту; „въ этомъ, — говорить Потебня, — и заключается, конечно, теперь утратившее свой смыслъ величанье послѣдней“. Величанье есть уже вторичный, производный актъ творчества, потому что, какъ ни представлять себѣ созданіе миѳологическихъ образовъ, все же нельзя въ видѣ какихъ-нибудь галлюцинацій всевозможного порядка; доля творчества есть и тутъ: аттрибуты миѳического лица взяты ни откуда, какъ съ земли. Чтобы перенести черты, приписанныя миѳическому лицу, обратно на землю, для этого, конечно, требовалось творчество. Естественно, что, при примѣненіи чертъ, перенесенныхъ съ неба на землю, символъ могъ быть или ближе къ небу (въ смыслѣ „сѣдой старины“) или къ землѣ. Напр.:

Растопись, банюшка,
Разгорись, сыръ каменка,
Ты развесись, крупенъ жемчугъ,
Ни по атласу, ни по бархату.
По браной по скатерти,

По серебряному блюдечку!
Распaczься, красная дѣвица,
Передъ своимъ отцомъ, матерью...

(Якуши. № 5).

„Жемчугъ“—символъ слезъ. На это указываютъ сиотолкованія. Дальше: заря—роса, роса—слезы; заря—солнце, солнце—дѣвушка. Сочлененіе символовъ „разсыпать жемчугъ“ и „собирать разсыпанный жемчугъ“ съ отцомъ, съ милымъ и проч. даетъ новый символъ, который можно назвать уже третичнымъ. Такъ это, напр., въ слѣдующей пѣснѣ:

Во теремѣ дѣвица сидѣть,
Ожерельице жемчужное садѣть.
Разсыпавъ ожерельице
По всему высоку терему.
Не собрать, не собрать жемчужку
Ни батюшкѣ, ни матушкѣ,

Ни братцамъ, ясвымъ соколамъ,
Ни сестрицамъ, бѣлымъ лебедамъ;
Соберетъ, соберетъ жемчугъ
Удалый добрый молодецъ
Со душой красной дѣвицей.
(Якуши. Рус. вар. пѣс. 177-8).

„Птичи мосты“. Н переводить Н черезъ жердочку (дощечку),—символъ, несомнѣнно, данный стариной: такъ естественно сблизить его съ хороводною игрою „мосты мостить“ или съ игрою „дощечка“. Въ какой-нибудь пѣснѣ:

Отъ горницы, отъ горницы
Да и до горницы
Лежать брусья, лежать брусья
Неотесанные,
Неоскобленные.

(По тѣмъ по брусьямъ шла дѣвушка Н., несла въ руки „зеленое вино“, въ другой—„меды ставленные“, подъ мышкою несла „бѣлья крупнитчатъ калачъ“... Сах. III, говорн., 27),—упоминаніе этихъ „брусьевъ“ не меныше, какъ описание дѣйствія обряда, который, б. м., настолько связанъ съ древностью, что имѣеть значеніе священнодѣйствія.

Сильна связь и слѣдующей пѣсни съ обрядомъ, а можетъ быть и миѳологическимъ преданіемъ:

Ты зоря лъ моя, зоренька,
Зорюшка вечерняя;
Ай люди, люди, лѣди,
Зорюшка вечерняя!
Солнышко восходиша,
Высоко восходиша,
Далеко освѣтило—
Черезъ лѣсъ черезъ поле,
Черезъ синее море.

Какъ па синемъ на морѣ.
Тутъ лежала жердочка
Тонкая кленовая.
Тутъ никто не хаживалъ,
Никого не воживалъ;
Переходиша добрый молодецъ,
Переводиша красну-дѣвицу;
Переводиша онъ ее—
И цѣлуетъ, и милуетъ...

(Якушк., обрядов. 5).

Уже здѣсь символизмъ въ достаточной степени заявляетъ свои права, и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что старина. обрядъ предстоитъ въ этой пѣснѣ въ жалкихъ остаткахъ. Въ двухъ же другихъ варіантахъ этой пѣсни (Якушк. 100 и 132) символизмъ, разрывая связь съ обрядомъ, вступаетъ въ свои права безраздѣльно; особенно же это будетъ убѣдительно, если сдѣлать детальное сравненіе этихъ двухъ варіантовъ между собой: получится видоизмѣненіе примѣненія символа „жердочки“. Такое детальное сравненіе сдѣлано нами въ началѣ нашей работы. Лучшимъ же, думается намъ, доказательствомъ того, что пѣсня даже самаго древняго происхожденія но чужда значительной технической обработки, служать „заговоры“. Пусть, скажутъ, пѣсня утратила свой старинный обликъ и характеръ въ устномъ обращеніи, составляя какъ бы то ни было развлеченіе народа,--но заговоры, имѣющіе такую серьезную цѣль, должны обладать болѣе прочной традиціей: каждое слово заговора, говорять, имѣть магическое значеніе—пропустить или измѣнить хоть одно слово равносильно тому, что и не исполнить, какъ слѣдуетъ, какое-нибудь священнодѣйствіе. Да такъ оно и должно быть: разъ сравнительно культурные люди могли думать, что измѣненіе слова въ священнодѣйствіи (даже только фонетическое измѣненіе) могло сдѣлать недѣйствительнымъ таинство, то тѣмъ болѣе—непосредственный человѣкъ. Однако и на заговорахъ лежать слѣды техническаго творчества.

Сколько заговоровъ начинаются традиціонною формулой: „Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), и пойду изъ избы въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле, подъ востокъ, подъ восточную сторону“. (Майковъ, Загов. 3). Начало этой формулы мож-

но найти и въ пѣсняхъ. Въ заговорахъ также можно встрѣтить фиксацію эпитетовъ въ родѣ: „калиновый“ щелокъ, „шелковый“ кѣнникъ и проч. Не послѣднюю, наконецъ, роль играютъ въ заговорахъ и „сравненія“, и многія изъ нихъ тѣ же, что и въ пѣсняхъ. Спрашивается, какъ же решить вопросъ: навязать ли всѣмъ „сравненія“ въ пѣсняхъ то значеніе, какое они якобы должны имѣть въ заговорахъ, или признать, что „сравненія“ въ послѣднихъ,—конечно не всѣ,—имѣютъ то же значеніе, что и въ пѣсняхъ, т. е. это—техническіе пріемы творчества, которое, стало-быть, имѣетъ мѣсто въ заговорахъ?—Для насть болѣе убѣдительно второе рѣшеніе вопроса. Разъ же такъ въ заговорахъ, то въ пѣснѣ тѣмъ болѣе. Конечно, иллюзія зреінія и слуха нѣсколько вѣковъ тому назадъ была у взрослыхъ на той степени, на которой она теперь у дѣтей нашихъ самыхъ глухихъ деревенъ: колеблющіяся листъ, пустое дуновеніе вѣтра, необъяснимый сразу звукъ въ воздухѣ принимали у нихъ образъ, который они видѣли и въ который дѣйствительно вѣрили абсолютно,—это мы должны принимать во вниманіе; очень можетъ быть, что мы, у которыхъ не мыслима такая иллюзія, многое рационализируемъ—видимъ только символъ тамъ, гдѣ одна наивная вѣра, но все-же техническіе пріемы творчества играли огромную роль въ пѣснѣ, и добрая половина въ ней принадлежитъ имъ, а въ такомъ случаѣ пѣсня не могла не выйти изъ устья профессиональныхъ пѣвцовъ-слагателей. Переработки пѣсень, взаимное видоизмененіе мотива и техническаго пріема, вариаціи ихъ убѣдительно свидѣтельствуютъ обо всемъ этомъ.

Вл. Карповъ.

О ПОГРЕБАЛЬНЫХЪ ОБРЯДАХЪ.

I.

Остатки язычества въ погребальныхъ обрядахъ Малороссіи.

Въ различныхъ мѣстахъ Украины можно встрѣтить любопытныи особенности малорусского погребенія, связывающія этотъ трагический актъ современной жизни съ далекой языческой стариной. Мне лично приходилось наблюдать нѣкоторые подобные обряды въ Киевской губ., въ Уманскомъ уѣздѣ; кромѣ того, я также собирая свѣдѣнія о нихъ и отъ другихъ лицъ и въ другихъ мѣстахъ. Нѣкоторые древніе обряды соблюдаются и въ настоящее время въ Малороссіи, другіе только недавно вышли изъ употребленія и известны по воспоминаніямъ. Многіе изъ нихъ указываютъ на то языческое міровоззрѣніе, которое ясно уже обрисовалось въ погребальномъ обрядахъ, описанномъ у Ибнъ-Фадланъ¹⁾.

Въ описаніи погребенія Русса онъ говоритъ, что къ покойнику въ палатку „принесли горячій напитокъ, плоды и благовонныя растенія и положили къ нему; принесли также хлѣбъ, мясо и лукъ и бросили предъ нимъ; принесли также собаку, разсѣкли ее на двѣ части и бросили въ судно. Затѣмъ принесли все его оружіе и положили бѣлокъ ему“; затѣмъ разрубили и бросили двухъ лошадей, двухъ быковъ, пѣтуха и курицу. Въ заключеніе произили книжаломъ дѣвушку и положили вмѣстѣ съ мертвѣцомъ.

Основной смыслъ всѣхъ этихъ обрядовъ заключается въ вѣрѣ, что покойникъ и послѣ своей смерти продолжаетъ жить та-кою же жизнью, какою жилъ и до кончины; поэтому ему необходима пища, животныя, жена и прислуга.

Такой же смыслъ мы должны видѣть и въ погребальномъ обычаяхъ, только недавно прекратившихся въ Малороссіи. Лѣтъ 50 назадъ, передаютъ старики, клали вмѣстѣ съ покойникомъ въ гробъ хлѣбъ, горшокъ съ кашей и графинъ съ водкой. До настоящаго времени практикуется обычай ставить вечеромъ того дня, въ который погребли умершаго, на покути (въ переднемъ

1) Сказанія мусульм. писателей, А. Я. Гаркави, стр. 96—101.

почетномъ углу) или на окнѣ стаканъ съ водой или водкой и горбушку (цилушку) хлѣба. Этотъ обычай основанъ на томъ вѣрованіи, что душа покойника приходитъ ужинать.

Въ наблюдаломъ мною мѣстности принято, что покойника везутъ на возу или на саняхъ, непремѣнно запряженныхъ волами; въ старину же, говорятъ, возили покойника лѣтомъ и зимою только на саняхъ. При этомъ вокругъ покойника садятся дѣти, а иногда и взрослые родственники.

Несомнѣнно, глубокая древность видна и въ обычаяхъ бросать въ могилу мѣдныя деньги. Объ этомъ обычаяхъ упоминаетъ и П. Чубинскій въ Трудахъ Этн. Эксп. IV, 710, въ описаніи малорусскаго погребенія, и tolкуетъ такъ, что деньги даются за „мисце“ (мѣсто). Я подробно разспрашивалъ, какой смыслъ придается народъ этому бросанію мѣдныхъ монетъ, и мнѣ объяснили, что подъ землей живеть дидько, который придетъ и скажетъ: это мое мѣсто—уходи, и надо ему заплатить за мѣсто, чтобы онъ не прогонялъ. Слово—„дидько“ въ малорусской демонологіи замѣняетъ собою древнія русскія низшія божества: и лѣшій—дидько, и домовой—дидько, и водяной—дидько,—название, стоящее въ несомнѣнной связи съ мионческимъ существомъ „Дидѣ“. Такимъ образомъ въ обычаяхъ бросать въ гробъ деньги видна вѣра въ подземное царство и въ существо, которое имъ владѣеть. Здѣсь нельзя не видѣть родства съ греко-римскимъ обычаемъ класть мертвому въ зубы или на лобъ мѣдную монету для уплаты Харону при перевозѣ чрезъ рѣку Стиксъ въ царство тѣней.

Особая знаменательная обрядность сопровождающа погребеніе дѣвушки. Дѣвушку-невѣstu одѣваютъ, какъ къ вѣнцу, расплетаютъ и расчесываютъ волосы, кладутъ на голову ленты и вѣнокъ и украшаютъ голову зеленью и цвѣтами. Какъ дѣвушкѣ, такъ и парню на средній валецъ правой руки надѣваютъ металлическое кольцо; между тѣмъ какъ женатому человѣку и замужней женщинѣ кольца не надѣваютъ. Въ случаѣ смерти дѣвушки-невѣсты или парня родные пекутъ коровай (хлѣбъ, имѣющій символическое значеніе и упогребляемый только на свадьбахъ), кладутъ его на гробъ, и послѣ похоронъ на могилѣ раздаютъ его роднымъ покойника. Дѣлаютъ это для того, чтобы вмѣстѣ съ похоронами состроить дѣвушкѣ или парню и свадьбу. Плачи, которые при этомъ раздаются, всѣ высоко-поэтичны; они напоминаютъ слова Жуковскаго въ „Орлеанской дѣвѣ“:

Не знать тебѣ любви земной,
Цвѣтущаго младенца не ласкать.

Это соединеніе свадебныхъ обрядовъ съ погребальными производить глубоко-трагическое впечатлѣніе. Отсюда видно, какое большое значеніе народъ приписываетъ любви: пѣсни свадебныя,

любовныя (ладканя), семейныя, чумацкія и даже похоронныя заплачки говорять въ большинствѣ случаевъ о любви. Это сни-маеть упрекъ и съ нашей художественной литературы, почему она не разрабатываетъ соціальные вопросы или не занимается политикой, а береть завязкой для повѣсти и драмы по преиму-щству любовь. Народъ съ своей естественной поэзіей служить истолкованіемъ этого явленія.

Въ заключеніе я еще укажу на обычай, который я имѣль случай наблюдать и который, сколько мнѣ помнится, нигдѣ не упоминается. Если умираетъ отецъ или мать и оставляетъ дочь невыданною за-мужъ, то послѣдняя расплетаетъ косу, какъ дѣ-лается это на свадѣбѣ, и идетъ такъ за гробомъ, чтобы все-таки дать возможность родителямъ видѣть дочь въ брачномъ одѣяніи.

Покойника обыкновенно провожаютъ, какъ въ Великороссіи, такъ и Малороссіи съ особенными, опредѣленными плачами; но существовалъ обычай, правда не повсемѣстно, не плакать надъ умершимъ, а веселиться, пѣть пѣсни и играть на свирѣли. Такой обычай, по разсказу одной старухи, существовалъ въ с. Подвысокомъ, Кіевск. губ. Уманскаго уѣзда. Какъ ни страненъ, на первый взглядъ, этотъ обычай, но онъ коренится въ древне-русской тризнѣ, празднествѣ надъ умершимъ, состоявшемъ въ военныхъ играхъ и веселіи.

Нѣкоторое отдаленное соотношеніе съ тризной имѣть и въ настоящее время погребальная трапеза, которая предлагается или на гробѣ покойника, или въ домѣ, откуда его вынесли; это такъ называемыя поминки по умершему. Обыкновенно онѣ устраиваются для того, чтобы смыть мрачность погребенія нѣкотораго рода веселіемъ. Для подтвержденія этого я приведу обычную здравицу, которая на поминкахъ непремѣнно раздается въ честь покойника. Эта здравица слѣдующая: „помянемъ покойничка (или роди-телей), чтобы ему легко икнулось на томъ свѣтѣ, чтобы ему ве-село жилось на томъ свѣтѣ“!

Все это несомнѣнно напоминаетъ древне-русскія языческія воззрѣнія на загробную жизнь.

Хр. Ящуржинскій.

II.

Малорусские обряды, повѣрья и заплачки при похоронахъ.

1.

(Ахтырскій уездъ Харьковской губер.).

Умирающему передъ кончиною дается въ руки восковая свѣча; послѣ смерти эта свѣча втыкается гдѣ-либо вблизи покойника. Сываютъ бабъ; онѣ обмываютъ трупъ, одѣваютъ и кладутъ—взрослыхъ на лавкѣ подъ образами, а маленькихъ на столѣ; въ руки кладется восковый крестъ или же крестъ, принесенный изъ какого-либо святого мѣста (изъ Киевской лавры, изъ Почаева). Потомъ идутъ къ священнику за вѣнчикомъ и разрѣшительной молитвой; вѣнчикъ кладутъ на покойника сейчасъ же, а разрѣмлѣту потомъ—въ гробъ. Являются желающіе прощаться съ покойникомъ; ихъ угошаютъ пирогами, палиницами и водкой. Пономарь или другой кто читаетъ псалтирь. Прѣважаетъ священникъ; мертваго кладутъ въ гробъ и несутъ хоронить. По возвращеніи съ кладбища начинаются поминки: ъдѣять сперва канунъ, приготовленный изъ разведеннаго въ водѣ меду и бубликовъ; каждый изъ присутствующихъ подходитъ къ мискѣ и съѣдѣаетъ по три ложки калуна. Потомъ ъдѣять капусту, блины, лапшу и др. кушанья. Во все продолженіе похоронъ кто-нибудь изъ родственниковъ плачетъ надъ покойникомъ, приговаривалъ.

№ 1. (Дочь по отцу). Мій татычку, мій риднесынъкъ! на кого жъ мене выдѣйникъ, на кого ты мене прыручайшъ? Нына у мене ны ридного, ны вирного; ни до кого мыни прыйти, ны поговорить, ни порадыця. ростуть мои стежки-дорожки. Шо въ людей есть братыцы и сестрыци, есть до кого поговорить, съ кымъ порадыця и погулять, а мыни видни сыроти ни съ кымъ ны порадыця, вы погулять. На шо ты мене видну сыроту такою малою оставывъ? Я смалу пійшла по наимамъ и добра ны знала. Мій татычку, ты всіхъ до ума довинъ, а я одѣ тебе осталась малою; на шо жъ ты мене оставывъ такою малою? Шо мыни гораздъ нычго нычго и ны скаже; шо десять разъ угодыши, а іазъ ны вгодыши, и вси твои разы прошли; а дома чужи дитыи иры отци, пры матери то и гораздъ и ны гораздъ зроблять, а отецъ зъ материю все покрываютъ. Шо коло тебе ны говорю, шо я коло тебе вы влоючию, а ты со мною ны словечка, ны пов словечка. Устань и пидвыдись, и свою головоньку пидвыди. Шо ты якъ жывъ бувъ, до тебе ридко хто прыйде, а тыперь устань я подывысь, якого народа коло тебе багацько.. (Обращаясь къ своему брату, плачетъ:) Мій братыку, ны мышай же мене, ны прогоняй. Хоть ны такъ ты міни ридный, такъ таць будь мави варкай и ны цурайся жъ мене.. Якъ бувъ батько,

хочь я й шыла по наймамъ, а все жъ я шла до васъ смило, а ты нерь ны знаю, якъ и ходить до васъ...

№ 2. (*Дочь по матери*). Моя матынько, моя голубонько! на шо ты васъ покыдайшъ? Якей тоби хаточки скотилося—смутной та ны выднойи... Та хаточка таи, шо сонце ны гріе, и буйный вітеръ віе... Моя матынько, моя голубонько, а прышла жъ я васъ провидаты, распровидаты, а вы до мене словечка ны промовыте. Чомъ ты мени словечка ны промовышъ, чомъ ты мене не порадышъ? Да скажи жъ, моя матынько, до кого жъ мими ходить теперь? Хто жъ мене буде поражаты, угощаты? На шо ты міве ныщасною уродыла, мою головоньку утонила? Чого жъ тоби, моя матынько, скотилося, шо ты нась изъ молодыхъ літь осиротыла? Болы жъ ты, ваша матынько, до нась въ гости прыбудашъ? Болы жъ ты васъ порадышъ, якъ поражала?.. Устань, моя матынько, порадь, шо мими пыкты та варыты и чымъ мени твойни любыхъ та малыхъ гостей гостыты, якъ поражаты, шобъ була я йихъ маты. Чомъ ты, моя матынько,ничого мими ны говорышъ, якъ йихъ поражаты, якъ вытаты? Чомъ ты мими ничего ны говорышъ? Чы я тъби чинъ добробыла, шо я тебе шытая, а ты до мене и слова ны промовышъ? Уставь, моя матынько, подывыся на своихъ сыночківъ-соколочківъ, на своихъ виучківъ малесенъкъхъ; устань да порадь міне, якъ йихъ годуваты тай воспітаты. Чы мими раненъко вставать, чы пизневъ лігать, чы мими маленькихъ дитокъ годувать? Я жъ, ны знала, якъ йихъ годувать, тай якъ йихъ воспітать; ты жъ буде нагодуйшъ йихъ и напойишъ, и спаточки положышъ...

№ 3. (*Жена по мужу*). Мій чыловиче, мій дружыне, ва шо жъ ты мене покыдайшъ, на шо сыротышъ; ны такъ ты мене сыротышъ, якъ дитокъ своихъ ридныхъ. Якъ бы я сама була, я заразъ бы соби мисто найшла, а хотъ я соби й мисто найду, а диткамъ своимъ уже батька ны найду. Шо я буду жыть и робыть, а моя й робота ны въ моду буде. Шо моїи дитки выновати и вевыновати, а йихъ быты муть, а якъ бы у йихъ батько бувъ, то выхто йихъ и пальцемъ ны тронувъ бы. Мій чыловиче, мій хозяинъ, хто мыни хлібъ покосе, хто й збыре, хто мыни наполоте, хто й намеле? Чы мыни людой просить, чы саій братъца? Шо одного попросы и другого попросы, а воно й ны дывытца. Шо ты мыни гораздъ нычого ны рассказавъ и ны ростонковавъ. Шо ты день и ничъ вы спавъ, а все хозяиновавъ и прыдбававъ, шо ты ны вспивъ и на лавку лягты, якъ уже вси коло тебе и все тягнуть и ростягаютъ; пока я оглянулась, нычого нымае ны по хлівахъ, ны по городахъ... Устань и роскажы, якъ мыни жыть? Шо чужа жынка выйде у поле, та й весело йій; шо въ ейи и чыловикъ, и дитки, есть съ кымъ робыть, кому помочы дать, а я выйду въ поле и прыйду до дому да й ни до кого мыни поговорыть, ни порадытца. Шо ты насиававъ, насиававъ, прыдбававъ, прыдбававъ, а ивкому й прибыраты. Устань же, мій чыловиче, и хотъ ны такъ поможы, якъ словомъ роскажы... Прыйде буде годовый празныкъ, то есть съ кымъ пітты до своихъ ридныхъ поговорыть, а теперъ диждала празнычка, та й війду въ хату, и ны-

мае ныкого, и въ городи нымае ныкого. Шо ты мене побъешь и по-
ляшь, мыни твой бійка и лайка ны болить, лышь бы було съ кымъ
ныни робыть у поли и дома. Прощай, чыловиче, прощай, дружыне! Шо
я тебе пытала, шо я тебе просыла, а ты мыни ныкого ны рассказавъ,
ны ростовковавъ; шо ты якъ жывъ бувъ, то до мене говорывъ, а те-
перь шо я до тебе говорыла и тебе просыла, а ты и ны озвався...

2.

(Нѣжинскій у. Черниговской губ.)

а) Въ Нѣжинѣ при выносѣ покойника изъ дома обсѣваютъ его
рожью; въ могилу, прежде чѣмъ засыпать ее, бросаютъ мѣдную
монету — на перевозъ.

Приводимъ заплачанія, записанныя въ означенномъ уѣзда.

№ 4. (*Дочь по матери*). Матинко моя, матинко, голубонько, на
шо жъ ты мене покинула?.. Да теперь же я осталася якъ горохъ при
дорози. Да порадь же мене, якъ у свити мыни проѣхали безъ ридныи
матери? Да скажи жъ ты мыни, колы ты ко мни у гости прыбудешъ?
Колы мыни для тебе столы застилаты?.. Да ты жъ не прыбула къ Ро-
жеству за величныи снигамы, да не прыбудешъ и къ Велѣкодию за
величныи дорщамы, да ты не прыбудешъ къ Святой недильци за началь-
ныи диламы; да ты не прыбудешъ къ Николи да й николы... Да колы
ты до мене въ гости прыбудешъ, да чы ты итымешъ, чы летитымешъ,
чы пластымешъ? Утенько пластымешъ, — буду риеку розгоняты; за-
зулей будешъ летиты, — сады буду росхыяты; дорогою итымешъ, — буду
дероженьку промитаты, буду и ворытечки очыняты... Якъ бы я жъ
знала, де мыни тебе взяты?.. Да тебе жъ мыни не купыты, да й не
заслужыты; моляра нанять да й зрысоватъ... Да де жъ тыи моляры,
шо молюютъ матери? Да де жъ тыи кромары, шо продаютъ матери?
Да де жъ тыи ярморкій, шо продаюца матерки?.. Якъ бы я знала, де
тебе купыты, я бъ серденько выколупыла, соби бъ матенъку купыла...

№ 5. (*Мать по дочери*). Доню моя, голубочко, да куды жъ ты
одѣ мене одражасеся?.. Да чы тутъ же тоби надобило жыты на билому
свити? Да чого жъ тоби туды закотило? Да тамъ же хаточка смутная
да невеселая, темная да невыдиная; да тамъ же соловейки не щебечуть, и
зозульки не кують. Домичко моя, перепелочко, куды ты полетила? Хто жъ
мыни теперь будыть димечко робыты такъ, якъ ты робыла?.. Да ты жъ
було що робышъ, да я й очей не посылаю; да якъ мыни теперь безъ
тебе остатысь?.. Да промовъ ты мыни хоть словечко, дытыно моя. За
шо ты на мене розгнивалася?.. Да чужы диты гуляты муть, а тебе й
не буде. А я буду ходыты, да тебе пытаты, чы не бачымы люды. Вони
скажутъ: мы бачымы, да вже на ты свити. Шо жъ мыни робыты, моя
дытыно, безъ тебе въ свити?.. Дытына моя, картина моя, да куды ты

одражася, мене покидаешъ иещасну? Доничка моя, ткаличка моя! да хто жъ чене буде тепрь поражаты, якъ ты будешъ у сырой земли лежаты...

(Записано Кл. Пиромниковою въ г. Нижній).

№ 6. (*Матъ по съмъ*). Сыночокъ мый голубчычокъ! Яка це сторона, яка це слобода, що не самъ не йдешъ, не пысъма не шлешъ? Несколько не прокаже, некто не скаже, якъ тоби танъ жывецъ... И сыну мый, и дытына моя, ой уставай, моя дытыночка! Де вона та смерть узналася, на що вона тебе узяла?.. Такъ якъ страныкъ лежашъ... Выдкиля жъ мыни тебе вызыраты, выдкиля жъ тебе выглядаты? Чы съ-пидъ червонойи калыны, чы съ-пидъ чорнойи когылы? И колы мыни тебе въ гости до-жыдаты, чы къ Велькодню, чы къ Риздву?..

№ 7. (*По матери*). И матинко, и п'ятинко, колы мыни тебе до-жыдаты, выдкиля выглядаты?.. Чы выдтыль, де сонечко сходить, чы выдтыля, де заходить?.. Моя матинко, моя матинко, моя порадынца, моя ты розведынца! Хто мене буде такъ пораджаты, хто мене буде такъ розмажаты, якъ тебе нема.

№ 8. (*По матери, если раньше умеръ и отецъ*). Татусеньку мый, голубонъко, устрічай же мою матинку, стрічай и мистечко пробырай, дороженьку промитай, и столыни застилай, и мою матинку у гостиныки дожыдай.

№ 9. (*По дочкъ*). Моя донечко, моя тополечко, моя донечко, моя маковочко, моя донечко, моя рожа новная! Якъ же ты зацвила и скоро отцвилася и обсыпалася... Выдкиля мени тебе ожидаты... и т. д. (акъ въ № 6 и 7).

№ 10. (*По женатому съмъ*). Сыну мый, дытыно моя, родына моя! де мыни тебе взяты, чы купыты, чы заслужыты, чы змулюваты?.. Нашо жъ ты мене покынувъ старенъку и дитокъ своихъ?.. Якъ мыни горуваты, якъ мыни твойихъ дитокъ годуваты?..

№ 11. (*По семейному съмъ*). Сыночку, прымай свойихъ дитокъ до себе, щобъ воны по дороги не ходылы, щобъ йихъ чужы диты не былы, щобъ воны не служылы, щобъ воны чужого дилечка не робылы. Воны будуть служыть, чуже дилечко робыть, йихъ будуть быть, да никому за йихъ оступыца...

№ 12. (*По батьку*). Татусеньку мый, голубонъку, татусеньку мый, соколонъку, татусеньку мый, соловейко!.. Прыграйте мене до себе, прыграйте... Нашо вы мене покынулы? Прыграйте мене до себе, щобъ я чужого дила не робыла... .

№ 13. (*По матери*). У саду соловейки будуть щебетаты, а я выду да буду своей матинки пытаты: колы мыни у гостенъки дожыдаты, чы къ Риздву, чы Велькодню, чы одъ Мышолы, чы одъ некблы... Моя матинко, моя горувальныце, моя матинко, моя страдательныце, моя матинко, моя покрынонъко... Хто жъ мене буде пораджаты, хто мене буде розважаты? Немае цвету чырвоного, немае роду рыдного... Нада цвету маковку, нема рыднкшого надъ матинку...

№ 14. (*Тоже*). Моя матинко, моя пьятиночка, моя покрывонько, моя зазуленько, моя вышенько и моя черененько, и мое слово вирнее, мое слово правдынне, и моя жалобынци, и моя порадынци, и моя застуныци... И колы жъ мени тебе у гостенъки должныдаты, колы для тебе столы застылаты? Чы на Велыкдень, чы на Роздво, чы на ситу недиленьку, чы на Мыколы, чы выконы? Соловеечки будуть щебетаты, а зазуленъки куваты, а я буду яихъ пытаты: соловейки моим братикам, а зазуленъка моя нееньна, вы высоко летаете, вы далеко буваете, чы вы ве бачылы моей матинки, чы не передавала вока свойими дитечкамъ повзона и вирного слова?... Да на шо жъ ты, матинко, нась покыдаешь, да кому нась, матинко, уручаешь? Да буде нась, матинко, всюды—и по горахъ, и по долинахъ, и буде нась, матинко, и по чужыхъ украинахъ... Да кому жъ ты нась, матинко, уручаешь, чы старшому брату, чы меньшому? Нашо ты нась, матинко, породыла, да сыротами опредилыла?...

№ 15. (*По батъку*). Мый татусеньку, мый голубоньку, мый соловейчыку! И на шо ты нась покыдаешь, и кому ты нась, татусеньку уручаешь: чы старшому брату, чы меньшому? А камъ же тацерь, татусеньку, треба чужымъ людымъ годыты, а намъ треба чужее дилечко робыты... Да мы що зробылы, нещасны сыроты, да наше дило не въ дило; да мы що скажемо, да наше слово не въ слово,—наше дило переробленое и слово перегокореное. Татусенько нашъ, голубонько, устань же да порадь нась, якъ намъ жыты, якъ намъ горуваты, и колы для тебе столы застылаты, и колы тебе въ гостенъки должныдаты: чы на Велыкдень, чы на Роздво, чы на ситу недиленьку, чы на Мыколы, чы одъ Мыколы да и неконы?...

№ 16. (*По дѣткамъ*). Моя дытыночко, моя родыночко, моя пташечко, и моя кокашечко, и моя роза поинай, и моя роза чернонаа, и моя ягода познай, и мый цветочокъ, и моя крашавочко! Да якъ песна настае, да выдъ я у садочокъ, да и цветочки цветуть, да и пташечки поютъ; и якъ люде ожыдають, якъ первый цветочекъ росцвитеца, и вси радуюци, и вси веселяци, и одно другого прызывае и показуе, якъ же це первый цветочекъ хороший! О такъ, моя донечко, дыждемъ мы праздника Святлого Воскресенія; якъ должныдемъ первой крашавки, одно другому показуемъ: чы гарна, чы гарна крашавка? Такъ ты була мени доню, а тацерь позаросталы твойи стежки-дорожки, де ты ходыла; а тацерь пойду я тыльки у зеленый садочокъ, да вырву я кленоный листочекъ, да прыкрую я своей донечки слизочекъ, шобъ и зозули ве кувалы. шобъ и иташеки не летали, шобъ моей донечки слизу не истоптали... Охъ, набудь я, набудь я марно все слова свои трачу! да пойду сяду край могилы да гирко заплачу ..

(Записало Алевт. Малинко въ м. Монастырщинѣ, Нѣжинск. у.).

в) Въ с. Березанкѣ, Нѣжинскаго уѣзда, больному передъ смертью даютъ въ руки восковую свѣчу. Послѣ кончины кто-либо изъ семьи идетъ за бабами, а хозяинъ ёдетъ въ городъ за необходимыми покупками; покупая нужное для похоронъ, обыкновенно не тор-

гутся, чтобы покойникамъ не пришлось торговаться между собой. Собираются бабы, грѣютъ воду, омываютъ покойника; затѣмъ одѣваютъ его: на мужчину надѣваютъ нижнее бѣлье, подпоясываютъ краснымъ или зеленымъ поясомъ, шею обвязываютъ маленьkimъ ситцевымъ платочкомъ, на ноги надѣваютъ „панчохи“—шерстяные чулки; дѣвушкѣ надѣваютъ рубаху, непремѣнно изъ покуянного полотна, плахту, шелковую или шерстянную запаску, красный поясъ, корсетку, панчохи, черевики, монисто; волоса раздѣляютъ на двѣ части, перевязываютъ лентами и перебрасываютъ черезъ плеча напередъ; поверхъ повязки возвѣгается „крытка,“ т. е. вѣнчикъ; такъ же одѣваютъ и замужнюю женщину; не надѣваютъ на нее только лентъ, мониста и черевиковъ, волоса покрываютъ очепкомъ и завязываютъ голову платкомъ „перелепомъ,“ т. е. такъ, чтобы конецъ платка изъ повязки закрывать очи похоронъ; на ребенка надѣвается ситцевая рубашка, поясокъ и цветная шапочка.—Послѣ этого покойника кладутъ—взрослого на ослонъ (скамью) или лавку, а дѣтей на столь; подъ голову кладется подушка, а подъ покойника кусокъ холста—по росту. зажигаютъ свѣчу, прикрѣпляютъ ее къ столу, въ руки умершему даютъ крестъ изъ восковой свѣчи и идуть за чтеномъ и къ священнику заявить о смерти, взять вѣнчикъ и заплатить „за поэвонне.“ Бабы бѣгутъ просить сосѣдей сдѣлать гробъ, копать яму. Тотъ, кого просятъ, не долженъ никогда отказывать, хотя бы и былъ очень занятъ своими дѣлами: отказъ считается величайшимъ грѣхомъ; объясняютъ, что покойники, которымъ они отказались отдать послѣдній долгъ, не будутъ на томъ свѣтѣ дѣлиться съ ними тѣмъ, чего послѣдніе не будутъ имѣть. Пока на дворѣ дѣлаютъ гробъ, бабы приготовляютъ канунъ (разведенныи въ водѣ медь и булка). Мочь у колодезя радио, которымъ укрывалася больной (къ этому вымытому радиу, говорятъ бабы, не пристанетъ уже никакое „лыхо“), подушку его выносятъ на чердакъ, одежду вѣшаютъ гдѣ-нибудь въ сѣняхъ, а послѣ похоронъ она отдается нищимъ; присутствующіе закусываютъ, пробуютъ канунъ—съ пожеланіемъ покойнику царствія небеснаго, при чемъ утѣшаютъ родныхъ; женщины-родственницы плачутъ, голосятъ, бѣгаютъ по хатѣ, бросаются къ покойнику, обнимаютъ его, цѣлютъ... Особен-но потрясающая бываетъ картина послѣ смерти матери, оставив-шей кучу дѣтей: старшія голосятъ, причитываютъ; меньшія, не понимая, въ чемъ дѣло, думая, что мать заснула, лазятъ въ зевъ, стараются разбудить, тормошатъ ее за руки, за ноги.. Без-намошнымъ положеніемъ осиротѣвшихъ иные любители чужого доб-ра пользуются: отправляются въ амбаръ, въ хлѣвъ, тащатъ себѣ подъ полу что попалось, относятъ себѣ домой и снова возвра-щаются на промыселъ; иногда даже доски растащать, прежде чѣмъ соберутся рабочіе дѣлать изъ нихъ „труну“ (гробъ).—Хозя-инъ, вернувшись изъ города, сдастъ покупку женщинамъ, а самъ

идеть къ соседямъ просить нести при похоронахъ „корогвы“, фонари, крестъ „мары“ (носилки), коливо. Если покойникъ остается на ночь въ домѣ, то вечеромъ собираются родственники, знакомые; имъ подается закуска; на ночь остаются только чтецъ псалтыри и цѣлько бабъ; имъ ставится закуска, вода, свиные чешки, чтобы они не поснули. На другой день идутъ за необходимыми при похоронахъ вещами въ церковь, за священникомъ; бабы вносятъ въ хату гробъ, ставятъ на ослонъ, на дно кладутъ сѣно, покрываютъ подотномъ, подъ голову дѣлаютъ подушку изъ намитки (особая кисея, изъ которой старая бабы дѣлаютъ себѣ головной уборъ) и набиваютъ ее стружками. Отпѣвши заупокойную литию въ хатѣ, священникъ выходитъ во дворъ, а бабы кладутъ покойника во гробъ, прикрываютъ намиткой, оставляя открытой одну только голову; мужчины по бокамъ кладутъ шапку и палку, подъ руку хустку съ мелкой монетой, чтобы было чѣмъ на томъ сѣть „подушне“ заплатить, закуску, водку, если покойный былъ пьяница, какой-либо инструментъ (смотря по роду занятій покойника); бабы кладутъ букетъ изъ маку; дѣвушку осываютъ цветами; старики на голову надѣваются колпакъ изъ бѣлой шерсти. Хозяева раздаютъ платки рабочимъ, подъ евангелие; священнику и причетникамъ—платки и свѣчи; на крышку гроба кладется „настольникъ“, колщовая скатерть. Когда гробъ выносятъ изъ хаты, то бабы бросаютъ вслѣдъ овесь, имень, чтобы больше никто не умиралъ въ этой семье. Жена, мать, дочь покойника голосятъ.

№ 17. (Жена). Дружино иоя дорогая, куды ты убыраеся, на що жъ ты мене выдаешьъ, неспособную да немощную? Диточки иояи, горевальщики, послы тебе воны остануця, по крапывамъ, кусточиамъ растявица, будутъ же воны тебе вспомынать, по-подъ тыномъ ваяця и и отъ голоду кричать... Чоловиче, дружина моя, прымай же до себѣ мене и все семейство мое...

№ 18. (Мать по дочери). Донечку моя, фіялочко моя, видниль буду тебе вызырать, видниль буду выглядѣть?.. Да чужык дитки бігають, да гуляють; да чужы матери глядѣть да радіють, а я тоскую, досадую, своей дытыны не важаю... Шо вже стежечки и дорыжечки по-заростають, мою дытыну люде позабуваютъ... И прымай же мене до себѣ, прыгортай, я вже жъ тутъ наїздала и нагоровала...

№ 19. (Дочь по матери). Матюнко моя рыдна, оставляешь дочку сыротыну... Кого жъ буду я пытаца, на кого буду я надіаца? Хто мыни буде помогатъ и у скрыню дѣлать?.. Остаюся я дивчикою молодою, не-щасною сыротою... Зробылы тоби хаточиу темную да невыднную, да не съ однымъ да оконечкою, да не съ однымъ да стульчикомъ. Ой матюнко, моя зазуленько, кому ты мене покыдаешь, на кого ты оставляешь? Хто буде мене выдаваты, кто буде мене выпровожаты, кто буде мене выслушаты, съ кимъ буду слово розмовляты?..

Покойника заносятъ въ церковь, гдѣ правится панихида, по-

томъ на кладбище. Послѣ похоронъ коливо и паляницы бабы раздаются дѣтямъ; принимавшіе участіе въ похоронахъ приглашаются на обѣдъ поминать покойника; приглашаются и нищіе, которымъ отдается одежа умершаго. Послѣ обѣда бабы идутъ въ садъ, пьютъ тамъ, закусываютъ; моютъ затѣмъ посуду, и воду выливаютъ туда, гдѣ не ходить люди и нѣтъ растеній, чтобы ничего не засохло „одѣ мертвай воды“. Стружки и трески (щепки) отъ гроба бросаютъ въ рѣку или сожигаютъ и потомъ уже пепель высыпаютъ въ воду, чтобы покойнику на томъ свѣтѣ было такъ легко жить, какъ пеплу плыть по водѣ. Вечеромъ сходятся бабы ночевать; имъ даютъ закуску, водку. Если покойникъ былъ варослый, то приглашаютъ причетника почитать псалтирь.

(Записано Ал. Вербицкою).

3.

(Борзенскій уездъ, Черниговской губ.).

№ 20. (По батьку). Мій батыньку, мій голубоньку, мій соловеечку! Да куды жъ ты полынешъ и поплынешъ, да на яку дороженьку, да на яку сторыевыку?.. Да колы жъ дворы вымитать, да столы застилать, да колы жъ ваєшъ у гости дожыдатъ?.. А янь же ваинъ сыротамъ оставаця? Хто нась буде зберегать, да кто намъ буде прыютъ давать? Мы жъ маленьки да неспособны дила робыть и чужымъ батькамъ годыть,—а чужому батьку сколько ве робы, дакъ не вѣдышъ... Засуджены и огуджены...

Воду, которой омываютъ покойника, выливаютъ въ такое мѣсто, гдѣ никто не ходить; солому палять; щепки и стружки отъ гроба часть выбрасываютъ на улицу, часть палять. Покойнику подъ руку кладутъ подорожній билетъ (?), сбоку—въ платкѣ ладанъ и деньги, чтобы на томъ свѣтѣ умершій могъ купить себѣ мѣсто.

(Записалъ И. Локотъ въ г. Березнѣ Черниг. губ.).

4.

(Кролевецкій уездъ, Черниговской губ.).

№ 21. (Плачъ по умершему ребенку).

Дытятко мое, любе та мыле!
Буда жъ ты убыраеся?..
Видкили тебе вызыраты, видкили тебе выглядаты?
Чы ты зъ церкви итымешъ,
Чы зъ дороги йихатымешъ?...

Чы тебе соловейки одщебеталы,
 Чы тебе зозуленки одковалы?
 Яка твоя дорыженка смутна да невесела!
 Яка твоя хаточка темна да невыдная,
 Що не дверечокъ, не оконечка, ве праведнаго сонечка...
 Якъ яблочко одь яблоньки одкотылося,
 Такъ ты одь мене, мое дытяточки, одрознылося.
 И видели ты итымешъ.
 И яку виоточку нестымешъ, моя донечко (мій сыночку)!
 Моя донечко, моя нагидочко,
 (Мій сыночко, мій колосочко!)
 На що жъ ты мене кидаешъ?
 Что жъ тебе буде доглядаты тамечекъ?
 И колы жъ ты до мене у гости придешъ?
 Болы жъ тебе дожыдатъ, колы жъ тебе сподиватъ?
 Прымай мене до себе,
 Прыгортай мене до себе!
 Обырай мыни мистечко коло себе!
 Де тоби мистечко найшлося гарне,
 Що ты мене покинуло?
 И сердце мое одырвалося,
 Дытятко мое и голубъятко мое!
 Колы я тебе побачу?
 Чы ты зозулею прыметышъ, чы соловейкомъ?
 Чы ты наимъ перекажешъ, чы нысько прыплемешъ,
 Щобъ я почула де ты будешъ,
 Мое соколятко, мое голубъятко!

№ 22. (По мужу).

Дружыно моя! куды жъ ты убыраеся?
 На що ты мене кидаешъ изъ дрыбненкими диточками!
 Хто имы буде замылнаты, хто имъ буде поряды даваты,
 Що у йихъ батька немае!
 Сырыточки мойи нещасныи,
 Куды вы не прыгорнетесь,—
 Усе до батька чужого...
 Дружыно моя выирина,
 Хозайинъ мой любый, мылыи,
 Куды жъ ты убыраеся
 И кидаешъ мене зъ малымы дитымы?
 Бого жъ мыни пытаця,
 До кого жъ мыни горнуцьца?
 Де жъ мыни йинъ найды батька рыдного?
 Усе не рыдный, усе не выирий.
 Сырытки мойи нещасныи...

Друмыно моя выирна!
 Промовъ мыни хотъ словечко,
 Якъ мыни на свити жыты?
 А друмынонъко жъ моя, друмынонъко!
 На що жъ ты одъ насть выйнижаешь?
 На що тоби мояи сыночки ворота одчыняшъ?
 У яку ты дороженьку выйнижаешь?
 Чы ты на ярмарокъ, чы на заработки?..
 Да сважи жъ мыни хотъ словечко!
 Колы ты до насть прыбудешь
 И порядокъ дасы,
 Якъ жыть, якъ горовать изъ нещасными сыротами!
 Чы ты придешь насть самъ одвидать,
 Чы кому перекажешь,
 Чы пысъмо прышишъ?..
 Хозайинъ мый мый,
 Хозайинъ мый любы!
 Чого жъ ты не хочешь у сїй жати жыты?
 Янойи ты забажавъ новойи да темнойи,
 Невеселойи да невызднойи;
 Вона й безъ выконъ,
 Вона й безъ дверей,
 И смутна й невесела!
 Друмынонъко моя, соловеечку мый!
 Прымай мене до себе,
 Зебырай мене до себе!
 Не хочу и безъ тебе жыты,
 На симъ свити гороваты.
 На кого жъ се ты разгнивався:
 Чы на друмыночку свою,
 Чы на матюночку, чы на диточекъ?
 Ой, куды жъ ты убыраесся у далекую дороженьку,
 Хозайину мый, соколонъку мый!..

(Записано г-жею Волошинской въ с. Алтыновъ Кролевецкаго уѣз.).

5.

(Маріупольскій уѣз. Херсон. губ.).

№ 23. (По смынъ). Ой мій сыночку, ой мій голубчыкъ! на що ты на насть разгнивався и покынувъ насть? Яка въ тебе хата смутна и не-весела: ни сонце ны гріе, ни витыръ ны віе и дошъ ны промече... Виткиль мы тебе будемъ выглядать и колы мы тебе побачемъ? И хто намъ буде въ роботи помогать? Мы тебе ни былы, ни лаялы, а ты насть покынувъ...

№ 24. (*По съмъ*). Ой мій сыночку, ой мій голубчык! На що ты нась покынувъ, на що ты нась насытывъ, на що ты нась посыртывъ? Горько безъ тебе у свити жыть... Та куды ты убрался у хаточку невеселу, у смутную? Чы тыби тисно було съ насы жыть? Туды витыръны завie и ясное сонце ны загріе... Встань, моя ненько, край дороженьки и роспѣтай ёго про наше жытья горькое...

№ 25. (*Дочь по матери*). Ой моя ненько, моя ридненько, та на що ты нась посыротыла? И горько близъ тебе у свити жыть... Прыыты, ненько моя, съзю голубочко; я роскажу тоби свое горе,—горько близъ невѣкы жыть. Якъ бы мыни ненька, и журбы у мене бъ ны було... Та куды вы иидыши,—чужи матыри сидѣть, а моей неньки ныма... Ныхай съ святыми спочыва и нась гришныхъ дожыда.

№ 26. (*Сестра по сестрѣ*). Ой моя сестрычка, ой моя ридненька, и чого ты отъ нась скоро убраалась? Яка у тебе хаточка смутна и невесела,—туды витыръ вы завie и ясно сонечко ны загріе... Виткия мы тебе будымъ выглядатъ, чы зъ гаю, чы зъ далекого краю, чы зъ долины, чы зъ высокой могилы?.. Мойи братики, мойи ридненьки, ветавайты вы край дороженьки и состричайты своего гости дорогого, и роспѣтуйты про нась, икъ намъ горько у свити жыть. Жалійты йій, такъ якъ мы жалимы, и прыгортайты, такъ якъ мы прыгорталы...

№ 27. (*По матери*). Моя ненько, та моя ридненько, та чого вы на нась разгнивааъсь? На що вы нась покыдаете?... Та якъ у васъ очи склынылыся, губы стулылыся... Ой моя ненька, та встань, хоть проиомъ словечко до своихъ дитокъ, та скажы, икъ намъ распоряжатъся... Та видкия васъ выглядатъ и колы дожыдатъ?.. Та яка у васъ хата смутна и невесела, безъ віконъ и безъ дверей, та ни сонце не загріе, ни вітеръ не завie... Та куды не пиду, та чужи неньки сидѣть, а васъ нема та й не буде...

№ 28. (*Дочь по отцу*). Мій таточку, мій ридненькій, на що вы нась бросылы?.. Хто насы буде замышлять и кто нась буде годувать и зодягать?.. Видкия же мы васъ, таточку, будымъ выглядатъ—чы зъ долины, чы зъ высокой могилы, чы зъ зеленого гаю, чы зъ далекого краю?.. Яка у васъ, таточку, хата смутна и невесела—близъ віконъ, близъ дверей; туда ни сонце не гріе, ни вітеръ не віе, тамъ ни соловий не поють и зозули не кують... И позаростають стыжки и дорожки, де вы ходылы, мій таточку, мій ридненькій... На що вы нась покынулы,—мы не вміимъ ни дила робыть, ни до людей говорыть...

№ 29. (*Сестра по сестрѣ*). Ой наша сестрыца, наша ридненька! За що ты на нась разгнивалась и на що ты нась покынула,—чы мы тебе ны любылы, чы у нась тоби плохо жыть було, чы мы тебе ны годували, чы мы тебе не одягали?.. У тебе и хата темна—безъ віконъ, безъ дверей... Та хто тебе тамъ прыласкае, и хто тебе нагодуе, та хто тебе обуе и одине?

№ 30. (*Жена по мужу*). Ой мій мужынекъ, мій ридненькій, та на що ты мене саму покынувъ одну? Чы я тебе ны любыла, чы у васъ тоби жыть ны понаравылось, чы мы тебе ны годували и ны оди-

гали?.. Та колы ты до нась прыйдишъ? Видкиль же мы будемъ тебе выглядать,—чи изъ поля, чы изъ роздоли?.. Та хоть бы ты до нась заговорывъ, та хоть бы ты до нась прыйшовъ ..

№ 31. (*Племянница по дядю*). Ой мій дядя, мій голубчыкъ, та на що ты нась покынувъ? Чы мы тебе ны доглядалы, чы мы тебе ны годувалы, чы мы тоби пыть ны давалы?.. Та хоть бы ты уставъ, на нась подывывесь, та хоть бы ты до нась словомъ заговорывъ, та хоть бы ты до нась уста роскрывъ, та хоть бы ты сказавъ, куда идешъ, та колы ты до нась прыйдешъ... Та виткиль же мы тебе будемъ выглядать?.. Та яку жъ ты, дядьку, саби хату выбравъ — смутну, нывеселу, та яку жъ тисну, ныпросторну; та тамъ пташки ны поють, ны зузули ны кують; та тамъ жеты ны вглядышъ ны сонца красного, ны неба ясного...

№ 32. (*Мужъ по жену*). Ой моя голубочко, ой моя сывесынька, моя рыдненська! Якъ мы съ тобою втишалысь, а ты нась покынула и саби хату нашла смутну та нывеселу; туда ни сонце ны загріе, ни витыръ ны задуе, ни дошъ не пройдеть... Ой моя голубочка, и очыци смышылышъ и губы стулышъ... Будю, будю, та ны добудюсь! Хоть бы же ты голову подняла подывыца, сколько у тебе дружокъ и бояръ; пойиздь дорогый я тыбе хоть теперъ справлю... Ой моя голубочка сывесынька, я жъ съ тобою ны наговорывся, тай ны надывывся, поны ты свою головочку ны положыла... Ой моя голубочка, ой моя рыдненська, та видкиль тыбе выглядать,—чи зъ долины, чы зъ высокой мотылы?.. Та вже жъ позаросталы дорожки, де ты й ходыла,—тыхъ дорожекъ никому протоптать...

№ 33. (*Мать по дочери*). Ой моя дочека, ой моя рыдненська, та чого ты на нась разгнивалась, чого ты отпуралась, моя дочека... Та якъ ты нась смутыла, та якъ посыротыла... Ой моя дочека, моя рыдненська, та яка у тебе хата невеселая,—туда ни дошъ не пройде, и витерь не провіе и сонце не прыгріе... Ой моя дочека, ой моя голубочка, та чого ты нась та покынула? А мы жъ тебе и не лаялы, а ты нась покынула.. Ой моя дочека, ой моя голубочка, та видкиль тебе выглядать, та видкиль тебе пытать?... та никто не скаже, никто не звистыть... Ой моя донечко, чого ты одцуралась? Та чы я васъ, моя дитки, та обижка? Та лучше бъ вы маенькимы булы померлы, а то я васъ годувала до якого времи, а вы тоди мрите...

III.

Новогреческія похоронныя причитанія и представленія о загробной жизни.

Нижеслѣдующія причитанія представляютъ собственно смѣсь новогреческихъ и турецкихъ. Записаны они Антономъ Михайло-вымъ Иммерели въ с. Игнатьевкѣ, Мариупольскаго у., а переведены маріупольскимъ привилегированнымъ грекомъ Михаиломъ

Степ. Печохчи. Причитаніямъ предпосыпается нѣсколько замѣчаній о повѣріяхъ грековъ этой мѣстности, относящихся къ умершимъ и къ загробной жизни.

Умершимъ кладутъ въ гробъ деньги, яблоки, пряники; яблоками и пряниками питается умершій на томъ свѣтѣ. Умершій, впрочемъ, можетъ насытиться однимъ запахомъ яблока; достаточно положить на могилу яблоко, и онъ будетъ сыть. Деньги необходимы умершему при его странствованіяхъ для разныхъ расходовъ; часть этихъ денегъ умершіе предъявляютъ на судъ Божіемъ, какъ доказательство, что они пользовались среди живыхъ людей извѣстнымъ почетомъ. Три раза въ годъ греки вѣмъ селомъ поминаютъ родичей: въ день Проводъ, Троицынъ день и Воздвиженіе. Кроме этихъ общихъ поминокъ, каждое семейство устраиваетъ частнымъ образомъ поминки по своимъ родственникамъ. На общихъ поминкахъ на могилы возливается красное вино; прежде это возліяніе дѣлалъ священникъ, теперь сами поминающіе. Души умершихъ ко дню поминокъ собираются въ одно мѣсто и подъ землею „люжаютъ“, втягиваются въ себя запахъ возливаемаго вина, и этимъ подкѣпляютъ себя до слѣдующихъ поминокъ. Если бы живые почему бы то ни было не устроили возліянія, то умершіе стали бы отзываться къ себѣ живыхъ; чтобы прекратить смертность, нужно совершить возліяніе въ могилы новыхъ „отозванныхъ“ мертвцовъ.

Въ присутствіи умирающихъ не слѣдуетъ говорить, что они близки къ смерти, потому что въ противномъ случаѣ тѣло умирающаго не хочетъ выпустить души, а душа не хочетъ оставаться въ тѣлѣ, вслѣдствіе чего умирающій испытываетъ мученія; для прекращенія этой борьбы нужно умирающему дать юрданской воды, которую паломники (аджи) привозятъ изъ Гордана; послѣ этого душа примиряется съ тѣломъ, и одно изъ началь—матерія или духъ—беретъ перевѣсъ вадъ другимъ; если перевѣсъ за духомъ, то человѣкъ умираетъ, если за тѣломъ—выздоровливается. Крикъ птицы считается предвѣстникомъ смерти; примѣты о смерти вообще такія же, какъ и у русскихъ.

Было бы, конечно, слишкомъ смѣло по ничтожнымъ матеріаламъ, заключающимся въ сообщаемыхъ ниже текстахъ, дѣлать окончательные выводы относительно возрѣній на загробную жизнь жителей той мѣстности, гдѣ записаны помѣщаемыя ниже причитанія. Для этого нужно не такое количество матеріала и при томъ не однихъ только причитаній. Только путемъ строгаго сравненія многочисленнаго и разнороднаго матеріала можно прійти къ болѣе или менѣе правильнымъ выводамъ. Тѣмъ не менѣе и при ограниченномъ матеріалѣ не мѣшаетъ попытаться отмѣтить, по крайней мѣрѣ, тѣ черты, по которымъ можно судить о возрѣніяхъ на загробную жизнь. Подобныя замѣтки облегчатъ

трудъ будущаго изслѣдователя дѣлать выводы по достаточному уже количеству материала.

Лучшимъ материаломъ для знакомства со взглядами на загробную жизнь служать, безъ сомнѣнія, причитанія и погребальные обряды. Это и понятно: простому человѣку, занятому добываніемъ насущнаго хлѣба, некогда задаваться вопросами о загробномъ мірѣ; только смерть любимаго существа, оторвавъ его отъ повседневныхъ занятій, заставляетъ невольно задуматься о томъ, что такое эта смерть, куда дѣвалось любимое существо, уничтожилось-ли оно окончательно или продолжаетъ существовать, гдѣ именно и въ какомъ видѣ и т. п. Отвѣты на подобные вопросы у трупа умершаго и высказываются въ причитаніяхъ. Изслѣдователь не долженъ упускать изъ виду и погребальныхъ и поминальныхъ обрядовъ. Въ нихъ на дѣлѣ исполняется то, что въ причитаніяхъ высказывается только на словахъ.

Что такое смерть, въ видѣ чего она является,—на эти вопросы не находимъ отвѣта въ нашихъ причитаніяхъ. Во всякомъ случаѣ она посыпается Богомъ: „когда отъ Бога придетъ мнѣ смерть..“ (см. прич. № 5). Тѣмъ не менѣе, смерть не считается благомъ: „это несчастье твое“ (№ 5); отъ нея стараются отбиться (№ 3), потому что мучительно отдавать душу (№ 3); тѣло всѣми силами удерживаетъ душу, какъ сказано выше; но всѣ усилия напрасны: „сильно отбивалась ты отъ смерти... но не избавилась“ (№ 3).

Жилищемъ умершаго человѣка становится гробъ: „ты сдѣлалъ себѣ домъ безъ оконъ и дверей...“ (№ 2, № 3). Когда мертваго опустятъ въ землю, душа его также уходитъ подъ землю: „ты пошелъ въ черныя земли“ (№ 1); души умершихъ подъ землюю нюхаютъ приносимое имъ возліяшо.

Дорога, по которой ушелъ умершій, безвозвратная: идущій въ загробный міръ назадъ уже не возвращается (№№ 1, 3); дорога эта покрыта лѣсами, скалами (№ 4); душа умершаго сама врядъ ли сможетъ и найти ее; эту дорогу показываютъ души прежде умершихъ (№ 4); во всякомъ случаѣ, душѣ приходится преодолѣть много препятствій, прежде чѣмъ она достигнетъ того міра; для преодолѣнія ихъ душѣ необходимы даже деньги на расходы; въ концѣ концовъ душа попадаетъ въ рай (№ 4).

Душа послѣ разлуки съ тѣломъ не уничтожается; она не материальна, какъ тѣло; тѣмъ не менѣе, она все-таки нуждается въ пищѣ, хотя и не грубой: душа довольствуется однимъ запахомъ вина и плодовъ.

Связь умершихъ и живыхъ людей не прекращается: живые люди въ известное время должны устраивать поминки, дѣлать возліяне въ честь умершихъ. Въ свою очередь души раньше умершихъ людей съ радостью встрѣчаютъ души недавно умершихъ (№ 4), показываютъ имъ дорогу въ раю; быв-

шіе знакомые на семъ свѣтѣ и на томъ узнаютъ другъ друга: „тогда братъ брата узнаетъ“ (№ 5). Новопреставившіеся рассказываютъ душамъ раньше умершихъ о земныхъ новостяхъ, передаютъ имъ поклоны отъ ихъ живыхъ родственниковъ и знакомыхъ (№ 5).

Отдѣльные черты вѣрованій будуть болѣе ясны изъ самыхъ причитаній. Кромѣ того, интересно обратить вниманіе на нѣкоторыя черты сходства новогреческихъ причитаній съ малорусскими. Помимо общности чувствъ и воззрѣній, обусловливающихъ сходство въ ихъ выраженіи, многое, вѣроятно, придется объяснить прямымъ заимствованіемъ.

№ 1. (*Жена по мужу*). Вай, стванозум холуку ханатыны хырдын кирдин хара топраклара бир кесек ченчелерин холуну ханатыны хырдын. Вай, стванозум сен бу балалары мана брахып китти мен сенин кибик коз кулах олжын насыни баба скюю зінде немутлу әзладабаба кибик сайса. Вай, стванозум әзими сәндерюп китти бу юлумнегъ стванозум атештей кѣлмек¹⁾) бу юлумнегъ сана ярашмаз бу юлар яныш онда китен хайтмаз.

Ой мужъ мой (собственно: избранникъ вѣнца моего), ты сломаъ крыло мое, вошелъ въ черный земли, цыплятамъ (дѣтамъ) своимъ и потомству ихъ также сломаъ крылья! О мужъ мой, ты ушелъ, оставилъ мнѣ этихъ дѣтей. Я, какъ ты, пригрѣть ихъ не смогу, такъ какъ отцовское вліяніе (владѣніе) шире. Пожалуй, счастливъ быль бы ребенокъ, который, какъ отца, почиталъ бы меня. Мужъ мой! ты уходиши, погасивъ свѣтъ дома моего; мужъ мой! эта смерть, какъ отъ огня рубаха¹⁾; эта смерть тебѣ не подѣть стать (тебѣ не слѣдовало бы умирать); эта дорога безвозвратная: туда идущій не возвращается.

О дитя мое, не имѣющее 18 лѣтъ, я вскоришила тебя, а этого (смерти) встрѣтить не думала! Я тебя ни била, ни въ одинъ день не проклиниала. Ты, оставилъ меня скриой, ушелъ, дитя мое? Ты отца любимецъ быль, въ отца потомствѣ (свою смертью) сломаъ крыло, отцу спину согнулаъ! Ахъ дитя мое, я тебя черезъ 2 года намѣревалась женихомъ сдѣлать. Женихи, какъ ты, одинокими не бывають: они бываютъ парными. Эта радость (т. е. ожидаемаго сватовства) ошибочная:

№ 2. (*Мать по сыну*). Вай, балачыгын он сениз яшіна кетирдым бу сыралары имтегемдим мен сени дѣккемдим биркун харгамадым сен мени бек вустар брахып китти балам бабавин ультери эдин бабанын холуну ханатыны хырдын белини бүстюн. Вай, балам мен сени зки ійлдан дана кісв этечектим вай кіёвмар беле яягыз олиаз олар чиот олур балам бу долулар яныш долулар балам союн сопун ханатыны хырдын балам. Вай, балам бизи иенустар вордун балам озю башына кюльелір

1) „атештей кѣлмек“ – вѣнчаніе опасенія къ предмету, котораго сидѣуетъ бояться, какъ огни.

яштыю балам пенчerezит хапусуз балам.

№ 3. (*Дочь по матери*). Вай аначыгым бизи ким баҳачах ким коз хулах олачах ананы сырасы бащадыр аначыгым бабалар аналар кигици коз хулах оламазлар инвыш ишлөр туттун аначыгым онда икитен хайтмаз аначыгым. Вай, аначыгым нехийидыр джан вер мек чапхын чапхын чапинедин аначыгым киганеде хуттамадын көнди башына мюлк-зэр яптын аначыгым союндан сопундан айрылдын аначыгым стванозунун холуну ханатыны хырдын бойнуну бүктүн аначыгым бизи иекустар көрдүн олара севинч күннөр бизе хара күннөр. Бабан анан чы-хандырлар оюнъ холундан ханатындан тутхандырлар аначыгым.

ты родственникамъ и ближнимъ крылья сломалъ, дитя мое! Дитя мое, неужели ты насъ такими плохими кашель, что сдѣлалъ себѣ домъ безъ оконъ и дверей?

Охъ мать моя, кто насъ станетъ смотрѣть, кто насъ призрѣть? У матери порядокъ другой,—отцы призрѣть, присмотрѣть за нами не могутъ такъ, какъ матери. Ты не-правильно повела дѣла, мать моя: туда идущій не возвращается. Охъ мать моя, насколько мучительно отдавать душу! Сильно отбивалась ты отъ смерти, мать моя, а все-таки не избавилась. Сама себѣ домъ сдѣлала, отъ родственниковъ и ближнихъ отѣмилась, избранному своему (т. е. мужу) крыло сломала, шею свернула. Ты видѣла насъ настолько плохими, что радостные (для другихъ людей) дни для насъ мрачны. Къ отцу и матери идешь. Отецъ и мать навѣрное вышли встрѣтить, радуясь, подъ руки, подъ мышки навѣрное взяли тебя, мать моя.

Охъ дочь моя, я одна бѣдная осталась. Къ кому я прильну? Я осталась безпріютной нищей сама одна. Есть еще старикъ дѣдъ; сломала ты крылья намъ, свихнула спины намъ. Смолоду положила ты все (здоровье) твое; фальшивый міръ сей не принесъ тебѣ, дитя мое, ничего хорошаго. Ты должна была черезъ три года быть невѣстой. У тебя на рукахъ 10 изящныхъ пальцевъ. Такихъ (какъ ты) невѣсть не бываетъ, дочь моя. Спиной подъ вѣнецъ не идуть,—попарно идуть подъ вѣнецъ, дочь моя! Уже мы разстались, сдѣлавшись чужими другъ другу; отъ насъ отѣмилась,—такъ не отѣмляйся отъ рая! Уже для меня черные дни: сорокъ дней

герібім хызым китермі ардындаи хыдыриан хызым одуныянын ёлуну сен чыхып костер хызым.

и сорокъ ночей стану москть трауръ. Какъ ужъ я вытерплю, какъ перенесу теперь, дочь моя? Пойду я въ лѣса и скалы, одиночая, бѣдная женщина, пойду за тобою, дитя мое, стану искать тебя. Ты выйдешь на встречу и покажешь мнѣ дорогу того міра, дочь моя!

Охъ, братецъ мой, ты не старъ. Зачѣмъ пришли эти несчастія на твою голову? Не какъ путешествующимъ дорога: — это не твоя дорога, — это несчастье твое. У тебя осталось много дѣтей, почеркъ имущество твое, черный дымъ вышелъ изъ (неразобр. слово), братъ мой! Одна старая мать осталась, изъ уваженія къ ней ты живъ бы; если не матери, то женъ бы ты уважилъ. Въ тумной, далекой сторонѣ была сестра твоя, и та не видѣла смерти твоей. Сколько ужъ лѣтъ я ожидала, и къ тебѣ своими ногами не добѣду, и у меня есть два цыпленка (дѣти). Когда отъ Бога придется мнѣ смерть, и я не посмотрю на нихъ (дѣтей) просьбу. Тогда я понесу тебѣ поклонъ (извѣстіе) отъ твоихъ дѣтей. Тогда братъ брата узнаемъ, братъ мой!

№ 5. (*Сестра по братъ*). Вай менни хардашымъ сен харт дѣкульдин хардашымъ нѣчин кельди бузулуннар башына хардашымъ юлчулар юлавчыгар кибии юлукъ хардашымъ юломъ денил бу зулумдыр сана хардашымъ халды бир весек балан хардашымъ харады мюлькюмъ хара тутунер чихти очагындан хардашымъ бирдене харт анаи халды хардашымъ окуи атири олайды чомадымъ хардашымъ онунда маҳуя корнесен хардашымъ ствамозунун атири олайды хардашымъ бир ябан ерде чычан варды хардашымъ ода кориеди юльину хардашымъ секиз ійдан бери бекледимъ эвде мен варырымъ сана хардашымъ кенды амтynиан варынам хардашымъ меннімде вар берг эйдене чипчелеримъ хардашымъ алахтан кесе менде бахшогли оларын сёзюнен хардашымъ мен овахит сана сезам кютюррюмъ кенди чипчелериден хардашымъ о вахитѣ хардаш хардашы танырых.

Примѣчаніе. У иѣстныхъ поселянъ въ большомъ употребленіи сравненіе потери родственниковъ съ отсѣченіемъ крыла птицы, поэтому часто попадаютъ выраженія: „ты отсѣкъ, сломаъ крыло“. Затѣмъ, сынъ какъ бы подпираеть отца, и потому обѣ отцѣ, лишившіеся сына, говорять, что „онъ падаетъ“, „согнулъ спину“, „сломаъ шею“.

Сообщилъ А. Н. Малинка.

О НАРОДНЫХЪ СРЕДСТВАХЪ ВРАЧЕВАНИЯ.

ВЪ СВЯЗИ СЪ ПОВѢРЬЯМИ.

Если изучение народныхъ обычаевъ важно въ научномъ отношеніи, то болѣе важно изученіе народныхъ средствъ врачеванія еще въ практическомъ отношеніи. Первое, представляя собою интересъ болѣе для людей ученыхъ, удовлетворяетъ потребностямъ только любознательности, а второе, кроме того, ознакомляетъ съ неизвѣстными еще медицинѣ домашними средствами врачеванія, большая часть которыхъ иногда, по испытаніи, оказывается вѣриѣшими и простѣйшими средствами противъ той или другой болѣзни, и такимъ образомъ средства эти вносятъ собою цѣнныій вкладъ во врачебную науку.

Хотя практическій умъ простолюдина и не любить пускаться въ различные отрасли науки, неужнѣйшее, по мнѣнію его, для простолюдина, во въ то же время иной въ трудныхъ случаяхъ жизни старается изыскывать сподручныя ему средства, безъ которыхъ ему или очень трудно, или совершенно нельзѧ обойтись, и при этомъ онъ случайно наталкивается на такія вещи, которая насколько бы ни были онѣ поразительны по своей простотѣ, настолько же оказываются вѣрными и цѣлесообразными средствами, которыхъ онъ ищетъ, и они получаютъ уже въ короткое время общую извѣстность, дѣлаясь въ то же время достояніемъ народа.

Въ настоящей статьѣ мы будемъ говорить о домашнихъ средствахъ врачеванія, употребляемыхъ народомъ въ Вятской губерніи, и самая статья наша будетъ представлять собою матеріаль, собранный въ восточной ея окраинѣ, во время лѣтнихъ экскурсій, совершенныхъ съ этнографическою цѣлью. Хотя авторъ при собираніи изложенныхъ здѣсь свѣдѣній и ограничивался небольшимъ райономъ, но собранный имъ матеріаль, даетъ уже удовлетворительное понятіе о народной медицинѣ вообще и въ особенности о томъ, какое воззрѣніе имѣть народъ на растенія и какъ пользуется ими. Конечно, статья наша составляеть только ничтожную часть того, что могла бы дать цѣлая Вятская губернія, если бы собирать свѣдѣнія по этому предмету путемъ разспросовъ жителей на частныхъ бесѣдахъ, не торопясь. Если бы, повторяемъ, собирать матеріалы по народной медицинѣ во всей губерніи, то, несомнѣнно, со-

ставился бы не одинъ томъ своеобразныхъ народныхъ рецептовъ, изъ коихъ известна врачебной наукѣ только малая доля, между тѣмъ большая часть ихъ—средства испытанныя; въ этомъ нась должно убѣдить и то, что въ одной известной намъ деревнѣ изъ 50 больныхъ обращались къ земскимъ врачамъ и фельдшерамъ только около 10 человѣкъ, остальные же вылѣчились домашними средствами. Изъ этого ясно, что народъ знаетъ лѣкарственный растенія и другія средства врачеванія и умѣеть пользоваться ими, особенно тамъ, где дальнее разстояніе не позволяетъ обращаться за лѣкарствами въ аптеки. Бываютъ, конечно, случаи, что иной пользуется известными растеніями неправильно, а иной вмѣсто лѣкарственной травы, описанной ему въ короткихъ словахъ знахаремъ нетолково, принимаетъ ядовитую, послѣдствіемъ чего бываетъ не только вредъ для здоровья, но даже смерть.

Сколько ни лѣчится народъ известными травами или симпатическими средствами, сколько ни знаетъ лѣкарственныхъ растеній, но почему-то считаетъ нужнымъ все это скрывать. Вотъ поэтому и трудно добывать материалы о домашнихъ средствахъ лѣченія народа, хотя это, повидимому, и не стоило бы называть трудомъ. Но какъ бы то ни было, а посвятившій себя дѣлу изученія народа все таки находить средство или возможность добить нужныхъ ему свѣдѣнія, хотя бы это стоило ему и имени порядочнаго человѣка. Говоримъ—имени „порядочнаго“ человѣка потому, что собирателя подобныхъ материаловъ необходимость заставляетъ иногда постыдиться трущебныхъ мѣстъ, сталкиваться съ такъ называемыми „непорядочными“ людьми и вести съ ними бесѣду, а подѣ-часть принять и участіе въ собутыльничествѣ съ ними, и „порядочный“ человѣкъ, видя собирателя материаловъ въ несогласствующемъ его званію мѣстѣ, въ обществѣ „непорядочныхъ“, клеймить его нерѣдко именемъ безнравственнаго кутилы. Но что же дѣлать! Безъ худа, скажемъ мы, нѣтъ добра, равно какъ нѣтъ и худа безъ добра.

Лѣченіе домашними средствами совершается преимущественно съ помощью травъ, нарванныхъ между началомъ всхода ихъ и 24 июня, т. е. Ивановымъ днемъ, послѣ котораго трава, по народному мнѣнію, лишается целительной силы, а лучшимъ временемъ для сбора лѣкарственныхъ растеній (исключая нѣкоторыхъ изъ нихъ) считается мѣсяцъ май. По укоренившемуся въ народѣ повѣрю, ночь на Ивана-Купалу въ отношеніи всѣхъ вообще растеній является ночью таинственной: въ эту ночь, по словамъ сувѣрныхъ, растенія говорятъ между собою, какъ человѣко-подобныя существа, и цвѣтутъ въ продолженіе трехъ минутъ, давая по три цвѣтка, таинственные травы: *спрыкъ*¹⁾, *папоротникъ* и ироч., и цвѣты этихъ травъ береть нечистая сила, чтобы быть

1) *Разрып*—трава.

для человѣка невидимой. Объ этой ночи въ народѣ сложились цѣлые фабулы интересныхъ сказаний, изъ коихъ одно, признаваемое народомъ основаннымъ на дѣйствительномъ фактѣ, приводимъ здѣсь въ сокращенномъ, по возможности, видѣ.

По рассказамъ извѣстнаго намъ мельника Андрея Чиркова, жена Федора Васильева, однажды, при наступлѣніи Ивановской ночи, сидѣла подъ березой во 100 саженяхъ отъ людскихъ жилищъ съ двумя малолѣтними сыновьями, изъ коихъ одинъ былъ еще грудной. Ночь наступала тихая, вполнѣ могущая называться таинственной,—такая ночь, какая можетъ выпасть только на долю Ивана-Кулалы. Долго ли сидѣла жевуща подъ березой, разсказъ умалчиваетъ, только говоритъ, что во время созерцанія женщины окружавшаго ее, когда тѣни чарующей ночи сгущалась съ каждой минутой сильнѣе и сильнѣе, услышала она вдругъ человѣческій голосъ, говорящій березѣ, подъ которой она сидѣла „пойдемъ бабушку хоронить: она умерла“.—„Нельзя мнѣ итти: у меня на колѣняхъ сидить рабъ“,—отвѣчаетъ береза таинственно му голосу. Это,—заключила женщина,—былъ разговоръ двухъ березъ: приходила къ пожилой березѣ молодая звать на похороны старой, которая, вѣроятно отъ времени, упала, но березѣ, подъ которой сидѣла женщина, итти было нельзя: на колѣняхъ ея (т. е. на корняхъ) сидѣлъ грудной ребенокъ.

Считая ночь на Ивановъ день ночью таинственной, временемъ самымъ удобнымъ для добытія таинственныхъ травъ, въ эту ночь запасаются волшебными и другими необыкновенными травами колдуны и знахари, и нарванныя травы держать или въ трубѣ, какъ и черную книгу, или подъ печкой, или же подъ порогомъ и въ прочихъ укромныхъ мѣстахъ, въ которыхъ только и можно хранить ихъ.

Собираниемъ лѣкарственныхъ травъ занимаются преимущественно знахари и знахарки, особенно послѣднія, и самыя травы рвутъ съ различными словами или заговорами, какъ напримѣръ: „рву я рабъ (имя рекъ) или раба отъ травки цвѣточки, отъ земли коренья; на что они полезны, на то ихъ и рву“.

По мнѣнію знахарей и знахарокъ, каждая ничтожная травка имѣть чудесную силу врачевства, но не каждая травка, полезная для мужчины, въ то же время полезна для женщины; въ медицинскомъ отношеніи травку отъ травки слѣдуетъ различать такъ, какъ различаются человѣкъ отъ человѣка, именно: для женатаго мужчины и замужней женщины существуютъ особыя травы, такъ равно и для холостого и дѣвицы травы особыя. Кто не можетъ въ этомъ отношеніи различать травку отъ травки, тотъ не долженъ предлагать больному и составленного лѣкарства, хотя извѣстная трава и считается лѣкарственной во многихъ болѣзняхъ. Одну траву, говорить, нельзя сорвать голой рукой, къ другой нельзя прикоснуться простой рукой, а иную нельзя

сорвать никому, кромъ самаго больного, и проч. Больной, принимая лѣкарство, долженъ поститься и, если будетъ чувствовать облегченіе, не долженъ обѣ этомъ говорить никому, въ противномъ случаѣ пользы-де отъ лѣченія не будетъ. По разсказу, услышанному нами отъ знакомаго, въ одной изъ деревень Воткинского округа былъ такой поразительный случай. Молодой человѣкъ, получившій чахотку, былъ уже недалекъ отъ смерти. Онъ до того исхудалъ, что остались на немъ кости да кожа. Дотянувшись до лѣта и вышелъ однажды подъ вечеръ изъ деревни съ палкой въ руку, какъ дряхлый старикъ, и побралъ по дорогѣ, надѣясь, можетъ быть, получить облегченіе. Отошедшіи отъ деревни примѣрно въ 50 саж., онъ встрѣтился случайно съ мужикомъ изъ сосѣдней деревни. „Ты, я вижу, очень хвораешь?“ обратился къ больному встрѣтившійся мужикъ. — „Развѣ не видишь? зачѣмъ спрашиваешь?“ отвѣчаетъ больной съ грубостью (чахоточные вообще раздражительны). — „Не горячись“, продолжалъ мужикъ: „можетъ быть я помогу тебѣ“. — „Поможешь ты! Лѣчиль докторъ, и онъ не помогъ, ты ли поможешь?“ — „Какъ знаешь? можетъ быть и помогу, иди-ка за мной“. Больной однако не соглашался ити, но убѣдительная просьба собесѣдника наконецъ заставила его согласиться. Сошелъ мужикъ съ дороги и повелъ больного въ болотистое мѣсто. Остановился онъ тамъ у одной травки вышиной около двухъ четвертей и говорить больному: „сорви эту травку и сѣѣшь“. Больной просить мужика, чтобы травку сорвалъ онъ самъ и дагъ ему, но мужикъ не срываетъ, говоря, что сорвать травку долженъ самъ больной. Сорвалъ больной травку, и говорить ему мужикъ: „иди домой и сѣѣшь эту травку, да смотри, въ теченіе трехъ сутокъ ничего кромѣ этой травы неѣшь. Если тебя одолѣть сонъ—спи, а не сѣѣшь вдругъ всю травку—ѣшь потомъ, да если будешь чувствовать облегченіе, никому обѣ этомъ не говори“.

Поблагодарилъ больной мужика и побрелъ домой. Пришедши домой, сѣѣлъ онъ кое-какъ половину травки и задремалъ; легъ на кровать и уснуль. Проспалъ онъ почти до утра и сталъ чувствовать облегченіе. Сѣѣлъ остальную часть и опять уснуль. На другой день сходилъ за травкой самъ и опять сѣѣлъ ее. Такъ провелъ онъ три дня, не касаясь, кромѣ травы, никакой пищи и никому про свое лѣченіе не говоря. Черезъ три дня у него появился аппетитъ, какъ у совершенно здороваго человѣка, и онъ, позвавши, опять уснуль. Сходилъ за травой еще и сѣѣлъ всю присененную. Наконецъ онъ выздоровѣлъ совершенно.

Приписывая травамъ чудесную силу врачевства, говорятъ, что красивыя травы съ цвѣтами созданы для красоты, чтобы ими пестрѣли поля и луга, а простыя назначены на кормъ скоту и для врачеванія больныхъ. Вообще, говоря о растеніяхъ, должно сказать, что народъ въ растительномъ царствѣ видѣтъ сходство съ

царствомъ животныхъ, гдѣ каждое отдельно взятое по родамъ существуетъ имѣть свое назначеніе.

Травы раздѣляются на а) *магическія*, б) *амулеты*, в) *лькарственныя*, г) *ядовитыя*, д) *возбуждающія похоть*, е) *привораживающія*, и проч.

Изъ магическихъ особенно замѣчательны:

Спрыкъ. Траву эту узнаютъ только самые искусные знахари, и то счастливые, по покрываютъ ее блесткамъ на утренней зарѣ до восхода солнца и по другимъ признакамъ. Говорятъ, что если эта трава во время сѣнокоса случайно попадетъ подъ косу, коса непремѣнно разлетится на нѣсколько частей или покрайней мѣрѣ переломится пополамъ. Трава спрыкъ имѣть ту силу, что отъ одного прикосновенія ею къ замкамъ и желѣзнымъ запорамъ таковые разрываются, отчего, вѣроятно, и получила она въ другихъ мѣстахъ название разрывъ-травы. Найти эту траву можно слѣдующимъ образомъ. Когда коса безъ всякой причины на ровномъ мѣстѣ разлетится или, звякнувши, переломится, тогда всю подкошенную траву надо собрать и бросить въ рѣку. Изъ кучи травы мгновенно выдѣлится спрыкъ и поплынетъ вверхъ по течению рѣки, тогда какъ обыкновенная трава будетъ плыть внизъ по течению рѣки. Можно ее найти еще такъ. Нужно искать гнѣзда дятла въ дуплѣ; если найдешь, заткни лазейку дятла или отверстіе въ дуплѣ желѣзнымъ прутомъ или чѣмъ-нибудь другимъ подобнымъ, и затѣмъ надо постлать подъ дупло, къ корню дерева, чистую скатерть (само собой разумѣется, все это нужно дѣлать въ то время, когда дятель не будетъ въ дуплѣ, глѣ гнѣзда его). Дятлу, прилетѣвшему къ гнѣзду, нельзя будетъ пролѣтѣть въ дупло; тогда онъ улетитъ искать траву спрыкъ; найдетъ ее и принесетъ во рту. Коснется желѣза травой, и оно (желѣзо) упадетъ на землю, и дятель траву выпустить изо рта, и она упадетъ на скатерть. Трава спрыкъ лишится силы, если бросишь ее въ отхожее мѣсто. Цвѣты этой травы, какъ мы замѣтили уже выше, имѣютъ еще силу дѣлать человѣка невидимымъ, подобно духу.

Папоротникъ. Цвѣтамъ означенной травы приписывается почти такая же сила, какая приписывается цвѣтамъ предыдущей травы. Чтобы добыть цвѣты названной травы, нужно итти въ ночь на Ивановъ день въ самое глухое мѣсто, въ лѣсъ, чтобы до этого мѣста не доходилъ звукъ пѣнія пѣтуховъ. Пришедши на мѣсто, гдѣ растетъ папоротникъ, нужно обвести вокругъ себя черту взятымъ съ собой желѣзнымъ орудіемъ, напримѣръ, ножомъ, топоромъ, заключающимъ въ себѣ укладъ, и постлать на землю, подъ листья папоротника, чистую скатерть; затѣмъ самому нужно лечь на спину и въ такомъ положеніи смотрѣть въ небо и считать звѣзды. Около полуночи къ чертѣ будутъ подходить въ образѣ разныхъ животныхъ бѣсы и угрожать смертю, чтобы лежащий вышелъ изъ кружка и лишился цвѣтовъ папоротника; что лежащий не долженъ

даже и шевелиться, а только считать звѣзды. Въ самую полночь палопотникъ расцвѣтеть и уронить на скатерть три серебряныхъ цвѣтка (по словамъ нѣкоторыхъ, одинъ цвѣтокъ). Тутъ лежащій будетъ испытывать неслыханныя, страшныя видѣнія и голоса нечистой силы, но онъ долженъ терпѣть и не предаваться страху; страниться же ему не для чего: нечистая сила не перейдетъ за черту, а при первомъ пъніи пѣтуховъ она вся исчезнетъ, и, сѣдоватѣльно, цвѣты добыты.

Аракатъ. Трава эта, кромѣ магической силы, служить еще, такъ сказать, ключемъ къ отысканію чудесныхъ травъ. Она, по словамъ одного рассказчика, имѣеть вышину 12 верш. и толщиной съ палецъ; цвѣты на ней голубые и желтые, подобны самыхъ листочковъ; корень ея какъ рѣдька. Можно добыть ее только въ Ивановъ день, между заутреней и обѣдней, слѣдующими образомъ. Увидѣвши ее, вырѣжи ножемъ противъ солнца кружокъ земли, въ которомъ заключается ея корень. Если поднимешь траву съ кружкомъ земли—бери, если же сорвешь траву—не бери: пользы отъ нея не будетъ. Траву находить тамъ, где сошлась Москва съ Окой.

Амулетами считаются слѣдующія травы и ихъ кореня:

а) *Христова посохъ.* О травѣ этой мы слышали такое сказаніе. Когда произошла война между небесными силами и злыми духами съ Акеломъ¹⁾ во главѣ, злые духи взяли въ адъ и пчель, гдѣ они и находились до сошествія Спасителя въ адъ. Спаситель, выдернувши траву Христова посохъ (*Tritillaria imperialis*), сошелъ съ ней въ адъ, посадилъ въ лукообразный корень этого растенія пчелинную матку и вывелъ ее изъ ада съ пчелами вмѣстѣ съ праведными духами и отдалъ матку съ пчелами людямъ.

б) *Петровъ крестъ* (*Lathraea squamaria*). Народное сказаніе обѣ этой травѣ повѣствуетъ, что св. апостолъ Пётръ, занимаясь рыбачествомъ, привязывалъ траву къ сѣтямъ и ловилъ рыбы много, поэтому привязываютъ ее нѣкоторые рыбаки къ сѣтямъ.

в) *Плакунъ* (*Lythrum Salicaria Epilobium*). Чтобы ознакомить со сказаніемъ обѣ этой травѣ, мы приведемъ здѣсь известный намъ вариантъ пѣсни о Голубиной книжѣ, въ которой между прочимъ воспѣвается эта трава.

Среди свѣту бѣлого, жиру хри-
стіанскаго,
Что во градѣ было во Киевѣ,
Выпадала книга Голубиная
Ни малая ни великая—
Въ длину сорокъ локоть,
Ноперечини двадцать локоть.

Кому честь—не прочесть ее,
Бому держать — не сдержать ее.
Бы той книгѣ Голубиной
Собиралися съѣзжались
Сорокъ царей со царицами,
Сорокъ князей со князющими,
Сорокъ пѣповъ со діакономъ.

¹⁾ Князь тьмы, начальникъ демоновъ.

Какъ сговорить Володимір царь:
 „Ты скажи намъ, Давидъ Евсеевичъ,
 Ты скажи намъ, премудрый царь,
 Скажи ты намъ, отчего свѣтъ
 зачался?
 Скажи ты намъ, отчего солнце
 красное?
 Скажи ты намъ, отчего свѣтель
 мѣсяцъ?
 Скажи ты намъ отчего часты
 звѣзды?“
 Имъ отверзель премудрый царь:
 „Я расскажу по памяти, какъ по
 грамотѣ.
 Бѣлый свѣтъ зачался отъ Свята
 Духа,
 Солнце красное отъ лица Божія,
 Свѣтель мѣсяцъ отъ грудей Его,
 Часты звѣзды то — отъ ризы Его“.
 Какъ сговорить Володимір царь:
 „Гой еси, премудрый царь Давидъ
 Евсеевичъ!
 Скажи ты намъ, отчего цари
 пошли?
 Скажи ты намъ, отчего короли
 пошли?
 Скажи ты намъ, отчего князья по-
 шли?
 Скажи, отчего бояре пошли?
 Скажи, отчего попы пошли?
 Скажи, отчего христіане?
 Скажи, отчего тати пошли?
 Скажи, отчего разбойники?
 Скажи, отчего нищета пошла?“
 Что отверзель имъ премудрый
 царь:
 „Еще расскажу по памяти, какъ
 по грамотѣ.
 Цари пошли отъ солнышка,
 Короли пошли отъ мѣсяца,
 Князья пошли отъ утренней,
 Бояре отъ вечерней зари;
 Попы пошли отъ четыи Божіи,
 Христіане — отъ частыхъ звѣздъ,
 Тати пошли отъ туга лука,

Разбойники — отъ темной ночи,
 Нищета пошла отъ самого Христа“.
 Какъ сговорить Володимір царь:
 „Гой еси, премудрый царь Давичъ
 Евсеевичъ!
 Скажи ты намъ, какой царь всѣмъ
 царямъ отецъ?
 Скажи ты намъ, какой градъ всѣмъ
 градамъ отецъ?
 Скажи ты, кое море всѣмъ морямъ
 отецъ?
 Скажи ты, кая рѣка всѣмъ рѣкамъ
 отецъ?
 Скажи ты, кая гора всѣмъ горамъ
 отецъ?
 Скажи ты, кой звѣрь всѣмъ звѣ-
 рямъ отецъ?
 Скажи ты, кая рыба всѣмъ рыбамъ
 отецъ?
 Кая птица всѣмъ птицамъ отецъ?
 Кая трава всѣмъ травамъ отецъ?“
 Что отверзель имъ премудрый
 царь:
 „Я расскажу по памяти, какъ по
 грамотѣ.
 Нашъ Бѣлый Царь всѣмъ царямъ
 отецъ:
 У него вѣра крещеная, православ-
 ная, богомольная;
 Оттого нашъ царь всѣмъ царямъ
 отецъ.
 Русалимъ-градъ всѣмъ градамъ отецъ:
 Стоить онъ средь свѣту бѣлого,
 Что не пушь земли-то въ Руса-
 лимъ градѣ;
 Оттого Русалимъ-градъ всѣмъ гра-
 дамъ отецъ.
 Кіянъ-море всѣмъ морямъ отецъ:
 Изъ него вышла церковь Касан-
 дрійская,
 А за нею папы Рымскаго;
 Оттого кіянъ-море всѣмъ морямъ
 отецъ.
 Ерданъ-рѣка всѣмъ рѣкамъ отецъ:
 На ней крестился Самъ Іисусъ
 Христосъ

Со Ангелы и Архангелы,
Со двѣнадцатью Апостолы;
Оттого Ердань-рѣка всѣмъ рѣкамъ
отецъ.
Фагоръ-гора всѣмъ горамъ отецъ:
На ней преобразился Самъ Иисусъ
Христосъ;
Оттого Фагоръ-гора всѣмъ горамъ
отецъ.
Бинарисъ - древо всѣмъ древамъ
отецъ:
На немъ распялся Самъ Иисусъ
Христосъ
Промежду двухъ разбойниковъ;
Оттого Бинарисъ-древо всѣмъ дре-
вамъ отецъ.
Ендарь-звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ:
Живеть онъ подъ старымъ дубомъ,
Питается онъ Святымъ Духомъ;
Оттого Ендарь-звѣрь всѣмъ звѣрямъ
отецъ.
Бить-рыба всѣмъ рыбамъ отецъ:
На немъ лежитъ вся сыра земля
Свита русская православная;
Потому Бить-рыба всѣмъ рыбамъ
отецъ.

Къ амулетамъ причисляются еще травы: одоленъ, царевы очи, сивулисъ...

Привораживающими травами служатъ хоровецъ, пырецъ. Объ нихъ рѣчь ниже слѣдуетъ.

Нѣкоторые изъ знахарей, занимающихся собираниемъ травъ, имѣютъ и описанія травъ или травники и даже самыя травы въ засушенномъ видѣ, въ родѣ гербарія; при такихъ описаніяхъ есть и таинственные знаки, известные только имъ. Описанія такія переходятъ отъ знахарей къ ихъ дѣтямъ отъ дѣтей ко внукамъ и т. д. по нисходящей линіи, какъ наследство, и ими нѣкоторые потомки дорожатъ, подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ образованныхъ семействахъ дорожатъ фамильными цѣнностями.

Однажды, перебирая у одного грамотѣя различныя книжки лубочного изданія, хранящіяся въ ящики, увидѣлъ я, между про-чимъ, остатки старинной рукописи съ пострадавшими отъ времени листами, у которыхъ края и углы оказались очень обтрепанными, вслѣдствіе чего, естественно, и слова могли сохра-ниться не всѣ. Тетрадь эта, несомнѣнно, есть отрывокъ отъ объемистой рукописи, заключавшей въ себѣ описанія различныхъ

Строфиль-птица всѣмъ птицамъ
отецъ:
Живеть онъ въ синемъ морѣ,
Дѣтей водить подъ камнемъ онъ.
Когда Строфиль вострепахнется,
Тогда море поколыхнется,
Тогда зальетъ весь невѣрный міръ;
Оттого Строфиль-птица всѣмъ пти-
цамъ отецъ.
Плакунъ - трава всѣмъ травамъ
отецъ:
Когда Христосъ на распятъ былъ,
Тогда Дѣва, Мать Пречистая,
Она плакала, сильно рыдала,
На сырь-землю слезы роняла,
Отъ той слезы отъ Пречистенской
Выростала-то Плакунъ-трава;
Оттого Плакунъ-трава всѣмъ тра-
вамъ отецъ.
Кривда правду одолѣть хоча,
Кривда пошла по свѣту,
Правда пошла на небо.
Старымъ людямъ на спокоеніе,
Младымъ людямъ на наученіе.
И славенъ Богъ, и прославенъ Богъ,
Велико Имя въ дѣлахъ Его.

травъ. Я выпросилъ на время эту тетрадку и привожу здѣсь ея содержаніе, прибавляя отъ себя только необходимыя знаки препинанія, которыхъ въ рукописи нѣтъ. Неразобранныя слова въ рукописи означены вами точками.

Трава есть *Гонецъ*. Растетъ на раменскихъ мѣстахъ, что лапы листы на ней крещатые, собою въ локоть; ягоды на ней черныя, вишневыя на верху; корень чернъ. Та трава—отъ грыжи нутренныя и отъ порѣву. Давать нить въ молокѣ или въ винѣ.

Трава есть *Золотуха*. Растетъ на борахъ, раменскихъ мѣстахъ, при осинникахъ, кустиками въ пядь; на одномъ корени живеть вол.... сама будто зл.... перевата (?); цвѣтъ бы.... Добра та трава отъ порчи. Давать въ меду. Въ которомъ человѣка одна (?)¹), то заправить ею и поможетъ, и отъ волосатика и отъ ныря.

Трава есть *Насонъ*. Растетъ на раменскихъ мѣстахъ и земляхъ, при орѣшникавъ, ростомъ въ локоть; цвѣтъ красенъ, листочки стрѣлки, зеленѣется; на верху стручки, а въ стручкахъ сѣмячко, а корень бѣль. Добра та трава отъ сонныхъ грезы и отъ всякихъ скорби нутренныя; сѣмячко добро: у него бѣльмо на глазу, стираеть съ медомъ.

Трава есть *Одоленъ*²). Растетъ она въ стрѣлу и выше; вѣтъ красенъ или желтъ, а корень, что бумага хлопчатая, и та трава вельми добра, а корень—отъ порчи; давать корень въ уксусъ утошиши... Поможетъ; да и къ конскому сидѣнью добра, а надо держать при себѣ или коню въ гриву ввязать, а цвѣтъ ея носить съ воскомъ въ чистотѣ и будетъ человѣкъ вездѣ въ чести у всякой власти и одолѣть враговъ; потому и зовутъ ее Одолень; а рвать не просто, приговаривать сквозь серебро или золото.

Трава есть *Хоровѣцъ*. Растетъ на боровыхъ мѣстахъ, собою съ ножъ; цвѣтъ на ней бѣль, а корень красенъ, и та трава вельми добра давати женамъ: душа горить, и ту траву вельми угодно..... мѣ.

ШІЦЪ У МІ.

Трава есть *Пухлецъ* именемъ. Растетъ на старыхъ мѣстахъ по межамъ, при пашняхъ; цвѣтъ на ней бѣль, собою бѣла же. Угодна она давать въ молокѣ маковомъ съ медомъ—и поможетъ; утерши присыпать сѣченымъ и колотымъ людямъ: вельми добра; или загноится рана, сложити съ папушникомъ, сотри съ масломъ, то скоро заживеть; а присыпешь многажды, не застуживать, но въ теплѣ держать... Поможетъ.

Трава есть *Ерица*. Растетъ при каменистонъ (мѣстѣ) у воды, сама синя, а цвѣтъ на ней что ма..... твердой и жестка. Давать ту траву пить съ виномъ. Тотъ человѣкъ добра будетъ и легокъ, и сидѣлецъ къ конскому сидѣнью, и къ бою, и при томъ и тѣломъ легокъ, и того синѣе ни которая не родится.

¹⁾ Вѣроятно дна—болѣзнь, известная по стариннымъ хѣбникамъ, но не вполнѣ опредѣленная (болѣзнь матки, „золотника“?). Ред.

²⁾ Вѣроятно *Euphorbia pilosa* или *Nymphaea alba*. Лест.

Трава есть *Полибельна* сливетъ. Растетъ на бору, цвѣтъ лазоревъ, а растетъ она на мартѣ мѣсяцѣ и отцвѣтаетъ. Та трава отъ дѣтей: захочешь дѣтей, то дай тоежъ травы на другой годъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ 5 день тоежъ травы, а не иной, и дѣти будутъ опять.

Трава есть именуется *Царь*¹⁾..... Растетъ въ илу, красна собою, листочки красны, и цвѣтъ красенъ, на верху дыхленко (?) мало, и та трава вельми добра-держати въ дому: и житу, и скоту и человѣку весьма полезна; на судъ придешь—собою побѣдишь врага, кривыхъ судей, не осудить тебя; въ пиръ или на какое дѣло идти—возьми съ собою: добро тебѣ будетъ; да ею же окуривать. Которому человѣку идти въ пиръ, возьми съ собою, и отъ всякаго человѣка честь узриши; а кто захочеть жениться, держи при себѣ, то ласково жить будешь, и которому человѣку ъздить, держи при себѣ, и кто захочеть въ славѣ быти отъ вельможъ и вездѣ честенъ, держи при себѣ; а ростетъ на болотахъ, гдѣ клюква рождается.

Трава есть *Бакланъ*. Растетъ при рѣкахъ и въ озерахъ, а цвѣтъ на ней желть, собою высокъ, сколько вода велика, листъ кругомъ, а корень велико, бѣль. Добра та трава давать конямъ и коровамъ ясти; который человѣкъ трупомъ (?) и забываетъ, то пить и хлебать, и париться ею и травою обкладывать, поть вельми пойдетъ, и скорбь изъ человѣка всю выгонить.

Трава есть *Самотока*, вельми добра. Растетъ на старыхъ мѣстахъ, ростомъ въ пядь, цвѣтъ на ней синъ, что шапка, вельми добра..... и та трава пить въ молокѣ, въ уксусѣ, у которого человѣка чемеръ... Почищуетъ, а пить на исходѣ; или сердце щепетить, или грудь ломить, то пить въ уксусѣ, то поможетъ Богъ.

Трава есть *Медвѣжье ухо*²⁾. Растетъ на добрыхъ земляхъ, на старыхъ путяхъ, по огородамъ, раменскимъ мѣстамъ; растетъ въ стрѣлу и выше, листомъ мохнаты, цвѣтъ желть. Вельми добра та трава конямъ: вовсе не будетъ ящерь.

Трава есть *Багунъ*. Растетъ на борахъ и по болотамъ, кустиками; вся зелена, а цвѣтъ на ней желть, и та трава добра отъ таракановъ, тени избу съ цвѣтомъ калиновымъ, да съ корою черемуховою и въ той избѣ таракановъ не будетъ, а топить двои сутки, и они вся подожнутъ и не будетъ той гадины, а станешь топить, въ ту пору въ избу не ходи и никого не пускай, покамѣстъ тотъ не выйдетъ духъ; если кто подойдетъ—уиретъ, а класть огонь въ подполье подъ печь.

Трава есть *Перемычка* именемъ. Растетъ по изгородамъ и по старымъ сильнымъ землямъ; растетъ что елочка, листочки что язычки, долгоньки, мысельки, гладеньки; цвѣтъ на ней желть съ пятнышками. Добра та трава парить, очи у кого прѣютъ или слезы текутъ, или которая рана долго не заживаетъ, сотри съ папушникомъ и приложи съ масломъ или съ чукою оржаною. Поможетъ Богъ въ томъ же мѣсяцѣ.

¹⁾ Не *Aconitum Lycocotonum* ли?

²⁾ *Медвѣжье ухо*—*Verbascum Thapsus*.

Трава есть *Полевая ягаль*. Растетъ по огородамъ, по сухимъ мѣстамъ, собою въ локоть или въ стрѣлу, на верху кисточка бѣловата, духъ мятынъ, а корень что перецъ, и та трава давать пить, у которыхъ жены груди болять или зубы, и тотъ корень въ зубахъ держать.

Трава есть *Смѣжка*. Растетъ бѣла, а иная желта, что пестики или что свѣщатой воскъ, ростомъ таковая же, а пригодна она къ тому, который человѣкъ не слышитъ; утерши въ винѣ, въ ухо пустить, то станетъ слышать; да она же жельямъ (¹) ¹⁾ добра парить и хлебать. Поможеть Богъ.

Трава есть *Юнецъ*. Растетъ при рѣкахъ и болотахъ, на старыхъ мѣстахъ раменскихъ и на старыхъ о....., ростомъ въ локоть, цвѣть багровъ, корень красенъ. Добра она, у которого человѣка волосъ растеть, пускай тотъ корень съ солью и поможеть. У которого человѣка волосатикъ или нырокъ, хлебай и прикладывай къ ранѣ съ овечинъ саломъ. Поможеть.

Трава есть *Пырецъ*. Растетъ при водѣ, цвѣть синъ, а сама мягка, корень бѣль, и та трава добра держати и въ гнѣзда утичье или гусиное, или свиное или овчье (поломить), то поведеть скотъ, а всего лучше держать рыболовамъ ту траву при себѣ, то побѣдить рыбы много; та же трава вельми добра, у которого человѣка .... ²⁾; хлебай и поможеть.

Есть трава *Ерохъ*. Растетъ малинка, свѣтлинка или желта, что булавочка, съ хохолкомъ, цвѣть на ней ..... а сама въ иглы; гдѣ она, тутъ много (ее?) съищешь кустиками. Добра та трава хлебать съ квасомъ. Поможеть Богъ. Добро держать мельникамъ въ мельницѣ. І п. с.

Трава есть *Синій воромъ*. Растетъ въ локоть подиѣ лѣсовъ, гладка, цвѣть желть, и та трава угодна въ грыжѣ, которое мѣсто грызетъ..... что орѣшикъ жестенекъ; угодна имать въ апрѣль мѣсяцѣ и точить въ молокѣ, или съ медомъ съ перцемъ давать пить, у которого урчитъ и болитъ во чревѣ, или въ коемъ человѣкѣ порча или переполохъ ходить или пупъ грызетъ. Поможеть Богъ, а запасать въ годъ.

Трава есть *Ефимъ*, и та трава въ человѣка, вся желта, и цвѣть желть, а растетъ на низкихъ поляхъ, дикихъ лѣсахъ; она что волокно тянется, и та трава вельми угодна давать, который человѣкъ или не растетъ, или горбатъ, или горбъ растетъ; давать пить съ травою Плакуномъ по 9 въ три Іїца становеть говорить, да она же добра отъ поможетъ; парся и хлебай. Поможеть Богъ, только если не смертина.

Трава есть *Любистъ* ³⁾. Растетъ при валежникахъ и при красныхъ разныхъ травахъ, при старыхъ при великихъ рѣкахъ или при раменскихъ мѣстахъ, собою ростомъ въ локоть; цвѣты рудо-желты или ..... посреди цвѣту кисточка, выщелъ корень что лодыжка барановая. Добръ тотъ корень носить при себѣ: люди любятъ, покоряются предъ тобою и

¹⁾ Не жевакъ ли? Аѣт. Вѣроятно желеzъ. Ред.

²⁾ Не скромное выраженіе. Аѣт.

³⁾ Должно называть *Levisticum ligisticum*. Аѣт.

зла на тебя не мыслять; а цветъ ея добръ умываться рабому; снимаютъ тѣмъ... Поможетъ.

Трава есть *Скорпія*. Растетъ пестро, и листъ пестръ и корень пестръ, подъ муравейниковъ или на шмеляхъ старыхъ. Добра та трава, у кого руки или ноги судорога держить; возьми да парся; да она же добра, кто змю или ужа найдеть; кинь на то мѣсто и онъ отнюдь прочь не отойдетъ, хоть умреть.... будто сонная, а не ужалить, хощь за пазуху положь.

Трава есть *Кона*. Растетъ малинка, кисточки на верху, на линастой (?) корень, что дуга, наконецъ крючикъ, и та трава вельми добра держати торговымъ людямъ; ино станеть что торговать, положь въ правую пазуху, то возьмешь на свою цѣну; что захочешь продать, положь въ лѣвую пазуху ..... въ лавку.....

Есть трава *Сивулистъ*; листвиемъ мала, по землѣ стелется, а цвету нѣть. Добра та трава отъ пакостей вѣдѣмъ. Кто носить при себѣ, мужъ и жена другъ друга любить, а корень ея носить женанѣ: безъ болѣзни дитя мещеть.

Трава есть *Кумъ* (Бумъ-трава); стебліе тонко, цветъ огненъ. Приложа та трава въ недузѣхъ, а кто носить при себѣ на шѣй, зазнобы, омороти, лихихъ колдуновъ избавится, а копать надо при зарѣ утренней, чтобы роса была.

Какъ видно, въ числѣ описанныхъ травъ заключаются и цѣлительныя, и амулеты и проч. О такихъ растеніяхъ слыхаль всякий деревенскій житель, но умѣютъ распознавать ихъ очень немногіе. Кто знаетъ ихъ, не знакомить съ ними даромъ, исключая тѣхъ, которые сами по себѣ считаются нечудесными, и такимъ образомъ травы эти остаются въ области таинственныхъ. Употребленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ связано тѣсно съ заговорами или таинственными словами, которыхъ известны только самимъ захарямъ, умѣющимъ различать травы, на это указываютъ и буквы въ родѣ помѣщенныхъ подъ описаниями травъ Хоровлецъ и Ерохо, значеніе которыхъ ясно только самимъ захарямъ и грамотѣямъ, описывающимъ травы. Что же касается обыкновенныхъ лѣкарственныхъ травъ, употребляемыхъ въ обыкновенныхъ болѣзняхъ, то ихъ знаетъ едва ли не каждый деревенскій житель, особенно женщины, и если, по испытанію, они оказываются полезными противъ известной болѣзни, совѣтуютъ употреблять ихъ въ лѣкарство, и такимъ образомъ они получаютъ общую известность.

Далѣе, перейдемъ къ описанію народныхъ средствъ противъ болѣзней или въ предотвращеніе ихъ. Въ числѣ указанныхъ ниже рецептовъ будутъ заключаться и такъ называемыя симпатическія средства, принятыя простонародіемъ и употребляемыя болѣе захарями въ деревняхъ. Къ такимъ средствамъ лѣченія прибѣгаютъ

иогда, болѣе, чѣмъ къ лѣченіямъ извѣстными травами и, въ случаѣ благополучнаго исхода, имъ дается предпочтеніе.

Въ *лихорадкѣ* употребляется настой травъ: 1, полыни; 2, троелистки; 3, корень чернобыльника. Пережигается въ печи; на сковородѣ или на горячихъ угольяхъ, поваренная соль; въ послѣднемъ случаѣ соль завязывается въ тряпку. Если лихорадкой страдаетъ взрослый, пережженной соли берются столовая ложка или больше, смотря по тому, сколько можетъ принять больной; эта соль распускается въ стаканѣ кипяченой воды и выпивается утромъ натощакъ. Дѣтямъ приемъ уменьшается до половины чайной ложки.

Настаивается водка съ чеснокомъ и принимается понемногу послѣ припадка.

Берутъ щепотки двѣ бузиннаго цвѣту и, всыпавши въ стаканъ съ кипяткомъ воды, настаиваютъ около получаса времени; потомъ, проопѣдивши это, сыплютъ въ настойку чайную ложку нашатырю. Лѣкарство это дается черезъ каждые два часа: взрослымъ по столовой ложкѣ, а дѣтямъ—по чайной, до выздоровленія.

Настаиваются въ винѣ (виноградномъ) свѣжій натертый хрѣнь и пойти этимъ виномъ больного, по окончаніи лихорадочнаго приступа, по рюмкѣ, около пяти разъ въ день. Отъ перемежающейся лихорадки составляется порошокъ изъ живыхъ раковъ слѣдующимъ образомъ. Въ чашку наливаютъ простое хлѣбное вино и кладутъ туда живыхъ раковъ; затѣмъ чашку закрываютъ и оставляютъ такъ до тѣхъ поръ, пока раки не замрутъ; послѣ этого раковъ вынимаютъ и кладутъ сырьми въ печь, въ которой долженъ быть жаръ легкій. Когда раки высохнутъ, обращаютъ ихъ въ мелкій порошокъ, простираютъ и, всыпавши въ стаканку, запурируютъ крѣпко и держать до употребленія. Предъ лихорадочнымъ приступомъ даютъ этого порошка чайную ложку въ рюмкѣ водки такъ, чтобы изъ рюмки быть выпить весь остатокъ. Дѣтямъ приемы уменьшаются. Послѣ принятія такого лѣкарства больной, одѣвшись теплѣе, ходить по комнатѣ (зимой) или на дворѣ (лѣтомъ) до тѣхъ поръ, пока не устанетъ и не ослабѣеть, или не получить сильный потъ, послѣ чего онъ ложится въ постель. Если случится второй припадокъ, приемъ лѣкарства повторяется.

Принимаютъ также обращенную въ порошокъ паутину.

Симпатическимъ средствомъ лѣченія отъ *лихорадки* считается слѣдующее. Кто страдаетъ этой болѣзнью, долженъ обмарать лицо сажей или какой-нибудь нечистотой, чтобы вызвало это лицо отвращеніе; затѣмъ должно спуститься въ рѣпную яму и лежать въ ней не шевелиться. Придетъ болѣзнь—лихорадка въ человѣческомъ образѣ и будетъ различными угрозами выживать изъ ямы; но лежашій въ ней не долженъ и шевелиться. Наконецъ, лихорадка плюнетъ на лежащаго и скажетъ: „не приду къ тебѣ

больше вовѣки: ты весь опачканъ, обмазанъ, безобразенъ." Сказавши это, лихорадка уйдетъ.

Лихорадка, по русскому повѣрью, ходить, какъ мы уже говорили, въ человѣческомъ образѣ, въ видѣ женщины. Ее называютъ: Мавридой, Сидиней, Листовией, Желтой, Синей, Медвѣдной, Змѣй огненной и другими именами, которыхъ насчитываютъ двѣнадцать.

Отъ чумы. Совѣтуютъ натирать десны юхательнымъ табакомъ и табачнымъ дегтемъ.

Даютъ пить больному черезъ два часа по ложкѣ пивныхъ дрожжей, примачивая въ то же время десны и скулы; а для предохраненія отъ болѣзни принимаютъ внутрь хрѣнъ, настоящій въ пивѣ или въ винѣ, и полощутъ во рту.

Пить кислое питье, напримѣръ, квасъ и єдять капусту.

Отъ бѣльма на глазу. Впускаютъ въ больной глазъ: 1, маковое масло; 2, жидкую пихтовую сѣру, вынутую изъ коры—ту сѣру, которая еще не подвергалась вліянію воздуха; 3, порошокъ ревеня; 4, масло съ серебра и 5, настой дождевыхъ (красныхъ) червей.¹⁾

Масло съ серебра добывается слѣдующимъ образомъ. На большую серебряную монету кладутъ колечко изъ снѣга; потомъ зажигаютъ лучину и держать ея зажженный конецъ надъ центромъ, ограниченнымъ снѣжнымъ колечкомъ, отчего на серебрѣ получается вещество, называемое масломъ.

Набравши дождевыхъ червей менѣе половины чайной чашки, кладутъ туда кусокъ сахару и наливаютъ воды; затѣмъ чашку закрываютъ сукномъ. Черезъ нѣсколько времени, когда черви превратятся въ жидкость, ее процѣдываютъ сквозь чистыя тряпки и пропускную бумагу. Эту жидкость впускаютъ въ глазъ, на которомъ образовалось бѣльмо.

Второе средство, въ которое входятъ земляные черви, слѣдующее. Набравши этихъ пресмыкающихся въ чашку или стеклянную банку, докладываютъ банку бѣлымъ медомъ и ставить ее на солнцѣ на 12 дней; послѣ этого массу процѣдываютъ и впускаютъ въ больной глазъ раза два или три въ день.

Вынимаютъ изъ живого налима, распоровши ему животъ, печень; разрѣзываютъ этотъ органъ на части и кладутъ въ длинную стеклянку; затѣмъ наливаютъ туда до половины воды и вѣшаютъ на 7 дней на солнцѣ. Черезъ 7 дней наверху отдѣлится жиръ, и, сливши его, впускать по каплѣ или по двѣ въ глазъ съ бѣльмомъ.

Отъ кашля. Разводятъ въ двухъ стаканахъ воды щепоть ржаной муки и даютъ отстояться; потомъ, когда мука осядетъ на

1) *Lumbrin terrestres*

дно, сливаютъ воду и дѣлять осадокъ на двѣ половины. Одну половину выпиваютъ утромъ, другую—вечеромъ.

Кипятить воду съ сахаромъ въ закрытомъ чайникѣ и пить. Такую воду пить и въ грудныхъ болѣзняхъ.

Втираютъ въ тѣло маковое масло, которое, вызывая обильную испарину, прекращаетъ кашель.

Натирать на ночь подошвы толченымъ чеснокомъ.

Вѣять икру королевскихъ соленыхъ сельдей и, ложась спать, кладутъ на грудь синюю сахарную бумагу, проткнутую въ нѣсколькихъ мѣстахъ иголкой и намазанную свѣтымъ или другимъ саломъ, а бумагу привязывать ко груди бинтами.

Отъ икоты. Берутъ въ началѣ икоты въ ротъ кусокъ сахара и держать таковой во рту, высасывая и проглатывая жидкость. Выпивають глотковъ 12 воды, а равно и нѣсколько капель уксуса съ водою.

Приводятъ подверженаго икотѣ какимъ-нибудь обманомъ вдругъ въ испугъ или стыдъ; лучше всего, говорять, взвести на него ложное обвиненіе.

Отъ рвоты и боли въ животѣ ставить на животъ горшокъ, положивши въ него пучекъ зажженной кудели, подобно тому, какъ ставить кровесосныя банки.

Пить холодный чай изъ перечной мяты или же деревяное масло, которое принимается ложками.

Вѣять на тощакъ по три столовыхъ ложки кислой капусты.

Дѣять, кричащимъ безпрестанно, извергающимъ изо-рта створоженное молоко и марающимъ зелено, даютъ чай изъ буковицы пополамъ съ молокомъ, прибавляя къ нему по $\frac{1}{2}$ чайной ложки чистаго мѣлу.

Отъ грыжи. Поять водой, въ которой распущено бумажное масло (на полуштофъ примѣрио 5 капель). Въ пупочныхъ грыжахъ дѣтей, сверхъ употребленія внутрь означенаго лѣкарства, ма-жутъ однажды пупокъ бумажнымъ масломъ.

Поять дѣтей, а равно и взрослыхъ, коноопляной смолкой въ холодной водѣ или молокѣ грудномъ, или же коровьемъ, по 5 капель въ день. Коноопляная смолка добывается такъ. Берутъ два горшка, изъ коихъ одинъ долженъ быть меньше. На днѣ большаго горшка просверливается дырочка и этотъ горшокъ набивается туго конооплянымъ сѣменемъ, затѣмъ на него опрокидывается менѣйшій горшокъ и промежутокъ между стѣнками обоихъ горшковъ замазывается глиною, смѣшанною съ мякиной, и ждуть, пока замазка не высохнетъ. Далѣе, кладутъ на бокъ три кирпича, располагая ихъ въ видѣ буквы П. На подставку эту полагается желѣзный листъ съ прокованной въ срединѣ дырочкой. На желѣзный листъ ставится горшокъ, но притомъ такъ, чтобы отверстіе горшка пришлось на отверстіи листа. Снизу, чрезъ отверстіе листа и горшка просовывается прутикъ, длиною около по-

лутора вершка и толщиною въ иглу, такъ чтобы прутикъ ушелъ въ горшокъ на $\frac{1}{2}$, вершка. Наконецъ, подъ листъ ставится со- судъ для приема смолки и нагрѣваютъ горшокъ, обкладывая его съ боковъ щепками или горячими углами. Жаръ долженъ быть умѣренный.

Подобнымъ же образомъ можетъ быть добываемо и бумажное, а равно и лутошечное масло, употребляемое во внутреннихъ болѣзняхъ, но обыкновенно бумажное масло добывается болѣе простымъ путемъ, однако невидавшему добыть едва-ли возможно. Свертывается въ трубку, какъ передавали намъ, листъ бумаги и таковая трубка положенная въ рюмку, зажигается, и съ выго-раніемъ ея получается масло количествомъ около одной капли.

Пьютъ настойку травъ: а) тысячелистника; б) изгона борового; в) кореньевъ перелойной травы и г) девятильника; а въ предотвращеніе грыжи у дѣтей поять ихъ настоемъ изъ листьевъ свеклы.

Отъ внутренней грыжи берутъ корни отъ трехъ кустовъ шипицы, которые не видали бы другъ друга; настаиваютъ ими водку и пьютъ.

Отъ боли въ горло принимается внутрь медъ съ солью.

Привлѣдаются къ горлу листья травы горлянки.

Нѣкоторые въ этой болѣзни вырѣзываютъ изъ бересты подобіе жабы, накладываютъ его на болѣвое мѣсто и завязываютъ платкомъ. Береста съ платкомъ остаются на шеѣ до выздоровленія. Иные въ болѣзни этой по утрамъ ходятъ къ сухой ели и, вдыхая окружающій дерево воздухъ, говорятъ: „проглочу елку всѣми сучьями“.

Погружаютъ ноги въ теплую воду, которая была бы не теплѣе парного молока.

Намыливаютъ шерстяной чулокъ и вадѣваютъ его, какъ шарфъ, на ночь на шею.

Держать во рту желе изъ смородины (черной) и понемногу глотаютъ.

Трутъ горло раза по три въ день летучею мазью.

Обкладываютъ шею льдомъ, а въ предохраненіе отъ болѣзни каждый день трутъ льдомъ шею и грудь или моютъ холодною водою. Всѣ эти средства употребляются не въ простомъ только воспаленіи, но и въ жабѣ съ нарывами.

Отъ паралича принимается внутрь настой травы былицы, а въ предотвращеніе апоплексического удара расположенные къ нему пьютъ настой коры лиственицы.

Пораженныхъ ударомъ натираютъ свѣжимъ натертымъ хрѣномъ, прикладывая тоже, къ рукамъ и ногамъ его.

Приготавляется продолговатый мѣшокъ и вкладывается туда больной т. е. пораженный параличемъ членъ, затѣмъ наполняется мѣшокъ около пораженного члена живыми рыхлыми мурзьями и крѣпко завязывается. Въ этомъ мѣшкѣ больной членъ

находится около 3 сутокъ и затѣмъ членъ вынимается и больной отдыхаетъ однѣ сутки; послѣ этого опять погружаютъ членъ въ мѣшокъ съ муравьями и сутки черезъ третыи его вынимаютъ.

Отъ застарѣлой ломоты и онѣмѣній раздавливаютъ въ мѣшокъ около 5 фунтовъ большихъ муравьевъ съ яйцами и, наливши въ сосудъ кипятку около 30 градусовъ теплоты, кладутъ туда раздавленную массу и погружаютъ больного въ эту ванну, въ которой онъ и долженъ пропотѣть.

У кого отнимется языкъ, положить его профильтрованнымъ настоемъ травы крессъ и при полосканіи жууть свѣжіе листы шалфея и глотаютъ сокъ его.

Въ золотухѣ составляется лѣкарство изъ бодяги, для чего бодяга завязывается въ узель и опускается въ вино. Когда порошокъ достаточно смокъ, узель вынимаютъ и даютъ вину выпить изъ него; затѣмъ узель съ бодягой закатываютъ въ кислое тѣсто, каковое и пекутъ. Тогда бодягу или пьютъ въ винѣ, или ёдятъ въ хлѣбѣ. Больному воспрещается ёсть медъ.

Золотушныхъ дѣтей ставить въ теплую ванну съ горчицей и керосиномъ.

Моютъ голову и примачиваютъ ранки кипяченымъ квасомъ съ солью.

Пьютъ настой травы череды и примачиваютъ имъ ранки; также поять настоемъ лавроваго листа, иногда горячимъ, какъ чай. Пораженные мѣста мажутъ свинымъ жиромъ.

Въ золотушные желваки втиратъ утромъ и вечеромъ масло изъ дикой рѣбы.

Отъ головной боли привязывается къ подошвамъ ногъ и къ затылку глина съ уксусомъ. Варятъ въ водѣ кореня чернобыльника и пьютъ отваръ по небольшой рюмкѣ черезъ часъ и примачиваютъ голову холоднымъ отваромъ.

Пьютъ настой травы дѣдовы кудри. Если боль сопряжена съ шумомъ въ ушахъ, къ головѣ прикладываютъ капородъ ¹⁾ и пьютъ настой этой травы.

Прикладываютъ къ вискамъ лимонныя корки внутренней стороной.

Въ болѣзняхъ мазг впускаютъ въ глаза муравейное масло, находимое въ муравейникахъ.

Прикладываютъ къ вискамъ и ко лбу глину съ уксусомъ для уменьшенія жара. Если идетъ изъ глаза слеза, примачиваютъ слѣдующимъ составомъ: распускается въ стаканѣ отварной воды 2 куска сахару, 1 кусокъ квасцовъ и $\frac{1}{2}$ куска синяго купоросу, профильтровываются эту воду, каковой и примачиваютъ глаза.

Умываютъ глаза ивановской росой.

Примачиваютъ глаза чайной водой.

1) *Aspidium Filix.*

Къ *поръзанному*, мѣсту прикладываютъ траву серебрюху,¹⁾ живую траву, тощтий, паутину, свѣжую тертую рѣпу, плисиу, получаемую съ гнѣющаго дерева на подобіе ваты, трутъ. Присыпаютъ порѣзанное обращенію въ поронюкъ окаменѣлостью называемою чертовымъ пальцемъ, угольный порошокъ и сахаръ.

Примачиваютъ рану орѣшковою кислотою.

Совѣтуютъ засыпать рану обращенными въ порошокъ и пропѣниными простыми бобами безъ шелухи, которые поджариваются на сковородѣ, какъ кофе.

Отъ *чесотки* составляется мазь изъ свиного сала и синяго купороса. Если чесотка очень сильна, мажутъ пораженные мѣста составомъ изъ бѣлка, куриного изверженія и отвердѣвшаго дегтя, а нѣкоторые чесоточные струпья присыпаютъ обращенными въ порошокъ комнатными мухами и корнемъ коровьей кисленицы. Если на тѣлѣ зудъ, обмываютъ пораженные мѣста настоемъ листьевъ табаку.

Отъ *лишая*. Обмакиваютъ въ чернила, составленыя изъ купороса и чернильныхъ орѣшковъ, кисть или перо, и обводятъ чертой лишай, отчего онъ, говорятъ, дальше не распространяется. Варятъ въ молокѣ винные ягоды и прикладываютъ ихъ къ лишай, а молоко пьютъ. Мажутъ лишай дрожжами съ солью. Кладутъ въ чашку съ горячей водой скорлупы грецкихъ орѣховъ и ставятъ въ печь настояться. Когда вода сдѣлается темно-буровою, примачиваютъ ею лишай. Берутъ чистаго дегтя 1 фунтъ, синей овечьей мази $\frac{1}{4}$ фунта, поваренной соли около $\frac{1}{2}$ бутылки и $\frac{1}{2}$ бутылки горячей воды; разжижаютъ этой водой деготь, прибавляютъ затѣмъ нѣсколько ржаной муки; далѣе смѣшиваютъ овечью мазь съ повареной солью; соединяютъ все это съ вышеописанною смѣстью и мажутъ лишай. Синяя мазь составляется слѣдующимъ образомъ: 6 лот. скіпидару, 2 лота ртути смѣшиваются, и мазь готова.

Зажигаютъ смолянистую лучину изъ сосноваго дерева, и, погасивши, наводятъ дымъ на болѣнное мѣсто. Это повторяется нѣсколько разъ въ день въ продолженіе недѣли.

Для уничтоженія рака варятъ въ парномъ, только что выдоенномъ и не процѣженномъ молокѣ винные ягоды, а варятъ въ печи, въ горшкѣ, послѣ того, какъ испечется хлѣбъ. Молоко пьютъ, а ягоды прикладываютъ къ ранѣ. Если же ракъ внутри, берутъ означенныхъ ягодъ 1 фун. на $\frac{1}{4}$ ведра парнаго молока. Молоко пьютъ, а ягодами обкладываютъ мѣсто, гдѣ чувствуется боль.

Прикладывается къ ранѣ жеванный шалфей. Берутъ свѣжую морковь, натираютъ ее на теркѣ и выжимаютъ сокъ; затѣмъ разогрѣваютъ натертую морковь на тарелкѣ и прикладываютъ къ ранѣ, наполнивши плотно всѣ ямки раны; потомъ мор-

¹⁾ *Potentilla argentea*.

ковъ покрываютъ нагрѣтою сухою салфеткою. Эту припарку перемѣняютъ чрезъ каждые $\frac{1}{2}$ сутокъ; когда мѣняютъ припарку, моютъ рану и очищаютъ ее кисточкой изъ корпн, обмоченной въ теплый отварь травы омеги (*Cicuta major octeda*). Прикладываютъ съ къ ранѣ свѣжий творогъ; перемѣнять нерѣдко.

Отъ водянки. Знахари совѣтуютъ, что надо выдрать три куста можжевельника, которые находились бы другъ отъ друга въ разстояніи 1 саж., затѣмъ, изрубивши ихъ мелко, должно всыпать въ корчагу и налить туда воды; потомъ поставить въ печь и варить, но такъ, чтобы вода, кипя, не выходила изъ корчаги. Черезъ сутки надо пить эту воду.

Пить, какъ чай, траву серебрюху¹⁾.

Должно набрать мокрицъ и положить ихъ въ горшокъ; закрывши затѣмъ горшокъ, поставить его въ печь, гдѣ мокрицы и испепелятся. Пепель этотъ надо принимать утромъ и вечеромъ по 1 золот., а больнымъ малолѣтнимъ давать по $\frac{1}{2}$, зол.

Наливаютъ въ кадку горячей воды и кладутъ туда муравьиное гнѣзда съ муравьями. Это—ванна. Держать въ такой ванѣ ноги, если онѣ простужены и пухнутъ. Если же больной весь пухнетъ—долженъ погрузиться въ ванну всѣмъ тловищемъ. Вода въ ванѣ должна быть горячая, чтобы можно было только терпѣть. Отъ опухоли всего тѣла принимаютъ въ водѣ, какъ лѣкарство, черныхъ русскихъ таракановъ, обращенныхъ въ порошокъ.

Насыпать сухихъ березовыхъ листьевъ, набранныхъ свѣжими въ концѣ мая и высушевными съ сохраневиемъ зеленаго цвѣта и запаха, въ ванну, въ которой больному можно было бы лежать. Раздѣвши больного до-нага, велѣть ему ложиться въ приготовленную ванну и затѣмъ его засыпать сверху такими же листьями такъ, чтобы онѣ могъ только дышать. Въ ванѣ этой больной долженъ лежать до тѣхъ поръ, пока не будетъ чувствовать онѣмѣнія въ тѣлѣ. Въ водянкѣ ногъ вкладываютъ ноги въ мѣшокъ съ такими листьями.

Отъ подкожной водянки обкладываютъ тѣло нагрѣтою ржаною мукою до выздоровленія.

Беруть горсть бобовъ, варятъ ихъ въ квартѣ воды и поятъ этой водой больного (тепловатымъ питьемъ) по 2 чайныхъ чашки утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ.

Пить три раза въ день (утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ) по столовой ложкѣ рѣдечнаго сока, принимая послѣ каждого приема по 5 и 6 зеренъ перца.

Обращаютъ въ порошокъ траву мокрицу,²⁾ которую собираютъ тогда, когда она еще цвѣтеть, и сушатъ въ тѣни въ су-

¹⁾ *Oniscus asellus*.

²⁾ *Stellaria media*.

хомъ мѣстѣ. Принимаютъ это лѣкарство, какъ чай, отъ 3 до 4 разъ въ день по стакану.

Пьютъ кипяченую и простуженную воду, въ которой распушена селитра (на полуштофъ 3 зол. селитры). Принимать по утрамъ по 1 драхмѣ селитры въ рюмкѣ пива.

Веснушки на лицѣ выводятся, если умываться кобыльей мочею и молокомъ этого же животнаго.

Мыть по вечерамъ, передъ сномъ, лицо и шею, гдѣ есть веснушки, крѣпко разсоленой водою, приготовляемою слѣдующимъ образомъ. Въ кипятокъ рѣчной воды кладутъ столько соли, сколько си можетъ распуститься. Простудивши воду, смачивають ею лицо; если лицо засохло, соляной слой стираютъ.

Нажавши соку изъ неспѣлой, но уже начинающей рѣваться смородины, примѣшивають къ нему сѣрнаго молока, такъ густо, чтобы вышелъ кисель. Этимъ лѣкарствомъ намазываютъ лицо по вечерамъ, и на слѣдующее утро смываютъ тепловатымъ молокомъ. Лѣчение продолжается отъ 7 до 12 дней.

Берутъ 6 лот. горчичаго порошка и по 1 лоту миндального масла и лимоннаго сока, смѣшивають все это и мазью натираютъ веснушки каждый день по одному разу.

Олившияся до безчувствія поять человѣческой мочею и подносять къ носу зажженныя сѣрныя спички. Обливаютъ его холодной водой.

Даютъ пить отъ 1 до 2 чайныхъ ложекъ гофманскихъ капель.

Вливаютъ въ ротъ нѣсколько ложекъ виннаго уксуса.

Отъ злой корчи, являющейся послѣ употребленія хлѣба, испеченаго съ значительнымъ содержаніемъ спорынки, пьютъ отваръ изъ осиновой коры и погружаютъ подверженные корчѣ члены въ ванну съ отваромъ.

Угри на лицѣ выводятся слѣдующимъ образомъ. На 1 бутылку кипятку берутъ 1 зол. селитры и разводятъ ее въ горячей водѣ; когда вода остынетъ, обмакивають въ нее полотенце и утираютъ лицо нѣсколько разъ.

Имѣющіе на лицѣ угри ходятъ въ баню, не благословясь, и умываются тамъ; при этомъ соблюдаются ту примѣту, чтобы этого никто не зналъ, а идя въ баню и возвращаясь изъ нея, если съ кѣмъ случайно встрѣтишься, ни слова не говори. Такое лѣченіе повторяется до трехъ разъ.

Отъ боли сердца пьютъ, какъ чай, сердечную траву, если мужчина—мужскую, если же женщина—женскую, или принимаютъ настой этой травы.

Отъ *разслабленія* вслѣдствіе внутреннихъ болѣзней пьютъ золотую траву и дикую крапиву.

Въ *безсонницѣ* пьютъ, какъ чай, травы: колютикъ, бородовскую, блошину и выкушенныя головки огороднаго мака. Ёдятъ лукъ или принимаютъ луковичное масло.

Къ *нарываемъ* и *отухолямъ* прикладываютъ размоченные въ теплой водѣ листья травъ: лебеды, топтуна, борща, горькой лапухи; прикладываютъ также толченый мѣль, сѣнную труху и тертый картофель; больныя мѣста подкуриваютъ льнянымъ сѣменемъ, для чего сѣма сыплютъ на горячую сковороду или на камень и держать болѣе мѣсто надъ дымомъ.

Въ опухоляхъ колѣнъ составляютъ пластырь изъ кала козыяго или овчыяго съ ячменною мукой, иедомъ и уксусомъ и прикладываютъ таковой къ затвердѣлому мѣсту.

Берутъ по одной горсти травъ: шалфею, цвѣтовъ ромашки и полыни, и варятъ все это въ бѣломъ винѣ и прикладываютъ ихъ теплыми къ болѣому мѣсту.

Если болѣть зубы, кладутъ въ болѣое мѣсто кусочки камфоры, величиною съ булавочную головку, и укрѣпляютъ жеванной бумагой. Если по вложению камфоры, болѣой будеть чувствовать жестокую боль, долженъ терпѣть: боль чрезъ минуту прекратится.

Набивають горшокъ до верху дубовой корой, наливаютъ туда чистой проточной воды и горшокъ накрываютъ сверху другимъ горшкомъ; затѣмъ промежутокъ между краями горшковъ обмазываютъ тѣстомъ; ставятъ этотъ горшокъ въ истопившуюся печь и даютъ упрѣть, чтобы жидкость была густа, какъ пиво. Сѣживаютъ эту жидкость въ бутылку и кладутъ туда чайную ложечку квасцовъ; вѣбалтываютъ и даютъ настояться. Этимъ составомъ полощутъ зубы по нѣсколько разъ въ день.

Кладутъ между болѣющимъ и здоровымъ зубомъ листья кошачьей травы или, если нельзя листьевъ держать на болѣомъ зубѣ, жуутъ ихъ.

По сеобщенію одного священника, надо взять коп. на 10-15 бакаутового дерева, 2 стрючка перца, на 15 коп. кохлеарнаго спирта, полштофа пѣннаго вина, да 2 зол. табаку-махорки въ листьяхъ. Смѣшавши все поставить въ темное мѣсто на время отъ 5 до 7 дней. Полученную жидкость болѣой долженъ брать по $\frac{1}{4}$ рюмки въ ротъ и держать на болѣой сторонѣ, но жидкость не долженъ глотать; держать жидкость онъ долженъ столько времени, сколько можетъ, и наконецъ выплюнуть.

Въ чайную чашку кипятку положить щепотку китайскаго перцу и, покрывши, дать настояться. Этимъ настоемъ полоскать болѣой зубъ.

Если опухла щека отъ болѣзни зубовъ, берутъ синей сахарной бумаги, намачиваютъ ее въ теплой водѣ, потомъ насыпаютъ щепоткою нашатыря и прикладываютъ къ щекѣ.

Берутъ равныя части поваренной соли, сахару и немного чернаго перцу и растираютъ все это въ порошокъ и, всыпавши въ металлическую ложку, добавляютъ нѣсколько капель рому или крѣпкаго уксусу и варятъ надъ свѣчкою до тѣхъ поръ, пока не получится какъ-бы одноцвѣтная масса. Берутъ по кусочку этой

массы, когда она еще тепла и кладутъ на больной зубъ или десну. Появившуюся слону больной долженъ выплевывать и класть новые кусочки.

Отъ зубной боли въ употребленіи, между прочимъ, такой заговоръ: „Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь и перекрестись; умывшись свѣтлой водой и утервшись Владычицой пленной, пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле въ широкое раздолье на море Кіянъ, на островъ Буянъ. На островѣ Буянѣ идеть самъ царь съ медовыми устами, съ желѣзными зубами; и я рабъ (имя рекъ) поклонюсь ему и покорюсь: отними отъ тѣла пухоту, отъ костей пухоту, всѣ болѣзни зубовъ, чтобы не болѣли зубы у раба (имя больного) отнынѣ до вѣку. Аминь“.

Отъ *родимца* принимаютъ внутрь настой травъ: изгона бороваго, грабельцовъ, черной травы (мужская и женская, смотря по тому, какого пола больной), корень чертополочника, девятильника.

Если ребенка трясетъ родимецъ, закрываютъ его подвѣнчанный платьемъ и кладутъ по бокамъ его голыя лутошки.

Даютъ отраждущему родимцомъ ребенку каждый день порошка заячьей крови, въ водѣ или въ грудномъ молокѣ, отъ одной до двухъ чайныхъ ложекъ, сообразуясь съ возрастомъ младенца. Порошокъ крови приготавливается въ мартѣ мѣсяцѣ, слѣдующимъ образомъ: ловятъ въ этомъ же мѣсяцѣ зайца и гоняютъ его въ оградѣ или другомъ мѣстѣ, изъ которого ему, зайцу, нельзя выскочить; когда онъ утомится сильно, его закалываютъ, нацѣживаютъ кровь въ сосудъ; эту кровь высушиваютъ и обращаютъ въ порошокъ.

Отъ *увара* кладутъ въ уши ягоды клюквы или брусники и прикладываютъ ко лбу и темени головы куржевину.

Прикладываютъ къ вискамъ листья свѣжей капусты, ако лбу соленої.

Совѣтуютъ щекотать въ горлѣ угорѣвшаго перышкомъ, обмоченнымъ въ конопляномъ маслѣ, чтобы вызвать рвоту.

Въ *переломахъ* прикладываютъ правильную траву, а настоемъ пиять больного.

Въ *ушнбахъ* пьютъ рѣдечный сокъ, кровавицъ и настой травы уразной и примачиваютъ сокомъ этой травы и виномъ опухшія мѣста.

Прикладываютъ, въ видѣ пластира, болягу вскорѣ же послѣ получения ушиба. Пластырь изъ бояги для приложенія къ ушибленному мѣсту приготавливается такъ. Берутъ порошокъ сухой толченой бояги ложки двѣ и смѣшиваютъ съ 1 ложкой воды, чтобы вышло тесто и чтобы прильнуло къ ушибленному мѣсту. Чтобы удобнѣе приложить болягу къ ушибленному мѣсту, ее намазываютъ на холстину. Сильнѣе проявляетъ бояга свое дѣйствіе въ соединеніи съ водою.

Превращаютъ въ порошокъ высушенаго простого мыла, нашатырю и камфоры по 6 зол., затѣмъ берутъ по стакану бѣлаго скипидару и деревяннаго масла и вазбивають все это хорошенько. Послѣ втиранья больные члены покрываютъ сукномъ и сутки не выходятъ на воздухъ. Это лѣкарство употребляется и въ ломотѣ.

Въ *ноносахъ* пьютъ рѣдечный сокъ, черный рижскій бальзамъ, настой кореньевъ и листьевъ травъ: сороколистки, марьина корня, прострѣла и земляники. Листья съ корнями земляники варить въ парномъ молокѣ въ закрытомъ горшкѣ и принимаютъ внутрь. Пьютъ настой березовыхъ почекъ и порошокъ березового угля. Вдѣять ягоды черемухи и пьютъ настой этихъ ягодъ.

Принимаютъ внутрь малиновый сиропъ и мяту; вѣздятъ верхомъ и на телѣгѣ. Пьютъ отваръ свѣженадранной коры черемухи (унцъ коры на 1 фун. воды). Принимаютъ въ день отъ 5 до 6 чайныхъ чашекъ.

Въ *кровавыхъ* *ноносахъ* больнымъ даютъ свѣжихъ куриныхъ яицъ по 2 штуки черезъ 2 часа и послѣ принятія больные запивають настоемъ простой мяты. На другой день даютъ столько же, а на третій и четвертый день по 2 яйца черезъ 3 часа; на пятый и шестой день утромъ и вечеромъ по 2 яйца, такъ что приемъ постепенно уменьшается.

Пьютъ лимонный сокъ и наливку изъ черемуховыхъ ягодъ, взрослые по 1 рюмкѣ 2 раза въ день, а груднымъ дѣтямъ даютъ по наперстку. Лучше всего настоять въ пѣнистомъ винѣ (на 5 или 6 стакановъ вина 1 стаканъ ягодъ). Лучше дѣйствуютъ свѣжія ягоды, такъ какъ онѣ настаиваются скорѣе, по этому нужно запасаться настойкою тогда, когда ягоды свѣжі. Чтобы приготовить настойку, лучше взять ягодъ по вѣсу: $\frac{1}{4}$ фун. ягодъ на полу-штофъ вина.

Отъ *истуга* подкуриваютъ и окуриваютъ дымомъ жжевыхъ травъ, адамовой головы, колючаго чертополоха, и перьями дикой утки.

Пьютъ настой травы адамовой головы. По совѣту звакарей, испугавшееся дитя надо подкуривать волосами или шерстью тѣхъ животныхъ, кого испугалось дитя.

Въ *предотвращеніе внутреннихъ болѣзней* пьютъ настой травъ плотника, звѣробоя, троелистки и кореньевъ крапивы.

Если впился въ тѣло *волосатикъ*, въ корчагу наливаютъ горячей воды и кладутъ туда такъ называемую траву отъ волосатика и держать надъ паромъ рану, въ которой находятся волосатикъ.

Приготовляется изъ древесной золы горячій щелокъ, и большой, въ которомъ находится волосатикъ, ложится нагимъ въ большое корыто; затѣмъ набрасываются на страждущія части хлѣбные колосья и выливается на нагого немедленно ушать горячаго щелока, которымъ постепенно поливается все тѣло больного. На

колосья выходять черви волосатики. Это лѣченіе повторяется черезъ день и продолжается не менѣе трехъ недѣль.

Въ *простудѣ* пьютъ, какъ чай, ягоды черной берески, малину, липовые и бузиновые цветы.

Въ простудѣ ногъ трутъ ихъ масломъ, образовавшимся въ настойкѣ грибовъ мухоморовъ. Чтобы составить настойку, набираютъ этихъ грибовъ банку, наливаютъ водою и ставятъ на 9 дней настояться. Масло образуется наверху настойки, которое и сливаютъ.

Всыпать въ чулки по 1-й чайной ложкѣ нашатырной соли (*sai amtopiacum*) и негашеной извести и надѣть чулки на ночь, а въ упорныхъ болѣзняхъ, когда прекращается потъ ногъ, носить чулки и днемъ.

Отмороженные мѣста обкладываютъ корками огурцовъ — сѣмениковъ, которые оставляютъ въ градахъ до созрѣванія для выбиранія сѣмянъ, и такія корки перемѣняются, если высыхаютъ. Если корки сухія, заготовленныя на зиму, размачиваютъ ихъ предварительно въ теплой водѣ и прикладываютъ къ отмороженнымъ мѣстамъ мякотью. Корки заготовляютъ такъ: когда изъ созрѣвшихъ ягодъ выберутся сѣмена, корки съ остающейся мякотью подсушиваютъ въ солнцѣ.

Обмываютъ отмороженные мѣста простымъ виномъ. Натираютъ ихъ гусинымъ и заячьимъ саломъ. Прикладываютъ къ нимъ тертую морковь, красную капусту, смѣшанную съ уксусомъ.

Винные ягоды, высушивши и обративши въ порошокъ, смѣшиваются съ медомъ и прикладываютъ къ болѣннымъ мѣстамъ.

Если озноблены руки или ноги, погрузить ихъ въ густой растворъ соли и, продержавши въ немъ нѣсколько времени, дать обсохнуть, но не обтирать по вынутіи.

Отъ *насморка* втягиваютъ въ носъ винные пары, для чего, обмокнувши платокъ въ винѣ и приложивши смоченную часть къ горячему самовару, подносятъ къ носу и втягиваютъ. Въ чайную чашку кладутъ кусокъ камфоры и наливаютъ туда кипятку; затѣмъ дѣлаютъ изъ бумаги или бересты воронку и, опрокинувши ее на чашку, въ узкое отверстіе воронки втягиваютъ въ носъ пары.

Втягиваютъ въ носъ соленую воду.

Отъ *глистовъ* принимаются кореня папоротника и сѣмена тыквы. Если принимаются сѣмена тыквы, то наканунѣ принятія ихъ (около 50 штукъ) їѣтъ одни селедки. Употребляютъ при этомъ лѣченіе слабительное.

Выжимается сокъ чеснока и дается внутрь отъ 10 до 40 капель съ молокомъ, смотря потому, дается ли дѣтямъ или взрослымъ.

Сокъ моркови выжимается и дается натощакъ утромъ.

Даютъ пить свѣжее, чистое конопляное масло по чайной ложкѣ два раза въ день, съ хлѣбомъ, помочивши его въ маслѣ.

Въ *юрачки* употребляется настой травы девятиръльника. Гдѣ на людахъ повальная болѣзнь, въ предотвращеніе ея приносятъ въ избу флягу съ дегтемъ; вдѣль лукъ и чеснокъ каждый день и носить ихъ при себѣ для запаха.

Поять виномъ и даютъ Ѣсть подслащенную сахаромъ клюкву.

Даютъ больнымъ внутрь черезъ каждые три часа по ложкѣ пивныхъ дрожжей.

Отъ *желтухи* принимаютъ внутрь настой желтыхъ кореньевъ, покупаемыхъ у лавочниковъ, а равно настой травы желтоцвѣта.

Мочеожижами средствами считаются: конопляное молоко, (сокъ конопли), можжевеловыи ягоды, черные русскіе тараканы и луковыи сокъ съ толченымъ сахаромъ.

Пьють отваръ изъ ягодъ шиповника по стакану черезъ 2 часа.

Отъ *ноготьда* прикладывается къ больному мѣсту слизистый корень травы бѣлокрыльника и сваренные въ молокѣ винные ягоды.

Погружать больную часть, для уніятія боли, въ теплую воду.

Прикладываютъ къ больному мѣсту печенный лукъ.

По совѣту одного духовнаго лица, луковица растенія *Narcissus poeticus*¹⁾ имѣеть пѣлебное свойство отъ ноготьда, для чего луковица растенія слегка поджаривается и налагается на больное мѣсто.

Къ больному мѣсту для униманія боли и скораго нагноенія прикладываютъ творогъ и куделю, намыленную простымъ мыломъ.

Отъ пупочной *трымки*, являющейся вслѣдствіе поднятія непопильныхъ тяжестей, пьють настой травы пустосела, а отъ боли въ животѣ ставить на животъ горшокъ, какъ ставить кровесосные банки.

Бородавки выводятся: а) сокомъ травы чистотѣла; б) бобковой шкуркой; в) натираниемъ лукомъ и чеснокомъ, смѣшаннымъ со свинымъ саломъ.

Слабительнымъ считаются: а) огуречный разсолъ; б) соленая вода; в) сырое молоко, принимаемое вмѣсто квасу.

Если запоръ сопровождается рвотою, глотаютъ льдяные катышки каждые 2 часа по катышку величиной съ лѣсной орѣхъ.

Рвота вызывается: а) всунутіемъ въ зѣвъ указательнаго и среднаго пальца; б) принятіемъ скоромнаго масла и в) щекотаніемъ въ горлѣ.

Обожженное мѣсто намазываютъ: а) варенымъ коноплянымъ или льнянымъ масломъ; б) мазью, составленной изъ этихъ маселъ и яичныхъ желтковъ, замѣния мазь новой, когда высохнетъ; в) медомъ; г) тертымъ картофелемъ.

Прикладываютъ: 1) компрессы, намоченные въ свѣжей дѣтской мочѣ или въ мочѣ самого больного, если она здоровая, но

¹⁾ Извѣс. Амариллисовыхъ.

лучше въ дѣтской мочѣ и 2) желтокъ съ коровьимъ масломъ. Погружаютъ обожженныя мѣста въ теплую воду.

Выпустивши изъ обожженныхъ мѣстъ водяную жидкость, посыпаютъ ихъ мелкимъ порошкомъ древеснаго угля.

Если какая часть опалена порохомъ, посыпать ее гороховой мукой.

Въ одышкѣ и удушье составляется слѣдующее лѣкарство. Отвернувши голову живой русской курицѣ, ее, умершую безъ покашливанія крови, не оципывая и не потроша, кладутъ въ горшокъ; затѣмъ наливаютъ туда кипятокъ воды (менѣе $\frac{1}{2}$ обыкнов. водопойного ведра) и, покрывши крышкою, замазываютъ тѣстомъ и ставить въ печь на 12 дней, въ продолженіе которыхъ горшка не откупориваются. По прошествіи этого времени на днѣ горшка сдѣлается студень, подверженный скорой порчѣ, и въ этотъ студень вливается слабаго, простого вина 2 бут.; потомъ размѣшиваются хорошенько и разливаются по бутылкамъ. Пить это лѣкарство должно, взболтавши, 3 раза въ дѣль по рюмкѣ.

Передъ сномъ смачиваютъ и натираютъ верхнюю часть головы коньякомъ съ солью, а по утрамъ натощакъ принимаютъ этого коньяку, смѣшанного съ 4 ложками горячей воды, по 2 ложки.

Отъ дѣтской чахотки или сухотки (phtisis) даютъ дѣтямъ ворвань съ коричнымъ сиропомъ утромъ и вечеромъ по столовой ложкѣ.

Берутъ полыни 1 фун., рому или водки 1 бут. и, вливши въ кострюлю, зажигаютъ, чтобы ромъ выгорѣлъ; потомъ вынимаютъ полыни съ оставшоюся жидкостью на полотно, втрое сложенное, и обвертываютъ имъ больного часовъ на 7 или 8.

Обмываютъ спину и оконечности хлѣбнымъ виномъ или муравьинымъ спиртомъ.

Отъ глухоты вслѣдствіе простуды или какихъ другихъ причинъ, но не старости и ранъ въ ушахъ, держать ноги въ теплѣ и во вечерамъ парить ноги въ теплой водѣ.

Вспрыскиваютъ въ ухо теплаго молока съ водою.

При глухотѣ съ болью въ ухѣ берутъ каплю летучей мази на конецъ мизинца, всовываютъ мизинецъ въ ухо и держать нѣсколько минутъ.

Размѣтый и обмокнутый въ деревянное масло чесночный зубъ кладутъ въ ухо.

Въ каменной болѣзни принимается: а) отварь моркови; б) настой чесноку въ хлѣбномъ винѣ; в) отваръ изъ краснаго картофеля, не выпуская, при мочеиспусканіи, всей мочи; г) порошокъ листьевъ травы толокнянки, принимаемый по $\frac{1}{2}$ драх. 3 и 4 раза въ день, и д) березавида.

При катарѣ принимается внутрь рѣдечный сокъ съ водкой пополамъ нѣсколько разъ въ день, по 1 рюмкѣ.

Отъ антонова огня составляется порошокъ изъ свѣжихъ рѣковъ, для чего живые раки должны быть истолчены въ ступѣ и прикладываемы, въ видѣ припарки, къ мѣстамъ пораженнымъ. Припарку надо перемѣнять тотчась, какъ она высохнетъ.

Прикладываютъ тертую морковь, перемѣняя, какъ скоро высохнетъ.

По словамъ нѣкоторыхъ особъ духовнаго сословія, полезно прикладывать къ пораженнымъ гангреной мѣстамъ свѣжіе листы простой сирени и перемѣнять разъ въ день.

Когда будуть показываться признаки исчезновенія антонова огня и наконецъ сдѣлается легче, тогда болѣвое мѣсто присыпать хиной.

Чтобы мысина покрылась волосами, каждый день по 3 раза моютъ ее слѣдующей жидкостью. Берутъ сбитаго синяго купоросу и смѣшиваютъ его съ французской водкой; затѣмъ ставить эту смѣесь на нѣсколько дней на солнце или близъ горячей печи, и держать въ закупоренной бутылкѣ.

Отъ кровотеченія изъ носа поднимаютъ обѣ руки на голову, а другой кто-нибуль прижимаетъ ноздри.

Чтобы остановить кровотеченіе на порѣзанномъ или порубленномъ мѣстѣ, нашептываютъ слѣдующій заговоръ:

„Помолимся Господу Богу на красное солнце, на свѣтель мѣсяцъ, на часты звѣзды, попросимъ у Господа Бога, Екатерины мученицы, помогъ бы намъ Господь заговаривать кровь отъ буйнаго вѣтру, отъ востраго ножа, отъ востраго топора. Заговариваю кровь у раба Божія (имя рекъ) и запираю слова 77 замками. Аминь“.

Другой заговоръ. „Дѣрь-дери—кровь уйми; карій меринъ, ступи на камень—кровь не капеть; ступи на песокъ—вода не течеть; ступи на топоръ—весь заговоръ.“

Совѣтуютъ къ ранамъ, пролежнямъ и кровавымъ вередамъ прикладывать смѣесь изъ 3 частей непрогорклаго свѣчного сала, крупчатки или крахмала, размѣшанныхъ на тарелкѣ.

Берутъ нѣсколько свѣжихъ и смытыхъ листьевъ сирени, чтобы показался на нихъ сокъ, и прикладываютъ къ ранамъ, пришедшимъ въ пагноніе.

Для очищенія гноиныхъ ранъ употребляютъ снаружи настой или взваръ полыни, прибавляютъ къ этому настою и уксусу или винограднаго вина, или же водки.

Для извлеченія гноя изъ ранъ къ нимъ прикладываютъ листья свеклы съ коровьимъ масломъ.

Глубокія смрадныя язвы лѣчать щелокомъ, приготовленнымъ для стирки бѣлля. Этимъ щелокомъ обмываются язвы по три и болѣе разъ въ сутки, въ видѣ струи сверху.

Прикладывается къ язвамъ теплая, хорошо разваренная и не

очень густая гречневая каша; такъ равно прикладывается и свѣжий творогъ толстымъ слоемъ, перемѣня его чрезъ 2 часа.

При занозѣ смазываютъ больное мѣсто чистымъ дегтемъ и обвязываютъ тряпочкой, смоченою дегтемъ, и когда заноза выйдетъ, вынимаютъ.

Если ушло въ тѣло стекло, на то мѣсто прикладываютъ замазку, какой замазываютъ щели въ рамкахъ стекольщики.

Прикладываютъ къ занозѣ истолченные свѣжіе листья лебеды.

Отъ простуды собирается и сушится болотное растеніе свинячникъ. Искрошивши это растеніе, всыпаютъ его въ бутылку и затѣмъ наливаютъ бутылку теплою водою; далѣе, закупоривши бутылку, обкладываютъ ее сырымъ тѣстомъ въ формѣ хлѣба. Этотъ хлѣбъ, содержащій въ себѣ бутылку, садятъ въ печь, когда въ ней есть еще уголья, на 2 часа; послѣ чего, вынувши бутылку изъ тѣста, ставятъ его на прохладное мѣсто. Лѣкарство это принимаютъ натощакъ взрослые по столовой, а дѣти — по чайной ложкѣ.

Составляютъ мазь изъ столовой ложки деревянного масла, чайной ложки поваренной соли и $\frac{1}{2}$ чайной ложки толченаго перцца. Мазь эту наливаютъ на суконную тряпку и трутъ больного въ банѣ.

Отъ озноба въ простудѣ натираютъ астраханскимъ стручкомъ или стручковымъ перцемъ, настоеннымъ на водкѣ, или же медомъ съ солью, взятыми по равной части.

Отъ ломоты вслѣдствіе простуды и другихъ причинъ намазываютъ на ветошку сапожнаго вару и прикладываютъ къ больному мѣсту.

Натираютъ больное мѣсто мазью, составленной изъ толченаго съ деревяннымъ масломъ чеснока.

Кладутъ больныя ноги въ навозную кучу на $\frac{1}{4}$ часа времени.

Отъ ревматизма приняты слѣдующія средства.

Берутъ корни травъ: чернобыльника, дикой рябины, репейника и крапивы; настаиваютъ ими водку въ теченіе 6 сутокъ въ тепломъ мѣстѣ (лучше въ печи) и пьютъ по рюмкѣ и по двѣ въ день. Во время лѣченія не ёдятъ свинины и гусинины.

Берутъ 1 фун. бѣлаго скипидару, сѣры сосновой, лиственничной, пихтовой и еловой по равной части, и все это держать въ бутылкѣ въ тепломъ мѣстѣ 12 дней; потомъ сверху скипидаръ сливаютъ и наливаютъ въ мѣсто него деревянного масла; затѣмъ кладутъ туда 2 зол. камфоры. Этой мазью натираютъ больныя мѣста за 1 часъ времени до бани. Когда придутъ въ баню, берутъ заранѣе приготовленныя вѣтки деревъ: сосны, ели и пихты и, изрубивши ихъ мелко, варятъ въ банѣ. Этой водой поддаются пару и лежать въ банѣ на полкѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ стрѣлять въ пораженныхъ ревматизмомъ мѣстахъ. Отдохнувши, натираютъ больныя мѣста камфарнымъ виномъ. Лѣченіе повторяется.

ряется до тѣхъ поръ, пока не получится совершенного выздоровленія.

Обкладываютъ больныя мѣста травой мать-мачихой.

Набираютъ лѣтомъ полныя бутылки дождевыхъ червей, закупориваютъ бутылки крѣпко и ставить въ теплое мѣсто. Черезъ нѣсколько времени черви превращаются въ жидкость—спиртъ. Этимъ спиртомъ натираютъ въ банѣ больныя мѣста.

Набравши грибовъ мухоморовъ и искрошивши или изрубивши ихъ мелко, наполняютъ ими бутылки и закупориваютъ ихъ. Черезъ нѣсколько времени грибы дадутъ жидкость—спиртъ. Спиртомъ этимъ натираютъ въ банѣ больныя мѣста.

Намазываютъ внутреннія стѣнки горлышка бутылки масломъ (лучше всего деревяниымъ) и ставятъ бутылку въ муравейникъ, гдѣ живутъ муравы. Муравы, падая въ бутылку, наполняютъ ее собой. Эту бутылку закупориваютъ крѣпко и ставятъ въ теплое мѣсто. Черезъ нѣсколько времени муравы дадутъ спиртъ. Этимъ спиртомъ натираютъ больныя мѣста.

Настаиваютъ изрубленныя можжевеловыя ягоды въ чайникѣ кипящей воды на огнѣ и пьютъ этотъ настой, какъ чай, передъ сномъ, чашки по три. Туда же прибавляютъ и ирнаго корня.

Натираютъ больныя мѣста порошкомъ сѣры и обязываютъ фланелю, и если болѣть ноги, надѣваютъ на нихъ чулки шерстяные. Натираютъ больныя мѣста въ банѣ, до появленія испаринъ, десятъмъ.

Отъ хроническаго ревматизма на ночь обкладываютъ больныя ноги свѣжими, сухими березовыми листьями.

Берутъ ложку бодяги, столько же чухонскаго масла и золотника три нашатыря въ порошкѣ. Смѣшиваютъ все это и натираютъ въ банѣ больныя мѣста.

Парятъ больныя мѣста свѣжей крапивой. Прикладываютъ къ больныи мѣстамъ вату, обмокнутую въ деревянное масло.

Натираютъ больныя мѣста коньякомъ съ солью 2 раза въ день и за часъ времени до чаю принимаютъ этого лѣкарства по 1 или 2 ложки, разбавляя этотъ пріемъ 4—6 ложками горячей воды.

Берутъ по 1 ложкѣ краснаго меду, керосина или нефти и деревянного масла и натираютъ этой мазью въ банѣ больныя мѣста. Чтобы мазь смѣшалась, медъ подогрѣваютъ.

Отъ охриплости голоса принимаютъ смѣсь изъ тертаго хрѣну и липового меду.

Если кто проиголилъ иголку или булавку, пьютъ ренскій или бѣлый уксусъ, чтобы онъ притупилъ острѣ иголки или булавки.

Во время холеры носятъ на шеѣ или подъ мышкою, на голомъ тѣлѣ, кусокъ мѣди величиной въ талеръ, зашивши его въ холстину.

Пьютъ бѣлокъ отъ сырого яйца, вслѣдъ за нимъ принимаютъ мятныя капли; затѣмъ пьютъ чай изъ перечной мяты и укрываются теплѣе.

Въ предотвращеніе болѣзни принимаютъ по утрамъ личный бѣлокъ, сбитый съ теплой водой въ настоемъ мяты, по ложкѣ, а тѣло натираютъ деревяннымъ или прованскимъ масломъ.

Пьютъ мятный чай и кладутъ на животъ теплыхъ сухихъ припарки и одѣваются теплѣе.

На мозоль прикладываютъ лимонную подкожную плеву, намоченную въ теченіе сутокъ въ винномъ уксусѣ.

Прикладываютъ на ночь къ мозолямъ испеченный чеснокъ.

Распариваютъ ногу съ мозолю въ теплой водѣ и прикладываютъ къ мозоли тряпку, на которой намазано свѣчное сало и посыпана табачная зора, особенно зора махорки.

Отъ колотья пьютъ чай изъ бузинныхъ и липовыхъ цвѣтовъ, а равно и ромашки, или идутъ въ баню и обтираютъ больное мѣсто смѣсью изъ тертаго хрѣна, соли и меду.

Принимаютъ углекислую магнезію, а равно отъ 1 до 2 ложекъ копыту съ солью, разбавленною 4—6 ложками горячей воды. Если колотье не пройдетъ—лѣчепіе повторяется, но горячую воду уменьшаютъ. Если страдаетъ женщина,—приемъ уменьшаютъ на половину.

Отъ затруднительнаго дыханія и колотья при вздохѣ принимаютъ: а) почки сосны, набранныя весной и высушенныя на солнѣ; б) анисъ.

Натираютъ грудь бодягой съ виннымъ спиртомъ.

Чтобы возстановить пота ногъ, подъ голыми ногами носять бересту.

Въ чахоткѣ Ѵздрѣть съ тощимъ желудкомъ ежедневно верхомъ, съ каждымъ днемъ увеличивая поѣздку. Пьютъ медовую воду съ молокомъ.

Едять кашицу изъ исландскаго моха съ молокомъ:

Пьютъ козье молоко, а равно и молоко миндальное.

Втираютъ въ тѣло, особенно грудь и бока, свиное сало.

Пьютъ сокъ свеклы; вдѣять молодую капусту въ сырому видѣ, а разсоль соленой капусты пьютъ ежедневно до выздоровленія; пьютъ также тертую рѣдьку съ квасомъ, выпивая сначала рюмку очищенной водки, а нѣкоторые глотаютъ кусочки рѣдьки величиной съ бобъ. Пьютъ толокно съ свѣжимъ квасомъ.

Озимъ, нарванная весной или осенью, высушивается на солнцѣ и топится въ печи съ парнымъ молокомъ. Жидкость процѣживается и принимается внутрь.

Сожигаютъ въ комнатѣ, гдѣ находится больной, на теплой печкѣ отъ $\frac{1}{2}$, до 1 зол. сѣры.

Отъ грудной болѣзни употребляется холодный экстрактъ или настой липовыхъ шишекъ, принимая его въ сутки по 2 стакана. Чтобы получить настой, шишки кладутъ въ муравленный горшокъ, наливаютъ туда кипятку, сообразуясь съ тѣмъ, чтобы въ горшкѣ

осталось стакана два. Горшокъ завязываютъ тряпкой, намазываютъ тѣстомъ и ставятъ на ночь въ печь.

Пьютъ кофе, изъ ржи, овса и ячменя съ кипяченымъ молокомъ.

Отъ простудной грудной боли и кашля пьютъ сокъ вареной рѣпы съ сахаромъ.

Если пухнуть десна и въ случаѣ нарыва на нихъ, полошутъ ихъ отваромъ 2 горстей сажи и фунта воды, что должно варить $\frac{1}{2}$ часа сокъ выжимать.

Отъ дрожжанія рукъ пьютъ пиво, настоящее шалфеемъ, и ёдятъ съ масломъ и хлѣбомъ сырой искрошенный шалфей.

Если на глазу ячмень, совѣтуютъ три раза придавить его горячимъ ячменнымъ или ржанымъ хлѣбомъ, который потомъ, говорятъ, надо бросить собакѣ.

У кого одеревенѣлъ или отнялся языкъ, полошутъ его горчицей, настоящей въ горячей водѣ.

На мѣста, пораженные рожею, прикладывается непряденная хлопчатая бумага.

Прикладываютъ слой свиного жира, перемѣняя чрезъ два часа.

Если опухли железы, растворяютъ въ молокѣ бѣлое мыло и прикладываютъ къ нимъ въ видѣ густой припарки.

Въ боли желудка прикладывается къ больному мѣсту холодная смѣсь, сдѣланная изъ свѣжаго хрѣна (тертаго), разведенаго уксусомъ.

Отъ коликъ въ желудкѣ, корчей и отвердѣнія матки употребляется какъ втирание, коноплянное масло.

Отъ рѣзи въ животѣ берутъ пупокъ домашнихъ итицъ (свѣжихъ, снимаютъ верхнюю перепонку и сушатъ въ печи, въ легкомъ жару; затѣмъ обращаютъ его въ порошокъ, просѣваютъ и хранятъ въ стеклянномъ сосудѣ. Страдающему рѣзью въ животѣ даютъ этого порошка въ рюмкѣ простого вина ложку, а дѣтямъ—соображаясь съ возрастомъ.

Отъ коликъ живота, особенно почечныхъ и происходящихъ отъ женскихъ мѣсячныхъ очищеній, берутъ кусокъ фланели, обмакиваютъ его въ горячую наливку изъ ромашки, выжимаютъ и кладутъ на животъ; если припарка будетъ простывать, ее перемѣняютъ.

Отъ полиповъ растворяется драхма бѣлаго купоросу въ унцѣ воды; этимъ составомъ увлажняютъ корпію и обкладываютъ ею полипъ. Это повторяется отъ 4 до 5 разъ въ день.

Отъ полиповъ носа, по сообщенію одного духовнаго лица, наливаютъ на свѣжую траву спиртъ и, выжавши сокъ, намазываютъ имъ съ помощью кисточки, полипъ раза 3—4 въ день.

Перепрѣлости на ляжкахъ присыпаются обращенными въ порошокъ ягодами шиповника.

Въ *падучей* болѣзни (черная немочь) принимается въ небольшомъ количествѣ грѣтое пиво, обращенный въ порошокъ корень черкобыльника, за $\frac{1}{4}$, часа до припадка или же послѣ онаго. Послѣ принятия больной лежитъ въ постели. Если пойдетъ у больного потъ, обтираютъ его. Лѣкарство употребляется черезъ день. Лѣчащіе не пьютъ водки и избѣгаютъ волненій душевныхъ. Если страдаетъ этой болѣзнью мужчина, советуютъ пить кровь голубя; если же женщина — кровь голубки.

Отъ *подагры* составляется тѣсто изъ муки сарачинскаго шпена, пивныхъ дрожжей и половины соли. Тѣсто намазывается на тряпицы и прикладывается къ подошвамъ ногъ, а ноги обвертываются фланелью. Тѣсто перемѣнаютъ черезъ каждые 2 часа. Больной находится въ тепломъ мѣстѣ. Когда боль уймется — ноги обмываютъ теплую водою, въ которую наложены отруби и чухонское масло.

Натираютъ отваромъ изъ овса съ водою, къ которому прибавлены корни цыкорные и медь.

Растопляется на горячей золѣ масло коровье, снимая съ него пѣну, а когда оно закипитъ, вливается туда столько же виннаго спирта или крѣпкой водки въ 40%. Эту смѣсь зажигаютъ, чтобы водка выгорѣла. Оставшимся масломъ натираютъ больныя мѣста.

Въ *скарлатинѣ* натираютъ шею и грудь свинымъ саломъ и парятъ ихъ въ банѣ вѣникомъ.

Берутъ ветчиннаго сала и простого мыла по 4 фунта; искрошивши ихъ въ куски, толкнуть въ ступѣ; потомъ, выложивши въ кострюю, или же въ чистый горшокъ, кладутъ туда же съ $\frac{1}{4}$ фун. поропущенного меда и 2 рюмки пѣннаго или хѣбнаго хоропаго вина. Сосудъ ставятъ на легкій огонь и, когда все соединится, размѣшиваютъ и выливаютъ въ банку. Намазавши эту мазь на чистый лоскутокъ холстины, прикладываютъ къ опухоли горла и къ груди, а при опухоли груди и стѣсненномъ дыханіи покрываютъ сверху чѣмъ-нибудь шерстянымъ и мажутъ мазью руки и ноги. Такъ поступаютъ до выздоровленія, поя больного въ то же время настоемъ огородной (простой) мяты съ медомъ. Больной долженъ пребывать въ комнатѣ до 3 недѣль и избѣгать простуды.

Пораженныхъ *промокомъ*, раздѣвши до-нага, зарываютъ въ землю, кромѣ головы, при чѣмъ голова должна быть выше.

Раздѣвши пораженнаго, кладутъ его на солому головой выше; затѣмъ трутъ тѣло сухимъ сукномъ и кладутъ подъ душку пучекъ миты, обмокнутый въ водку, а голову обвязываютъ обмоченнымъ въ холодной водѣ полотенцемъ. Когда тѣло начнетъ краснѣть и согрѣваться, зарываютъ тѣло кромѣ головы въ сухую землю на четверть (лучше въ черноземѣ). Если будутъ появляться признаки жизни, даютъ немногого теплаго вина. Когда

откроетъ глаза, уносять въ избу, а если это случится въ полѣ— кладутъ въ солому или сѣно, покрываютъ до плечъ и поятъ мятными чаемъ.

Отъ судорогъ натираютъ болѣшія мѣста горячимъ ромомъ. Держать въ рукахъ куски желѣза.

Натираютъ болѣшія мѣста пробками изъ бутылокъ и горячимъ масломъ.

Если *растрескиваются* руки, а равно и вымя у коровы, натираютъ разжеваннымъ сѣменемъ коноопли.

Трешины на грудяхъ женщинъ натираютъ: а) несоленымъ чухонскимъ масломъ; б) разжеваннымъ сѣменемъ коноопли; в) масломъ яичного желтка, поджариваемымъ на свѣчкѣ. Взбалтываютъ въ бутылкѣ яичный бѣлокъ, смѣшанный съ равнымъ количествомъ хлѣбной водки, и этой смѣсью намазываютъ трещины на соскахъ грудей.

Къ *опухолямъ* грудей у женщинъ прикладываютъ мяту.

Для очищенія головы отъ *шемудей* составляется такое лѣкарство. Кладутъ живыхъ лягушекъ въ муравленный горшокъ и, закрывши, крышку замазываютъ, чтобы паръ не выходилъ изъ горшка. Горшокъ этотъ ставить нѣсколько разъ въ печь, чтобы находящіяся въ немъ лягушки высохли. Когда онъ высохнутъ и простиутъ, обращаютъ ихъ въ порошокъ. Когда порошокъ готовъ, намазываютъ голову больного ветчиннымъ саломъ и посыпаютъ означеннымъ порошкомъ; затѣмъ голову покрываютъ пузыремъ и обвязываютъ платкомъ, чтобы порошокъ присталъ къ головѣ. Черезъ сутки все это снимаютъ и еще намазываютъ на голову сала, но порошкомъ не посыпаютъ, а завязываютъ голову для тепла. Чтобы не было на головѣ морщинъ, мажутъ еще.

Моютъ еще шемуди часто французскою водкою.

Обмываютъ голову отваромъ сажи (2 горсти сажи на 1 фунтъ воды, что варятъ $\frac{1}{2}$, часа и выжимаютъ жидкость).

Ужаленія пчелой мѣста натираютъ бреніемъ, составленнымъ изъ земли и собственной мочи, вынувши жало. Намазываютъ сокомъ изъ свѣжихъ головокъ мака.

Отъ *водобоязни*, являющейся вслѣдствіе укушенія бѣшенными животными, пить уксусъ по 1 фунту утромъ и вечеромъ.

Возбуждаютъ въ банѣ сильную испарину.

Пить орѣховое масло, а на рану прикладываютъ коипрессъ изъ холстины, напитанной названнымъ масломъ.

Берутъ корешокъ шильника, обращаютъ его въ порошокъ и, посыпавши имъ коровье масло, намазанное на хлѣбъ, ёдятъ.

Обмываютъ рану теплымъ виннымъ уксусомъ, всполаскиваютъ ее и, обсушивши, наливаютъ туда нѣсколько капель хлористо-водородной кислоты. Этимъ лѣкарствомъ вылѣчилъ одинъ діаконъ своего работника.

Если ужалитъ змія, укушенное място намазываютъ деревяннымъ масломъ.

Прикладываютъ къ ранкѣ брюхомъ живыхъ лягушекъ, перемѣня ихъ, какъ скоро будутъ околѣвать.

Въ минуту укушения на ранку кладутъ разжеванную соль.

Пьють сокъ ясения, прикладывая листья, изъ коихъ выжать сокъ.

Прикладываютъ къ ранкѣ разрѣзанный на куски лимонъ. Сверху лимона опухшее място обкладывается простоквашею, поремѣяя ее, если будетъ твердѣть.

Отъ кожаюша даютъ дѣтямъ теплую смѣсь сушеної малины съ краснымъ медомъ по 1 столов. ложкѣ часа черезъ 3 въ день, прибавляя туда отъ 3 до 6 капель свѣчного сала, и въ то же время прикладываютъ къ груди напитанную свѣчнымъ саломъ синюю сахарную бумагу, проколотую булавками во многихъ мястахъ. Смѣсь составляется такъ. Завариваются въ чайникѣ горсть сушеныхъ ягодъ и даютъ настояться на самоварѣ; настой сливаются въ другой чайникъ и распускаются въ немъ 1 ложку краснаго меду, въ которомъ прежде былъ погруженъ раскаленный конецъ толстаго желѣзного гвоздя.

Поять морсомъ калины.

Отъ кровохарканія пьють холодную воду, оставаясь въ холодной комнатѣ, держа притомъ ноги въ теплѣ.

Отъ кровотечения изъ зорла пьють растворъ поваренной соли, примерно 1 ложку въ стаканѣ холодной воды, а при сильномъ и опасномъ кровотечениіи глотаютъ черезъ 15 мин. по чайной ложкѣ сухой соли.

Противъ задержанія крови у женщинъ, особенно незамужнихъ, одержимыхъ бѣлою немочью, пьють дождевую воду по 1 бут. ежедневно въ продолженіе отъ 6 до 12 недѣль. Пьють натощакъ анисовое масло въ виноградномъ винѣ.

Чтобы остановить кровотеченіе, кладутъ на уголья въ жаровню шалфеи, и надъ дымомъ остановится женщина.

Отъ выпадевія матки у женщинъ послѣ родовъ даютъ пить настой травы забирюхи. Послѣ родовъ пьють настой травъ: золотой и перелойной.

Отъ выхожденія матки составляется еще слѣдующее средство. Настаиваютъ водку въ теченіе 12 сутокъ травами: тысячелистникомъ бѣлымъ, звѣробоемъ и душицей, и такимъ настоемъ поять больныхъ.

Въ маточныхъ и вообще внутреннихъ боляхъ женщины пьють коренья крапивы и звѣробой. Если матка имѣть неправильное положеніе, и вслѣдствіе этого женщина не рождаетъ дѣтей, принимаютъ по утрамъ натощакъ по 1 стол. ложкѣ калгану въ водѣ, а по вечерамъ ложку полыни.

Бѣлый тысячелистникъ служить средствомъ, останавливаю-

щимъ регулы, а *красный*—възвуждающимъ; поэтому въ предотвращеніе беременности, чтобы вызвать регулы, пьютъ *красный* тысячелистникъ.

Чтобы беременная женщина не *выкинула*, поять ее сорока-объденнымъ ладаномъ. Совѣтуютъ поить настоемъ травы гогоня, которая растетъ во пняхъ, съ шишкой.

Отъ кровотеченія употребляется еще трава *желтоцвѣтъ*.

Для лѣченія *молочница*совѣтуютъ смѣшать столовую ложку меду съ $\frac{1}{2}$, чайной ложки пережженаго черваго иерда и мазать этой мазью болѣнія мѣста во рту.

Кто впалъ *въ обморокъ*, подгосять къ носу кислый хлѣбъ.

Дають пить немного бѣлаго уксусу.

Отравившися судомой принимаютъ порошокъ древеснаго угля по чайной ложкѣ каждый часъ вмѣстѣ съ отваромъ ячменя.

Пьютъ рвотное изъ 1 чайной ложки мелкой горчицы въ стаканѣ теплой воды.

Принимаютъ также въ отравленіяхъ яичный бѣлокъ съ молокомъ и сахарную воду.

Чтобы *справить* мозгъ въ головѣ, получившій сотрясеніе, предварительно мѣряютъ голову лентообразнымъ мочаломъ, для чего обтягиваютъ голову означеннымъ мочаломъ, проводя имъ по лбу, вискамъ и концамъ ушей, и на мочалѣ дѣлаютъ углемъ черточки, показывающія средину лба и концы ушей; затѣмъ мочало снимаютъ и, согнувшись его въ той чертѣ, которая показываетъ средину лба, смотрѣть, пришли ли черточки, указывающія средину ушей въ одно мѣсто. Если черточки сошлись, значитъ мозгъ не получилъ сотрясенія, и, следовательно, причина боли въ головѣ—не отъ сотрясенія мозга; если же черточки не сошлись—мозгъ получилъ сотрясеніе, и въ такомъ случаѣ вправляютъ его слѣдующимъ образомъ. Больной береть въ зубы рѣшето или сито такъ, чтобы лицо пришлось въ ситѣ и, поднявши руки, онъ самъ или иной кто, ударяетъ кулаками по стѣнкамъ рѣшета вдругъ; отчего мозгъ приходить въ легкое сотрясеніе, чѣмъ и принимаетъ, говорить, прежнее положеніе. Нѣкоторые берутъ голову больного правой рукой за подбородокъ, а лѣвой—за макушку и потряхиваютъ; затѣмъ берутъ правой рукой за лобъ и лѣвой за затылокъ и тоже потряхиваютъ. Такая операциѣ повторяется нѣсколько разъ въ одинъ пріемъ. Или же садить больного на лавку или стулъ и надѣваютъ ему на затылокъ полотенце; затѣмъ, ваявши полотенце за оба конца, потряхиваютъ голову.

Подавившися кускомъ хлѣба ударяютъ по спинѣ кулакомъ.

Отъ *болязни и шума въ ушахъ* ставить въ больное ухо свѣчу, для чего свертывается въ трубку листъ вошеной бумаги и, вставивши его въ ухо, зажигаютъ.

Отъ *жара* въ ногахъ и головѣ прикладываютъ къ затылку и подошвамъ: а) хлѣбный макиша съ уксусомъ; б) изрубленную се-

ледку; в) глину съ уксусомъ; г) соленую капусту, которую, кроме сего, прикладываютъ и ко лбу. Внутрь отъ жара принимаютъ: уксусъ, ягоды брусники и клюквы.

Плющиа истребляютъ табачнымъ дегтемъ, вынимаемымъ изъ чубука.

Отъ пьянства принимается внутрь корень чеснокъ, обращенный въ порошокъ, въ винѣ.

Кому являются привидѣнія, совѣтуютъ класть на окно траву лебеду.

Страдающимъ куриной слѣпотой совѣтуютъ єсть до-сыта печень животнаго.

Совѣтуютъ еще заколоть курицу и, вынувши изъ нея печень, изжарить таковую на лучинкѣ надъ горячими угольями, чтобы не подгорѣла; загѣмъ разрѣзать ее вдоль и приложить горячія половинки разрѣзанными сторонами къ закрытымъ вѣкамъ.

Знахари совѣтуютъ еще слѣдующее средство. Надо, по словамъ ихъ, ходить по утрамъ и вечерамъ, когда курицы будутъ сидѣть на настѣстахъ, въ курятникъ и умываться тамъ. Это повторяется до 3 разъ.

Нѣмого ребенка бабы носятъ подъ первый ударъ колокола къ заутренѣ въ первый день Пасхи.

Отъ вѣреда лѣчать слѣдующимъ образомъ. Обводятъ вередь, въ началѣ появленія его, безъмяннымъ пальцемъ три раза, говоря: „Пальцу имени нѣть, чирью мѣсто нѣть“, и послѣ каждого раза придавливаютъ болѣвое мѣсто пальцемъ; затѣмъ, послѣ вѣреды, придавливаютъ тѣмъ же пальцемъ и въ тотъ же мѣрѣ сукъ, говоря: „какъ сукъ сохнетъ, такъ же сохни и ты, чирей“. Это повторяется 3 раза.

Прикладываютъ: а) листья полевого ладана; б) на тряпочкѣ пластырь, составленный изъ краснаго меду, муки и печенаго лука, стертыкъ въ тѣсто; в) печеный лукъ; г) варъ съ саломъ и д) мыло съ солью.

Отъ воспаленія леекъ принято слѣдующее средство. Кипятить въ одномъ сосудѣ пиво, малину, медъ и водку и пить больного; послѣ принятія лѣкарства велить больному лечь на печь и одѣться.

Отъ уроковъ нашептываютъ на воду, въ которую опущены: уголь, соль и печинка (кусокъ глины, выковырянныи изъ связи печныхъ кирпичей) слѣдующій заговоръ:

“Заговариваю я, раба Божія (имя заговаривающей знахарки), отъ стрѣшни и поперешни, отъ озевища, отъ притки, отъ приткиной матери, отъ чернаго, рыжаго, черемнаго, завидливаго, урочливаго, прикошливаго (бросающаго нескромные взгляды на женщину), отъ глаза сѣраго, чернаго, отъ двоезубаго, троезубаго, отъ двоеженца и троеженца. Какъ заря Амнитрія переходила и потухала, такъ и изъ раба Божія (или рабы, имя рекъ) всяко

недуги напущенные исходили бы и потухали. Какъ изъ булату, изъ синяго укладу каменемъ огонь выбиваются, такъ бы и изъ раба Божія (имя рекъ) всѣ недуги и порчи словами моими вышибало и выбивало. Ты, притка, приткина мать, болѣсти, уроки, призоръ очесь! подите прочь отъ раба Божія (имя больного) во темные лѣса, на сухія дерева, гдѣ вародъ не ходить, скотъ не бродить. птица не летаетъ, звѣрь не рыщетъ. Соломонида-бабушка, Христоправушка, Христа мыла правила, иамъ окатыши оставила. Запираю заговоръ свой тридевятымъ тремя замками, тридевятымъ тремя ключами, и слова мои крѣпче кремня, острѣе булату. Аминь. "Въ заключеніе захарка дуетъ на воду съ углемъ, солью и печинкой три раза и брызжетъ больного.

Внутрь прививаются настой урочной травы.

Обмываютъ икону, взятую съ божницы, и водой брызжутъ въ лицо больному.

Берутъ изъ печи три горячихъ уголька и кладутъ ихъ въ чашку съ водой; затѣмъ нашептываютъ такой заговоръ:

"Пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), благословляясь и перекрестясь изъ избы въ избу, изъ воротъ въ ворота, подъ часты звѣзды, подъ свѣтъль мѣсяцъ на Кіянъ-морѣ. На Кіянѣ морѣ на златомъ престолѣ сидить самъ Господь; крестомъ крестить, рукой градить отъ причища, отъ урочища, отъ озевища, отъ стрѣчища и поперечища. Какъ Господь укрѣпляетъ небо и землю, такъ раба (имя больного) укрѣпляю отъ 12 болей отъ 12 скорбей. Слова мои запираю 77 замками 77 ключами. Всѣ ключи въ воду бросаются, всѣ боли унимаются. Аминь.

Нашептанной водой брызжутъ въ лицо больному и даютъ ему пить эту воду; затѣмъ остальная вода съ углами выливается во дворъ. По словамъ захарей, если положенные въ воду уголья затрещали—признаки уроковъ несомнѣнны. Такими признаками считаются еще холодныя уши больного.

Къ средствамъ врачеванія причисляются еще слѣдующія *попѣрья и предразсудки*.

Противъ выкидышей пьютъ порошокъ, получаемый отъ выскабливанія съ иконы изображенія рукъ и ногъ.

Замерзшему, говорять, заткни задній проходъ рукавицей и катай его на саняхъ или на телѣгѣ прытко, и онъ оживеть; если при этомъ выдернешь рукавицу, замерзшій издастъ звукъ, и съ этимъ звукомъ выйдетъ изъ него душа.

Кто ночью бормочеть или *бредитъ во снѣ*, обѣ этомъ, если услышишь, не говори никому: самъ будешь бормотать.

Больного напой водой съ землей, взятой изъ-подъ окна овина. Если напоить его этой водой, онъ скоро выздоровѣетъ; если же суждено ему умереть—скоро умретъ. Такимъ образомъ земля эта

служить средствомъ, ускоряющимъ или выздоровліе, или же смерть.

Коиснемся и иѣкоторыхъ другихъ соѣтствъ и рецептovъ, принятыхъ въ домашнемъ быту или для огражденія себя отъ враговъ, колдуновъ и вообще опасности, или же отъ беспокойства, причиняемаго насѣкомыми клопами и тараканами.

Отъ колдуновъ и враговъ, кроме описанныхъ нами выше изъ остатковъ старинной рукописи травъ, употребляются, какъ амулеты: а) воскомастика; б) сорокаобѣдненный ладанъ; в) монета-протовникъ съ изображеніемъ на ней императора или императрицы съ обращеннымъ противъ солнца лицомъ; г) трава плакунъ; д) трава Христовъ посохъ; е) трава земляной ладанъ; ж) трава Петровъ крестъ; з) трава Богородицыны слезки и и) трава марьянина корень, которыя употребляются и противъ укушенія змѣй, и скорпія.

Отъ таракановъ въ употребленій: 1) багунъ съ цвѣтомъ калиновымъ и корой черемуховой, которые кладутъ въ печь и не входягъ послѣ того въ избу иѣсколько дней, пока не выйдетъ духъ; 2) конопля съ яичными скорлупами, которая бросаютъ въ истопившуюся печь, послѣ того, какъ будетъ закрыта труба; 3) зеленая краска кронъ, которой пылать мѣста, гдѣ находятся тараканы; 4) пережженная на сковородѣ и смѣшанная съ гороховой мукой бура; 5) сырое тѣсто съ фосфоромъ отъ зажигательныхъ спичекъ.

Что же касается клоповъ, то ихъ, по мнѣнію простолюдина, можно выжить только симпатическими средствами:

1) Надо найти случайно (а не искать) зубъ отъ бороны и доткать его до дому пинками, а въ руки вовсе не брать и не задѣвать даже ими. Когда допихаешь до избы, положи его подъ матицу, поддерживающую потолочную настилку—и клоповъ не будетъ; 2) надо найти случайно (а не искать) лошадиное копыто, и какъ поступить съ нимъ—знахари не сообщаютъ; 3) вечеромъ въ Петровское заговѣніе, послѣ того, какъ все въ семье заговѣются, одинъ изъ семьи, когда со стола будутъ убранны обѣдки и посуда, долженъ выйти во дворъ и стать подъ окно и тамъ, ударяя въ окно палкой, сирашивать находящихся въ избѣ:

- Дома ли хозяева?
- Дома,—должно имъ отвѣтить.
- На что ихъ?
- У васъ сегодня заговѣніе. Заговѣлись ли вы?
- Заговѣлись.
- А клопы-то чѣмъ заговѣлись?
- Клопы заговѣлись такъ: клопъ клопа сѣѣль, кто остался — самъ себя сѣѣль.
- Не будетъ ихъ отнынѣ довѣку.

4) Когда пріѣдеть къ хозяину, желающему избавиться отъ клоповъ, кто-нибудь на сивомъ конѣ, у которого хвостъ былъ бы черный, поймай незамѣтно ни для кого трехъ клоповъ, завяжи ихъ въ бѣлую тряпку и иди къ сивому коню, говоря: „сивая лошадь! веди всю клоповью силу“, и, привязавши тряпку къ гривѣ или хвосту коня, уйди. Все это должно быть сдѣлано, какъ мы уже говорили, тайно, такъ, чтобы никто даже изъ семейныхъ не зналъ, и пріѣхавшій на сивомъ конѣ былъ бы не родственникъ, лучше всего, если будетъ онъ иноплеменникъ; 5) брось въ печь живую лягушку и три дня не ходи въ избу, и 6) поймай трехъ клоповъ, положи ихъ въ старый брошенный лапоть и перетащи съ заговоромъ за дорогу, т. е. на другую сторону улицы. Слова заговора составляютъ секретъ злачарей.

Гр. Верещагинъ.

5 февр. 1892 г. Деревня Лильшуръ, Сарапульского уѣзда. Вятской губ.

СМѢСЬ.

„Женитьба комина“.

(Изъ записокъ собирателя).

Изъ массы вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ, переполняющихъ и переплетающихъ жизнь русского крестьянина съверо-западнаго края, между прочимъ, выдается выпуклымъ отпечаткомъ слѣдовъ глубокой древности обрядъ „женитьба комина“, встрѣчаемый среди населенія Пинскаго полѣсся. Добросовѣстное описание этого обряда мнѣ удалось добыть, благодаря счастливому стечению обстоятельствъ, не воспользоваться которыми я считалъ для себя грѣхомъ. Здѣсь нахожу нужнымъ и умѣстнымъ разсказать вкратцѣ исторію этой добычи, не безинтересной, какъ мнѣ кажется, для будущихъ собирателей и любителей народовѣдѣнія. Этотъ разсказъ можетъ, до извѣстной степени, послужить, кстати, и отвѣтомъ на неоднократно и съ давнихъ поръ обращающийся ко мнѣ съ разныkhъ сторонъ вопросъ: какими-де способами и путями я пользовался для пополненія данныхъ по взятой мною на себя этнографической, многосложной задачѣ?

Осенью 1877 г., будучи въ первый разъ въ Минскѣ-губернскомъ, и, въ бесѣдѣ съ учителемъ словесности тамошней гимназіи О. В. Шолковичемъ, отъ которого я допытывался указаній о томъ, на какіе предметы бытовой и духовной жизни сельскаго населенія края преимущественно мнѣ слѣдуетъ обратить вниманіе, получилъ отъ него, между прочимъ, легкій намекъ на существовавшій во дни его юности какой-то обрядъ „женитьба комина“ у крестьянъ Мозырскаго уѣзда, гдѣ тогда его отецъ былъ сельскимъ священникомъ. Этотъ намекъ я намоталъ себѣ на усть и все ждалъ и выждалъ счастливаго случая къ ближайшему знакомству съ этимъ загадочнымъ обрядомъ—лично или чрезъ посредство достовѣрныхъ мѣстныхъ наблюдателей. Въ концѣ лѣта 1883 г., съ открытиемъ первого участка линіи полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ отъ ст. Жабинка до Пинска, такой случай мнѣ и представился, и 15-го августа, въ день Успенія, съ утреннимъ поѣздомъ, я отправился въ Пинскъ, гдѣ остановился въ еврейскомъ, такъ называемомъ „заѣздномъ домѣ“. Тотчасъ по прїѣздѣ я черезъ фактора пригла-

силь къ себѣ мѣстнаго приходскаго учителя, оказавшагося еще въ городѣ, показалъ ему циркуляръ директора народныхъ училъщъ Минской губерніи объ оказаніи мнѣ содѣйствія по собиранію памятниковъ народнаго творчества и объяснилъ ему суть моей настоящей просьбы. Онъ, какъ оказалось вскорѣ, не совсѣмъ ее понялъ и пустилъ о ней по городу слухъ въ своей собственной редакціи. На другой день я сдѣлалъ визитъ директору реальн. уч. г. Бѣлюковичу которого засталъ въ какомъ-то грустномъ настроеніи, (какъ я послѣ отъ него узналъ) по поводу предложенной изъ округа отставки, за выслугу лѣтъ, законоучителю вѣреннаго ему училища, хотя почтенный іерей еще въ силахъ, бодръ и весьма ретиво и точно исполняетъ при училищѣ обязанности преподавателя Закона Божія и пѣнія и желалъ бы послужить еще хоть годика два. Ходатайство же его, директора, въ округѣ о продленіи означеннаго срока службы священнику, о. Грудницкому, оказалось гласомъ воющаго въ пустынѣ. „И вотъ что,—заключилъ свой разсказъ гуманный директоръ,—меня печалить и беспокоить“. При этомъ разсказѣ у меня въ головѣ блеснула мысль попытаться замолвить словечко въ пользу ходатайства г. Бѣлюковича новому тогда помощнику попечителя Виленскаго учебнаго округа, г. Куну, который почему-то съ первого же дня моего знакомства съ нимъ постоянно выказывалъ ко мнѣ какое-то особенное благоволеніе. „Авось, думалось мнѣ, если и попытка не шутка, то и спрось не бѣда.“ Я сообщилъ эту мысль своему собесѣднику. Онъ съ радостью за нее ухватился и предложилъ мнѣ тотчасъ же отправиться къ батюшкѣ. Мы и поѣхали. Батюшка принялъ насъ очень радушно и, узнавъ о цѣли моей поѣздки, очень ею заинтересовался. Мы пробесѣдовали съ нимъ часа два. А когда пришло намъ время отправиться по домамъ, почтенный хозяинъ, провожая насъ, замѣтилъ, что въ кухнѣ, мимо которой намъ пришлось проходить и куда въ эту минуту была отворена дверь, на полу валяются лохмотья цвѣтовъ, травъ, цвѣточныхъ гирляндъ и зерна разнаго рода злаковъ. Это, какъ было видно, его нѣсколько сконфузило, и онъ, обратясь къ намъ, попытавшись сказать: „Извините, пожалуйста, этотъ маленький беспорядокъ: вчера меня вѣ было дома, и моя работница вздумала вмѣстѣ со своими знакомыми дѣвушками и бабами праздновать «женитьбу комина», и вотъ до сихъ поръ не успѣла убрать кухню“ Я такъ и оторонѣлъ. „Что вы, батюшка, говорите!—чуть не вскричалъ я отъ радости:—у васъ здѣсь еще существуетъ этотъ замѣчательный обрядъ! Вѣдь я сколько ужъ лѣтъ ищу его, стараюсь изо всѣхъ силъ напасть на какіе-нибудь слѣды его существованія—и все напрасно. Вы крайне бы меня обязали, если бы взяли на себя трудъ описать этотъ обрядъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ совершается здѣсь въ городѣ, а если можно, и въ окрестныхъ деревняхъ его уѣзда.“ Батюшка изъявилъ мнѣ тутъ полную

готовность исполнить мое желаніе, когда собереть достаточное количество соотвѣтствующихъ данныхъ для провѣрки основы и обстановки интересующаго меня обряда на Пинчинѣ. Такъ мы и разстались.

На слѣдующій день утромъ, только что я успѣлъ встать съ постели, одѣться и напиться чаю, какъ вдругъ слышу женскіе голоса изъ коридора: „Что г. Шейнъ всталъ уже? Можно къ нему зайти?“ — „Можно“, — слышу, отвѣтъ факторъ. Вопросительница не рѣшилась, однако, войти и попросила его прежде доложить. Я, разумѣется, велѣлъ ихъ просить. Входить двѣ порядочно одѣтныя женщины — одна пожилая, другая довольно еще молодая, лѣтъ 20. Старшая тотчасъ по входѣ заговорила скороговоркой цѣлый докладъ о томъ, что она бѣдная вдова, что у нея двое дѣтей, живѣть здѣсь въ городѣ для малолѣтняго сына, который учится въ третьемъ классѣ здѣшняго реальнаго училища, и что она сочла бы для себя болѣшимъ благодѣяніемъ, если бы начальство округа нашло возможнымъ предоставить вотъ этой ея дочери, занимающей мѣсто народной учительницы въ такомъ-то мѣстечкѣ Киевской губерніи, такую же должность въ одномъ изъ ближайшихъ къ городу сель Пинскаго уѣзда. Тутъ только я повѣялъ, что эта добрая женщина принимаетъ меня за какого-то чиновника высшаго полета, властъ имѣющаго вязать и разрѣшать. Я, разумѣется, счелъ нужнымъ немедленно вывести эту наивную провинціалку изъ такого заблужденія и разяснилъ ей, въ чемъ суть моей миссіи, и прибавилъ, что я хотя и не саловыній чиновникъ и не начальникъ, но, будучи довольно хорошо знакомъ съ директоромъ народныхъ училищъ Минской губерніи, я готовъ при первомъ свиданіи съ нимъ замолвить ему словечко въ пользу ея ходатайства. Замѣтивъ, что моя посѣтительница заинтересовалась моей задачей, я рассказалъ ей о своемъ вчерашнемъ счастливомъ открытии у священника на счетъ „женитьбы кбмина“. При послѣднихъ моихъ словахъ она, какъ бы обрадованная чѣмъ-то ей знакомымъ, вдругъ обращается къ дочери и говоритъ: „Маша, вѣдь ты, помнится мнѣ, тоже что-то въ этомъ родѣ разсказывала о женитьбѣ свѣчки?“ — „Да, мама, — поспѣшила отвѣтить дочка, — я видѣла обрядъ подъ этикъ названіемъ въ мѣстечкѣ N Киевскаго уѣзда“, и тутъ же передала мнѣ на словахъ содержаніе этого обряда. Я попросилъ ее изложить разсказанное письменно. Она весьма охотно приняла мое предложеніе и на другой же день доставила мнѣ общшанное описание.

Не такъ-то скоро сдержалъ свое слово уважаемый законоучитель. Только спустя полгода, если не больше, когда, съ одной стороны, благодаря удачному ходатайству покойнаго Куна, осуществилось его желаніе относительно отсрочки грозившей ему отставки, а съ другой, когда ему удалось собрать нужныя провѣрочныя свѣдѣнія для интересующаго меня обряда, я получилъ отъ

нега довольно обстоятельное описание въ сопровождении благодарственного письма о случайной моей инициативѣ въ пользу его дѣла.

Ниже помѣщаю оба описанія, сгавя на первомъ мѣстѣ болѣе полное описание изъ Пинскаго уѣзда.

1) *Обрядъ «женитбы комина» въ г. Пинскѣ и его уѣзда.*

„Въ городѣ Пинскѣ и его окрестныхъ деревняхъ издревле существуетъ обычай ежегодно, 1-го сентября, совершать обрядъ подъ названіемъ „женитбы комина“. Коминъ—это труба, служащая для выхода дыма изнутри жилища наружу. Трубы эти въ хатахъ польскихъ крестьянъ бываютъ большою частью двухъ родовъ: а) большая, выведенная прямо изъ печи черезъ потолокъ на крышу хаты, и б) меньшая, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ печи; она называется и „лучникомъ“, отъ лучины или смоловыхъ щепокъ, которыми обыкновенно пинчуки или польшуки освѣщаютъ свои хаты. Къ этой-то меньшей трубѣ, выплетенной изъ камыша и обмазанной глиною, подвѣнивается желѣзная решетка, на которой и жгутъ лучину.

Большую часть домашнихъ своихъ работъ, по окончаніи полевыхъ, наши пинчуки производятъ обыкновенно по утрамъ рано, далеко до разсвѣта, при свѣтѣ горящей лучины, и это-то время называется „досвѣткомъ“. Тутъ мужчины изготавливаютъ телѣги, плетутъ коши и вообще производятъ разныя сельскохозяйственные принадлежности, а женщины прядутъ ленъ, шерсть, ткутъ полотно и шьютъ бѣлье и пр. Чтобы захотить семью—дѣтей, служъ, временныхъ работниковъ-батраковъ къ такой ранней утренней работѣ и сдѣлать ее для нихъ какъ бы обязательной съ 1-го же сентября, то во всѣхъ почти домахъ женятъ „комина“, т. е. большую печную трубу, а гдѣ есть—и меньшую.

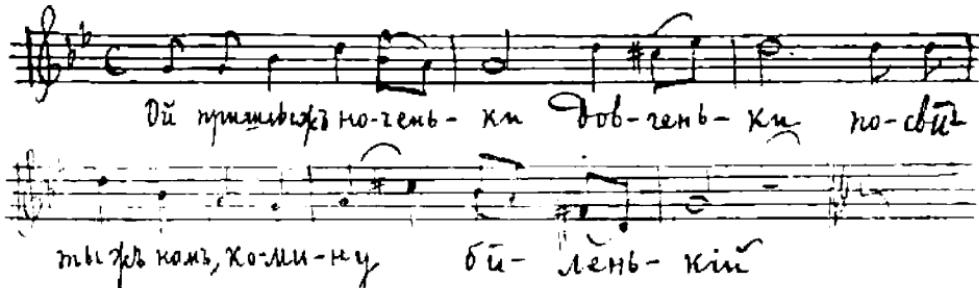
Если 1-е сентября (день св. Симеона Столпника) приходится на постный день, то празднество это откладывается до слѣдующаго дня. Тогда уже съ самаго утра хозяйка дома начинаетъ печь оладьи, блины и по мѣрѣ своихъ средствъ приготавливаетъ сытныя блюда къ ужину, а хозяинъ, съ своей стороны, уже заблаговременно старается запастись къ этому дню водкой, медомъ и пивомъ. Изготовивши все нужное къ ужину, хозяйка опоясываетъ трубу и лучникъ новыми ручниками (утяральниками), а молодежь убираетъ ихъ уцѣлѣвшими въ полѣ и въ городѣ цвѣтами. Столъ накрывается новою скатертью и ставится при самой печи или подъ лучникомъ, а какъ только на дворѣ стемнѣвѣтъ, въ хату собирается вся семья. Старшій изъ ея членовъ читаетъ молитву, послѣ чего всѣ разсаживаются чинно, по воз-

расту, за столъ, и начинается угощениe. Хозяинъ наливаетъ рюмку водки, выливаетъ изъ нея по нѣсколько капель на одну и другую трубу и произносить предливное благожеланіе, вродѣ слѣдующаго:

„Поздоровъ, Боже, дедуся, бабусю, дядька, дѣтки, челяднчики, пріятелей и добродѣевъ! Подышь, Боже, храмъ Господень, щобъ слава Божая не уставала и міръ Божій ко храму наворочала. Защиты, Господы, худобку: коныки, волыки, коровки для дитокъ и всякую скотынку. Зароды, Боже, хлѣбець, жито, пшеницы и всякую пашници. Защиты, Господы, пчѣлки, вынеси ихъ на красну весну, кому Богъ давъ старанье! Приспорь медку и вощечку, на свѣчу до храму Господня. Дай Боже, челядочки охоту раневъко вставаты, при свитли працовать. Дай Боже, щобъ нашему роду не було переводу, а этия рѣки (указывая на водку) щобъ текли у насъ на вики“, и проч.

По окончаніи этого поздравления онъ цѣлуетъ руки у старѣшаго въ семействѣ по лѣтамъ, выливаетъ рюмку до дна, наливаетъ ее снова водкою и, накрывъ ее оладьей или кускомъ блина, передаетъ слѣдующему. Этотъ, получивъ рюмку, снимаетъ съ нея оладью, прыскаетъ нѣсколько капель водки на обѣ трубы, произносить подобное же длинное поздравленіе, цѣлуетъ руки у очереднаго старѣшаго, выливаетъ водку и передаетъ рюмку тѣмъ же порядкомъ слѣдующему. Такимъ образомъ поздравленія или благожеланія эти повторяются поочереди всѣми сидящими за столомъ съ различными варіаціями, пока, наконецъ, кто-нибудь изъ послѣднихъ батраковъ не скажетъ: „Въ школи не вчився, гинноваты не смудрився“. Первая круговая рюмка такимъ порядкомъ переходитъ отъ однихъ до другихъ застольниковъ очень медленно—болѣе часа, вторая же идетъ уже скорѣе, безъ лишнихъ прибаутокъ, а слѣдующія за нею рюмки передвигаются еще быстрѣе, въ перекрестную, безъ всякаго соблюденія очереди.

Когда вся семья успѣеть закусить, повеселѣеть и у всѣхъ развязнутся языки, хозяйка приносить въ фартукѣ сѣмячки (гарбузыки), сыплетъ ихъ на трубы, а на столъ кладеть „ласоши“: пряники, бублики, яблоки, гнилыхъ груши, калину, клюкву и т. п., а хозяинъ приносить миску меду—сѣвжихъ сотовъ. Молодежь собираетъ разсыпанныя сѣмячки и набрасывается на сладости. Тогда хозяйка предлагаетъ молодежи спѣть жениху—Комину свадебную пѣсню. При этомъ старшая дѣвка—пѣвица беретъ благословеніе у родителей или старѣшихъ членовъ семьи и начинаетъ пѣть пѣсню, нарочно приуроченную изстари къ этому обряду, за ней подхватываются хоромъ всѣ прочіе присутствующіе:

Мы жъ тебе квятками убрали, А подарочки сбирали старымъ.
 Бервьеночкомъ, рутой ораазали. Коминочку, ты намъ спогадай,
 Праца наша—дивка гарненъка, Крѣчу, вѣрчу и буры проганай.
 Полюбыты Комуна раденъка. Дымъ и сажу носы ворогамъ,
 Мы жъ тебе будемо жениты, Свить, охоту и радость пошли
 Горилочку, пыво, медъ пыты. намъ.
 Светы жъ, Комуночку, ясненъко, Господыня наша, поглядай,
 Побужай челидочку раненъко: Горилочки и меду подливай.
 Шиты, прасты, ткать молодымъ,

Старшіе въ семѣѣ часто прерываютъ пѣніе благожеланіями вродѣ слѣдующаго: „щобъ такъ рано вставали и шире працо-вали, якъ голосно синвалы!“ Затѣмъ угощеніе продолжается уже медомъ, нивомъ и сластями, пока не истощится весь запасъ напитковъ.

Окончивъ семейную пирушку, всѣ отходятъ ко сну, а на другой день всѣ встаютъ уже къ работе при свѣтѣ изъ комина-лучника и часто съ самой полуточи. Если кто изъ семьи поль-нится рано встать, то хозяинъ не премнѣетъ сказать ему съ упрекомъ: „На Семена медъ, пыво любывъ пыты, не лѣнуйся жъ и робыти!“

(Сообщ. священ. законоучителемъ Никск. реальн. училища В. Леонт. Грудницкимъ въ 1883... г.)

2) Женитьба свѣчки въ Кіевскому уѣзду.

Обычай женить свѣчку существуетъ въ Кіевск. у. и под-держивается хозяевами ремесленныхъ заведеній, которые же-даютъ пріохотить своихъ работниковъ и работницъ къ вече-рнимъ и утреннимъ занятіямъ при огнѣ. Около половины сен-тября, когда наступаютъ длинные вечера, хозяинъ объявляетъ своимъ работникамъ, чтобы они вечеромъ приходили, „женить свѣчку“. Въ этотъ день у него работаютъ только до обѣда, а подъ вечеръ всѣ рабочіе, одѣтые въ праздничныя одежды, при-ходить въ хозяину, который по ихъ приходѣ посыпаетъ за музы-кантами. Тогда каждый изъ пришедшихъ рабочихъ беретъ свѣч-

ку и, убравъ ее подъ звуки музыки цвѣтами и лентами, зажигаетъ, и затѣмъ всѣ, размѣстившись въ извѣстномъ порядке, подъ предводительствомъ играющихъ музыкантовъ торжественной процессіей обходятъ все мѣстечко отъ одного мастерскаго заведенія до другого, пока не обойдутъ ихъ всѣ и не возвратятся опять въ томъ же порядке къ своему хозяину. Тамъ въ это время уже готовъ ужинъ, поставлена выпивка и закуска. Послѣ ужина начинается самое разгульное веселье. Рабочіе поютъ пѣсни, пляшутъ, веселятся иногда далеко за полночь. А съ слѣдующаго дня они начинаютъ ужъ постоянно, каждый день—утромъ и вечеромъ, работать при свѣчахъ.

(Запись народн. учительницы М. Г.)

Изъ двухъ описанныхъ обрядовъ, первый существуетъ и въ Мозырск. у. Минск. губ. и въ Вилейск. у. Виленской губерніи. Описанія его, доставленныя мнѣ въ началѣ 80-ыхъ годовъ изъ названныхъ мѣстностей, напечатаны въ III т. моихъ «Материаловъ», на стр. 185—187. Время его празднованія и тамъ тоже приурочено народомъ къ первымъ числамъ сентября, чаще къ самому первому, когда впервые начинаютъ работать въ домахъ, такъ сказать, *съдѣльныхъ* работы при огнѣ. Въ Малороссіи этотъ обрядъ изъ деревень и сель, гдѣ жилица освѣщались до послѣднаго времени, отчасти освѣщаются и теперь, луциною, перешелъ въ мѣстечка и города, гдѣ дома уже давно освѣщаются свѣчами, вслѣдствіе чего и самый этотъ праздникъ сосредоточился на свѣчкѣ и получилъ название „женитьба свѣчки“ приблизительно въ томъ видѣ, какъ онъ описанъ выше. Къ этому нужно прибавить, что и у сельскаго населенія великорусскихъ губерній первый вечеръ, съ котораго начинаютъ работать при огнѣ, тоже отличается *почестной* пирушкой и извѣстенъ подъ названіемъ засидокъ. Чествованіе засидокъ и здѣсь перешло изъ деревни въ городъ, даже въ столицы, въ среду ремесленниковъ, б. ч. выходцевъ изъ деревни, и поэтому весьма понятно, что характеръ данного обряда болѣе или менѣе видоизмѣнился, сообразно съ условіями городского быта.

До 1889 года ни „о женитьбѣ комина“, ни „о женитьбѣ свѣчки“ и смыкъ не слыхать и видомъ не видать было ни въ нашихъ ученыхъ обществахъ, ни въ литературѣ. Въ означенномъ же году въ № 190 газеты „Кievлянинъ“ появилась статья: „Праздникъ свѣчки, или женитьба свѣчки“. Эта-то статья вмѣстѣ съ напечатанной за 5 лѣтъ передъ тѣмъ (въ № 196 газеты „Зара“ 1884 г.) подъ заглавіемъ „Празднованіе Семена въ Киевѣ, въ ночь съ 1-го на 2 сентября на всѣхъ мѣстныхъ базарахъ“ подала поводъ почтенному профессору Н. Ф. Сумцову выступить въ 1890 году въ „Кievской Старинѣ“ съ цѣлью изслѣдованіемъ о нашемъ загадочномъ обрядѣ, подъ заглавіемъ: „Женитьба

свічки" („Кіев. Стар.“ 1890 г., іюль, стр. 72—87. „Культурныя переживанія“ № 188).

Пересказавъ кратцѣ содержаніе названныхъ статей и попытки остроумнаго объясненія этого обычая историческимъ путемъ автора статьи въ „Кіевлянинѣ“ (стр. 1—4), нашъ авторъ продолжаетъ такъ: „обыкновеніе „женить свічку“ встрѣчается среди ремесленниковъ Харькова. Здѣсь обычай этотъ называется *засидки*. Въ немъ нѣть вѣсма крупнаго элемента—дерева, но свічка и адѣсь имѣеть такое важное значеніе, какъ у кіевскихъ ремесленниковъ. Засидки бывають 1 сентября. Поработавъ съ полчаса или часъ, затѣмъ устраиваютъ пиршество, поютъ пѣсни“. Далѣе г. Сумцовъ сообщаетъ цѣлый рядъ выписокъ изъ разнообразныхъ статей объ огняхъ купальскихъ, о „чествованіи дерева съ возженіемъ ва немъ свічей на украинскихъ свадьбахъ“ и заключаетъ свои сообщенія слѣдующими словами: „Эта далекая экскурсія показываетъ, что въ „женитьбѣ свічки“ мы имѣемъ не только кіевскій народный обрядъ, не исключительно малорусскій, даже не исключительно славянскій, а можетъ быть, обще-арійскій, глубоко древній по происхожденію. Малорусскіе варианты обрядового чествованія дерева съ возженіемъ свічей представляются многочисленными, разнообразными, съ сложной виѣшней обстановкой, съ своеобразной мѣстной окраской“. Затѣмъ авторъ вновь приводить массу фактовъ „чествованія обрядовыхъ деревцовъ съ возженіемъ свічей въ Германіи, Италии, о свадебной елкѣ, вильцѣ, въ глухихъ мѣстностяхъ Кавказа, въ Аравіи, въ Монголії, у народовъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ культурныхъ европейскихъ вліяній“, передаетъ далѣе взгляды вашихъ и иностранныхъ ученыхъ „о чудесныхъ деревцахъ съ возженіемъ свічей“, простираючи въ съ мнѣніемъ покойнаго Потебни относительно священныхъ, мысленныхъ деревъ у русскихъ славянъ и заканчиваетъ свою статью изложеніемъ обрядового употребленія сїна и соломы на свадьбахъ въ Великій и Малой Россіи, въ Германіи и древній Индіи, которое, по его мнѣнію, состоить въ ближайшей связи съ обрядовымъ чествованіемъ дерева.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе статьи г. Сумцова. Изъ всего сказаннаго довольно, кажется, ясно, что онъ въ обрядѣ „женитьбы свічки“ видѣтъ только слѣды культа дерева, а не огня, хотя изъ приводимыхъ имъ многочисленныхъ фактовъ исключительно не выходитъ, что огонь является въ данномъ обрядѣ исключительно для украшенія дерева, а не наоборотъ, т. е., что дерево служить тутъ необходиимымъ элементомъ для поддержанія огня. Еще страннѣе мнѣ кажется мысль г. Сумцова пріурочивать къ культу дерева купальскіе огни и горящіе костры съ огнемъ въ свадебномъ ритуалѣ (по возвращеніи молодыхъ отъ вѣнчанія домой). Никто не станетъ спорить, что на

Руси еще сохранились до нашего времени довольно замѣтные слѣды поклоненія дереву, но чтобы огонь являлся необходимымъ условіемъ его обстановки—этого никакъ нельзя подтвердить фактами. Притомъ, если ужъ обрядъ „женитьбы свѣчки“ напоминаетъ о существовавшемъ въ древнія времена вездѣ на Руси поклоненіи дереву, то почему онъ, т. е. этотъ обрядъ, не называется въ народѣ „женитьбою дерева“? Вѣдь народъ, какъ мы знаемъ, весьма бережно и ревниво сохраняетъ въ своей памяти стародавнія названія даже и тѣхъ слѣдовъ его традиціонныхъ обрядовъ, смыслъ которыхъ для него остался теперь совершенно непонятенъ, какъ, напримѣръ, праздникъ Ярила, Коляды и т. п. Ужъ одно название „женитьба свѣчки“, казалось бы въ состояніи внушить изслѣдователю этого обряда естественное сомнѣніе насчетъ первобытности его, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Вѣдь вѣрованія, обряды и обычаи народа, какъ известно, зарождаются, крѣпнутъ и закаляются на первыхъ, низшихъ ступеняхъ его культуры и его осѣдлой жизни среди полей и лѣсовъ дремучихъ. А если такъ, то ясно, что въ старинномъ сельскомъ быту русского племени всѣхъ видовъ и оттѣнковъ жилища не освѣщались свѣчами. Точно такъ каждый внимательный наблюдатель народной бытовой жизни сразу рѣшилъ безошибочно, что известныя, общеупотребительныя поговорки: „игра не стоитъ свѣчи“—не русского происхожденія. Поэтому, вслѣдствіе высказанныхъ сейчасъ соображеній мы полагаемъ себѣ въ правѣ считать сообщенный нами выше варіантъ практикуемаго древняго обряда изъ Пинска самымъ вѣрнымъ и пока—самымъ полнымъ. А то обстоятельство, что этотъ же обрядъ, съ одной и той же почти обстановкой, бытуетъ и доселъ подъ тѣмъ же ярлычкомъ и въ Мозырскомъ у. Минской губерніи, необходимо должно служить лучшимъ и вѣрнѣшимъ указавіемъ на то, что онъ нѣкогда существовалъ, а можетъ быть и теперь еще существуетъ среди поселянъ какъ Киевской губерніи, такъ и другихъ приднѣ-прозскихъ и припripетскихъ селеній. Слѣдуетъ только умѣло тамъ поискать хорошенъко.

Вообще думается мнѣ, что нашимъ изслѣдователямъ быта и духовной жизни народа не нужно торопиться обобщеніемъ скучныхъ фактовъ, особенно въ области его вѣрованій, обычаевъ, гдѣ пока у насъ такъ мало собрано данныхъ, и это даже относительно малое лежитъ враздробь, подъ спудомъ, непроизводительно въ грудахъ нашихъ губернскихъ вѣдомостей, въ архивахъ нашихъ ученыхъ обществъ, и никто доселъ не подумаетъ прійти на помощь, чтобы издать все это въ свѣтъ отдельнымъ изданіемъ для общаго пользованія.

С. Петербургъ, 30-го мая 1898 г.

П. Шейнъ.

КЪ ИСТОРИИ НАРОДНАГО ТЕАТРА¹⁾.

IV. „ЦАРЬ МАКСИМИЛІАНЪ.“

(Варіантъ 2-й)²⁾.

Дѣйствующія лица.

Царь Максимилианъ.	Старикъ (гробокопатехъ).
Сынъ его Адольфъ.	Еврій.
Скороходъ.	Казакъ (исполняется однимъ актеромъ вмѣстѣ съ Бурманомъ).
Бурманъ	Засуяль (исполняется вмѣстѣ съ гусаромъ).
Анника	Смерть (исполняется вмѣстѣ съ старикомъ).
Марецъ	
Богиня (Венера), сестра Бурмана.	
Гусаръ.	
Донторъ.	

Сперва есть актеры обращаются съ привѣтствіемъ къ хозяину дома, куда они пришли для представления. Они поютъ:

Позволь, позволь, хозяинъ, въ нову горницу войти,
Въ нову горницу войти, вдоль по узенькой пройти.
Это правда, это правда, это правда все была. (Принцъ).
Нѣтъ ли, нѣтъ ли, у васъ хозяинъ, въ домѣ лишняго бревна?
Если есть оно, позволь вырубить его.
Нѣтъ ли, нѣтъ ли, у васъ хозяинъ, въ домѣ лишняго вина?
Если есть оно, позволь выпить намъ его.

Адольфъ. А, здравствуйте, господа! Вотъ и я прибылъ сюда. За кого вы меня почитаете—за русскаго, или за короля прусскаго?

Всѣ. За русскаго.

Адольфъ. Нѣтъ, я не русскій, не король прусскій, и есть царскій сынъ Адольфъ. Ну, тише, господа, черезъ три часа имѣтъ царь Максимилианъ прибыть сюда. Желаете его видѣть?

Всѣ. Желаемъ! (Входитъ Максимилианъ).

Максимилианъ. А, здравствуйте, дѣти! Здорово, дѣти! Отчего вы сидите, ничего не говорите? Али языки поприсохли?

Всѣ. Поприсохли!

Максим. Надо промочить.

1) См. „Этногр. Обозр.“ XXXVII.

2) Записанъ въ Рачицкомъ у. Минской губ. въ 1896 г. отъ одного изъ актеровъ, молодого парня, туземца, но съ великорусской рѣчью.

Всѣ. Постарайтесь.

Максим. А вотъ, ребята, есть у меня по правую руку пивовареній заводъ, по лѣвую—хлѣбный магазинъ. Какъ выкочу бочку-соро-коушку, да чернаго хлѣба на закуску—довольно съ васъ?

Всѣ. Довольно!

Максим. Пьянцы!

Всѣ. Хорошо!

Максим. За это удовольствіе покоряю вашъ сало Туреччину, Нѣме-чину, а третіе мѣсто, гдѣ сами пожелаете. А вотъ, ребята, какъ быль-я въ городѣ Парижѣ, да извините, что уѣзжаю верстъ триста поближе... А вотъ, ребята, какъ я былъ въ городѣ Миддл (Италия?), а извините, что уѣзжаю верстъ триста подаль... (*Подходитъ къ трону*). Охъ ты, Боже мой, для кого этотъ крѣпкій тронъ сооруженъ? Для меня, царя Максимилиана. Самусь на крѣпкій тронъ, трясется земля передо мной, буду судить винныхъ и невинныхъ, правыхъ и неправыхъ. Если же я не правильно осужу, занеси меня, Боже, на синіе моря, на желтый песок и тамъ царю Максимилиану будетъ грусть-тоска.—Скороходъ-Фит-маршалъ, явись предъ тронъ своего царя-монарха!

Скороходъ. О, грозный царь Максимилианъ! властъ маешь, на что скорохода призываешь, или какихъ указъ дѣлъ повелѣваешь? ¹⁾.

Максим. А вотъ, поди, поди въ мою каменную палату, возьми мою скіпетръ-державу и всю честь римскую и славу.

Скороходъ. Пойду въ твою каменную палату, возьму твою скіпетръ-державу и всю честь римскую и славу (*приноситъ*).

Максим. А вотъ моя знатная корона во всѣ стороны блестала, всѣмъ моимъ царствомъ владала. Всѣ ребята мѣй въ отвѣтъ, сына Адольфа при мнѣ нѣть. (*Зоветъ, какъ счи-те, скорохода и приказываетъ ему*). Позвать мнѣ сына Адольфа! (*Присоединяется*).

Адольфъ. А, здравствуй, дражайшій родитель, властъ маешь, на что сына Адольфа призываешь, или какихъ указъ дѣлъ повелѣваешь?

Максим. А гдѣ, сынокъ, досюда быль?

Адольфъ. По Волгѣ-рѣчкѣ катался, съ разбойничками знался.

Максим. А много вѣсъ тамъ было?

Адольфъ. Деѣнадцать человѣкъ.

Максим. А много крови пролили?

Адольфъ. Какъ рѣка лила.

Максим. А когда бы я тамъ быль?

Адольфъ. И тебѣ бы голова съ плечъ.

Максим. Охъ-ти, Боже мой! развѣ можно государственному сыну по-Волгѣ-рѣчкѣ кататься, съ разбойничками знататься! (*Снова зоветъ скорохода*). Вотъ, возьми, везьми моего сына Адольфа, сведи его въ темницу, отпусти ему сухарь хлѣба и полкружки воды—довольно съ него.

1) Скороходъ призывается каждый разъ одною и той же фразою и, замы-
каясь на звѣтъ, говорить всегда свою стереотипную фразу.

Снороходъ. Возьму, возьму твоего сына Адольфа, сведу его въ темну темницу... и т. д. (посторяетъ все дословно и уводитъ)..

Максим (Опять требуетъ скорохода). Позвать миъ сына Адольфа. (Приводятъ Адольфа). Вотъ, сынокъ, была у тебя матъ мереканская богиня, теперь я себѣ взялъ кумирическую богиню. Вѣруешь нашимъ кумирическимъ богамъ, золотымъ статуямъ?

Адольфъ. Я ваши боги стерзаю подъ ноги, вѣрю Иисусу Христу, который распять на кресту, и содержу святой законъ.

Максим. (зоветъ скорохода). Возьми моего сына Адольфа, отведи его въ темну темницу, гдѣ сидѣли московскіе купцы: они продали Москву за три бочечки песку, отпусти ему сукарь хлѣба да полкружки воды, довольно съ него. (Скороходъ посторяетъ тѣ же слова и уводитъ Адольфа, Максимилианъ тотчасъ опять призываетъ скорохода и требуетъ привести Адольфа. Его приводятъ). Ну, что сынокъ, одумался?

Адольфъ. Одумался.

Максим. Опомнися?

Адольфъ. Опомнися.

Максим. Какъ?

Адольфъ. Опять такъ.

Максим. Вонъ Бурмакъ!

Бурмакъ (является). О, грозный царь... и проч. (какъ скороходъ).

Максим. А вотъ возьми моего сына Адольфа, испокорнаго, непослушнаго, сведи его на лобное мѣсто, сруби ему, варвару, голову, чтобы его, варвара, на свѣтѣ не было.

Бурм. Возьму твоего сына Адольфа... и пр. (Обращается къ Адольфу). А вотъ, братъ Адольфъ, какъ мы съ тобой жили-дружили водочку пили, а сейчасъ папаша разсерчалъ,想要 голову снять, злой смерти предать. А не онъ голову сниметь, я голову сниму, злой смерти предамъ. Что съ отцомъ простился?

Адольфъ. Никакъ нѣть.

Бурм. Ну, простись.

Адольфъ. Прощай, дрожающій родитель!

Максим. Казнить, казнить варварскую душу!

Адольфъ. Меня екозинишь, самъ на свѣтѣ жить не будешь.

Бурм. Съ друзьями простился?

Адольфъ. Никакъ нѣть.

Бурм. Простись.

Адольфъ. Прощай, горы, прощай долы, прощай небо и земля! Какъ былъ я у отца по воли, икѣль другой до воли; какъ стала подъ небесѣ, икѣту другой никакого. (Постъ). Охъ вы, лѣсы мои, лѣсы темные, охъ вы звѣри мои, звѣри лютые, приѣхѣте ко мнѣ, погоруйте обо мнѣ!

Максим. Смирно!

Адольфъ (постъ) Двери загремѣ-грѣмѣли, идѣть по мнѣ грозный шатать; сабли заблеста-блестали въ рукахъ ли его палача. Охъ, чтожъ

я за воинъ былъ, я въ полѣ одинъ воевалъ, ни конному ни пѣшему проходу я мальчикъ не давалъ. Берите, рубите, не плачьте послѣ обо мнѣ.

Бурм. А вотъ я, воинъ Бурманий, царскому сыну голову сниму, на мечъ подхвачу, въ гробъ положу. Иди, иди непобѣдима (?), катилась съ неба звѣзда; посмотрите, господа, какое страженіе! (*Рубить голову Адольфу*).

Максим. Скороходъ-фитъмаршаль!... и пр. (*Скороходъ является*). Позвать старика-гробокопателя!

Скороходъ. Позвову старика-гробокопателя (*Старику*). Старикъ, къ царю!

Старикъ. Я дрова колю.

Скороходъ. Старикъ, пожалуй на баль!

Старикъ. Какой тамъ черть съ печи ушалъ!

Скороходъ. Старикъ, пожалуй на водку!

Старикъ. Я и самъ пойду. (*Входитъ къ царю*). Здравствуй, царь Демьянъ!

Максим. Я не есть царь Демьянъ, я есть царь Максимилианъ!

Старикъ. Ну, когда царь Максимилианъ, такъ я шапочку снялъ, на колѣнкахъ стоя.

Максим. Вотъ, старичокъ, загадаю тебѣ дѣльцо, вотъ прибрать это дѣльцо, чтобъ въ нашемъ царствѣ не прѣло, людямъ пауху не задавало.

Старикъ. А что мнѣ за это будетъ?

Максим. Много, много, старикъ, и въ горсть не заберешь; съ носу во грошу, а у тебя большой—съ тебя два.

Старикъ. Я такъ не хочу; я хочу тулупъ.

Максим. Да, старикъ, ты не глупъ спрашивать тулупъ. Тулупа не износишь, а свою голову пораньше положишь.

Старикъ. Я такъ не хочу, я пойду.

Максим. Иди, иди, старичокъ.

Старикъ. Я и самъ болѣнъ.

Максим. Скороходъ-фитъмаршаль!... и пр. (*Скороходъ является*). Позвать мнѣ военного доктора.

Докторъ (*является*). А, здравствуй, царь Максимилианъ, власть маешь... и пр.

Максим. А вотъ полѣчи мнѣ этого старика.

Докторъ. А вотъ я есть лѣкарь, надѣ семи землями аптекарь, живыкъ лѣчу, мертвымъ кровь бросаю. Ко мнѣ приходятъ на ногахъ, я отправляю на костыляхъ. Ко мнѣ приходить съ глазами, я глаза вынимаю, на тотъ свѣтъ по запискѣ отправляю, съ того свѣта похвальный листъ получаю. Хорошъ докторъ?

Всѣ. Хорошъ.

Докторъ. Стоить сто рублей?

Всѣ. Двѣстѣ!

Докторъ. Что у тебя, старичокъ, болитъ? Можетъ голова?

Старикъ. Голова.

Докторъ. Нужно ее обрить догола, приложить тѣста, чтобы не на-

шель въ этой комнатѣ мѣста. А еще что у тебя, старичокъ, болѣть? Можетъ зубы?

Старинъ. Зубы.

Докторъ. Нужно отрѣзать зубы и губы, телячки приварить и заставить говорить. Какъ ты будешь говорить?

Старинъ. Ме-е!

Докторъ. Еще что? Можетъ бока?

Старинъ. Бока.

Докторъ. Нужно тебѣ дать тридцать два кулака, да седьмидесять выспидковъ, такъ будешь здоровъ. А еще что, можетъ ноги?

Старинъ. Ноги.

Докторъ. Нужно отрѣзать ноги, ляшки, приставить деревяшки, на путь поставить, танцоватъ заставить. Какъ ты будешь танцевать? (Старинъ танцуетъ).

Максимъ. Скороходъ-фтьмаршаль! и пр... Позвать миѣ евреи портного!

Скороходъ. Еврей, къ царю!

Еврей. Я кашу варю.

Скор. Еврей, пожалуй на баль!

Еврей. Какой тамъ чертъ съ печи упалъ!

Скорох. Еврей, пожалуй на водку!

Еврей. Я и самъ пойду. (Входитъ). Здравствуй, царь Демьянъ!

Максимъ. Я не есть царь Демьянъ, я есть царь Максимилианъ.

Еврей. Что же миѣ скажешь?

Максимъ. Вотъ пошай моему сыну Адольфу на смерть траурное платье.

Еврей. Пошить вашему сыну долгому на смиѣхъ платье?

Максимъ. Вотъ ванъ съ стариной на двоихъ! (Даетъ деньги).

Еврей. На моихъ ва двоихъ.

Максимъ. Присмотрѣ, казакъ, за ними.

Казакъ (беретъ шашку). Мѣрай вѣрно!

Еврей. Не будетъ скверно, а будетъ хорошо. (Мѣряетъ). Два аршина, два вершка, три гладышка и четыре кувшина.

Максимъ. (бомикъ). А чего же ты сидишь, нечего не говоришь? Приди-ка, сама собой похвались!

Богиня. А вотъ я, дрицкая, кумирицкая богиня, по чистому полю ходила, всѣ земли покорила. Одна земля не покорна—Марцево поле. Поднимусь, поднимусь высоко подъ небо, опущусь, опущусь на синее море, съ синяго моря на Марцево поле. Если же ко миѣ Марецъ не явится, моему колѣну не уклонится, селенія, города огнемъ сожгутъ, самого Марца въ плѣнъ возьмутъ.

Марецъ. Охти, Боже мой! Что я предъ собой вижу! Видѣть не вижу, только женскій голосъ непрѣятный слышу. Что же тутъ за дѣвица, за прекрасная богиня по чужимъ полямъ таскается, сама собой выхваляется, на меня, Марца, нарѣзается при всѣхъ царяхъ, при всѣхъ

князьяхъ, при всѣхъ сильныхъ могучихъ богатыряхъ! Стрижайся (sic) на мой булатный мечъ! (*Богиня становится на колени*).

Бурмайлъ. А вотъ я ванъ Бурмайлъ, по чистому полю ходить, свою любезную сестру загубилъ. Вдругъ на Марцево поле сошелъ, свою любезную сестру нашелъ. Скажи, сестра Венера, передъ мной стояши на коленяхъ?

Богиня. Передъ Марцомъ.

Бурмайлъ. За что?

Богиня. Такъ богатъ угодно.

Бурмайлъ. Что же ты за Марецъ, что же ты за воинъ! Нашался на девицу, терзаешь, какъ волкъ въ полѣ лисицу.

Марецъ. А что же ты—свать, или братъ, или какой сродственникъ?

Бурмайлъ. Я не свать, не братъ, не какой сродственникъ; хочу биться-рубиться, на вострый мечъ расходиться!

Марецъ. День и ночь не сплю, востру шашку точу, Бурмайлу на бокъ посыплю!

Бурмайлъ. Ёду, ёду—не свищу!

Марецъ. Я наѣду—не спущу!

Бурмайлъ. Встрѣчайся!

Марецъ. Защищайся!

Бурмайлъ. Сражайся на мой булатный мечъ! (*Марецъ отрубаетъ голову Бурмайлу*).

Марецъ. Вотъ я Марецъ, вотъ я воинъ храбръ и буенъ! Нѣть мнѣ ни стрѣчника, ни поперечника, ни здорника, ни поборника! Только мнѣ стрѣчникъ и поперечникъ одинъ Аника-воинъ; но и тотъ еще не родился, а хоть родился, на коня еще не садился. Онъ самъ не зайдетъ, воронъ костей не занесетъ (*Входитъ Аника*).

Аника. Да не воронъ кость занесеть, добрый молодецъ самъ заходитъ. Что же ты меня, Анику, порицаешь при всѣхъ царяхъ, при всѣхъ князьяхъ, при всѣхъ сильныхъ могучихъ богатыряхъ? Ко мнѣ, Анику, цари, князья съѣзжались, славу и честь воздавали, вострыя копья въ землю тыркали. Одна шашка летѣла, на мой членъ (шлемъ) перенать сѣла, и тая моимъ могучимъ силамъ покорилась. Ну, что же ты хотишь: биться или рубиться?

Марецъ. Я хочу биться-рубиться, на вострый мечъ расходиться.

Аника. Ёду, ёду—не свищу!

Марецъ. Я наѣду—не спущу! Встрѣчайся!

Аника. Защищайся! Выходи, молодецъ, на палатный (булатный) мечъ! (*Аника отрубаетъ голову Марцу*).

Аника. Вотъ я, Аника-воинъ, храбръ и буенъ! Нѣть мнѣ ни стрѣчника, ни поперечника, ни здорника, ни поборника! Только мнѣ стрѣчница и поперечница лютая смерть. Но если бы и тая сейчасъ была, и съ той бы сразился! (*Входитъ Смерть*).

Смерть. Зарѣжу!

Аника. Отѣзъ, баба-юхо! Якъ даиъ тебѣ въ ухо, разсыплется твое мякининое брюко!

Смерть. Зарѣжу!

Аника. Отѣзь, баба! Якъ дамъ тебѣ въ високъ, разсыпшися въ песокъ!

Смерть. Зарѣжу!

Аника. А, бабушка! Дай льготы хоть на три года!

Смерть. Не дамъ и на три часа.

Аника. Дай на три минуты!

Смерть. Не дамъ на три минуты.

Аника. Дай съ міромъ проститься!

Смерть. Прощайся.

Аника. Прощай, горы! прощай, долы! Какъ ѿхалъ я поль-дороги отрѣзала баба руки, ноги. (Смерть зарѣжетъ ею).

Гусаръ (поетъ). „Гусаръ, на саблю опираясь“ и „Сребрница чистиль онъ коня“ (въ нѣсколько импровизированной передачѣ).

Максимилианъ (эсауль). А что же ты сидишь, ничего не говоришь? Пойди ко мнѣ скорѣе, говори со мной смыѣе! Если ко мнѣ не будешь подходить, со мной смыѣло говорить, въ грязь вточку, на поль превращу, закачу тебѣ 25, а мало 25—закачу сто, пропадетъ твоя служба и во что! Стань на шлюшки, посмотри въ подзорных трубки, нѣть ли въ пнѣ, въ коренѣ, не въ опасномъ каменѣ. Не провалитъ бы намъ судно, не попасть на дно, тамъ будеть всѣмъ холодно. Рассматривай вѣриѣ!

Эсауль. Вижу, господинъ атаманъ!

Макс. Что же ты видишь?

Эсауль. При Волгѣ-рѣкѣ большой каменный домъ.

Макс. Поди-ка, спроси, кто въ немъ? (Тамъ, предполагается, живетъ еврей, эсауль приходитъ къ нему).

Эсауль. Я пришелъ узнать, какъ вѣсъ звать.

Ерей. А я не хочу сказать.

Эсауль. Говори скорѣе!

Ерей. Кузьма-Федоръ Никитичъ.

Эсауль (подходитъ къ царю). Кузьма-Федоръ Никитичъ.

Макс. Ахъ, это тотъ Кузьма-Федоръ Никитичъ, который намъ полонъ карманъ денегъ натычетъ. Поди, спроси, радъ онъ намъ?

Эсауль (еврею). Радъ ты намъ?

Ерей. Радъ.

Эсауль. Какъ?

Ерей. Какъ чертамъ.

Эсауль. Какъ, какъ?

Ерей. Какъ мыльмы гостямъ.

Эсауль (приходитъ къ царю). Радъ.

Макс. Какъ?

Эсауль. Какъ чертамъ.

Макс. Какъ, какъ?

Эсауль. Какъ мымыть гостямъ.

Максим. А какъ мы къ нимъ подойдемъ?

Эсауль. А лукомъ глаза настремъ, да такъ и пойдемъ.

(Общий хоръ поэтъ). „Приворачивай, ребята, ко крутому бережку,
Ко крутому бережку, ко Настасьину дворочку!“

Запис. А. Е. Грузинский.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

I. Минской губ., Речицкаго у.

Несколько лѣтъ тому назадъ, во время пребыванія на лѣтней вака-
ціи въ Речицкомъ уѣздѣ, мнѣ удалось тамъ познакомиться съ наѣсколь-
кими „старцами“ и записать отъ нихъ кое-какие тексты народной поэзіи,
преимущественно духовной. Мои записи имѣлись въ виду для напечата-
нія въ предполагавшемся томѣ „Трудовъ Этнографического Отдѣла“, но
такъ какъ продолженіе изданія „Трудовъ“, повидимому, не скоро осущес-
твится, то я нашелъ умѣстнымъ предложить часть своихъ материаловъ
для напечатанія въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“, тѣмъ болѣе, что они
стоятъ въ связи съ очеркомъ моей поѣздки въ Речицкій у., который
помѣщены въ „Этногр. Обозрѣніи“ (кн. XI, 1891) и можетъ отчасти слу-
жить предисловіемъ къ настоящимъ записямъ. Тамъ между прочимъ чи-
татель найдетъ краткія свѣдѣнія о старцахъ, поющіхъ эти стихи, и о
нихъ инструментѣ—мирѣ (стр. 148—156). Тексты, представляющіе бо-
льше близкіе варианты къ извѣстнымъ въ печати, здѣсь не помѣщены.

1. Св. Егорій.

Кромѣ большого стиха о Егоріи, тождественнаго съ помѣщеннымъ
въ У вып. Романова, записанъ слѣдующій краткій стихъ, основанный
на другомъ житіи.

Страданія и мученія
Славнаго Ягорія.
Енъ имѣть отца иавѣрнаго,
А матку храстіанку.
Яго матка храстіанка
Вѣръ научила.
Якъ научився святы Ягорій
Вѣръ храстіанской,
Приклонися ко Христу
Отъ вѣры иавѣрнаго,
Спасителя и Христа
Стай ёнъ прославляти.
Лютый бытъ тамъ царь.

Енъ усышавъ освятомъ Ягоріи.
Слуги посылае,
А руцѣ связавши.
Не єбоявся святы Ягорій
Предъ царомъ стоявши,
Взявъ божницу, разбивъ.
Потемъ ставъ лютый царь
Яго спрашатъ:
Почамужъ ты, святы Ягорій,
Божницу разбіаще?
Потемъ повелѣвъ яго
У темницу вести,
На коласо потягнути,

Сломать яму кости.
Потемъ повельѣвъ яго
Свѣчами палити,
А идтемъ повельѣвъ
Копиемъ бокъ ему пробити,
Потемъ яму повельѣвъ
Кончину прикинти,
Гострыи мечемъ Ягорио

Главу съ плечъ зяти.
Яго мощи воссіяютъ,
Якъ весна красна
На весь свѣтъ воссіяе.
(. . . . . пропускъ)
Ангали ў неби,
Патріархи, священники
И усн чаловѣкъ.

(Ср. Беасоновъ, Калкинъ, I, с. 474).

2. Алексій, чоловікъ Божій.

Стихъ събъ Алексѣй нами записаъ большой (около 300 стиховъ). Оказалось, что онъ почти дословно воспроизводится тремя вариантами У вып. Бѣлорусского Сборника Романова; поэтому приводимъ лишь то, чего не нашлось у Романова. Когда Алексѣй началъ учиться въ школѣ и оказывалъ большие успѣхи, то—

Дозвався Алексѣевъ учитель. Побольше твой сынъ меня знає;
Градить къ Хоміону, размовыя; Ёнъ старое письмо прочитає,
"Великій и славный Хоміонъ кнізъ! А по Новому Завѣту самъ пише"
Не могу я твойго сына обучати:

Собравши „одружити“ сына, Евхоміонъ князь
Засылає сватовъ въ славно царство,
Въ славно царство, въ Пещерску землю.

Передавъ прощаніе Алексія съ супругой при уходѣ, стихъ продолжалъ:

А сами было князья пьють-гулять,
Объ Алексю они мало знать.

Когда же открылось, что его нетъ, то Евхомионъ.

Ой, сыне мой, сыне Алексея,
да ты же пошодъ Богу помолитца,
При во младости лѣтъ потрудитца.

При встречѣ Евхоміона съ сыномъ въ образѣ иищаго на церковной паперти, на вопросъ Евхоміона, почему онъ знаетъ сына, иносказательный отвѣтъ Алексія полѣвѣ; онъ начинается такъ:

Потому я его сына твоего знаю, Въ одной церкви мы съ нимъ
Потому я его именемъ называю, окрестились...
Што въ одномъ числѣ мы съ нимъ (далѣе, какъ у Романова).
народились,

Путешествие Алексея въ Пещерскую землю иль сколько богаче красками.
Приходивъ Алексей къ синю морю. Спонсими Алексея въ славно цар-
Становилась на морѣ тихая погода, ство,
Тихіе вѣтры полавали (повѣвали?), Въ славно царство, въ Пещерскую
Широкіе корабли приплывали; землю.
Становился Алексей на корабль.

3. Василій Великій.

(Ср. Безсоновъ I, стр. 774—778).

Возвель еси, благодатный,
Отъ сна очи ¹⁾;
Ты же быль еси пастырь добрый,
Василію святый,
Въровати Богу и Творцу ²⁾,
Троицъ Единої (bis).

Когда демону зъ меною
Евладій записався,
Тогда святый Василію
Пречь демони отогнавъ.
Плаче, молить Кисерёя,
Слезно просить Василея,
Штобы бъсовъ отогнавъ (bis).

Святителю Василію,
Отче щедротливый!
Молитися, пастырь добрый,
Буди намъ милостивый.
Записався мой мужъ врагу,
Анциперу пекелному
Кровию своей (bis).

Глаголюще святыи Василій:
„О человѣче, муже
Евладію! бойся, Бога!
Согрѣшивъ еси много:
Бога Отца отступивъ,
И Духа Святаго шохуливъ,
И Сына Божага (bis).

Замкнувъ святый Василію
Евладія въ домъ свой,

А самъ пошовъ молитися
Кы самому Богу:
„Да помилуй мя, Боже-Вотче,
Всего свѣта ты же нашъ Творче,
Пощади душу“ (bis).

Речеть демонъ Василею:
„Не твори намъ капасти ³⁾,
Бо єнъ же намъ самъ записався
Сладкою сладостью.
А теперь отъ нась отбираешьъ,
А въ руцѣ намъ огонь даешьъ ⁴⁾,
Мужа вашего,
Слугу нашего“.

Стали, слово воспѣвали,
Пречь демоны утекали,
Записи отверзали,
Въ окно въ церкви видали,
На Кисерю нарицали,
Евладія проклинали,
Слугу своего (bis).

— „Кайся грѣхомъ, человѣче ⁵⁾,
А покуты держися,
А небесному Створителю
Со слезами молися.
Штобъ тебе ѿраги не зловили,
Въ огонь вѣчный не вкинули,
Тамъ будешь горѣть“ (bis).

— „Измилуйся, Отче, надо мною ⁶⁾,
Согрѣшивъ еси, Отче, предъ тобою,
Недостойнъ быть слугою,

1) У Безсонова: Изліяся благодати
Въ уста твои, отче.

2) Передъ вткмъ у Безсонова: Словесныя научиъ
Въ миру овцы.

3) У Безсонова: Не чини намъ пакости,
Енъ же намъ записався
Для своей слабости.

4) У Безсонова: Въ руцѣ намъ яго не даешь.

5) Очевидно, слова св. Василія Евладію.

6) Очевидно, отвѣтъ Евладія.

Отрецы мене хоть рукою
Отъ пекелиаго аду,
Нехай не буду погибати,

Въ огнь вѣчно горѣти,
Створителю мой,
На вѣки вѣковъ".

Представленный текстъ полнотою и правильностью превосходить
Бессоновскіе, хотя отдельные выраженія мы выправляемъ по послѣднімъ.

4. Св. Варвара.

Якои благодати
Ты юница, маги,
Варвара прекрасная (bis).

Буде въ пекло взятый,
Гдѣ грѣшніи люди (bis).

Мучилася за Христа,
Создателя и Бога,
Муки ея ужасныя (bis).

Ея отецъ Діоскоръ
Бѣжитъ путемъ иже горъ,
Тамъ ее застигнемъ (bis).

Бога-Тройцу спознала,
Да въ три якнѣ (окнѣ) создала.
Отецъ ея не взлюбивъ (bis).

И на горѣ настигавъ,
И на землѣ отверзавъ (повергавъ?),
За власы тарзаючи,
Подъ нозѣ топтаючи.

Хотѣвъ запростили,
Муками ўстрашили
Отъ Отца небеснаго (bis).

За власы властылася,
За Христа иучилася
Варвара прекрасная (bis).

Страшивъ ея душу
Въ темницу ввергушу
На мученіе ее (bis).

Благовѣрную слугу,
Отсѣчено ей главу.
За насть Богу молися (bis).

Сойде тебѣ гласъ зъ небесъ:
„Дерзай, Варваро, водиесь,
Всихъ враговъ побѣдивши" (bis).

Бѣло твое лицо,
Святая мученица,
Христова возлюбленная (bis).

Бѣжитъ Варвара путемъ,
Ея отецъ Діоскоръ,
Онъ же есть прохлятый,

Царствуй въ небѣ со ликами,
Съ Сусомъ Христомъ на вѣки,
Варвара прекрасная,
Невѣста Христовая.

(Сравни Бессоновъ I, № 197 и 198. Шайта, Пѣсни, № 749).

5. Св. Анопрій.

(Ср. Бессон. I, № 208).

Преподобный, иреблаженій
Анопрій святой, Богу блаженій,

Изъ дѣтины во пустыни
Многотруднѣй, боголюбнѣй

Подвизався
И плакався,
Всегда молився¹⁾ } 2 раза, какъ
и иные.
Шестьдесят три лѣтъ тамъ єнъ
живище,
Человѣчій образъ онъ не видище,
Съ добрыи вѣры дикие звѣры,
Райскіе птицы воспѣвали гласы,
Воспѣвали,
И скрицаи
Звѣчными гласами.
Когда износили еси царскую одежду,
Тогда возложилъ еси ва Бога на-
дежду.
Была молитва услыхана,
Съ доброяи вѣры она ему дана.
По всемъ тѣлу
Власы были,
Солнцемъ скатили²⁾ (sic).
Царскія палацы оставилъ еси,
Густую пустыню возлюбилъ еси,
Царскіе троны и короны
Первая глаꙗа ему слава.
О мой Боже,
И вѣсъ тома
Авмириль еси.
Егоже храмина тойчасъ падеся.
И маковницы, и праведницы
Жаждущіе приходжаоиъ,
Источники высыхахомъ.
И страждущи,
И празднующи,
Не напоюхомъ³⁾.
Тогда Ангелъ съ небесъ къ нему
сопровъ,
У Безсонова стихъ значительно короче.

6. Изъ стиха объ Іосифѣ.

Приводимое мѣсто очень близко къ напечатанному у Безсонова и въ
У вып. Романова (Бѣлорус. Сборникъ), но въ нашемъ текстѣ мотивъ о
голубицѣ отличается любопытными подробностями.

¹⁾ Послѣдняя строчка каждой строфи при повтореніи поется на нѣсколько
иной мотивъ. Если передать разницу ритмически, то выйдетъ: 1-й разъ всѣгда
мѣдлійск., 2-й разъ всегда молився.

²⁾ У Безсонова: солнцемъ склонилъ.

³⁾ Загадочная строфа. У Безсонова нѣть ничего соответствующаго.

Вторую преукрасну пустыню знай-
шовъ,
Псалтыи выводить, сладцы пѣя-
хомъ.
Стихи ему разны тамъ припѣва-
хомъ,
Отъ злыхъ ураговъ,
Явныхъ духовъ
Причъ оттонахомъ.
Богда прыйшовъ тойчасъ животъ
ему кончити,
Разны звѣрове стали ему слу-
жити,
Львы и медвѣди тойчасъ были,
Гробъ копали, землю вырывали,
И плауччи,
Рыдаючи
Горю со слезыми.
Ангалы съ успенію ему служахомъ,
Тойчасъ душу съ тѣломъ до неба
взяхомъ,
Приде къ тебѣ слуга благовѣрный
Съ добрыми дѣлами уготовлено
За животъ, за страду
Принавши заплату,
Райску палату.
Профімъ тебе, Анонрій, свѣтлый-
шій отче,
Дай намъ упросити Великій Творча,
Штобъ предъ судомъ Божиимъ чи-
стымъ стать,
Создателя въ небѣ оглядати,
Со англалами,
Со архангелами
Въ небѣ царствовати.

Я въ рову сижу, бесѣдуя,
Я бесѣдуя, совѣтъ наю.
Но и кому повѣрю печаль мою?
Но и кого сошлешь на помочь мнѣ?
Или самъ сойдешь, Владыко мой?
Ну и кто же мнѣ дастъ источникъ
слезъ?
И плакавъ бы я всегда день и
ночь,

И рыдавъ бы я о грѣахъ своихъ.
И кто же мнѣ сошлеть голубицу
Многосланую, солетающую,
Солетающую и совѣщающую?
Написаъ бы я на крылушкиахъ,
И послалъ бы я ко Израилю
И къ отцу къ своему къ Якову
и т. д.

(См. Романовъ V, стр. 377).

7. О Самарянкѣ.

Созда Яковъ той студенецъ,
За то получивъ отъ Бога вѣнецъ,
Вѣнецъ дорогой (bis).

Ой єнъ дивный, єнъ прадивный,
Самъ Господь сидитъ на небѣ,
Творить чудеса (bis).

А жена самарянина
Воды братъ туда пришла
На источникъ той (bis).

Исусъ къ ей приступивъ
У жены воды пить спросивъ,
Жаждай во пути (bis).

Ена жъ Его не познала,
Жидовиномъ называла
По роду его (bis).

Не упознала благодати:
„Къ я маю тебѣ воды дати?“
Енъ ее удививъ (bis).

Отъ шестого часу до девятаго
Енъ бесѣдуя зъ ей одной,
Енъ ее усладивъ (bis).

Исусъ зъ ею говоривъ:
„Поди, мужа приведи,
Я его узрю“ (bis).

— Я сказать тебѣ не смѣю,
Што себѣ мужа не имѣю,
Такъ живу одна (bis).

„Ой, ты правду объявляешь,
Што себѣ мужа не маешь,
Пять мужей имѣешь“ (bis).

Водоносы съ плечъ пущала,
Да гражданемъ объявляла:
„Истину пророкъ!“ (bis).

А граждане самарине
Выходили съ того граду
На источникъ той (bis).

Этотъ стихъ въ печати мнѣ неизвѣстенъ.

8. О Страшномъ Судѣ.

А)

Приде часъ дивенъ Господи,
На облакѣ славиѣ (2 р.)
Да придетъ судити
Со славою явно (2 р.)

Зъ войскомъ ангелъ и архангель,
Безчисленно, прославленно,
Святыми соборомъ.

Якъ вострубить архангаль,
Дакъ мертвые востануть, (2 р.)
Уже предъ судомъ предъ страшныиъ,
Нагие повстануть. (2 р.)

Цари али князи
Безъ слугъ, безъ одежды,
Уже безъ екарбы,
Безъ жадной надежды,
Ставутъ наги, безъ поваги,
Безъ родины, безъ дружинъ
Сами собою.

Оны напредъ пойдуть
Отвѣтъ все дати,
Лякъ же спробовѣти
Божией благодати.
Охъ, вашъ Божа, намъ поможа,
Тамъ у ионъ, аль юнъ
Не хитрый злачилъ. (?)

Милосердый Боже
Не зритъ на дары,
А ии на перисуды,
На прежнія свары.

Хто што строя, али збоя,
Все благое, али злое
Явно тамъ буде.

Да вси дѣла наша
Открыются явно:
Грѣшныи да стыдъ буде,
А добрыи слава.
Што тутъ скрыто, тамъ открыто,
Все явится, обличится
Предъ твоимъ свѣтломъ.

Якoi тамъ стыдъ буде,
Якai страшота,
О дѣ явно буде
Злыи злая работа.
Ии сказатьи, ии списати
Невозможно, али ложно
Явно тамъ буде.

Бо тамъ не сноможе
Отецъ али мати,
Божио всихъ отъ гроба
Тамъ буде пытати
За смѣянне, за плясание,
За кривоту, за племвоту,
За кривоприсииствие.

Только Христосъ вскрикне
На зыкъ: „отейдите,
Проклятые люди,
До муки вѣчныхъ пойдите!“
Всикой страсти и умасти
Будуть злые отдатые,
Слово усышаще.

Плачливо востогнутъ.
Страшные діявомы
До пекла погонять.
Земля растворится,
Зъ грѣшными обвалится
Въ пекло на вѣки.

Бо тамъ грѣшные будуть
Мучитися вѣчно,
Вторые на сѣмь свѣтѣ
Грѣшили беспечно.
Заславницы, чаровницы,
А пьяницы и блудницы
Зъ тими равны будуть.

Коженъ по своему дѣлу.
Лютые возлятся,
Отъ Аицьпера злого
Всикихъ муки приминожатсѧ:
Устрашеніе и упаленіе,
Забиваніе и отверзаніе
Отъ котораго пекелнаго.

А потемъ веселіе,
Лицемъ доброзрачныиъ
Взрече Господь на святыхъ
Да й голосомъ здѣчныиъ;
„Мен дружи, мен слузи
На вѣчное время.“

Наслѣдуйте вы царство
И вѣчную сладость⁴.
Иная тамъ буде
Той часъ святыи радость!
Што око не видало,
А ухо не слышало—
Тамъ будемъ занимать.

—
Въ небѣ святыи слава,
Съ ангелы святыи
Въ вѣки вѣковъ равно,
Уготвѣнно, услаждѣнно,
Прежде мѣра сотворенно
Для святыхъ, Боже.

—
Да святый нашъ Боже,
Должно намъ вспоминати
Всегда судь твой страшный,
Больше не согрѣшати.

(Ср. *Веселое II*, № 469, и *Шемз, Пѣсни*, № 738. У обоихъ гораздо короче).

Туть каранье, туть смиренія,
Покаяніе, побужданіе
Штобъ тойчасъ будоб.

—
Кровь твоя святая
Зъ руки, зъ нозѣ пролиты,
Нехай наша тутъ буде
Вся злость и обиыта.
Уже надѣю я имѣю,
Уже очистить и освѣтить
Мене грѣшнаго.

—
Да святый же нашъ Христосъ,
Абы мы достойны были,
Да въ роскошахъ небесныхъ
Вѣчно веселились.
Стакемъ тебе оглядати,
Створителя прославляти,
Тройцу на вѣки.

Уже конецъ приходи,
Страшныи Судъ настушишь,
А кто добрый буде,
Царствіе заслужити.

—
Но грѣшныи человѣче,
Престань ты грѣшити,
Престань ты грѣшити—
Покуты чинити.

—
Не престанешь грѣшити
И покуты чинити,
Будешь ты въ искуѣ
Во вѣкъ голосити.

—
Да сходятся вѣтры,
Сходятся буйныи,
Не будуть стояти
Горы камения.

—
Да сходятся вѣтры,
Начнутъ бушевати,

Б)
Горы и долины
Станутъ равновати.

—
Ударять погоды,
Погоды сухія,
Высохнуть рѣки,
Гдѣ были быстрыя.

—
Высохнуть рѣки
И выгорятъ воды,
Буде страхъ великий,
Не было никогда.

—
И злато, и сребро
Тамъ буде блещати,
Божна душа страшна
Бу' унывати.

—
И сойдетъ Аптихристъ
На сей свѣтъ съ смолою,
И тогда не буде
Жаднаго напою (питья).

И буде возити,
Всімъ людимъ давати,
И кто смолы напьется,
Тотъ буде проклятый.

Ангали наступять
И съ праваго краю
Будуть говорити:
„Не пейте вы смолы,
Пойдете до раю“.

Печатный вариантъ этого стиха миѣ неизвѣстенъ.

9. Прощаніе души съ тѣломъ.

Да не спали жа мы, не дрямали
жа мы, (2 раза каждый стихъ).
Потеряли мы царство небесное.
Мы не голубы, мы не бѣлые.
Мы есть ангали-хоронители,
Мы души, тѣлу покровители.
Мы же лѣтали къ Господу,
Отъ Господа ко душамъ, къ тѣлу.
Дѣ душа съ тѣломъ разстрѣваетца:
Разстрѣваетца, уже прощаетца:
„Прощай, тѣло, тѣло грѣшное,

Я въ тебѣ пробыла, якъ у тѣмъ
 прожила.
Тебя будуть тѣло черви точить,
А миѣ душа на вотвѣтъ ити.
На вотвѣтъ ити и къ Господу,
Гдѣ мірное собрание,
Тамъ намъ буде раздѣленіе:
Праведнымъ душамъ царство не-
бесное,
А грѣшникамъ мука вѣчна,
Мука вѣчна безконечна.

(Ср. для второй половины *Беседовъ II*, № 675, б, и *Варенцовъ*: Стихъ о грѣшной душѣ, ст. 144. Первой половины мы не нашли).

10. Псалъма.

Плачъ, душа моя, всегда,
Протекає жизнь моя,
Ой, Боже мой, Боже ¹⁾,
Протекає жизнь моя.
Гробъ я вижу къ глазахъ,
Пронождаю жизнь въ слезахъ.
Ангали съ небесъ поютъ,
Намъ вси блага подаютъ.
Ангали душу хранять,

Объ грѣхахъ плакать велить.
Слышенъ буде всякий часъ
Херувимскій сладкій гласть.
Жизнь наша скорбный путь,
Надъ больными слугою будъ,
Отъ Небеснаго Творца
Тамъ получиши три вѣнца.
Сладки рѣки потекутъ,
Отъ души грѣхи берутъ.

Позднѣйшаго промеждевія, какъ и двѣ слѣдующія псалъмы.

11. Аницица.

Гдѣ же ты, аницица, скрылась,
Я которую люблю?
Отъ пастыра отлучилась,
Што душою воскороблю.

Вы лѣсы, лузья, рѣчки,
Рците къ Вышнему Творцу:
Не видали здѣсь овечки,
Што которой я ишу?

1) Привѣтъ послѣ каждого двустынія съ повтореніемъ второго стиха.

Гдѣ жъ ты, агница, знайдися,
Пастырь ище тебе твой,
Ну къ тому жъ ты взвратися,
Што схѣлъ зъ неба за тобой.

Агница тогдѣ не смететь,
Дальше отъ него течетъ,
Ну пастырь ся не дреметь,
Возвратися! къ ей кричитъ.

Отвратися къ тому началу,
Отъ котораго течешь,
На вѣчно не останешь
Безутѣчной на пути.

Сколь мой вопль тебя не тронетъ,
Раздающійся въ лѣсахъ,
Какъ онъ станетъ, пастырь тогдѣ же,
Пастырь на брутахъ горахъ.

Узри, какъ агницы иныя
Всѣ пасутся у меня,

Пѣта была на протяжный мотивъ съ аккомпанементомъ лиры.

12. Псаломъ.

Пробудись отъ сна, иевѣсто!
Се ў полуночи женихъ (bis)
Отъ небесъ градить извѣстно
Зъ мертвыми судить живыхъ (bis).

Бди, молися: не на суди
Неврадимаго раба (bis),
Хто его отъ сна спробудить?
Страшная ў него труба (bis).

Узрить буде свѣтъ безмѣрный,
Райскій видѣть онъ чертогъ,
А лѣнивымъ звяжутъ руцы, нозѣ,
Взвергнутъ и въ генсій ровъ;

Взвергнутъ, дѣ вѣчныя муки,

Дни златые провождаютъ,
Не вздыхая, не стегня.

— Я жъ на гласъ твой поспѣшаю,
Ты жъ любезный пастырь мой,
Ну себя тебѣ вручаю,
Коль призрѣй, пріятель мой.

Со овечками десными
Ты меня совокупи,
Со возбранными святыми
Слабый духъ мой укрѣпи.

— Твердѣй камня мое сердце,
Яко тынъ восмѣшивъ (sic).
Люблю тебя сердечно,
Принужденъ я слезы лить.

Труждающихъ я спокою
И болѣщимъ жизнь даю,
Соединися вмѣстѣ со мною,
И спасешь ты жизнь свою.

Скражетаніе зубовъ.
Бережися, сколько можно,
Надѣ душою дрезво будь.

Дѣвы глуны воздремали,
Зъ воску дѣвали¹⁾ ихъ елей:
Вотъ за то мы несчастны стали,
Що зостались виѣ дверей.

[Бережися, сколько ўгодно,
Надѣ душою дрезво будь],
Убѣгай, душа отъ (в)аду,
Убѣгай, душа моя,
Щобъ не впастъ въ бездну (в)аду.
Свѣтлаго лишишь разъ.

Запис. А. Е. Грузинскій.

1) Зъ воску дѣвали — вмѣсто „оскудѣвали“. Ред.

II. Тульской губернії.

Василій Великій.

Изъ духовныхъ стиховъ, распѣваемыхъ слѣпцами въ Тульскомъ, Вешенскомъ, а также Каширскомъ уѣздахъ, обращаеть на себя вниманіе стихъ „О пьянице“.

Этотъ стихъ малозвѣстенъ вѣ только въ народѣ, во и среди слѣпыхъ: слѣпецъ, со словъ которого онъ записанъ, говорилъ, что стихъ „О пьянице“ въ упомянутой мѣстности извѣстенъ ему одному, а самъ онъ узналъ его отъ одного старика, также слѣпого нищаго, теперь уже умершаго.

Поется ли этотъ стихъ послѣ богослуженія на церковной паперти, или при праздничныхъ угощеніяхъ въ домѣ, или при общемъ разгуль въ весельѣ на ярмаркахъ,—всегда около пѣвца образовывается густая толпа слушателей, и впечатлѣніе, которое производить этотъ стихъ своимъ содержаніемъ и торжественно-величественнымъ напѣвомъ, особенно на людей, любящихъ выпить, бываетъ сильное: иѣкоторые изъ нихъ даже плачутъ...

Предметомъ содержанія означенного стиха является переполненный разсужденіями о вредѣ пьянства разсказъ про Василія Великаго, Кесарійскаго чудотворца, какъ овъ, не пивши вина двадцать пять лѣтъ, записъ на тридцать пять лѣтъ, и какъ ему слышался два раза голосъ отъ иконы, первый разъ—запрещавшій пить, а второй—изрекшій ему, при его покаяніи въ своемъ грѣхѣ, прощеніе.

Чѣмъ вредно пьянство, это въ стихѣ довольно подробно разсматривается и съ религіозной, и съ житейской точекъ зренія. Такъ, пьяница своимъ поведеніемъ не можетъ угодить Богу: во время вечерни онъ „играетъ, сгачетъ, пляшетъ“, „заутреню просыпается“, „въ обѣдню бесѣду бесѣдуєтъ“; если же и соберется въ церковь, то „идетъ не обиходемъ,—онъ молитвы не сотворяетъ, ва себя креста не воскладаетъ, во страху стоитъ, страху Божиго не боится“ и т. д., и т. д. Для другихъ пьяница представляется очень опаснымъ человѣкомъ: онъ „злобивецъ“, „злономысленъ“, „сердится—либо деревомъ убить, либо ножомъ зарѣзать“; его и научить добру нельзѧ, такъ какъ его „не научить, еще больше раздразнить“. Пьяница доходитъ до того, что теряетъ чувство самосохраненія и сознаніе собственного человѣческаго достоинства: „онъ волны морскія видитъ, волны не боится“, онъ „самъ себѣ скорую смерть получаетъ“, онъ „обжирается“, на него „плюютъ—заркаютъ“ и т. п.

Самый разсказъ о Василіи Великомъ напоминаетъ собою извѣстное апокрифическое сказание объ этомъ чудотворцѣ, поимѣненное въ проповѣди преподобнаго Феодосія Печерскаго „О тропаряхъ и пьянствѣ“. Сказание новѣствуетъ, что св. Богородица такъ сказала Василію Великому: „Аще хощеш мя заступницею имѣти во всѣхъ бѣдахъ твоихъ, послушай мя, отверзися пытія всякаго и не молитвой мінъ: не токмо бо не

услышанъ будеши, но и Бога безгѣйваго разгнѣвиши, осужденъ будеши въ муку" (Уч. Зап. 2 отд. И Акад. И. И., в. 2). Различие приведенного сказания от упомянутого стиха состоитъ лишь въ томъ, что по послѣднему: 1) головъ, обѣщавшій Василію Великому покровительство Божіей Матери, слышалъ ему вѣ отъ нея самой, а отъ святыхъ, честныхъ иконъ, 2) видѣніе было Василію не одинъ разъ, а два раза, и, наконецъ, 3) въ стихѣ приводится часть изъ показанной молитвы Василія Великаго, чего вѣть въ проповѣди. Можеть быть, въ стихѣ мы встрѣчаемъ не измѣненный, а лишь болѣе подробный пересказъ апокрифического сказания о Василіи Великомъ, чѣмъ въ проповѣди Феодосія Печерскаго.

Что послужило поводомъ къ появленію самого этого сказания о Василіи Великомъ, отличавшемся всегда строго-подвижническимъ образомъ жизни? Можеть быть, его проповѣдь „На упивающихся“, въ которой состояніе пьяного человѣка рисуется удивительно подробно и вѣрио, застѣвила думать, что проповѣдникъ писалъ ее не иначе, какъ на основаніи своего горькаго опыта.

Въ концѣ стиха говорится о трехъ „упокояхъ“ въ Давидовомъ домѣ: о первомъ, назначенномъ грѣшному человѣку мѣстѣ, кишащемъ червями „лютыми, неусыпаемыми“; о второмъ—для хмельного человѣка—„рѣкѣ огненной со пламенемъ“ и о третьемъ—упокоѣ праведныхъ душъ—„рай растворенномъ, свѣтломъ, прекрасномъ“. Такое заключительное изображеніе различныхъ загробныхъ обитателей представляетъ собою какъ-бы побужденіе человѣку жить трезво и богоугодно, чтобы чрезъ нетрезвое свое поведеніе не лишиться небесной прекрасной обители.

Вотъ самый стихъ „О пьянице“:

Славу поемъ Василію Великому,
Бесарійскому чудотворцу!
Молится Василій Господу Богу
Отъ желаннаго сердца,
Со теплыми сердцами,
Со горючими слезами.
Быть ему глаſъ отъ святыхъ отъ
честныхъ отъ иконъ:
„Покинь, Василій, хмѣльное пить—
испивать,
Станеть тебя Мать Пресвятая Бо-
городица охранять“.
Двадцать пять лѣтъ у Василія
во рту не бывало;

Одноважды испилъ,—самъ не свѣ-
далъ,
Тридцать пять лѣтъ злые корены
Изъ головы вонъ не изыдуть...
Горе, братцы, всякому человѣку
Хмѣльное пить-испивать.
Да не подобаетъ поцамъ, преосвя-
щеннымъ архіереямъ
Хмѣльное пить-испивать¹⁾.
Пьяницу въ Божью церковь не
пушай:
Пьяница идетъ въ Божью церковь
не обиходомъ²⁾,
Овъ молитвы не сотворяется,

1) Эти слова имѣютъ отношеніе къ разсказу о Василіи Великомъ, который, какъ известно, былъ архіереемъ.

2) Не обиходомъ, т. е. не какъ должно, тождественное народное выражение не порядкомъ.

На себя креста не воскладаеть,
Во страху ¹⁾ стоить,
Страху Божьаго не боится,
Попа, преосвященнаго осуждаеть.
Пьяница всѣмъ народомъ пому-
щаеть:

Глядя на пьяницу, человѣкъ удивится, разсмѣется,—
Наиначе пьяного согрѣшасть,
Грѣхъ себѣ на душу принимаетъ.
Кто на бою, на дракѣ?

Все пьяница.

Кто посторонній свидѣтель становится?

Пьяница.

Кто должно бояжится?

Все пьяница.

Кто по-матерну ругается?

Все пьяница.

Единъ человѣкъ одноважды въ день по-матерну избранится,—

Мать сыра земля потрясетъ,
Пресвятая Богородица съ престола
сотранѣтъ.

Кто въ вечерни играеть, скачеть,
пляшеть?

Все пьяница.

Кто заутреню просыпаетъ?

Все пьяница.

Кто неумытыми руцами рано єсть—
пожираеть?

Все пьяница.

Кто въ воскресный день въ обѣдню
бесѣду бесѣдуется?

Пьяница ²⁾.

Кто обожрался-облевался?
Все пьяница.
На кого плюютъ-харкаютъ?
Все на пьяницу.
Кого осуждаютъ?
Все пьяницу.

Горе, братцы, всякому человѣку,
И кто пьяного осуждаетъ:
Грѣхъ себѣ на душу принимаетъ.
Да не подобаетъ со пьяницей
На встрѣчу встрѣваться,
Пьяницѣ рѣчь говорить,
На добро поучать:
Пьяницу не научишь,
Еще больше раздразнишь.
Показано всякому человѣку
Прочь отъ пьяного отходить:
Пьяница—злоубивецъ,
Пьяница—злопомышленъ,
Пьяница сердится—
Либо древомъ убеть,
Либо ножомъ зарѣжетъ.
Показано всякому человѣку
Прочь отъ пьяного отходить...

Пьяница волны морскія видить,
Онъ волны не боится. ³⁾
Пьяница самъ себѣ скорую смерть
получаетъ.
Доходить Василій до Божьей до
церкви,
Онъ руцѣ и нози о камень оши-
баетъ,
Буйную голову до крови пролом-
ляетъ;
Онъ во паперти стоитъ, ⁴⁾

¹⁾ Во страху — въ церкви и особенно въ алтарѣ, мѣстѣ, страшномъ по своей святости.

²⁾ Перечень грѣховъ въ послѣднихъ строкахъ стиха представляетъ собою лишь нѣкоторое видоизмененіе слѣдующаго мѣста въ стихѣ „О страшномъ судѣ“ („Калли“ Безсонова, 3, 159), гдѣ Богородица говоритъ праведникамъ:

Вы охочи были ходить въ Божыи Обѣдни въ обѣдахъ не прообѣдывали,
церкви, Вы вечерни на улицахъ не проигры-

вали, и пр.

Вы охочи были Богу молитися,

Вы заутреню не просыпывали,

³⁾ Срв. пословицу: „пьяному море по колѣна“.

⁴⁾ Паперть была обычнымъ мѣстомъ клюющихъ въ древнее время на востокѣ.

Онъ молитвы творитъ,
Яко громъ гремитъ,
Изо усть до небесъ выпущаетъ¹⁾:
„Прости меня, Мать Пресвятая
Богородица, помилуй;
А если ты меня, Василья, не
помилуешь,
А то я вонъ съ паперти, Васи-
лій, не изыду,
До смерти Васілій убьюся!“
Быть ему гласъ отъ святыхъ, отъ
честныхъ отъ иконъ:
„Доходна Васильева молитва до
Господа Бога,
Нашпаче всѣхъ, до иконъ“...
Въ сотворчатомъ у Господа Бога
Давидовомъ домѣ²⁾:

Нельзя не заметить, что личность Василія Великаго, изображаемая въ этомъ стихѣ, несолько напоминаетъ собою образы древнерусскихъ богатырей: у Василія Великаго, какъ въ его продолжительномъ пьянствѣ, такъ и въ удивительно сильномъ и глубокомъ покаяніи проглядываетъ та же широкая, могучая натура, какъ и у богатырей въ ихъ славныхъ подвигахъ; примѣненіе къ его голосу сравненій съ громомъ и приложеніе къ его головѣ названія „буйной“ добавляютъ это сходство. Въ частности, Василій Великій, который послѣ 35 лѣтъ, проведенныхъ въ пьянствѣ, обращается къ покаянію, изъ былинныхъ героеў особенно близко подходитъ къ Василію Буслаеву, который послѣ буйного проведенія своей молодости „со пьяници, со безумици, со веселыми, удачными, добрыми молодцами“⁴⁾, отправляется замаливать грѣхи свои въ Іерусалимъ. Интересны и другія характерныя особенности этого стиха, благодаря которымъ онъ, полагаемъ, будетъ любопытенъ для изучающихъ народную словесность.

Д. И. Успенскій.

1) Громоподобный голосъ Василія Великаго напоминаетъ зычный голосъ былинныхъ героеў, отъ которого „дрожитъ мать-сыра земля“, „съ деревъ вершины падаютъ“, подъ стѣками „коны окорачиваются“. Срв. также некоторые вѣтты, напр. *буйная* голова и пр.

2) Давидовъ домъ, по вѣрованію народа Тульской губерніи, находится въ Іерусалимѣ, окружены стѣнами съ двѣнадцатью вратами, по три на каждой сторонѣ. Каждый годъ въ Давидовъ домъ пускается по одному человѣку, но оттуда уже никто не выходитъ, а если кто и выйдетъ, то пѣмъ. При кончинѣ міра изъ-подъ дома потечетъ огненная рѣка, которая разольется по всей заселенной.

3) Выраженіе: *рай растворенный*, т. е. просторный и открытый для своихъ обитателей всюду,—употребительно въ народѣ и его литературѣ, напр. въ стихѣ „О Страшномъ судѣ“ (Калики, 3, 159).

4) Пѣсни Рыбникова, 1, 348, Былна о Вас. Буслаевѣ.

Да три упокоя.
Первый уповой въ Давидовомъ домѣ:
Висять черви, черви лютые, не-
усыпляемы—
Ради грѣшаго человѣка.
Второй уповой въ Давидовомъ домѣ:
Течеть рѣчка огненная со и пла-
менемъ—
Ради хмѣльного человѣка.
Третій уповой во Давидовомъ домѣ:
Рай растворенный³⁾, свѣтлый,
прекрасный.
Станеть душа царствоватъ, вѣко-
вать во царствіи во небесномъ...
Славу поемъ Василію Великому,
Кесарійскому чудотворцу!
Ему славу поемъ!

III. Московскаго уѣз., с. Медвѣдково.

Василій Великій.

Вотъ молился Василій ко Господу Богу,
 Молился Василій ко Господу отъ желанія со горючими слезами.
 Былъ ему гласть отъ святыхъ отъ иконъ:
 „Покинь, Василій, хмѣльнаго ппитія испивать,
 Ставь тебя Мать Пресвятая Богородица сохраяти“.
 Двадцать пять лѣтъ у Василія хмѣльнаго ни одноважды не было.
 Однъ разъ Василій испилъ, а самъ и не вѣдалъ¹⁾
 Тридцать пять лѣтъ злые кореня съ головы не сойдутъ.
 Пьяного въ Божію церковь не пущаютъ—
 Пьяный идетъ во Божію церковь необиходно:
 Онь молитву себѣ не сотворяетъ и крестъ на себя не воскладаетъ,
 Во страху стоять—страху Божія не бѣтъ,
 Отца духовнаго осуждастъ—весь народъ во Божіей церкви помущаетъ.
 Гляди на пьяного человѣка—удивляться, разсмѣяться,
 И наиначе пьяного согрѣшаютъ, грѣхъ себѣ на душу принимаютъ.
 Кто по материному сквернится, бранится? Все пьяница!
 Онь не мать свою сквернить, ругаетъ—
 Мать Пресвятую Богородицу иношасть.
 Какъ единій человѣкъ на дѣнь материнъ словомъ одноважды избранется,
 Вся сотворшага небо и земля потрясется,
 Мать Пресвятая Богородица съ престола потронется.
 Кто въ вечерину скачеть, пляшеть? Пьяница.
 И заутреню просыпаетъ пьяница.
 Въ воскресну обѣдни бесѣду бесѣдуеть? Пьяница.
 Не подобаетъ со пьяницей навстрѣчу встрѣвать.
 На добро его учить—пьяного не научишь, а больше его раздрыгаешь.
 Кто на бою, на дракѣ? Пьяница.
 Кто въ воровствѣ, въ разбойствѣ? Пьяница.
 Простороннимъ свидѣдемъ становится пьяница
 И должно божится пьяница.
 Пьяница самъ себѣ живой продавица.
 Доходитъ Василій до Божіей до церкви,
 Руцѣ и нозѣ обѣ каменя расшибаетъ,
 Буйную голову до крови проломаетъ,
 На панерти стоитъ, молитву творить, ябо гроицъ гремитъ,
 Иль за усть выпущаетъ до небесъ:
 „Прости меня, Мать Пресвятая Богородица, раба, помилуй!
 Когда ты не простишь, я съ панерти живой не сойду,
 До смерти Василій обѣ каменя убьюсь“.

¹⁾ Это, по объясненію сказцовъ, случилось когда его мать, будучи беременна въмъ, налилась.

Былъ ему гласть отъ святой отъ честной иконы:
 Доходна, Василій, твоя молитва до Господа Бога;
 Сотворено Господомъ Богомъ въ Давидовомъ домѣ превеликіе три упокоя:
 Первый упокой—висять черви людоѣды, ради душъ многихъ грѣшныхъ,
 Второй упокой—течеть рѣка огненная съ пламеньемъ, ради хмѣльного че-
 ловѣка,

Третій упокой—рай, растворенное небесное царство.
 Которая душа умоляла, до Господа Бога доступила,
 Станеть царствовать, вѣкъ вѣковать
 Со ангелами хранителями во царствіи небесномъ.
 Славу поемъ Василію, Кесарынскому чудотворцу,
 Ему же слава и во вѣки вѣковъ, аминь.

Запис. С. И. Лапшинъ.

IV. Вологодской губ. 1).

1. Про Алексія человѣка Божія.

Во дальнемъ то было въ отдаленіи,
 Во славномъ во градѣ во Рымѣ,
 Во Рымскомъ то было во царствѣ,
 При царѣ было при Анонѣ,
 Жиль великий князь Ефимьяне.
 Что у князя у Ефимьяна
 Со своей обрученной княгиней,
 По имени ея Аглайдой,
 Не было не единаго чада.
 Возмодились они Господу Богу
 Со своими со ясными свѣчами:
 „Создай намъ, Господи, единаго чада
 При младости лѣтъ въ спотѣшенье,
 При старости лѣтъ на прокор-
 иленье“.

Услышалъ Господь ихъ моленіе
 И создалъ имъ единое чадо.
 Нарекали имя чаду Алексія,
 Алексія Божія человѣка.
 Не по годамъ онъ росъ—по недѣ-
 лямъ,
 И стала Алексіюшка семи годковъ.
 Стали Алексіюшку грамотѣ учить;
 Грамотка скоро давася,
 Божіе слово понялося.
 Сталь Алексіюшко на возрастѣ.

Что великий князь Ефимьяне
 Со своей обрученной княгиней,
 По имени ея Аглайдой,
 Вздумалъ Алексіюшка женити,
 И спросилъ князь Ефимьяне:
 „Алексіюшко, жениться не хошь-
 ли?“

Что предсталъ онъ предъ отцемъ,
 передъ матерью,
 Никакова отвѣта не давался,
 Онъ горючими слезами уливался,
 Шелковымъ платкомъ утирался.
 Запрегали кареты златыя,
 Садили Алексіюшка въ кареты,
 Чтобъ невѣсту княгиню выбирати.
 Нашли Алексіюшку княгиню,
 По имени ея да Марія.
 Повезли Алексія ко церкви
 Со своей обрученной княгиней,
 На подножники ихъ становили,
 Златые вѣнцы надѣвали,
 Да златыи перстенѣи обручали.
 Повезли Алексіюшку ко дому,
 За столы за дубовы садили,
 Сахарныя яства приносили.
 Великий князь Ефимьяне

1) Записаны отъ Василія Слѣпого изъ деревни Наумовской, Двиницкой волости, Волог. у.

Говорилъ съ обрученной княгиней,
По имени ея Аглайдой:

„Что же ты сидишь, дитё, не весель,
Буйну голову повѣси?“

Аль супруга тебѣ не по мысли,
Али яства сахарная не по нраву?“
Никакого отвѣта Алексій не давался,
Онъ горючими слезами уливался,
Онъ шелковымъ платкомъ утирался.
„Такъ ты плачешь почто, чадо ми-
лос?“

Говорилъ Алексій отцу-матери:
„Все-то мнѣ, батюшка, по мысли,
Все-то мнѣ, матушка, по нраву!“
Повели Алексія во спальню.

Говорилъ Алексій своей да княгинѣ:
„Поколь шелковъ поясъ не распле-
тется,

Да перстень златой не распается,
Ты потолѣ меня не увишишь!“
И пошелъ Алексій во дорогу.
Подошелъ Алексій да ко морю,
Возмолялся онъ Господу Богу:
„Ты создай, Господи, съ берега по-
году

Ко такому ко городу ко Адесту,
Ко монастырю ко Ефесту!“
Что ходилъ во Ефестъ онъ въ цер-
ковь,

Становился на правую руку,
Кажду субботу покаялся,
Каждо воскресенье причащался.
Стала къ нему Богородица ходити.
„Ты почто, Алексіюшко, рабъ Божій,

Своихъ честныхъ да родителей спо-
кинуль

И свою обрученну княгию?
Поди же ты, Алексіюшко, ко дому!“
— Пресвятая Богородица, Матерь

Божья!
Дома то меня очень узнають!“
— „Ты сходи-ка сначала въ лѣса во
дремучи,
Возмолясь тамъ Господу Богу!“

И взмолился Алексій человѣкъ Божій:

„Ты подай мнѣ, Господи, волосы
длинны;

Шелкову браду миѣ по поясъ!“
И пошелъ Алексіюшко ко дому.
Подходилъ Алексіюшко ко морю,
Возмолялся онъ Господу Богу:

„Создай мнѣ, Господи, съ берега
погоду

Ко точному ко городу ко Рыму,
Ко царю честному, ко Азорю,
Ко великому князю Ефимьяну!“

Приходилъ Алексіюшко во Рымъ, во церковь
И стоялъ Алексій на паперти.

Великій князь Ефимьянин
Говорилъ своему чаду единому:
„Чей и откуда рабъ Божій?“

— „Твоему Алексіюшку братъ я,
Въ одной насы купель крещали,
Во одной училишъ мы учились.
Ты сострой мнѣ убогому келью
При своихъ очахъ ясныхъ
И при своемъ дворѣ!“

Великій князь Ефимьянин
Состроилъ убогому келью,
И сталъ Алексій прибывать.
Онъ глядѣлъ на супругу свою на

княгиню
Да горючими слезами уливался,
Шелковымъ платкомъ утирался.
Питья-кушанье Алексію носили,
Питья-кушанья Алексію не хотѣ-
лось.

Приносили ему да поясевъ;
За длинны власы его слуги дерзали.

Стала къ нему Мать Божья ходити:
— „Опиши, Алексій, свое похо-
жденіе:

Скоро съ небесъ сойдуть по душу
твою
Ангелы со златыми крылами
И унесутъ твою душу на небеса
Ко Христу-Богу на тѣлеса“.
Попросилъ Алексій человѣкъ Божій

Грамотки бѣлой у служекъ.
Описалъ Алексій свою плохую жизнь.
Въ кельѣ Алексѣюшко нашъ померъ,
По всему да по городу по Рыму
Что пошелъ такой легкій духъ
Со двора князя Ефимьяна.
Великій князь Ефимьянин
Со своей обрученнай княгиней
Подходили къ Алексію во келью,
Изъ своихъ устовъ его кликали —
Никакого отвѣта не давался.
Поглядя — у Алексія руки къ сердцу,
Держить въ рукахъ рукопись;
Никому письмо не давалось.
Какъ пришли отецъ съ матерью,
Размѣялись у Алексія руки бѣлые.
Великій князь Ефимьянин
Бралъ изъ руки у его рукопись
И читалъ Ефимьянинъ горько плача:

„Ахъ, ты мое сладкое чадо,
Что же ты мнѣ не сказался!“
Его же супруга княгиня
Отпирала сундуки да дубовые:
Поясь шелковъ, глядь, расплелся,
Перстень златой распаялся.
Въ великому князю Ефимьянину
Приходили священницы съ пѣньемъ:
— „Великій князь Ефимьянине,
У тя есть здѣсь святое тѣло“.
Понесли Алексія во церковь,
Что во церковь на погребеніе.
Не черезъ большое долгое время
И супругу княгиню умоляли сюды,
Возмолялся онъ Господу Богу.
Стави Алексію въ ноги кланяться:
Прости насъ, Алексѣюшко, грѣш-
ныхъ!

2. О Страшномъ Судѣ.

Полетите, полетите, Петры-Павлы,
Апостольскіе богомольцы,
Кириловскіе чудотворцы,
Къ самому ко Христу на небеса,
Вы несите ключи золотые,
Отпираите раи вѣковые,
Выбирайте душенекъ грѣшныхъ.
Нѣть душенекъ той да спасенія,
Коя душа согрѣшила:
Младенца въ утробѣ потребила.
Туть же течеть рѣка огненная,
Течеть со востоку на западъ.
Козьма-Дамъянъ со апостоломъ,
Архангель Михаилъ со ангеломъ,
Вышелъ Михаилъ на Сіонъ круты
гору,
Вострубы онъ въ трубу золотую,
Возбудилъ онъ всѣхъ живыхъ и
всѣхъ мертвыхъ:
— „Воставайте, живые и всѣ мертв-
ые,
Праведныя души ко Господу лицомъ,
Грѣшныя души ко упаду лицомъ,

Станеть судить васъ Христосъ
Истинный:
„Ахъ, вы, грѣшныя душенекъ,
Что же вы жили на бѣломъ-то свѣ-
ту,
Жили — все свою волю творили,
Ко Божіей ко церкви не ходили,
Меня, Христа, не величали,
Господнєе служеніе не слыхали,
Воскресную заутреню просыпали.
Небесное служеніе просыпали,
Воскресную обѣдню проѣдали,
Меня, Христа, прогнѣвили;
У коровушки удойчикъ отнимали,
Изъ квашни спорынью доставали.—
Нѣть этой душенекѣ спасенія.
Босаго мсия не обували,
Нагаго меня не одѣвали,
Отъ темнія ночи не предохраняли,—
Подите вы въ пропасти землянныя
По васъ двери полы растворѣны,
И смола — огонь припасены.“

— „Увы, Ты Господи Нашъ Милосердый,
Прости насть, Господи, грѣшныхъ!
Были на вольномъ мы свѣтѣ,
Сами себя утѣшали,
Душу свою наслаждали,
Бо Господу Богу не угощали,
Иищую братію не уважали“...
Перевозить, переносить души грѣшные.
Принесли ко Господу души праведны.

— „Ахъ, вы милые люди,
Жили на вольномъ вы свѣтѣ,
Въ темну темницу подавали,
Меня, Христа, величали,

Воскресиу заутреню не просыпали,
Воскресную обѣдню не проѣдали,
Господу Богу вы угощали:
Нагаго, босаго одѣвали,
Отъ темныхъ ночи сохраняли,
Темну темницу посѣщали.
Ахъ, вы мои любимые дѣти,
Жили вы на вольномъ-то свѣтѣ,
Жили—мою волю творили,
Самого Господа Бога любили,
Божье читанье предлагали,
Изъ квашни спорыни не доставали,

Отъ коровушки удоя не отымали,
Большіе дни почитали,—
Бо Господу Богу приходите“.

Запис. П. А. Диланторскій.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

A. Vierkandt: Die Entstehungsgründe neuer Sitten. (Braunschweig, 1897, въ Festschrift d. Herz. Techn. Hochschule Carolo-Wilhelmina).

Небольшая статья г. Фиркандта имѣть задачей отвѣтить на одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ науки этнографія, именно объ основной причинѣ возникновенія новыхъ обычаевъ. При современномъ состояніи науки этнографіи ожидать рѣшающаго отвѣта на этотъ вопросъ быть можетъ еще преждевременно; но увеличивающійся съ каждымъ годомъ материалъ неизбѣжно приводить къ обобщеніямъ и заставляетъ изслѣдователей сталкиваться и съ указаннымъ вопросомъ и, если не рѣшать его окончательно, то по крайней мѣрѣ подготавливать материалы для его рѣшенія. Съ этой точки зрѣнія статья г. Фиркандта заслуживаетъ полнаго вниманія. Авторъ вполнѣ раздѣляетъ установившуюся въ настоящее время общую точку зрѣнія, что для сужденія объ общественныхъ или религіозныхъ установлѣніяхъ т. н. дикарѣй необходимо прежде всего быть правильно освѣдомленнымъ съ психологіей и культурныхъ расъ, и что многія ошибки прежнихъ изслѣдователей при объясненіи возникновенія обычаевъ объясняются именно недостаточной освѣдомленностью ихъ въ этомъ отношеніи; вслѣдствіе этого и происходило невольное приписыванье дикарямъ взглядовъ и ощущеній, доступныхъ лишь на болѣе высокихъ ступеняхъ цивилизациі. Изученіе внутреннаго міра дикарѣй приводить, по мнѣнію автора, къ утвержденію что абстрактны, вымышленны, представлѣнія и побужденія почти нѣть мѣста въ умѣ дикаря; побудительными причинами его дѣйствій какъ въ обыденной жизни такъ и при установлѣніи новой нормы въ общественной или религіозной жизни показываются соображенія практическія и притомъ лишь такія, результаты которыхъ наступаютъ быстро и вполнѣ очевидны; въ этомъ отношеніи особенно выдающуюся роль слѣдуетъ отвести причинамъ экономического характера. Моральные побужденія начинаютъ играть роль лишь на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры, при чёмъ „идеальны“, какъ ихъ называетъ авторъ въ противоположность „практическимъ“, утилитарнымъ, соображенія выступаютъ часто только въ цѣляхъ поддержанія вымирающаго обычая, а не въ качествѣ творцовъ нового. Несомнѣнно, что г. Фиркандтъ, отрицая роль „идеальныхъ“ побужденій, какъ фактора возникновенія новыхъ обычаевъ на

низшей стадії цивілізації, впадаєтъ въ крайность; но было-бы опи-
бочнымъ думать, что авторъ, выставляя на первое мѣсто утилитарныя
соображенія и экономическая условия, всецѣло присоединяется къ теоріи
экономического материализма, которая за послѣдніе годы проложила себѣ
широкій путь и въ этнографическихъ трудахъ. Признавая вполнѣ осно-
вательно всю пользу, внесенную этой теоріей для изученія исторіи воз-
никновенія различныхъ обычаевъ у дикарь, авторъ справедливо отмѣ-
чаетъ, что она одна окажется безсильной освѣтить источники возникно-
венія многихъ изъ нихъ. Онъ отводитъ постому значительное мѣсто въ
дѣлѣ образованія обычаевъ и религіозныхъ представленій, предосте-
регая однако отъ слишкомъ большого увлеченія принципомъ религіоз-
ныхъ для объясненія причинъ возникновенія многихъ обычаевъ и инсти-
тутовъ: онъ справедливо отмѣчаетъ односторонность ученыхъ, которые
въ религіи ищутъ источники возникновенія чутъ-ли не всѣхъ явленій
жизни некультурныхъ группъ. Религія на низшихъ культурныхъ сту-
пеняхъ вытекаетъ также изъ эгоистическихъ соображеній, но она при-
водить къ возникновенію учрежденій, имѣющихъ цѣлью благо другихъ
лицъ. Въ отведеніи религіозному фактору виднаго мѣста на ряду съ
экономическимъ авторъ видѣтъ отличие своихъ взглядовъ отъ теоріи пред-
ставителей материалистической философіи исторіи. Г. Фиркандтъ приво-
дить въ доказательство справедливости своего основнаго положенія рядъ
примѣровъ, свидѣтельствующихъ, насколько должны были уступить
прежніе взгляды передъ новымъ объясненіемъ возникновенія обычаевъ
изъ утилитарныхъ и религіозныхъ основъ (искусство добыванія огня,
орнаментъ, культу мертвыхъ, происхожденіе языка и религіи, возникно-
веніе одежды, антропофагія, обычай обрѣзанія, кувада и пр.). Выборъ
примѣровъ впрочемъ не всегда удаченъ, и авторъ, какъ намъ кажется,
нерѣдко принимаетъ одну изъ многочисленныхъ гипотезъ о причинахъ
возникновенія того или иного института или изобрѣтенія за научно до-
казанное положеніе только оттого, что она стоить въ большемъ соот-
вѣтствіи съ его выводами (напр. происхожденіе обычая обрѣзанія изъ
соображеній гигієническихъ, религіи—изъ чувства страха, одежды—изъ
стремленія защитить себя отъ вѣшніхъ условій, искусства орнамента-
ціи—исключительно изъ практическіи-религіозныхъ соображеній). При-
нятіе авторомъ на вѣру безъ достаточной критической оцѣнки нѣкото-
рыхъ еще спорныхъ гипотезъ, пристекающее вслѣдствіе чрезмѣрнаго
увлеченія собственнымъ основнымъ положеніемъ, не подрываетъ, конечно,
справедливости послѣдняго. Слѣдуетъ лишь имѣть въ виду, что отмѣ-
чаемыя авторомъ двѣ главныя причины возникновенія новыхъ явленій
въ жизни первобытныхъ народовъ не должны считаться единственными,
и что изслѣдователямъ предстоить еще нелегкая задача отыскать и изу-
чить влияніе другихъ факторовъ, частью вовсе упущеныхъ изъ вида
Г. Фиркандтомъ, частью не въ достаточной мѣрѣ обратившихъ на себѣ
его вниманіе.

Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. *Матеріалы, собранные и приведенные въ порядокъ* П. В. Шейна мъ. Томъ I, выпускъ первый. Издание Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1898, 8°, XXVIII+376 стр. Ц. 3 р. ¹⁾.

1) Нашъ маститый этнографъ, не смотря на свои годы и недуги, проявляетъ по истинѣ изумительную энергию. Давно ли онъ выпустилъ въ свѣтъ одинъ за другимъ три обширныхъ тома бѣлорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ (четвертый уже приготавливается пыть къ печати), и вотъ передъ нами, лежитъ начаю великорусского сборника. По предположеніямъ издателя, за настоящимъ вынужденымъ, содержащимъ пѣсни дѣтскія, хороводныя, плясовыя, часть обрядовыхъ, должны послѣдовать: второй выпускъ I-го тома съ пѣснями свадебными и погребальными и второй томъ съ пѣснями историческими, рекрутскими, солдатскими, разбойничими и т. д. Въ дальнѣйшихъ томахъ издатель предполагаетъ помѣстить сказки, анекдоты, описание обрядовъ и обычаевъ. Если мы примемъ во вниманіе, что настоящій выпускъ занимаетъ около 400 страницъ въ два столбца мелкой печати, то мы будемъ уже въ состояніи представить и величицу, и значеніе новаго труда И. В. Шейна.

И. В. Шейнъ принадлежитъ къ числу этнографовъ-собирателей особыго рода. Помимо того, что онъ самъ лично наблюдалъ народную жизнь великоруссовъ и бѣлоруссовъ, онъ многие годы съ неослабной энергией и настойчивостью отыскивалъ лицъ, стоящихъ близко къ народу, и побуждалъ ихъ собирать этнографический матеріалъ. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на матеріалъ, сообщенный разными лицами Академіи Наукъ, Географическому Обществу въ Петербургѣ, Обществу Любителей Естествознанія въ Москвѣ, и оставшійся неизданнымъ въ архивахъ этихъ учрежденій, и получилъ значительную долю его въ свое распоряженіе. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ у него въ рукахъ оказалось обширное собрание пѣсень, сказокъ и проч., которое ему пришлось привести въ порядокъ и до извѣстной степени обработать.

Главная трудность для издателя обширнаго сборника пѣсень — ихъ распределеніе. Конечно, можно избрать для изданія алфавитный порядокъ; но тогда варіанты одной и той же пѣсни очутятся въ разныхъ мѣстахъ тома. Остается или руководиться содержаніемъ пѣсень, что дѣлаемъ мы въ нашихъ „Великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ“ и что совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется, или основываться на народныхъ названіяхъ пѣсень и группировать ихъ по рубрикамъ: „хороводныя“, „протяжныя“ и т. д. И. В. Шейнъ распредѣляетъ пѣсни по названіямъ, не желая, какъ говорить онъ, „запутыванія и смѣщивания родовъ и видовъ пѣсень“, и такимъ образомъ приписывая важное значеніе названіямъ. Къ сожалѣнію, онъ не сообщаетъ намъ, откуда взялись у него названія, иначе говоря: самъ ли онъ по своимъ соображеніямъ нанимоваль одину

¹⁾ Намъ присланы одновременно двѣ рецензіи означенного капитального труда И. В. Шейна; такъ какъ онъ восполняютъ одна другую, то мы даемъ имъ масто обѣими рядомъ.

пѣсню „хороводную“, другую „бесѣдную“ и т. д., или же онъ находилъ каждый разъ эти названія въ тѣхъ записяхъ, которыхъ ему были доставлены.

По нашему мнѣнію, этнографу не приходится говорить о хороводѣ, о бесѣдѣ¹⁾ и о „игрицахъ“, какъ о чѣмъ-то въ пѣсенномъ отношеніи совершенно обособленномъ. Большинство пѣсень, поющиhsся въ хороводѣ, поется и на бесѣдахъ, и на другихъ собраніяхъ деревенской молодежи, которыхъ бываютъ лѣтомъ и зимою по разнымъ случаямъ и въ разныхъ мѣстахъ. Понятно, какое значеніе имѣтъ существующее въ печатныхъ сборникахъ распределеніе пѣсень въ „хороводны“ и „бесѣдны“: первыя — тѣ, которыхъ записаны собирателемъ лѣтомъ, при хороводѣ; вторыя — тѣ, которыхъ записаны имъ зимою, на бесѣдѣ. Большаго значенія этому распределенію нельзя придавать.

Но этого мало: иѣкоторое число пѣсень, тѣхъ, которыхъ поются на хороводахъ и на бесѣдахъ, поется также на свадьбахъ; почему иногда, записанныя вмѣстѣ съ настоящими свадебными, т. е. съ постоянно поющими на свадьбахъ, они изданы собирателями подъ названіемъ „свадебныхъ“; еще большее число тѣхъ же пѣсень поется и въ одиночку, и хоромъ, въ обычныхъ собраній деревенской молодежи; они нерѣдко изданы подъ названіемъ „проголосныхъ“, „голосовыхъ“, „протяжныхъ“, „устяжныхъ“, „обыденныхъ“ и т. д.

Какъ читатель видѣть, распределеніе пѣсень по названіямъ представляетъ большія трудности. Сколько-нибудь ясныхъ признаковъ, по которымъ одну пѣсню можно снабдить одною кличкою, другую другою, для большинства пѣсень не существуетъ.

Результаты этого невыгодно отражаются и на сборникѣ П. В. Шейна.

Оставляя въ сторонѣ „дѣтскія“ пѣсни, какъ не имѣющія значенія,²⁾ остановимся на „хороводныхъ“. Почтенный издатель дѣлить ихъ 1) на „хороводный наборный“, которыми собирается хороводъ, 2) на „хороводный игровы“ и 3) на „хороводный разборный, или разводный“, которыми оканчивается хороводъ.

По крайней мѣрѣ половина „хороводныхъ наборныхъ“ намъ известна также подъ именемъ бесѣдныхъ. Приведемъ примѣръ и возьмемъ бесѣдную пѣсню изъ сборничка хорошо освѣдомленнаго собирателя г. Попова (М. 1880³⁾):

Шейнъ, № 288:

Мимо рощицы дорожка пролегала.
Знаю-вѣду, кто дорожку проможилъ—
Холостой парень ко дѣвушкамъ ходилъ,
Много золота, много серебра носилъ.

Мѣш на ручку золотъ перстенекъ,
На шеюшку ливантиновый платокъ.
Ревмолодчихъ молоденкій,
Бери дѣвушку хорошенкую!

¹⁾ Для избѣжанія недоразумѣній, считаемъ нужнымъ замѣтить, что подъ хороводомъ мы разумѣемъ лѣтнее собраніе молодежи, подъ бесѣдой — зимнее. О хороводахъ зимою, въ избахъ, мы ни отъ кого не слыхали.

²⁾ Съ этими странными мѣнѣніемъ мы не можемъ согласиться. См. слѣдующую речевкю. Ред.

³⁾ Другіе примѣры см. въ нашихъ „Великорусск. нар. пѣсняхъ“.

Поповъ, стр. 194.

Мимо рощицы дороженька торна,
Что торна, торна, пробита до дерна.
Еще кто эту дороженьку торнилъ?
Молодой парень ко двинице ходилъ.
Много золота, много серебра дарилъ,

На бѣлую грудь персидску шаль ку-
пилъ,
На праву руку брильянтово большо.
Они сходятся—кланяются,
А расходятся—цѣлаются.

Несомнѣнно, передъ нами два варианта одной и той же пѣсни, которые другъ отъ друга отличаются лишь послѣднимъ двустишіемъ.

Сверхъ того, намъ кажется, что часть пѣсень этого отдѣла отнесена къ нему издателемъ по какому-то недоразумѣнію. Именно, пѣсни съ окончаніями „Бери, дѣвица, молодца“, „Выбирай, парень, дѣвицу“ и т. п., не имѣютъ никакого отношенія къ „набору“ хоровода, а относятся къ началу многочисленныхъ игръ хоровода или бесѣды. Нѣсколько пѣсень, оканчивающихся упоминаніемъ о поцѣлуѣ (№ 340, 346), не имѣютъ ни малѣйшаго права на название „хороводныхъ наборныхъ“ и принадлежать къ игровымъ хоровода или, чаще, бесѣды.

Часть пѣсень „хороводныхъ игровыхъ“ намъ извѣстна еще подъ именемъ „бесѣдныхъ“, „плясовыхъ“ и др. Ограничимся тремя примѣрами. Пѣсня № 415 и слѣд.—та самая, которая съ названіемъ „бесѣдной“ находится въ сборничкѣ г. Попова, стр. 139; пѣсня № 460 и слѣд. издана въ напечь сборникѣ (II, № 457) съ отмѣткою: „плясовая“; пѣсня № 410 и сл. помѣщена тамъ же (II, № 365, 366) съ отмѣтками: „свадебная“ и „обыденная“.

О пѣсняхъ „хороводныхъ разборныхъ“ нѣть надобности распространяться. Большинство ихъ оканчивается упоминаніемъ о поцѣлуѣ, и это не „разборный“ пѣсни, а игровые хоровода или, чаще, бесѣды.

Слѣдующій отдѣлъ пѣсень у П. В. Шейна именуется „плясовыми“. Мы не признаемъ за подобныхъ отдѣломъ достаточныхъ правъ на существованіе, такъ какъ все эти пѣсни поются на хороводахъ, бесѣдахъ и вообще собраніяхъ молодежи, и сопровожденіе ихъ пляской находится въ зависимости отъ мѣстнаго обычая: въ однихъ мѣстностяхъ подъ нихъ пляшутъ, въ другихъ нѣтъ.

Далѣе у П. В. Шейна отдѣлъ пѣсень „бесѣдныхъ“. Сюда отнесены все тѣ пѣсни, которые не вошли въ число „хороводныхъ“ и „плясовыхъ“, съ распределеніемъ по содержанію на „любовныя“, „семейныя“, „юмористическія“. Здѣсь и „бесѣдныя“ пѣсни другихъ сборниковъ, и „проголосныя“, и такія, какъ пѣсня о Ванькѣ Блючинѣ, или пѣсня сѣбѣ убийствъ мужемъ жены по ложному обвиненію, во вскомъ случаѣ часть этого отдѣла такія пѣсни, которые въ веселой „бесѣдѣ“ поются развѣ случайно.

Отдѣлъ „обрядовыхъ“ пѣсень, завершающій настоящій выпускъ труда П. В. Шейна, представляетъ сѣмь пѣсень дѣйствительно обрядовыхъ (колядовыхъ, подблюдныхъ и т. д.) съ пѣснями, попавшими въ число обрядовыхъ, вѣроятно, случайно. Здѣсь же рядъ игровыхъ пѣсень, которые въ другихъ сборникахъ обыкновенно находятся между хоровод-

ными, и которыхъ болѣе подходящее мѣсто было бы въ отдѣлѣ „хороводныхъ игровыхъ“.

Итакъ, распределеніе пѣсень по рубрикамъ, сдѣланное П. В. Шейномъ, въ виду указанныхъ условій оказывается не всегда удачнымъ, и, можетъ быть, вслѣдствіе этого одна пѣсня помѣщена даже въ двухъ разныхъ отдѣлахъ (№ 309 и 492).

Огромное большинство изданныхъ въ настоящемъ выпускѣ пѣсень не винунаетъ никакихъ подозрѣній въ подлинности. Изъ меньшинства № 833: „Спится мнѣ младенецъ, дремлетъ, клонитъ мою головушку на подушечку“ взята изъ поэмы Некрасова; это во всякомъ случаѣ подправленная поэтомъ народная пѣсня. №№ 537, 538—извѣстная когда-то „цыганская“ (т. е. сочиненная для цыганъ) пѣсня: „Не будите меня молоду“, № 539 „Шла Машенька изъ лѣсочка“, также старая цыганская пѣсня; обѣ № 611 должно сказать то же (это—„Ахъ, какъ весь мужья до женъ добры, покупали женамъ черные бобры“); обѣ № 759, кажется, нельзя сомнѣваться, что это искусственная пѣсня XVIII в.; изъ ряда вариантовъ пѣсни о Ванькѣ Ключнике №№ 882, 884, 885—искусственная передѣлка народной пѣсни, очень распространенная въ народѣ.

Текстъ пѣсень изданъ не такъ исправно, какъ было бы желательно. Изъ отмѣченного нами при общемъ чтеніи укажемъ для примѣра на посчесливѣ, № 576, вм. поочесливѣ; умывалася горючими слезами, № 691, вм. горючими слезами; уладная коса, № 765, вм. укладная. Издатель старался мѣстами сохранять особенности мѣстныхъ говоровъ въ текстахъ, но мы не можемъ вполнѣ довѣрять напримѣръ, формамъ неопр. накл. молотите, будите въ № 617 (сильно акающій говоръ), и т. д. въ №№ 621, 634, 690, 733 и друг., поставленному П. В. Шейномъ тамъ, гдѣ должно быть простое *у*.

О высокомъ достоинствѣ и значеніи изданія П. В. Шейна мы не будемъ говорить: оно хорошо извѣстно интересующимся русской народной поэзіею уже по тѣмъ его частямъ, которыя въ разныѣ годы были напечатаны въ „Чтеніяхъ“ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ.

А. Соболевский.

2) Весь великоруссій сборникъ уважаемаго П. В. Шейна, задуманный на два объемистыхъ тома, представить не только цѣлый вкладъ въ науку, но и лучшую книгу для всякаго, кто пожелалъ бы ознакомиться съ жизнью великоруссскаго народа. Уже по первому выпуску 1-го тома можно себѣ представить достаточно ясно несомнѣнныя достоинства поченнаго труда, на которомъ лежитъ печать многолѣтней и вполнѣ, можно сказать, просвѣщенной дѣятельности собирателя; не случайно собирая онъ материалы въ продолженіе чуть ли не 40 лѣтъ и не случайно выпускалъ ихъ въ свѣтъ,—собираніе было одною изъ главныхъ задачъ многосторонней жизни П. В. Шейна, а каждая возможность представить собранное на судъ публики — однимъ изъ лучшихъ утѣшений. Такое напри-

жениое стремление всѣхъ помысловъ къ чувствѣ въ одну сторону, повторяю, благотворно отразилось на материалахъ: собиратель всегда имѣлъ въ виду, во-первыхъ, опредѣленную цѣль, во-вторыхъ, наибольшую полноту собранія и, въ-третьихъ, вилучшее ихъ объединеніе и общей идеей, и системой; наконецъ, самые способы, которые предоставились ему для достижения цѣли, имѣ взвѣшивались всегда добросовѣстно. Поэтому и мы, оцѣнивъ лежащій передъ нами трудъ П. В. Шейна, постараемся указать, что полезнаго дадъ объемистый сборникъ во всѣхъ упомянутыхъ выше отношеніяхъ.

П. В. Шейнъ задался цѣлью дать материалъ для изученія быта и творчества великорусского (въ данномъ случаѣ) племени. Разные пути ведутъ къ этой цѣли: одни скорѣе, другіе тише, одни поверхностный, другіе существенный. Въ *принципѣ*, уже высказанномъ нами и раньше, мы стоимъ за тотъ путь, который къ цѣли ведетъ тише, но существенный: это—путь составленія сборника по возможности полнаго для каждого уголка, для каждого района изучаемой мѣстности, въ своей частичной полнотѣ постепеннодвигающагося и къ полнотѣ общей, т. е. для всей мѣстности, въ которой живеть изучаемая народность. Для науки такие сборники существенно-необходимы, и безъ нихъ никогда не достигнетъ она вполнѣ точныхъ результатовъ. Но кто вѣзнаетъ, какъ трудно достичимо точное изученіе въ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, когда скромныя материальныя издержки, дѣлаемыя сейчасъ для науки, такъ далеки отъ выполненія ея широкихъ задачъ!? Благоразумѣнъ тотъ, кто имѣть это въ виду, кто понимаетъ, что, пока придетъ пора осуществленію большого дѣла, дѣло это можетъ исчезнуть, не оставивъ и того, что возможно теперь въ размѣрахъ скромныхъ. Такъ и г. Шейнъ, признавая научную цѣнность „областныхъ“, какъ онъ называетъ, сборниковъ, знаетъ въ тоже время, что и нелегкое составленіе сборника общаго отвѣчаетъ потребностямъ времени, и вотъ почему: о великорусскомъ племени приходится все же такъ или иначе судить, хотя бы въ общихъ чертахъ; судить a priori невозможно, судить по одному-двумъ „областнымъ“ сборникамъ—ошибка уже противъ основныхъ законовъ логическихъ; наоборотъ, судить по сборнику общему, дающему главный характерный черты предмета, можно безопасно, такъ какъ въ предыдущихъ вопросахъ общаго свойства въ сборникѣ будетъ вполнѣ соотвѣтствующій материалъ. А ужъ и это большой шагъ къ прогрессу знаній, потому что общія (т. е. основные) идеи даютъ направление, безъ котораго не удается очень часто никакое преслѣдованіе деталей. Въ этомъ смыслѣ сборникъ П. В. Шейна обѣщаетъ быть богатымъ источникомъ для ученыхъ всякихъ специальностей, смежныхъ съ этнографіей, а также однимъ изъ лучшихъ изданій для образованной публики.

Безъ сомнѣнія, трудно работать на большомъ пространствѣ разселенія великоруссовъ, хотя бы и 40 лѣтъ, одному, не упуская изъ виду полноты собранія. Въ этомъ случаѣ все тѣ способы, которые обязательны при собираніи „областномъ“ (въ вышеуказанномъ смыслѣ), не могутъ быть обязательны при составленіи сборника общаго характера.

П. В. Шейнъ, работая лично, обращался еще и за содействиемъ ко всевозможного рода сотрудникамъ. Ничего предосудительного нельзя усмотреть въ этомъ для сборника не „областного“. Въ самомъ дѣлѣ, языкъ есть своихъ основныхъ характерныхъ чертахъ доступенъ пониманію и очень мало образованныхъ людей, а какая-либо рѣдкая филологическая тонкость, хотя бы и подмѣченная собирателемъ въ одномъ-двухъ случаяхъ, все равно не даетъ лингвисту права вводить ее въ круговоротъ изучаемыхъ явлений языка, такъ какъ при детальномъ изученіи эти тонкости могутъ оказаться простой случайностью. Такимъ образомъ, вполнѣ будетъ достаточно, если сборникъ не „областной“ сохранить языкъ въ томъ видѣ, въ какомъ это ему доступно. Естѣсти замѣтимъ, что мы никакъ не понимаемъ той крайности, въ которую впадаетъ г. Будде въ своей рецензіи на этотъ же трудъ П. В. Шейна¹): г. Е. Будде требуетъ отъ сборника или всего, или ничего. Всего (въ отношеніи языка) можно и слѣдуетъ требовать отъ сборника областного, ничего не требовать ни отъ какого сборника не слѣдуетъ. Но вернемся къ дѣлу. Итакъ, факты языка, въ известномъ видѣ, доступны не-специалисту; не менѣе доступно ему и все остальное, что составляетъ предметъ сборника: и сюжетъ пѣсни, сказки, и формы обряда, и сущность вѣрованій, и бытовое значеніе всего этого и тому подобнаго въ народѣ. Вотъ почему мы не можемъ свысока окинуть презрительныи взоромъ достойныхъ уваженія сотрудниковъ П. В. Шейна и послать имъ тысячу упрековъ за ихъ чинимое свойство только искашать и не знать²). Наконецъ, самое знакомство этихъ сотрудниковъ съ П. В. Шейномъ (какъ удавалось это лично слышать отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ) способно было вну什ить одно только искреннее стремленіе къ правдивости иѣрности.

Съ большою признателенностью слѣдуетъ отнестиась къ собирателю и за полноту настоящаго изданія, ради которой не ослабѣвала его энергія не только въ продолженіе многихъ лѣтъ собирательской дѣятельности, но и теперь, когда уже въ почтенномъ возрастѣ и при слабомъ здоровьѣ П. В. Рѣшилъ и вѣкъ прежніе свои великорусскіе сборники (сдѣлавшіеся библіографической рѣдкостью) свести воедино, несмотря на то, что его же приготовленные къ печати солидные фоліанты, еще не видѣвшіе свѣта, ждутъ очереди. Все это придаетъ настоящему изданію характеръ труда капитального, что очень не часто бываетъ въ русской ученой литературѣ.

Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить и общую идею, которой руководился П. В. Шейнъ при составленіи своего труда, это—дать материалъ для изученія жизни и характера великорусскаго племени во всей его бытовой обстановкѣ. Въ связи съ этой идеей выработалась у составителя и система расположения материала. Опять и здѣсь видимъ полнѣшую послѣдовательность и рациональность. Въ самомъ дѣлѣ, задайся авторъ другой идеей, напр., идеей эволюціи художественныхъ формъ пѣсенного и

¹⁾ Учен. Зап. Имп. Каз. Унів. 1898 кн. 5—6. Критика, стр. 16.

²⁾ Рец. г. Будде.

сказового творчества, или идеей выдѣлить самобытныя и несамобытныя черты въ обрядахъ, творчествѣ и внѣшнѣй бытѣ племени,—тогда эти идеи не помиримыбы съ прежде-вамѣченной цѣлью: для этого ведо статочно было бы изучить одну великорусскую народность, пришлось бы иметь дѣло и съ общей этнографией,—задача, которая, какъ известно, еще далека отъ разрѣшенія въ настоящее время. Наоборотъ, дать характеристику великоруссовъ и ихъ жизни въ объективной картинѣ сборника—задача и возможная, и очень благодарная. Съ ней, судя по разбираемому выпуску, собиратель справляется вполнѣ успешно.

Какъ уже сказано, идея характеристики легла въ основу и системы расположения материала: собиратель раскрываетъ передъ нами картину за картиной изъ жизни великорусса отъ колыбели до могилы,—приемъ, какъ известно, и лучшихъ художниковъ-беллетристовъ, дающихъ намъ такие психологические типы, вѣрность которыхъ подтверждается потомъ и научными анализомъ. И здѣсь поэтому видимъ, что, если бы, при всѣхъ прочихъ свойствахъ сборника, собиратель взялъ иную систему, онъ ошибся бы, нарушилъ бы единство своего коллекціоннаго произведенія и соразмѣрность его логическихъ свойствъ. Въ настоящее же время сборникъ представляетъ для того весьма удобный материалъ. I-й томъ посвященъ пѣснамъ; II-ой сказкамъ, пословицамъ, загадкамъ и прочему материалу. 1-ый выпускъ I-го тома содержитъ отдѣльные пѣсни, относящіеся къ жизни въ семье и къ интересамъ, съ неко связаннымъ, „въ предѣлахъ своего родного уголка“; во 2-ой выпускѣ войдутъ пѣсни, въ которыхъ высказывается уже постепенно переходъ этой личной жизни изъ тѣсныхъ рамокъ своего родимаго гнѣзда на болѣе широкій путь жизни общественной, государственной и исторической.

Представляемъ тѣль, что интересуется великорусской народностью, санимъ вниманіе въ достоинство представленнаго въ 1-омъ вып. пѣсненаго материала (1283 №№), здѣсь же обратимъ особенное вниманіе на пѣсни дѣтскія, которыми многіе изслѣдователи придавали такое большое значеніе¹⁾ и которыхъ у П. В. Шейна представлены въ количествѣ 285 номеровъ²⁾. Далѣе вдуть пѣсни хороводныя (пaborныя, игровые, разборныя), плясовыя, бесѣдныя (любовныя, семейныя, юмористическія, сатирическія, скоморошныя и пародіи), обрядовыя, праздничныя: святочныя, игрища, игра игуменъ, подблюдныя, игрища въ Вятской губ., насланичныя, веснянки, пѣсни волочебниковъ, вознесенскія, троицкія и духовскія, „Бострома“, толочныя и живицныя).

Что касается возможныхъ погрѣшностей въ отнесеніи пѣсень подъ рубриками: хороводныя, плясовыя, бесѣдныя и т. п., то не придаемъ этимъ погрѣшностямъ сколько-нибудь важнаго значенія, такъ какъ еще никакая система не установила этихъ рубрикъ въ опредѣленныхъ при-

1) Ср., напр., статью г. Ветухова въ „Этногр. Обозрѣніи“, кн. XII, XIII, XIV

2) О нихъ въ своей рецензіи къ буддѣ говорить, что это—„единственное пока болѣе или менѣе полное собраніе“. См. Уч. Зап. Имп. Каз. Ун-та. 1898, кн. 5—6, критика, стр. 14.

знакахъ, а потому для сборника, не преслѣдующаго въ своей идѣи эволюціи пѣсенныхъ формъ, достаточно и того, что онъ старается по возможности группировать материалъ и въ этомъ отношеніи систематично. Скажемъ больше: мы убѣждены, что сейчасъ ни одинъ специалистъ не опредѣлить съ научной доказательностью, послѣ какихъ, напр., фазъ эволюціи и чѣмъ должна явиться теперь хороводная пѣсня; слишкомъ ужъ много фактовъ у насъ отъ насы времени, и слишкомъ большія пропасти положило оно между оригиналомъ первобытныхъ временъ и искаженной копіей нашихъ дней. А между тѣмъ некоторые люди ужъ говорить, что П. В. Шейнъ не перешелъ этихъ пропастей, ну и, конечно, спѣшать заявить свое „не одобряю!“ Придетъ время, когда взвѣсить скудность теперешнихъ научныхъ и материальныхъ средствъ по достоинству и не пошлютъ своего упрека труженикамъ за то, что они трудились.

В. А. Б.

Простонародныя загадки. Собралъ въ Витебской губерніи. Н. Я. Никифоровскій. Витебскъ. 1898.—33 стр.

Новый трудъ энергичнаго дѣятеля на почвѣ бѣлорусской этнографіи тѣсно примыкаетъ къ его предшествующимъ трудамъ, которые доставили ему почетную извѣстность въ ряду изслѣдователей-собирателей памятниковъ народнаго творчества и быта. На страницахъ „Эти. Обозр.“ уже не разъ были отмѣчены основные качества его трудовъ и указаны собирательскіе приемы, и потому мы не будемъ касаться ихъ въ настоящей замѣткѣ, а прямо перейдемъ къ материалу, предлагаемому сборникомъ.

Въ предисловіи Н. Я. Никифоровскій высказываетъ справедливое мнѣніе о томъ, что этнографы-собиратели не вполнѣ основательно печатали пословицы и загадки вмѣстѣ и скѣпывали, такимъ образомъ, далеко не совсѣмъ однородный материалъ. „Нельзя отрицать, говорить онъ, что въ почтенныхъ сборникахъ загадки занимаютъ положеніе, сходное со строительной конопаткою, т. е. ими замѣщаются щели сборниковъ; между тѣмъ загадки стоять лучшей части и, будучи суммированы даже изъ перечисленныхъ сборниковъ, даютъ замѣтное число, чуть-ли не тысячу загадокъ,—что за вычетомъ повторяющихся въ томъ и другомъ сборникѣ, могло бы составить отдельный сборникъ бѣлорусскихъ загадокъ.“ Собрание загадокъ собирателя является и въ данномъ случаѣ первой и безусловно удачной попыткой.

Далѣе собиратель излагаетъ свой взглядъ на загадку, ея значеніе, строеніе и т. д. Это сразу вводитъ въ материалъ сборника и заинтересовываетъ популярнаго читателя, на которого, очевидно, и рассчитаны объясненія собирателя. Въ наукѣ этотъ вопросъ почти не разработанъ, если не считать двухъ-трехъ работъ, представлявшихъ собой попытку уяснить миѳологическую сторону загадки, въ связи съ пословицами и др. произведеніями народнаго творчества. Среди загадокъ собиратель отмѣчаетъ нѣсколько библейскихъ—объ Адамѣ, Енохѣ, Иліи, Св. Дѣвѣ, о Лазарѣ. „Въ то же время не лишне имѣть въ виду, что съ расшире-

иемъ народнаго кругозора, при такомъ или иномъ доступѣ къ предметамъ ввѣтъ его обиходности, послѣдніе послужили кое-какъ темою загадокъ (самоваръ, чугунка, телеграфъ, и др.); но отъ такихъ загадокъ не вѣсть обаявіемъ простоты, вѣть въ нихъ истиннаго, складу—ладу", а скорѣе какая-то профанациѣ предмета, неудающаяся попытка пропѣть новую пѣсню на старинный ладъ".

Первый отдѣлъ сборника составляютъ загадки на „предметы духовные и религіозно-чтимые“; многія изъ нихъ характерны для міросозерцанія витеблянъ, напр.: у мяснымъ горнушкѣ залѣзо кипиць (душа), или: стонцъ мора ны пяцѣхъ стывбахъ (выраженіе души въ пяти чувствахъ). За первымъ отдѣломъ слѣдуютъ далѣе: II. Человѣкъ и части его тѣла; дѣйствія человѣка. III. Пища и питье; здѣсь интересна загадка на чай: возьмишь—черно, налѣшь—горю; панъ кричиць: „сладко!“ мужикъ кричиць: „гадко!“—IV. Одежда и обувь.—V. Строенія и части ихъ.—VI. Мебель и утварь.—VII. Упражненіе предметы и земледѣльческія орудія.—VIII. Животныя.—IX. Растенія; минералы; стихіи.—X. Явленія природы; небесныя тѣла; времена года и днія. Всего 532 загадки, включая и тѣ, которые обозначены сплошными точками,—ихъ можно было бы и вовсе не отмѣтить. Въ концѣ помѣщены объясненія нѣкоторыхъ словъ и выраженій.

Къ недостаткамъ сборника относится неточность нѣкоторыхъ выражений въ оговоркахъ собирателя относительно принятой имъ транскрипціи, которую онъ называетъ „сводной фонетикой простонароднаго въ губерніи говора“ и его объясненія относительно повторяющихся въ сборнике загадокъ, которые „являются прежде всего варіантами одна другой изъ удаленныхъ другъ отъ друга пунктовъ“, что, при отсутствіи топографическихъ указаній, особаго значенія не имѣть. Различные отгадки къ загадкамъ, вполнѣ тождественны по формѣ, едва ли вызываютъ необходимость перепечатки послѣдніхъ и могли бы быть напечатаны рядомъ, въ другомъ же отдѣлѣ, куда относится вторая отгадка, достаточно было бы простой сноски.

По сравненію съ достоинствомъ сборника указанныя погрѣшности незначительны, и мы отъ души привѣтствуемъ появленіе въ печати новаго этнографическаго труда Н. Я. Никифоровскаго и желаемъ ему вполнѣ заслуженнаго успѣха.

Ев. Ляцкій.

L'Année sociologique, publiée sous la direction d'Emile Durkheim; I, 1896—1897. (Paris, 1898. 8-о, стр. VII+563).

Новое изданіе, появляющееся подъ приведеннымъ заглавіемъ и имѣющее выходить въ свѣтъ ежегодно, преслѣдуя двойную цѣль: разработку отдѣльныхъ соціологическихъ вопросовъ и главнымъ образомъ составленіе ежегодныхъ библіографическихъ обзоровъ работъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ соціологии. Современное состояніе науки соціологии дѣлаетъ появление подобнаго изданія не только желательнымъ, но и необходимымъ. Количество работъ, посвященныхъ

соціологія въ тѣсномъ значеніи этого слова, не велико сравнительно съ массой трудовъ, въ которыхъ разрабатываются вопросы, хотя и не входящіе непосредственно въ область изслѣдованія соціологовъ, но необходимые послѣднимъ для пріобрѣтенія матеріала для научныхъ выводовъ и постреній; слѣдить за этими работами, касающимися самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни, написанными на разныхъ языкахъ, представляется великой задачей для специалиста-соціолога; L'ap e de sociologie имѣть цѣлью облегчить эту задачу и путемъ ознакомленія съ текущей литературовой, интересной для соціолога, стремится не только расширить кругозоръ специалиста, но и содѣйствовать новой наукѣ, выработать для себя предѣльныя границы, естественно шатнія вслѣдствіе новизны самой науки.

Первый выпускъ новаго изданія раздѣленъ соотвѣтственно съ задачей изданія на два неравныхъ отдѣла: одинъ посвященъ двумъ интереснымъ статьямъ, принадлежащимъ Э. Дюрхейму (La prohibition de l'inceste et ses origines.) и Г. Зиммелю (Comment les formes sociales se maintiennent); второй значительно болѣе обширный отдѣлъ содержитъ обстоятельную библіографію и критическія статьи о работахъ по соціологіи и сопредѣльныхъ съ нею наукамъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1-го июля 1893 года по 3-е июня 1897 г.

Изъ двухъ статей, помѣщенныхъ въ 1-мъ отдѣлѣ, для этнографіи имѣть особое значеніе статья Г. Дюрхейма, поднимающаго одинъ изъ крайне интересныхъ, но не решенныхъ еще вопросовъ права и нравственности первобытныхъ группъ, именно, вопросъ о причинахъ запрещенія кровосмесительства. Авторъ основательно видѣть первое проявленіе этого рода запретовъ въ правильѣ экзогаміи и ставить вопросъ о про-исходеніи послѣдней. Г. Дюрхейма не удовлетворяютъ существующія объясненія появленія вкзогаміи; онъ не безъ основанія критикуетъ ихъ и старается найти источникъ ея возникновенія въ религіозныхъ представлениихъ первобытныхъ расъ: въ общихъ анимистическихъ представлениихъ и въ частности въ тотемизмѣ, приводящемъ къ установлѣніямъ запретительно-религіознаго характера (*табу*), авторъ находитъ ту общую почву, на которой могли возникнуть и запрещенія брачныхъ узъ между лицами, принадлежащими къ одному и тому-же тотемическому союзу. Женщина въ періодѣ очищеній становилась *табу*, такъ какъ въ этомъ періодѣ всякое прикосновеніе къ ней должно было считаться опаснымъ: она выдѣляла часть себя, часть той жизненной силы, которая была разлита въ ней; а эта жизненная сила, по представлѣніямъ тотемизма, одна и та же у людей и у ихъ тотема. Какое-нибудь, хотя бы невольное, оскорблѣніе тотема грознѣ вредными послѣдствіями оскорбителю, и лица, принадлежащія къ данному тотемическому союзу, изъ страха передъ возможной обидой тотема, выдѣляемаго женщиной, должны были избѣгать послѣднихъ; естественное слѣдствіе примитивныхъ вѣрованій—это избѣганіе женщинъ—впослѣдствіи обратилось въ общее установленіе, запрещающее браки между лицами одного тотемического рода. Запрещеніе это не могло возникнуть въ отношеніи къ женщинамъ другихъ родовъ, такъ какъ тотемъ другого, чуждаго рода не возбуждаетъ

ни страха, ни уваженія среди чужеродцевъ. Таково въ основномъ мнѣніе г. Дюрхейна о происхожденіи экзогаміи; это положеніе авторъ доказываетъ большімъ количествомъ пріимѣровъ, подобранныхъ имъ, впрочемъ не всегда съ достаточнымъ критическимъ отношеніемъ, изъ быта разнообразныхъ некультурныхъ народовъ. Мы не думаемъ, чтобы авторъ рѣшилъ правильно поставленный имъ вопросъ объ источникахъ экзогаміи; рѣшеніе его, очевидно, предстоитъ будущимъ изслѣдователямъ, но путь, избранный авторомъ къ отысканію источника экзогаміи, кажется намъ правильнымъ. Экзогамія поконится у первобытныхъ народовъ на религіозной основѣ и въ первобытной религіи, повидимому, слѣдуетъ естественнѣе всего искать ключъ къ объясненію этого института.

Болѣе $\frac{4}{5}$ частей первого выпуска новаго изданія заняты библіографіей. Зная значеніе выводовъ науки этнографіи для соціологическихъ построений, нельзя удивляться, что въ библіографическомъ отдѣлѣ отведено чрезвычайно обширное мѣсто трудамъ, разрабатывающимъ вопросы этнографіи, и въ особенности работамъ по первобытнымъ вѣрованіямъ и первобытному праву. Относительно всѣхъ болѣе крупныхъ работъ читатель встрѣтить въ *Année sociologique* чрезвычайно обстоятельные отчеты, дающіе полную возможность познакомиться съ точкой зрѣнія и основными положеніями авторовъ; въ этомъ заключается главная цѣль которую преслѣдовала редакція новаго изданія, но одновременно въ этихъ отчетахъ, позволяющихъ не специалисту составить себѣ понятіе о движеніи науки по интересующимъ соціолога вопросамъ, читатель встрѣтить и критическую оцѣнку разбираемыхъ трудовъ. Цѣль редакціи прійти на помощь соціологамъ и облегчить имъ возможность слѣдить за литературуй, но, несомнѣнно, что *l'Année sociologique* явится и необходимый подспорьемъ представителямъ другихъ отраслей знанія и въ частности этнографамъ, даже если послѣдніе были бы совершенно чужды вопросовъ соціологии.

H. X.

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

Архангельская Епарх. Вѣд. 1898. 4—6, 9. Свящ. Михайловъ. „Поѣзда на Югорской шарѣ. (Изъ дневника священника)“ —Статья рисуетъ, хотя и поверхностно, религиозное состояніе самойдовъ-христіанъ; есть свѣдѣнія и по семейному ихъ быту.—7. Ею же. О расколѣ на Печорѣ.

Вятская Губ. Вѣд. 1898. 3—5, 7. Верещагинъ. „Святочные гаданія у крестьянъ Вятской губ.—8 П. С-левъ. „Изъ жизни черемисъ“ (повѣрья).—9—10. „Вятские праздники“ („Окаяшка“, „Герберъ“, „Почи-Герберъ“ и „Выльдужукъ“).—11—13. Дураковъ. „Слободской уѣздъ въ кустарномъ отношеніи“.—22—23. Кабардинъ. Изъ исторіи сближенія ватаковъ съ русскими (Извлеченіе изъ труда того же автора „Вотяки и Мултанское лѣло“, печатавшагося въ газетѣ „Народъ“ съ конца 1897 года).—24—25. Ею же. „Переходъ ватаковъ въ православіе. (Извлеченіе изъ того же труда).—26—27. Свящ. Алекс. З-евъ. „Вотяки“.

Витебская Губ. Вѣд. 1898.—5. Нелюдимы на о. Цейлонѣ. (Изслѣд. Гейгера).—7. Японскій обычай при сватовствѣ.—9—10. А. П-ко. Замойянскій кирмашъ, бѣлорусскій эскизъ. (Приведены стихи о Лазарѣ).—11—12. Н. Я. Н. На почвѣ простоты вѣры; бытовая картина.—14. Розан. изв. Кальмыкъ.—(Изъ „Екатерин. Вѣд.“).—16. Вѣяніе русскихъ на латышей въ дольменную эпоху. (Изслѣдованіе Кейслера въ трудахъ „Lettische Literarische Gesellschaft“, изъ „Спб. Вѣд.“).—34. Два слова о кулачныхъ бояхъ.—36. Погребальные обряды цыганъ (замѣтка о извѣмѣцкихъ цыганахъ).—42. Праздникъ весны въ Китаѣ. —44. Пасхальная яйца. (Изъ „Прав. Вѣст.“).—Знахарство и содовство въ Малороссіи. (Изъ „Полт. Губ. Вѣд.“).—56. Врачи цадики (еврейскіе знахари).—66. Библіографія: Гельльвальдъ, Исторія культуры, т. I. 1898.—71. Могилевъ. Находка монетъ въ Черейской волости Сыненского у. —Священные купальни въ Иадінѣ.—76. Н. В. Цыгане (небольшой очеркъ).—76—78. А. П-ко. Дѣды, этнограф. очеркъ изъ жизни Лепельскихъ бѣлоруссовъ. (Описаніе извѣстнаго правѣника „Дзядовъ“).—80. Париж. катакомбы.—83. Библіографія: „Этн. Обозръ“ кн. XXXV.—88. Н. Я. Н. Библіограф.: Ляцкій, Материалы для изученія творч. и быта бѣлорусс., I.

Костромской Губ. Вѣд. 1898. 20—31. Бекаревичъ. О раскопкахъ древнихъ кургановъ въ Костромской губ. (нѣкоторыя данные по Мерянской культурѣ; прод. слѣд.).

Листопад (духовный журналь въ Угварѣ). 1897.—10. Къ вопросу о вакханіи письменномъ языке.—16. Проданная жена.—19. Археологич. открытие въ Палестинѣ (карта Палестины и Н. Египта, изъ „Revue Biblique“).—22. М. П-ий. Король Матіашъ, хорватское преданіе. (Стихотворение).—Прибавл. (Додатокъ).—12. Духовные сокровища народной мудрости. Отношеніе къ людямъ. (Русскія пословицы).—24. Русскія колядки (изъ Марамороша).

Московские Ведомости. 1898. — 64. Жемчуг. (Изъ „Münchener Allgemeine Zeitung“). — 81. Возстановление термъ Тита. Кулачные бои. Сибирские шаманы. — 97. Знакарство и колдовство въ Мадороссія (въ „Полт. Губ. Вѣд.“) — 99. Библиограф.: Словарь русского языка, II т., вып. 1. Новый некрополь (на мѣс. Карагена; изъ „Science pour tous“) — 100. Гаѣзло мумій (изъ Times). — 105. Древ. счетъ портного (2,800 г. въ г. Нишурѣ, въ Халдѣвѣ). — 106. Свящ. купальни въ Индіи. — 114. Отрав стрѣлы (у дик. нар.) — 129. Раскопки на о. Милонѣ („Standart“). — 242. Жертвоприношение въ Китаѣ. — 212. Замѣтка о пѣсенной экспедиціи И. Р. Географической Общества. — 243. Человѣческія жертвоприношения у вогаевъ. („Народъ“, № 509). — Раскопки чудскихъ костищъ. (— Пермскія Губ. Вѣд.“) — Испанское суевѣріе (будто бы драгоцен. камни приносятъ несчастія). — 248. В. Ильинъ. Археологич. находка (могила XII — XIII вв.). — 250. Я изъ. Откуда получила начало легенда о Тангейзѣрѣ. (По наслѣдованіямъ Г. Пари въ „Revue de Paris“, дек. 1897 и март. 1898).

Прибалтийский Листокъ. 1897. 267. Ч. Вѣтринскій. Въ сѣверо-восточной глуши. (Впечатлѣнія и замѣтки). За рабчикомъ. 1898. — 28. Киевскій у. (суевѣріе воровъ относ. мертвых руки). — 35. Р-къ. Эсто-латышская масленица. — 42. Пермская губ. Ужасное суевѣріе (средство укротить мужа — напоить водой съ трупа). — 51. Дневникъ печати — о суевѣріяхъ крестьянъ Ревельского у. (изъ „Eesti Post.“) — 95. Тюменскій округъ. Нечистая сила. 114. По Россіи. Кіевъ. Археологич. находки: серебряные украшения княжеской эпохи. — 121. Дубно. Обрядъ сниманія башмака съ ноги деверья — „халица“, у евреевъ (изъ „К. Сл.“). — 135. Ч. Ільмуринскій Въ с.-в. глуши. У ключика (впечатлѣнія и замѣтки; приведены 2 луки-стихіи) — 136. П. С. Ивановъ дѣнь у латышей. — 138 — 139. Девьи Ивана. Купалы въ народной жизни и повѣрьяхъ (Изъ „В. Дн.“). — 140. Петровъ день въ народныхъ сказаніяхъ, повѣрьяхъ, обычаяхъ и примѣтахъ. (Изъ „Пр. В.“) — 158. Илья-пророкъ — въ народѣ (оттуда же). — 169. Первый Спасъ въ народныхъ повѣрьяхъ и обычаяхъ. (Изъ „Пр. В.“).

Тульскій Губ. Вѣд. 1897. — 63. Судебная хроника. Разрытие и поруганіе могилы. (Однѣй солдатъ, чтобы разбогатѣть, досталъ руку мертваго). Изъ „С. Д.“ перепеч. въ „Прибалт. Листкѣ“, № 88, Лоды). — 236. Немировъ. Историческая находка. (Польскія монеты 16 и 17 вв.). — 239. Громовые стрѣлки, изъ статьи Ю. Яворского въ „Кіевской Старинѣ“, (П. В.) — 243. — 244. Свадебные обычай крещеныхъ татаръ Уфимской губ. (Заемств. изъ „Извѣстій общ. Арх.“, Ист. и Этн.“ при Казанск. универс.). — 118. Вліяніе цивилизации на типъ данной расы. (Изъ „L'Illustration“). — 131. Королевство Сіамъ. (Историко-этнографический очеркъ). (Изъ „Народа“) — 134. Сіамъ и его король. — 145 — 148. Свящ. В. Ивановскій. Къ исторіи древнихъ обитателей Тульской губ. и ихъ удѣльныхъ князей. — 153 — 156. А. И. Фирсова. По Окѣ (путевые замѣтки). — 165 — 167. Ф. М. Изъ прошлаго г. Тулы (по книгѣ: „Материалы къ статистикѣ Россійской имперіи“ 1841). — 165 — 166. П. Лоевъ. Поездка на курганы (археологич. раскопки Т. Т. и Н. М. Б-чей).

167. Причины людоѣдства. („Journal des Debats“) — 177. Кто изобрѣлъ дождевой вонтикъ? — 193. Всероссійскій миссионерскій съездъ въ г. Казани. О хлыстовской сектѣ. — 201. Историч. ходъ раз-витія, учного огнестрѣльного оружія (изъ лекціи Крымова). Психология людоѣдства. 203. С. В. Памятн. В. И. Даля. 222. Сіамская кухня (изъ „Figaro“). — 235. Замѣчательные рецепты (рукопись до 1815 г., изъ „Дона“). — 253. Рождественской гусь въ Англіи. — 259. Изъ печати (о кулачныхъ бояхъ). 261. Невольничій рынокъ на Мароккскомъ берегу.

1898. — 12. Открытие могилы Озириса. (Въ „Моск. Вѣд.“ это сообщено кратко въ № 75.) — 53. Изъ прошлаго. Пѣтушиные бои (изъ „Рус. Листка“) — 43. — 44. В. Х. Развалины города Пальмиры — 27. Изъ печати. Сдѣлка относительно продажи жены. — Внутр. изв. Суевѣріе воронъ

о мертвой человѣческой руки).—36. *Иксоевъ*. Карнаваль.—93. Людоѣдство въ Конгскомъ штатѣ.—107. Японскій обычай при сватовствѣ.—109. Киевъ (находка украшений княжеской эпохи).—114. *Крутовскій*. О людоѣдствѣ въ Тазовскомъ краѣ (изъ *Сибирской Жизни*).—121. *Н. Троицкій*. Городище при с. Порѣч'ѣ Одоев. у. Тул. губ.

Тверскій Губ. Вѣд. 1898.—40. Объ открытии 28 февраля Тверскаго О-ва любителей археологии, исторіи и естествознанія.

Черниговскій Губ. Вѣд. 1898.—1363. Смѣсь. Двойное погребеніе испанскихъ королей. (Изъ *Гражд.*).—1365. Старинныя названія русскихъ городовъ и уроціщъ въ связи съ нашей исторіей и этнографіей. (,Русск. Изв.“).—1372. *А. Ковалевскій*. Страница изъ исторіи запорожскаго казачества (дѣло 1759 г.)—1381. Открытие въ Египтѣ гробницы Озирпса (,Правит. Вѣст.“)—1393 Археологическій институтъ въ С.-Петербургѣ (1878—1898). (,Прав. Вѣст.“).—1396. Оболяніе (у культурныхъ народовъ и дикарей, изъ *Прав. Вѣст.“*)—1403. Жемчугъ.—Находка въ области христіанской археологии (изображеніе Голгофы, изъ *Нов. Врем.“*)—1404. Библіогр. изв.: Энгельгардтъ. Русскій Съверъ. (,Правит. Вѣст.“)—1405. Рисунокъ распятія въ бывшемъ дворцѣ Тиверія (изъ *Правит. Вѣст.“*, по статьѣ *Оракулъ Марукки*).—1406. Библіогр. изв.: Теннеръ. Фрітіофъ, скандинавскій витязь, перев. Я. Грома.—1412.—1415. *П. И. Иловайскій*. Черниговская старина по преданіямъ и легендамъ.—1423. Библіограф. изв.: В. И. Модестовъ. О происхожденіи сикуловъ (изъ *Нов. Врем.“*)—1505. Казаки въ Китаѣ (закапываніе заживо въ землю, по сообщенію Питона).—1511. Раскопки въ Коринѣ.

Ярославскія Епарх. Вѣд. 1898.—17. Праздники древонасажденія. Обычай въ день Благовѣщенія выпускать птицъ на свободу. Обычай евреевъ въ Пасху.—18. Праздникъ Кущей. Церемоніи, отправляемыя евреями при воволуніи.

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Асемару́сь, В. И. Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи, съ портретомъ пѣвца былинъ Рябинина, работы Л. А. Сѣрякова, и рисун. А. В. Прохорова и Н. Н. Каразина. Изд. 5-е А. Д. Ступина. Москва, 1898. 8°.

Александровъ, А. Черногорка въ жизни частной и общественной. Странничка изъ бытовой исторіи Черногорья. Оттискъ изъ журнала „Дѣятель“. Издание Казанского Общества трезвости. Казань 1897. 8.

Ашмаринъ, И. И. Материалы для изслѣдованія чувашского языка. Ч. I. Ученіе о звукахъ. Ч. II. Ученіе о формахъ. Казань. 1898, 8°, 392 стр. (Оттискъ изъ „Учен. Запис. И. Казан. унив.“).

Бигдай, А. Пѣсни Кубанскихъ казаковъ для одного голоса и хора съ аккомп. ф.-п. Материалы къ изученію кубанского казачьаго войска. Изд. Кубан. стат. комитета къ 200-лѣтн. юбилею войска. Вып. 1—8. 1897. 8°.

Буслаевъ, Ф. И. Мои воспоминанія. Съ портретомъ автора. Изд. В. Г. фонъ-Бооля. Москва. 1897. 8°.

Варнаковскій, И. А. Рыболовство въ бассейнѣ рѣки Оби. I. Орудія рыболовства и продукты рыбнаго промысла. Первый отчетъ Министерству Земледѣлія и Государственнымъ Имуществомъ по командировкамъ въ 1895—1896 г. для изслѣдованія западно-сибирского рыболовства. СПБ. 1898. 8°.

Воскресенскій, С. Нашъ городъ Симбирскъ на Волгѣ. Самара. 1897.

Гельвальдъ Фр. Фонъ. („Полезная Библіотека“). Земля и ея народы. Переводъ съ послѣдняго 4-го нѣмецкаго изд. Вып. I, II. изд. Н. П. Сойкина. Безплатное прилож. къ журн. „Природа и люди“. СПБ. 1897. 8°.

Гѣрнесъ, М. Исторія первобытнаго человѣчества. Переводъ съ нѣм., съ предисл. и примѣчаніями Н. Березина. Съ 45 рис. 2-е изд. ред. журн. „Образованіе“. СПБ. 1898. 8°.

Грушевскій. Колдуны и вѣдьмы. Очерки народныхъ сувѣрій. Москва. 1898. 16°, 71 стр.

Кампфмейеръ, И. Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры. Перев. съ нѣм. А. М. Гердъ, подъ ред. П. Струве. Изд. ред. журн. „Образованіе“. СПБ. 1898. 8°.

Каменскій, М. Ф. Историческая свѣдѣнія о богослужебномъ пѣніи въ ветхозавѣтной, новозавѣтной—вселенской и въ частности русской церквиахъ, съ добавленіемъ... организаціи пѣвческаго хора. Нижній-Новгородъ. 1897. 8°.

Катановъ, Н. Къ вопросу о сходствѣ восточно-туркскихъ сказокъ со славянскими, по сказкамъ, записаннымъ Н. Ф. Катановымъ и И. П. Рогановичемъ. Казань. 1897. 8.

Катановъ, Н. Ф. Отчетъ о поѣздкѣ, совершенной съ 15 мая по 1 сент. 1896 г. въ Минусинскій округъ Енисейской губ. (Оттискъ изъ „Уч. Запис. И. Казан. унив.“ за 1897 г.). Казань. 1897.

Книги Писцовыхъ Рязанского края. Подъ редакціей члена Комиссіи В. Н. Сторожева. I. Изд. Ряз. Учен. Архивн. Ком. Рязань. 1898.

Коростовецъ, И. Китайцы и ихъ цивилизаци. Съ прил. карты Китая, Японіи и Кореи. Изд. 2-е кн. склада Н. Аскарханова. СПБ. 1898. 8°.

Красновъ, А. Н. Изъ колыбели цивилизациі. Письма изъ кругосвѣтнаго путешествія. СПБ. 1898. 8°.

Кузнецова, И. А. Прошлое Ростова. Очерки по истории города Ростова на Дону. Изд. Высоч. утв. Донского акціон. общ. печатнаго и издательскаго дѣла въ Ростовѣ на Дону. Ростовъ и. д. 1897.

Майоровъ, П., свящ. О вредѣ деревенскихъ посидѣлокъ. Москва. 1898.

Никола, И. А. Къ изученію кашубскихъ говоровъ. I. Нѣсколько замѣтокъ по кашубскимъ говорамъ въ сѣверо-восточной Помераніи. (Оттискъ изъ „Извѣстій отдѣленія русс. яз. и словесности И. Акад. Наукъ“. Т. II 1897 г., кн. 2-й стр. 400—428). СПБ. 1897. 8°.

Милюковъ, П. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. Населеніе, экономической, государственный и сословный строй. Ч. II. Церковь и школа (вѣра, творчество, образованіе). 2-е изд. ред. журн. „Миръ Божій“. СПБ. 1896—97. 8°.

Назаровъ, Е. Историко-статистич. очеркъ Талецкаго островка, нынѣ сельца Тальца (Елецк. у. Орл. г.). М. 1898. 16°.

Овсній, И. Сербія и сербы. (Геогр. обзоръ. Историч. очеркъ. Статистика и этнографія. Литература. Военія. силы. Прил.: сербы въ Турціи, сербы въ Австріи, Боснія и Герцеговина, Черногорія). Съ картою СПБ. 1898. 8°.

Островскій, Д. Н. Путеводитель по сѣверу Россіи. Изд. Товарищ. Архангельско-Мурманскаго пароходства. СПБ. 1898. 8°.

Путеводитель по Дашковскому этнографическому музею. Новое дополненное изданіе Моск. Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ. Москва. 1898.

Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ. Издание О. Н. Поповой. СПБ. 1898. 8°.

1) Страна восходящаго солнца. Разсказы о японцахъ. Д. И. Шрейдеръ.

2) Якутскіе разсказы. В. Сирошевская (Сиркѣ).

Реклю, Элизѣ. Земля и люди. Сеобщая географія. 19 томовъ въ 10 книгахъ. Удешевл. иллюстр. изданіе Т-ва Общественная польза. СПБ. 1897—98.

Ремезовъ М. Н. Въ Закавказіѣ. Отрывки изъ воспоминаній. Тифлісъ 1897.

Руцкій, Петръ. Къ оазамъ Сахары и по Италии. Путевые впечатлѣнія. Съ 32 видами Африки. Рига. 1898. 8°.

Сборникъ статей учениковъ проф. барона Викт. Ром. Розена ко дню 25-лѣтія его первой лекціи 13 ноября 1872—1897. СПБ. 1897. 8° 363 стр. (Можно отметить статьи: В. Бартольда, Хафизи-Абру и его сочиненія,—къ топографіи Средней Азіи; Н. Катанова, Примѣты и повѣрья тюрковъ Китайскаго Туркестана, касающіяся явленій природы; Н. Марра, Хитонъ Господень въ книжныхъ легендахъ армянъ, грузинъ, сирійцевъ, и др.).

Словарь Киркизско-русскій. Оренбургъ 1897. 8°.

Сперанскій, С. В. Къ истории нищенства въ Россіи. (Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Благотворительности“). СПБ. 1897.

Филевскій, П. П. Исторія города Таганрога. Составлено въ память 200-лѣтнаго юбилея города 1698—1898. Изд. на средства города. Москва. 1898. 8°.

Червкова, А. А (женщина-врачъ). Очерки современной Японіи. Съ 12-ю гравюрами. СПБ. 1898. 8°.

Шевченко Красногорскій, И. Отъ Кясвія до Аму Дарьи. Очеркъ съ 14 рис. въ текстѣ (Извлеч. изъ газеты „Мировые Отголоски“, 1897 г. №№ 52, 58, 65, 79, 100, 127 и 146). СПБ. 1897.

Щекинъ, В. П. Іѣсни разныхъ народовъ: албавцевъ, арабовъ, армянъ, грековъ, грузинъ, евреевъ, зырянъ, индійцевъ, испанцевъ, итальянцевъ, литовцевъ, персовъ, поляковъ, португальцевъ, сербовъ, татаръ, турокъ, французовъ, цыганъ, черкесовъ, черногорцевъ, чеховъ, шведовъ и другихъ. Москва. 1898. 8°.

Зелина, А. Социальная жизнь животных. Опыт сравнительной психологии, съ прибавлениемъ краткой истории социологии. Переводъ съ франц. Ф. Павленковъ. 2-е пересмотренное изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 1898 8°.

Bełza Stan. W Kraju tysiąca jezior. Z podrózy i przehadzek po Finlandy. Wydanie 2. Warszawa—Kraków—Petersburg. 1897. 8°.

Bełza Stan. W stolicy padyszacha. Wrażenia z podrózy do Konstantynopola. Warszawa, 1898.

Bibliotheca Buddhica. Çikshasamuccaya. A compendium of buddhistic teaching compiled by Çantideva Chiefly from earlier Mahayana-sutras. Edited by C Bendall, professor of sanscrit, university, college, London. St. Petersburg 1897. 8°.

Commentationes philologicae. Сборникъ статей въ честь Ив. Вас. Помяловскаго, проф. СПБ-скаго университета, къ 30-лѣтию годовщины его ученои и педагогической дѣятельности отъ учениковъ и слушателей. СПБ. 1897. 8° 224 стр.; съ портретомъ юбиляра. (Слѣдуетъ отмѣтить статьи: X. M. Лопарева. Животный советъ во всеобщей литературѣ; Θ. Д. Батомскаго. Происхожденіе Гомеровскаго вопроса во франц. литературѣ XVII в.; Θ. А. Брауна, о 'Үлгія и 'Аудләөс бәрәмәс (о границахъ Польши по Геродоту и др.); Ив. Жданова, Греческія стихотворенія въ славянскихъ переводахъ: „Стихи о 12 мѣсяцахъ“ и „Аврамовица“; Р. X. Лепера, Богъ Панъ, и др.).

Die clerot. Książka zbiorowa wydana staraniem Lubelskiego Towarzystwa dobroczynności r. 1897. Warszawa 1897. 8°. (Заслуживаютъ вниманія статьи: Gust. Dolinski, Zle, Próbka gwarы ludowej w Lubelskiem; Z. A. K. Ziemia i ksiązyc w pojęciach ludu; Władysław Olechnowicz, Część światła w dziejach przedhistorycznych Lubelskiego; K. S. Z życia brodiagów; K. S. Z dalekiego wschodu).

Krzywicki, Ludwik. Kurs systematyczny antropologii I. Rasy fizyczne. Warszawa. 1897. 8°.

Majewski, Erazm. Drobne prace i notatki z dziedziny archeologii przedhistorycznej i etnografii Warszawa 1897 r. 8°.

Merz, John Theodore. A history of European thought in the nineteenth century Vol. I. Introduction. Scientific thought, part I. Edinburgh and London. 1896. 8°

Verdun, Paul. Le diable dans la vie-des Saints T. I. Du X au XIV siécle. T. II. Du XV au XVIII. Paris-Lyon 1897. 2 voll.

Wissendorff H. Materien zur Etnographie des lettischen Volksstammes des Witebskischen gouvernements. Eine kritische Beleuchtung. Mitau. 1897.

Вопросы и ответы.

Собирание пословиц, загадок, поговорок и пр.

Действительный Членъ Императорского Русского Географического Общества по Отдѣлению Этнографіи Пав. Конст. Симони обратился къ намъ съ просьбою напечатать въ нашемъ изданіи его обращеніе къ читателямъ съ приглашеніемъ сообщать материалы для подготовляемаго имъ къ нечтнѣи обширнаго труда, посвященнаго систематическому собранію (своду) русскихъ (велико-, быво-, мало-русскихъ) пословицъ, поговорокъ, присловій, скороговорокъ, прибаутокъ, присказокъ побасенокъ, пустобаекъ, народныхъ анекдотовъ, загадокъ, остротъ, прозвищъ и проч. съ объясненіями, вариантами и параллелями—какъ книжныхъ, такъ въ особенності простонародныхъ. Предлагаемая имъ программа, въ главной своей части, гласитъ слѣдующее:

1. Предлагается записывать изъ устъ встрѣчающіяся въ рѣчи, особенно простолюдиневъ, употребительныя въ быту купеческому и мѣщанскому, въ средѣ сельскаго и городскаго духовенства и т. д.:

а) пословицы, поговорки, присловья (чаще шуточнаго или насмѣшилнаго содерянія о городахъ и другихъ селищахъ, ихъ жителяхъ, сословіяхъ, инонѣдрахъ, иниордцахъ, выдающихся мѣстныхъ лицахъ и проч.), мірскія приити и вообще пословицныя изрѣчнія, не исключая и ходячихъ, часто даже и принявшихъ складъ и мѣрность, текстовъ Священаго писанія и изъ духовныхъ книгъ вообще (напримѣръ, изъ Пролога, Паремейника, Житій и т. д.) и проч.

б) чистоговорки (частоговорки), скороговорки, прісказки, прибаутки, прибаутки, пустобаеки, приговорки, пустоговорки, прибасенки, побасенки, байки, —также: прибаутки ремесленниковъ (окрики, крики), выкрикиванія, напр. ямщиковъ, сбитецниковъ, гречневиковъ, пирожниковъ и проч., бурлаковъ и друг., также вазыванія торговцевъ, бавыщиковъ, балаганщиковъ и проч.

в) острые и замыловатые отвѣты, остроты, шутки, насмѣшки и т. д.

г) выраженія божбы, пожеланія, привѣты, проклятія, ругань, браннныя (или крѣпкія) слова и выражевія¹⁾.

д) мѣткія (красныя) словца, небылицы („небылныя слова“), иносказанія, сравненія, обвязки, прозвища, уличныя, артельныя, ватажныя и другія клички и прозванія, величанія и похвалы и проч. ^{1)..}

е) пожеланія застольныя, заздравныя, здравицы, причитанія (причеты) пьяницъ и т. п.,—помивальныя, заупокойныя и т. д.

ж) загадки съ отгадками, задачи, шарады, акrostихи и другія загады и шутки подобнаго же рода.

з) заговоры, заклятія, заклинанія, вѣшепты, напшептыванія и т. д.

и) сиотолкованія и примѣты.

к) землемѣрческія и пастушескія примѣты и гаданія. Названія народныхъ мѣсяцевъ съ относящимися сюда поговорками, примѣтами и проч. Праздники и народный чѣснапесловъ (головщина) вообще.

2. Записывать просять съ точнѣмъ сохраненіемъ смысловъ и непременно надъ каждымъ словомъ отмѣнить удареніе, съ обозначеніемъ отъ кого и где записаны или услышаны были пословица или выраженіе и проч., съ объясненіемъ смысла и значенія отдельныхъ выражений, а также происходженія или даже зарожденія каждой пословицы.

1) Просить вообще не стѣсняться сообщеніемъ фразъ и словъ, хотя бы и несовѣстимыхъ съ общепринятыми у образованнѣхъ классахъ понятіями о приличіи и неприличіи, такъ какъ у народа на это счѣтъ свои понятія.

3. Помимо личныхъ записей могутъ быть высылаемы и старыя рукописныя тетрадки съ пословицами, загадками и т. п., если таковыя найдутся; они могутъ быть куплены, — иначе же, въ полной сохранности и въ скромъ времеви будуть возвращены.

4. Особено интересны всѣ свѣдѣнія, касающіяся употребленія и распространенія вышеуказанныхъ видовъ народнаго творчества, напр.: какое сословіе, какой полъ и возрастъ лицъ чаще пользуются пословицами, загадками и проч.? нѣтъ ли особыхъ любителей и специалистовъ этого дѣла, или не сохранилась ли память о прежніхъ сказочникахъ, баляряхъ, скоморохахъ, потѣшникахъ? въ какое время года, при какой обстановкѣ чаще всего говорятся загадки, пословицы, совершаются гаданія и пр.? нѣтъ ли особыхъ игръ, связанныхъ съ этимъ?

5. Просить не стѣсняться количествомъ и качествомъ присылаемаго материала, не заботиться о литературной обработкѣ, только писать разборчивѣ.

Отвѣты на предлагаемые вопросы можно направлять черезъ редакцію "Этнографическаго Обозрѣнія" или адресовать въ С.-Петербургъ Павлу Константиновичу Симони, Вас. Остр., 7 линія, д. 2, кв. 16, въ Императорскую Академію Наукъ (по II-му Отдѣленію).

ІЗВІСТІЯ И ЗАМІТКИ.

Объ Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. истекшимъ лѣтомъ отправлялись въ командировку съ научною цѣлью слѣдущіе члены Отдѣла.

Г. И. Кулаковскій — въ Архангельскую, Олонецкую и Московскую губ.

А. В. Марковъ — въ Олонецкую и Архангельскую губ.

Н. М. Мендельсон — въ Рязанскую губ.

А. С. Хахановъ — въ Тифлисскую и Кутаисскую губ.

Б. М. Халатовъ — въ Эриванскую губ. и Карсскую обл.

А. А. Семеновъ — въ Самаркандскую, Ферганскую и Бухарскую обл.

С. И. Киселевъ — въ Иркутскую губ.

Кромѣ того, интересные материалы собраны въ теченіе лѣта и доставлены въ Отдѣлъ постороннимъ лицамъ, въ именіи: И. Я. Антуфьевымъ и О. И. Чистяковымъ изъ Томской и Енисейской губ., А. М. Германомъ и С. П. Олферовскимъ — изъ Симбирской и Пензенской губ., Т. А. Лебединскимъ — изъ Уфимской губ., Н. Д. Маслюковымъ — изъ Томской губ., Л. Ф. Маслюковичемъ — изъ Енисейской губ., Б. В. Миллеромъ — изъ Терской и Кубанской обл. и С. С. Саббатавымъ — изъ Акмолинской и Тургайской обл.

Въ Петербургѣ каяземъ В. Н. Тенишевъ основано этнографическое бюро, имѣющее цѣлью собираніе всевозможнаго этнографическаго материала, преимущественно въ районѣ центральныхъ губерній Россіи. Имъ же издана программа изслѣдованій, въ основаніе которой положена программа Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. При разсыпкѣ программы кн. Тенишевъ обращается къ своимъ сотрудникамъ съ слѣдующимъ возваніемъ:

„М. Г.! Задавшись цѣлью освѣтить наиболѣе полно и всесторонне еще темную во всѣхъ отношеніяхъ область жизни и быта великорусскаго населения и тѣмъ восполнить пробѣлы, существующіе по саму предмету въ нашей этнографической литературѣ, я издалъ программу для собирания этнографическихъ свѣдѣній о крестьянахъ центральныхъ губерній Россіи. Серьезность намѣченной задачи не оставляетъ сомнѣнія, что выполненіе ея можетъ зависѣть только отъ благосклоннаго вниманія лицъ,

поставленныхъ во главѣ мѣстнаго управлѣнія и призванныхъ руководить народною жизнью, и отъ удачнаго подбора сотрудниковъ, могущихъ принять на себя обязанности по сообщенію этнографическихъ свѣдѣній.

Рассчитывая на благосклонное вниманіе съ Вашей стороны, я считаю надежду, что Вы, Милостивый Государь, въ интересахъ этого дѣла, значеніе которого понятно каждому, интересующемуся знаніемъ своей родины, не откажете въ Вашемъ содѣствіи по приглашенію способныхъ и знающихъ сотрудниковъ изъ мѣстныхъ лицъ, болѣе или менѣе Вамъ извѣстныхъ и близко стоящихъ къ населенію" и пр.

Условія сотрудничества въ Бюро изложены въ особомъ циркулярѣ, который высылается желающимъ вмѣстѣ съ программою. (Адр.: СПБ. Галерная. № 13).

"Ізвѣстія книж. магаз. Т-ва М. О. Вольфъ" (1898, № 5, 1 февр.) сообщаютъ, что кн. Тенишевъ къ предстоящей въ 1900 г. всемирной выставкѣ въ Парижѣ готовить роскошное изданіе по этнографіи Россіи; расходъ по изданію будто бы достигнетъ полумилліона рублей.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„Эминскаго Этнографическаго Сборника“.

Комиссія изданій Высочайше утвержденіаго этнографическаго фонда имени тайн. сов. Н. О. Эмина при Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ, въ Москвѣ, доводить до свѣдѣнія специалистовъ и вообще интересующихся этимъ вопросомъ лицъ, что съ текущаго года она приступаетъ къ изданію сборниковъ по армянской этнографіи подъ общимъ заглавіемъ „Эминскаго Этнографическаго Сборника“.

Согласно § 3 Высочайше утв. Положенія объ Эминскомъ этнографическомъ фонду, статьи и отдѣльные сочиненія, входящія въ составъ „Сборника“, должны имѣть научное значеніе и относиться къ армянской этнографіи въ широкомъ значеніи этого слова, слѣдовательно и къ вѣрованіямъ, древностямъ и исторіи Армевіи, разно какъ и къ армянскому языку, устной и письменной литературѣ, искусствамъ. Печатаемыя на средства фонда труды должны быть написаны преимущественно на армянскомъ языкѣ, но могутъ быть издаваемы и сочиненія на русскомъ языкѣ, представляющія особенный научный интересъ.

Помимо статей и изслѣдованій, въ „Сборникѣ“ имѣется въ виду библиографіческій отдѣлъ, на который комиссіей будетъ обращено особенное вниманіе. Въ качествѣ пособія или руководства для занимающихся армянской этнографіей будутъ помѣщаться въ „Сборникѣ“ также статьи и изслѣдованія изъ всеобщей этнографической литературы въ армянскомъ переводе.

При slанные въ редакцію труды въ видѣ матеріаловъ, статей, изслѣдованій по армянской этнографіи печатаются въ „Сборникѣ“ за подписько ихъ авторовъ. Въ видѣ вознагражденія авторамъ предлагаются оттиски ихъ трудовъ въ 25—50 экз. или одинъ выпускъ „Сборника“ по ихъ выбору. За статьи болѣе 4 печатн. листовъ редакція предлагаетъ отъ 50 до 150 оттисковъ въ видѣ отдѣльной книги, съ предоставлениемъ автору права продажи въ свою пользу. Заамѣнъ оттисковъ авторы могутъ получать книги изъ изданій Эминскаго фонда и сочиненія самого Эмина по соглашенію съ редакціею.

„Эминскій Этнографический Сборникъ“ будетъ выходить отдѣльными томами, по возможности разъ въ годъ и чаще, подъ редакціей профессора Лазаревскаго Института Григор. Абр. Халатяна.

Адресъ: Москва, Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ, въ редакцію „Эминскаго Этнографическаго Сборника.“